

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы
Российский исламский университет
Центрального духовного управления мусульман России**

**ТРУДЫ
ПО КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И СВЕТСКОЙ
ЭТИКЕ**

ХРЕСТОМАТИЯ

Учебное пособие

Уфа 2012

УДК
ББК

Труды по конфессиональной и светской этике: Хрестоматия / составитель В.Л. Бенин. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. -332 с.

Хрестоматия содержит показательные фрагменты основных текстов из истории этической мысли. Она подготовлена в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и предназначена в помощь студентам всех факультетов Российского исламского университета.

Составитель: В.Л.Бенин, канд.филос.н., докт. педагогических наук, профессор

Рецензент: д.п.н, профессор Аминев Тахир Мажитович
к.ф.н., доцент Фаизов Гали Биктимирович

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
I. Этические идеи Востока.....	7
Эпос о Гильгамеше.....	7
Этика иудаизм.....	7
Упанишады.....	13
Бхагавад-Гита.....	14
Сиддхартха Гаутама Шакьямуни Будда.....	18
Лао-цзы.....	19
Конфуций.....	20
Даосские притчи.....	28
Этические нормы ислама.....	31
Гусейнов А.А. Классическая арабо-мусульманская мысль.....	37
Авиценна.....	65
Свами Вивеканада.....	66
Махатма Ганди.....	76
Мартин Бубур.....	77
II. Этические учения Западной Европы.....	83
Гераклит.....	83
Сократ.....	83
Антисфен.....	91
Платон.....	94
Диоген Синопский.....	97
Аристотель.....	98
Эпикур.....	112
Тит Лукреций Кар.....	113
Сенека Луций Аней.....	121
Марк Аврелий Антонин.....	126
Иисус Христос.....	128
Блаженный Августин.....	131
Фома Аквинский.....	133
Николай Кузанский.....	136
Пико делла Мирандола.....	137
Никколо Макиавелли.....	142
Эразм Роттердамский.....	147
Франсуа Ларошфуко.....	154
Бенедикт Спиноза.....	157
Шарль Монтескье.....	159

Жан-Жак	Рус-
со.....	161
Иммануил Кант.....	164
Георг Вильгельм Фридрих Гегель.....	170
Артур Шопенгауэр.....	175
Карл Маркс и Фридрих Энгельс.....	179
Людвиг Фейербах.....	181
Серен Кьеркегор.....	185
Фридрих Ницше.....	192
Карл Ясперс.....	196
Хосе Ортега и Гассет.....	198
Альберт Швейцер.....	203
Жан Поль Сартр.....	214
Альбер Камю.....	216
Эрик Фромм.....	218
Людвиг Витгенштейн.....	221
Кароль Войтыла (Иоанн Павел II).....	227
Виктор Эмиль Франкл.....	243
III. Этические искания в России.....	246
Урал-батыр.....	246
Домострой.....	260
Н.Г. Чернышевский.....	270
Н.А. Добролюбов.....	272
В.С. Соловьев.....	277
Е.Н. Трубецкой.....	282
С.Л. Франк.....	287
С.Н. Булгаков.....	292
Н.А. Бердяев.....	293
В. И. Ленин.....	306
И.А.Ильин.....	307
«Моральный кодекс строителя коммунизма».....	316
Ю.М.Лотман.....	317
М.К.Мамардашвили.....	322

Введение

Чрезвычайная актуальность морально-нравственной проблематики, обусловлена, с одной стороны, объективным возрастанием роли морально-нравственных регуляторов во всех сферах жизни и деятельности людей, с другой стороны, резкой девальвацией моральных ценностей в современном российском обществе, что делает обращение к истории морального опыта человечества насущной потребностью этического образования и воспитания. Такое обращение определяется также требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования Российской Федерации, согласно которому среди проблем, подлежащих изучению студентами по курсу этики, значится история этических учений.

Очевидно, что изучение этических теорий прошлого не может быть самоцелью; оно – средство переосмысления накопленного морального опыта с тем, чтобы лучше ориентироваться в настоящем и надежнее моделировать будущее.

Несомненно, лучшим способом такого переосмысления следует считать обращение непосредственно к первоисточникам – трудам религиозных текстов и философов разных эпох и направлений – хотя бы в виде показательных фрагментов. Этой цели и служит предлагаемая хрестоматия.

Известно, что этика – наука о происхождении, закономерностях функционирования и развития морали – начала формироваться в античной Греции. Однако предмет этики – мораль – имеет гораздо более раннее происхождение, и ко времени классической античности в различных культурах, прежде всего в культурах Востока, сложились системы моральных регуляторов – как составляющие догматики национальных (например, иудаизм, конфуцианство) и мировой (буддизм) религий. Это обусловило включение в текст хрестоматии фрагментов из священных книг иудаизма (Ветхий Завет), конфуцианства, буддизма, христианства и ислама. Основную часть текстов хрестоматии составили обширные показательные фрагменты из трудов философов различных школ, направлений и эпох.

Проблема классификации текстов была решена в пользу историко-культурного и цивилизационного подхода – с выделением трех разделов: «Этические идеи Востока», «Этические учения Западной Европы» и «Этические искания в России». Специфика образовательного процесса в Российском исламском университете и общее значение ислама для культуры России обусловили целесообразность включения в текст настоящей хрестоматии фрагмента из работы А.А. Гусейнова «История этических учений», посвященного классической арабо-мусульманской этической мысли.

Основной упор при подборе текстов делался на показательность цитируемых фрагментов для того или иного автора, а также учитывалась частота обращения к приводимым именам и фрагментам в аналогичных источниках.

Хрестоматия разработана в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и предназначена в помощь студентам всех факультетов Российского исламского университета.

I. Этические идеи Востока

Эпос о Гильгамеше

Печатается по: Библиотека Всемирной Литературы. Т.1.
Поэзия и проза Древнего Востока. М.,1973.

[...]
Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно.
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя. твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу –
Только в этом дело человека!

Этика иудаизма

Печатается по: Библия. Книги Ветхого Завета.
Исход. Второзаконие.

[...]
12. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.
13. Не убивай.
14. Не прелюбодействуй.
15. Не кради.
16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Законы о преступлениях, карающихся смертью

[...]

12. Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти;

13. Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце;

14. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть.

15. Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти.

16. Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти.

17. Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти.

Законы о телесных повреждениях. « Глаз за глаз, зуб за зуб »

18. Когда ссорятся, и один человек ударит другого камнем, или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постель.

19. То, если он встанет и будет выходить из дома с помощью палки, ударивший не будет повинен смерти; только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его.

20. А если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан;

21. Но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро.

22. Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках;

23. А если будет вред, то отдай душу за душу,

24. Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу,

25. Обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.

О неосмотрительности, причинившей смерть или ущерб

[...]

28. Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват;

29. Но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти;

30. Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него.

31. Сына ли забодает, дочь ли забодает, - по сему же закону поступать с ним.

32. Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра, а вола побить камнями.

33. Если кто раскроет яму, или если выкопает яму и не покроет ее, и упадет в нее вол или осел,

34. То хозяин ямы должен заплатить, отдать серебро хозяину их, а труп будет его.

35. Если чей-нибудь вол забодает до смерти вола у соседа его, пусть продадут живого вола и разделят пополам цену его; также и убитого пусть разделят пополам;

36. А если известно было, что вол бодлив был и вчера и третьего дня, но хозяин его не стерег его, то должен он заплатить вола за вола, а убитый будет его.

О кражах, потравах и поджогах

1. Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу.

2. Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не вменится ему.

Законы об имущественных спорах

[...]

7. Если кто отдаст ближнему на сохранение серебро или вещи, и они украдены будут из дома его, если найдется вор, пусть он заплатит вдвое;

8. А если не найдется вор, пусть хозяин дома придет пред судьей и поклянется, что не простер руки своей на собственность ближнего своего.

9. О всякой вещи спорной, о воле, об осле, об овце, об одежде, о всякой вещи потерянной, о которой кто-нибудь скажет, что она его, дело об-их должно быть доведено до судей: кого обвинят судьи, тот заплатит ближнему своему вдвое.

Будьте милосердны к бедным!

[...]

21. Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской.

22. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте;

23. Если же ты притеснишь их то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их,

24. И воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ва-ши вдовами и дети ваши сиротами.

25. Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста.

26. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения

солнца возврати ее,

27. Ибо она есть единственный покров у него, она - одеяние тела его: в чем будет он спать? Итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд.

Об уважении к начальствующим

28. Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси.

Будьте справедливы!

1. Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтобы быть свидетелем неправды.

2. Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды;

3. И бедному не потворствуй в тяжбе его.

4. Если найдешь вола врага твоего или осла его заблудившегося, приведи его к нему;

5. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развьючь вместе с ним.

6. Не суди превратно тяжбы бедного твоего.

7. Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого, ибо Я не оправдаю беззаконника.

8. Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых.

9. Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле Египетской.

[...]

6. По словам двух свидетелей или трех свидетелей, должен умереть осужденный на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля;

[...]

10. Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир;

11. Если он согласится на мир с тобою и отворит тебе ворота, то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе;

12. Если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его.

13. И когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча;

14. Только жен и детей, и скот, и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь, Бог твой;

15. Так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов народов сих.

16. А в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души.

[...]

19. Если долгое время будешь держать в осаде какой-нибудь город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление;

О непослушном сыне

[...]

18. Если у кого будет сын буйный и непокорный, не повинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их,-

19. То отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания

20. И скажут старейшинам города своего: «сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница»;

21. Тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и так истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат и убоятся.

Заботься об имуществе ближнего

[...]

1. Когда увидишь вола брата твоего или овцу его, заблудившихся, не оставляй их, но возврати их брату твоему;

2. Если же не близко будет к тебе брат твой, или ты не знаешь его, то прибери их в дом свой, и пусть они будут у тебя, доколе брат твой не будет искать их, и тогда возврати ему их;

3. Так поступай и с ослом его, так поступай с одеждой его, так поступай со всякою потерянною вещью брата твоего, которая будет им потеряна и которую ты найдешь; нельзя тебе уклоняться от сего.

4. Когда увидишь осла брата твоего или вола его, упавших на пути, не оставляй их, но подними их с ним вместе.

Об одежде женщин и мужчин

5. На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим, всякий, делающий сие.

О беглом рабе

[...]

15. Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего;

16. Пусть он у тебя живет, среди вас, на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его.

Пища прохожего

[...]

24. Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади.

25. Когда придешь на жатву ближнего твоего, срывай колосья руками твоими, но серпа не заноси на жатву ближнего твоего.

О недавно женившемся

[...]

5. Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял.

Не наказывай вместе с преступником его родных

[...]

16. Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление.

О приношении Господу первых плодов

[...]

1. Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел, и овладеешь ею, и поселишься в ней,

2. То возьми начатков всех плодов земли, которые ты получишь от земли твоей, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и положи в корзину, и пойди на то место, которое Господь, Бог твой, изберет, чтобы пребывало там имя Его;

3. И приди к священнику, который будет в те дни, и скажи ему: «сегодня исповедую пред Господом, Богом Твоим, что я вошел в ту землю, которую Господь клялся отцам нашим дать нам».

4. Священник возьмет корзину из руки твоей и поставит ее пред жертвенником Господа, Бога твоего.

5. Ты же отвечай и скажи пред Господом, Богом твоим: «отец мой был странствующий Арамеянин, и пошел в Египет и поселился там с немногими людьми, и произошел там от него народ великий, сильный и многочисленный;

6. Но Египтяне худо поступали с нами, и притесняли нас, и налагали на нас тяжкие работы;

7. И возопили мы к Господу Богу отцов наших, и услышал Господь вопль наш и увидел бедствие наше, труды наши и угнетение наше;

8. И вывел нас Господь из Египта рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знамениями и чудесами.

9. И привел нас на место сие, и дал нам землю сию, землю, в которой течет молоко и мед;

10. Итак, вот, я принес начатки плодов от земли, которую Ты, Господи, дал мне, и поставь это пред Господом, Богом твоим, и поклонись пред Господом, Богом твоим,

11. И веселись о всех благах, которые Господь, Бог твой, дал тебе и дому твоему, ты и левит, и пришелец, который будет у тебя.

[...]

16. «Проклят злословящий отца своего или мать свою!» И весь народ скажет: «аминь».

17. «Проклят нарушающий межи ближнего своего!» И весь народ скажет: «аминь».

18. «Проклят, кто слепого сбивает с пути!» И весь народ скажет: «аминь».

19. «Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!» И весь народ скажет: «аминь».

20. «Проклят, кто ляжет с женою отца своего, ибо он открыл край одежды отца своего!» И весь народ скажет: «аминь».

21. «Проклят, кто ляжет с каким-либо скотом!» И весь народ скажет: «аминь».

22. «Проклят, кто ляжет с сестрою своею, дочерью отца своего, или дочерью матери своей!» И весь народ скажет: «аминь».

23. «Проклят, кто ляжет с тещею своею!» И весь народ скажет: «аминь».

24. «Проклят, кто тайно убивает ближнего своего!» И весь народ скажет: «аминь».

25. «Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную!» И весь народ скажет «аминь».

26. «Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!» И весь народ скажетб «аминь».

Упанишады

Печатается по: Упанишады. – М., 1967.

[...]

Говорят, что разум – двух видов: чистый и нечистый. Нечистый устремлен к желаниям, чистый свободен от желаний. ...Разум – причина уз и освобождения людей. Привязанный к предметам восприятия, он ведет к узам, избавленный от предметов восприятия – к освобождению. Поскольку от разума, избавленного от предметов восприятия, возникает освобожде-

ние, То стремящийся к освобождению должен постоянно избавлять разум от предметов восприятия.

Когда отброшена привязанность к предметам восприятия и разум заключен в сердце, Достигает вознесения над разумом, то это – высшее состояние. Поэтому следует обуздывать разум, пока он не достигает уничтожения в сердце. Это – и знание, и освобождение, все прочее – ученое многословие.

Немыслимый и не немислимый, одновременно немислимый и мыслимый, Достигается тогда Брахман, свободы от приверженности. Непреходящее слово – высший Брахман; когда этот звук исчезает в нем, Пусть знающий это размышляет о непреходящем, если он желает себе успокоения. Два знания следует знать: о Брахмане-слове и высшем [Брахмане]. Сведущий в Брахмане-слове достигает высшего Брахмана. Мудрый, изучив по книгам сущность знания и распознавания, Оставляет полностью книги, как ищущий зерна – солому.

[...]

Живет лишенный речи, ибо мы видим немых. Живет лишенный глаза, ибо мы видим слепых. Живет лишенный уха, ибо мы видим глухих. Живет лишенный разума, ибо мы видим глупых. Живет лишенный ног, ибо мы видим это. Но, воистину, лишь дыхание – познающий Атман – охватывает это тело и поднимает его.

[...]

Знай же, что Атман – владелец колесницы; тело, поистине, – колесница; знай, что рассудок – колесничий; разум, поистине, – поводья. Чувства называют конями, предметы [восприятия] – их путями. [Атмана], соединенного с телом чувствами и разумом, мудрые называют наслаждающимся.

Кто не наделен распознаванием, чей разум никогда не сосредоточен, чувства у того не знают узды, словно дурной конь у колесничего.

Кто же наделен распознаванием, чей разум всегда сосредоточен, чувства у того знают узду, словно добрый конь у колесничего.

Кто непонятлив, неразумен, всегда нечист, тот не достигает того места и возвращается в круговорот бытия.

Кто же понятлив, разумен, всегда чист, тот достигает того места, откуда больше не рождаются.

Бхагавад-Гита

Печатается по: Махабхарата. Рамаяна:
Золотой фонд мировой классики. – М., 2004.

1

«О Кришна, – сказал, – где закон человеческий? При виде родных, что сошлись ради сечи. ...С погибелью рода закон гибнет вместе, Где гибнет

закон, там и рода бесчестье.

Там жены развратны, где род обещен, А там и смешение каст из-за женщин! А там, где смешение каст, – из-за скверны, Мучения грешников будут безмерны: И род, и злодеи, что род погубили. И предки, о коих потомки забыли.

Лишив прародителей жертвенной пищи. – Все вместе окажутся в адском жилище!

А касты смешаются, – умрет все живое, Разрушатся все родовые устои, А люди, забыв родовые законы, Низринутся в ад: вот закон непреклонный! Замыслили мы ради царства и власти, Родных уничтожить... О, грех, о, несчастье!»

2

Познавший высокую боль сострадания, От Кришны услышал он речь назиданья: «Как можно пред битвою битвы страшиться? Сметенье твое недостойно арийца,

[...]

Мудрец, исходя из законов всеобщих, Не должен жалеть ни живых, ни усопших, Лишь тот, ставший мудрым, бессмертья достоин, Кто стоек в несчастье, кто в счастье спокоен.

Скажи, – где начала и где основанья, Несуществованья и существованья? Лишь тот, кому правды открылась основа, Увидел границу того и другого.

Где есть бесконечное, нет прекращенья, Не знает извечное уничтоженья.

Тела преходящи; мертва их отдельность; Лишь вечного Духа жива беспредельность.

[...]

Кто понял, что Дух вечно был, вечно будет, – Тот сам не убьет и убить не принудит. Исполни свой долг, назиданье усвоя: Воитель рожден ради правого боя.

[...]

А если от битвы откажешься правой, Ты, грешный, расстанешься с честью и славой. Ты будешь позором покрыт, а бесчестье, Для воина горше, чем гибель в безвестье.

Отважные скажут: «Он трусил в сраженьи». Презренье придет, и уйдет уваженьи. Издевку и брань ты услышишь к тому же, От недругов злобных; что может быть хуже!

Убитый, – достигнешь небесного сада. Живой, – на земле насладишься как надо.

[...]

Итак, не плодов ты желай, а деянья, А ради плодов прекрати ты старанья. К плодам не стремись, не нужна их услада, Однако бездействовать тоже не надо.

Несчастье и счастье – земные тревоги – Забудь; пребывай в равновесии – в йоге. Пред йогой ничто все дела, ибо ложны, А люди, что жаждут удачи, – ничтожны.

Грехи и заслуги отвергни ты разом: Кто к йоге пришел, тот постиг Высший Разум. Отвергнув плоды, сбросив путы рожденья, Достигнешь Бесстрастья и Освобожденья.

[...]

Когда человек, от желаний свободный, Привержен лишь радости, в нем заключенной, Тогда он святой, от всего отрешенный.

Кто в счастье спокоен и стоек в несчастье, Не ведает гнева, и страха, и страсти, И не ненавидит, и не вожделеет, – Тот к йоге всей сутью своей тяготеет.

[...]

Он вкус к наслажденьям в себе уничтожит, Как только увидит он Высшее сможет. Ведь даже идущий путем наилучшим, Порой подчиняется чувствам кипучим.

[...]

Где чувства господствуют – там вожделенье, А где вожделенье – там гнев, ослепленье, А где ослепленье – ума угасанье, Где ум угасает – там гибнет познание, Где гибнет познание, – да ведает всякий, – Там гибнет дитя человечье во мраке!

А тот, кто добился над чувствами власти, Попрал отвращенье, не знает пристрастий, Кто их навсегда подчинил своей воле, – Достиг просветленья, избавясь от боли, И сердце с тех пор у него беспорочно, И разум его утверждается прочно.

Вне йоги к разумным себя не причисли: Вне ясности нет созидательной мысли; Вне творческой мысли нет мира, покоя, А где вне покоя и счастье людское?»

3

«Сознание мутишь мне двусмысленной речью. Ответствуй мне ясно: где благо я встречу?»

И Кришна сказал: «Для стремящихся к йоге; Я прежде уже указал две дороги: Для жаждущих с Сущностью Вечной слиянья; Есть йога познания и йога деянья.

В бездействии мы не обрящем блаженства; Кто дела не начал, тот чужд совершенства.

[...]

Но кто совершенным познанием владеет, – Познавшего несовершенного не смеет, Смуцать, ибо что разумеет незрячий?

А ты, о воюющий, действуй иначе. От самости, от вождельня избавлен, Ты каждым поступком ко мне будь направлен, Будь высшему Атману предан глубоко, Сражайся – и ты не услышишь упрека!

Разумный, ученье мое постигая, И веря, что эта стезя есть благая, Без ропота действуя долгие годы, Одним лишь деяньем достигнет свободы.

А тот, кто мое отвергает ученье, Кто ропщет, к предметам питая влечение, – Погибнет, безумный, познания лишенный!

Ты понял ли, Арджуна, эти законы? Природе вовек все живое подвластно, И даже мудрец поступает согласно, Природе своей, – так к чему противление?

И чувств отвращенье, и чувств вождельня – В предметах телесных, и то и другое – Враги; отврати их владычество злое!

Исполнить, – пусть плохо, – свой долг самолично, Важней, чем исполнить чужой сверхотлично.

Погибнуть, свой долг исполняя, – прекрасно, А долгу чужому служенье – опасно!»

Спросил его Арджуна: «Кто же от века, Скажи, побуждает на грех человека?»

[...]

Желанием все мирозданье одето: Желание – недруг познания и света.

Враг мудрости – мудрость ввергает в пыланье; То алчное пламя в обличье желанья!

В рассудке и в чувствах оно пребывает, Людей, ненасытное, с толку сбивает.

А ты, обуздав свои чувства сначала, Врага порази, чья утроба взалкала, – Прозренье и знание пожрать захотела!

Считают, что чувства важнее, чем тело, Познание важнее всех чувств, но сознание, Превыше познания в моем понимании.

4

Сын Кунти спросил: «Что же выше ты ставишь?» Ответствовал Арджуне праведник строгий: «К высокому благу ведут тебя йоги; Но йоги деянья важнее значение: Она превосходит от дел отречение.

Тот стал Отрешенным, кто, делая дело, И зло обуздал, и желания тела.

[...]

Лишь разумом, чувствами, сердцем и телом; Пусть действует, дело избравший уделом.

Отвергший плоды обретает отраду, Кто жаждет плодов, попадает в засаду. Счастливцев в покое живет благодатном...

[...]

Чей разум всегда в равновесье, в покое, – Сей мир победил, победил все земное, И не умирая, и не возрождаясь, Пребудет он, в духе святом утверждаясь, Не станет, достигнув покоя, бесстрастья, От счастья смеяться, страдать от несчастья.

Он, Высшего Духа постигнув главенство, И, преданный Духу, вкусит он блаженство, – Затем, что предметов телесных касанье, Не даст наслаждения, а только терзанье: Они преходящи, в них – бедствия лоно, Безгрешный отверг их душой просветленной.

Лишь тот, кто, еще не дождавшись кончины, Равно и отрады презрел и кручину, Свой гнев пересилил и чувств самовластье, – Обрел настоящее, полное счастье!

Кто светится внутренним счастьем, – не внешним! Тот с Высшим и в мире сливается здешнем. Подвижник, живя ради блага людского, Избавясь от двойственности и сурово, Свой гнев обуздав, уничтожив обманы, Грехи, заблужденья, – достигнет нирваны: Мудрец, от земных отрешенный желаний, И с Атманом слитый, – приходит к нирване.

Отринув предметы, презрев суесловье, Направив свой взгляд напряженный в межбровье; В ноздрях уравнив с выдыханьем дыханье, Стремлений и чувств погасив полыханье, Избавясь от страха, – мудрец безупречный; Приходит к свободе и высшей, и вечной.

Познавши меня, всех миров господина, – Того, кто есть подвига первопричина, Кто жертвы вкушает, любя все живое, – Мне предан, подвижник пребудет в покое!»

Сидхартха Гаутама Шакьямуни Будда
(около 566 - около 480 гг. до н.э.)

Печатается по:: Иллюстрированная история религий.
В 2-х тт. Т.2. –Б.м. -Б.г.

[...]

Существуют две крайности, о монахи, от которых человек, ведущий духовную жизнь, должен оставаться вдали... Одна - жизнь наслаждений, преданная похотям и удовольствиям; это жизнь низменная, неблагородная, противная духу, недостойная, ничтожная. Другая крайность - жизнь добровольных страданий; это жизнь мрачная, ничтожная. Совершенный стоит далеко от обеих этих крайностей; он познал путь, который лежит посредине, путь, который открывает глаза, открывает и ум, ведет к покою, к познанию, к просвещению, к нирване! Это есть святой восьмичленный путь, который называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное деяние, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление. Вот это, монахи, есть тот

срединный путь, который познал совершенный и который ведет к покою, к познанию, к нирване. Святая истина о страдании такова: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание; соединение с немилым есть страдание, разлука с милым есть страдание; недостижение желаемого есть страдание; короче говоря, пятикратная привязанность (к земному) есть страдание. Святая истина об источнике такова: это есть жажда (стремление к бытию), которая ведет от возрождения к возрождению, вместе с наслаждением и страстью, которая то тут, то там находит свое наслаждение; жажда наслаждения, жажда бытия, жажда всемогущества. Святая истина о прекращении страданий такова: устранение этой жажды через полное уничтожение желания, чтобы оно совсем ушло, через отчуждение от него, через освобождение от него, через лишение его всякой опоры. Вот святая истина о пути к прекращению страдания, о монахи: это святой, 8 раз святой путь, он называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное дело, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление, С тех пор, как я, монахи, обладаю этим познанием четырех святых истин в их полной ясности, с тех пор я знаю, что в этом мире, а также в мире богов, в мире Мары и Брахмы, среди всех существ, аскетов и брахманов, богов и людей я достиг высшего достоинства Будды... это мое последнее рождение; впереди для меня нет уже новых рождений».

Лао-цзы
(VI – V вв. до н.э.)

Печатается по: Проза Древнего Китая. – М., 1987.

[...]

Когда все в Поднебесной узнали, что красота – это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро – это добро, появилось и зло. Ибо бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, до и после друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует надеянием и учит молчанием.

[...]

Когда Великий Путь утрачен – появляются «человечность» и «долг». Вместе с остротой ума рождается и великое коварство. Когда шесть родителей не ладят – появляются «сыновняя почтительность» и «родительская любовь». Когда в государстве смута – возникают «верноподданные».

[...]

Что ближе – слава или жизнь? Что дороже – жизнь или богатство? Что тяжелей – иметь или терять? Вот почему кто многого хочет, тот много тратит, кто много копит, много и теряет. Тому, кто знает меру, не придется

стыдиться, кто умеет остановиться, не устанет. Он может прожить долго.

[...]

Осуществляйте надеяние, не занимайтесь делами, вкушайте безвкусное. Велики они или малы, много их или мало – за обиды платите добром. Беритесь за трудное там, где легко. Беритесь за большое, пока еще оно мало. Все трудные дела в мире всегда возникают из легких. Все большие дела в мире всегда возникают из малых. Вот почему мудрец никогда не берется за большое, – а потому и способен вершить большие дела. Тому, кто легко обещает, мало верят. Там, где много легкого, всегда много и трудного. Вот почему мудрец все считает трудным, – а потому нет для него ничего трудного.

[...]

Человек при рождении – нежен и слаб, а когда умирает – тверд и крепок. Все существа, и трава, и деревья при рождении – нежны и мягки, а когда гибнут – сухи и ломки. Ибо твердость и крепость – спутники смерти, а нежность и слабость – спутники жизни.

Конфуций

(551 - 479 гг. до н.э.)

Печатается по: Конфуций. Изречения // Афоризмы старого Китая. - М., 1991.

[...]

Тот, кто красиво говорит и обладает привлекательной наружностью, редко бывает истинно человечен.

[...]

Благородный муж не стремится есть досыта и жить богато. Он поспешает в делах, но медлит в речах. Общаясь с людьми добродетельными, он исправляет себя. Вот о таком человеке можно сказать, что он предан учению.

[...]

Почтительный сын - это тот, кто огорчает отца и мать разве что своей болезнью.

[...]

Только истинно человеческий человек способен и любить, и ненавидеть.

[...]

Не беспокойся о том, что у тебя нет высокого чина. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы иметь высокий чин. Не беспокойся о том, что тебя не знают. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали.

[...]

Благородный муж думает о должном. Низкий человек думает о том,

что выгодно.

[...]

При встрече с достойным человеком думай о том, как сравняться с ним. Встречаясь с низким человеком, присматривайся к самому себе и сам себя суди.

[...]

Служа отцу с матерью, увещивайте их как можно мягче. Если ваши советы не возымеют действия, будьте по-прежнему почтительны и смиренны. Даже если вы раздосадованы в душе, не выказывайте своего недовольства.

[...]

Если будешь чрезмерно усерден на службе, потеряешь расположение государя. Если будешь чрезмерно радушен в дружбе, потеряешь расположение друзей.

[...]

Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь, а если воспитанность затмит естество, получится знаток писаний. Лишь тот, в ком естество и воспитанность пребывают в равновесии, может считаться достойным мужем.

[...]

Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему у них поучиться. Достоинствам их я постараюсь подражать, а на их недостатках сам буду учиться.

[...]

Разве истинная человечность далеко от нас? Стоит возжелать ее, и она тут же окажется рядом!

[...]

Почтительность без знания должного превращается в самоистязание. Осторожность без знания должного превращается в трусость. Храбрость без знания должного превращается в безрассудство. Прямодушие без знания должного превращается в грубость. Если государь чтит родителей, то и простой люд будет человечным. Если господин не забывает старых друзей, то и слуги его не будут бездушными.

[...]

Достойный человек не может не обладать широтой познаний и твердостью духа. Его ноша тяжела, а путь его долог. Человечность - вот ноша, которую несет он: разве не тяжела она? Только смерть завершает его путь: разве не долог он?

[...]

Учитель сказал: «Я еще не встречал человека, который любил бы добродетель так, как любят женскую красу».

[...]

Мудрый не знает волнений, человечный не знает забот, смелый не знает страха.

[...]

Преодолевать себя и возвращаться к должному в себе - вот что такое истинная человечность, быть человечным или не быть - это зависит только от нас самих.

[...]

Благородный муж помогает людям увидеть то, что есть в них доброго, и не учит людей видеть то, что есть в них дурного. А низкий человек поступает наоборот.

[...]

В отношениях с друзьями советуй им делать лишь то, что они способны сделать, и веди их к добру, не нарушая приличий, но не пытайся действовать там, где нет надежды на успех. Не ставь себя в унижительное положение.

[...]

Если сам прям, то все исполнят и без приказанья. А если сам не прям, то слушаться не будут, даже если им прикажут.

[...]

Если человек тверд, решителен, прост и несловоохотлив, то он уже близок к человечности.

[...]

Посылать людей на войну необученными - значит предавать их.

[...]

Благородный муж, привязанный к домашнему уюту, не достоин зваться таковым.

[...]

В древности люди учились для того, чтобы совершенствовать себя. Нынче учатся для того, чтобы удивить других.

[...]

Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро - добром».

[...]

Единственная настоящая ошибка - не исправлять своих прошлых ошибок.

[...]

Будьте строги к себе и мягки к другим. Так вы оградите себя от людской неприязни.

[...]

Благородный муж знает о своем превосходстве, но избегает соперничества. Он ладит со всеми, но ни с кем не вступает в сговор.

[...]

Благородный муж в своей жизни должен остерегаться трех вещей: в юности, когда жизненные силы обильны, остерегаться увлечения женщинами; в зрелости, когда жизненные силы могучи, остерегаться соперничества; в старости, когда жизненные силы скудны, остерегаться скудости.

[...]

Учитель сказал: «Видя перед собой добро, я бегу вперед так, словно боюсь отстать. Видя перед собой зло, я бегу прочь так, словно ступил ногой в кипящую воду». Я слышал такие слова и видел таких людей. «Я живу в уединении, дабы достичь своей цели, и следую должному, дабы претворить свою правду». Я слышал эти слова, но никогда не встречал такого человека

[...]

Самые достойные мужи избежали оков целого света, за ними шли те, которые избежали привязанности к определенному месту, за ними - те, которые избежали соблазнов плоти, за ними - те, которые смогли избежать злословия.

[...]

Благородный муж стойко переносит беды. А низкий человек в беде распускается.

[...]

Благородный муж превыше всего почитает долг. Благородный муж, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может стать мятежником. Низкий человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может пуститься в разбой.

[...]

Строить отношения труднее всего с женщинами и низкими людьми. Если приблизишь их к себе - они станут развязными, если удалишь от себя - возненавидят.

[...]

Стрельба из лука учит нас, как надо искать истину. Когда стрелок промахивается, он не винит других, а ищет вину в самом себе.

[...]

Попытайтесь быть хотя бы немного добрее, и вы увидите, что будете не в состоянии совершить дурной поступок.

[...]

Благородный муж с достоинством ожидает велений Неба. Низкий человек суетливо поджидает удачу.

[...]

Люди хотят для себя богатства и славы; если то и другое нельзя обрести честно, следует их избегать. Люди страшатся бедности и безвестно-

сти; если того и другого нельзя избежать, не теряя чести, следует их принять.

[...]

Не познав судьбы, нельзя стать благородным мужем. Не познав должного, нельзя обрести опору в жизни. Не научившись понимать истинный смысл слов, нельзя знать людей.

[...]

Тот, кто, дожив до сорока лет, вызывает лишь неприязнь, - конечный человек.

[...]

Достойный человек не идет по следам других людей.

[...]

Оценивая мирские дела, благородный муж ничего не отвергает и не одобряет, а все меряет справедливостью.

[...]

Управляйте народом с достоинством, и люди будут почтительны. Относитесь к народу по-доброму, и люди будут трудиться с усердием. Возвышайте добродетельных и наставляйте неученых, и люди будут доверять вам.

[...]

Каждый может стать благородным мужем. Нужно только решиться им стать.

[...]

Учитель сказал: «Я не понимаю, как можно иметь дело с человеком, которому нельзя доверять? Если в повозке нет оси, как можно на ней ездить?»

[...]

Если у вас есть возможность явить милосердие, не пропускайте вперед даже учителя.

[...]

Благородный муж в душе безмятежен. Низкий человек всегда озабочен.

[...]

Благородный муж живет в согласии со всеми, а низкий человек ищет себе подобных.

[...]

Секрет доброго правления: правитель да будет правителем, подданный - подданным, отец - отцом, а сын - сыном.

[...]

К молодым людям нельзя относиться свысока. Очень может быть, что повзрослев, они станут выдающимися мужчинами. Только тот, кто ничего не достиг, дожив до сорока или пятидесяти лет, не заслуживает уважения.

[...]

В стране, где есть порядок, будь смел и в действиях, и в речах. В стране, где нет порядка, будь смел в действиях, но осмотрителен в речах.

[...]

Не делай другому того, чего себе не пожелаешь.

Печатается по: Древнекитайская философия. В 2 т.
Т. 1. Конфуций. Лунь Юй. – М., 1972.

[...]

2. Ю-цзы сказал: «...Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям – это основа человеколюбия» .

3. Учитель сказал: «У людей с красивыми словами и притворными манерами мало человеколюбия».

5. Учитель сказал: «Управляя царством, имеющим тысячу боевых колесниц, следует серьезно относиться к делу и опираться на доверие, соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях; использовать народ в соответствующее время».

6. Учитель сказал: «Молодые люди должны дома проявлять почти-тельность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно тратить на чтение книг».

[...]

8. Учитель сказал: «Если благородный муж не ведет себя с достоинством, он не имеет авторитета, и, хотя он и учится, его знания не прочны. Стремись к преданности и искренности; не имей друзей, которые бы уступали тебе [в моральном отношении]; совершив ошибку, не бойся ее исправить».

9. Цзэн-цзы сказал: «Если должным образом относиться к похоронам родителей и чтить память предков, то мораль в народе будет все более укрепляться».

[...]

11. Учитель сказал: «Если при жизни отца следовать его воле, а после его смерти следовать его поступкам и в течение трех лет не изменять порядков, заведенных отцом, то это можно назвать сыновней почтительностью».

[...]

16. Учитель сказал: «Не беспокойся о том, что люди тебя не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

[...]

1. Учитель сказал: «Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий».

[...]

3. Учитель сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится».

4. Учитель сказал: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала».

[...]

6. Мэн У-бо спросил о почтительности к родителям. Учитель ответил: «Родители всегда печалются, когда их дети болеют».

[...]

14. Учитель сказал: «Благородный муж ко всем относится одинаково, он не проявляет пристрастия; низкий человек проявляет пристрастие и не относится ко всем одинаково».

15. Учитель сказал: «Учиться и не размышлять – напрасно терять время, размышлять и не учиться – губительно».

16. Учитель сказал: «Изучение неправильных взглядов вредно».

[...]

21. Ай-гун спросил Цзай Во [о деревьях, которые сажают у] алтаря. Цзай Во ответил: «[При династии] Ся сажали сосны, [при династии] Инь – кипарисы, [при династии] Чжоу – каштаны, и [все для того], чтобы заставить народ бояться». Учитель, услышав это, сказал: «Не следует говорить о том, что уже совершено. Не следует противиться тому, что уже делается. Не следует порицать за то, что уже упущено».

[...]

6. Учитель сказал: «Направь свою волю на достижение правильного пути, придерживайся [принципов] морали, [поступай] в соответствии с человеколюбием, упражняйся в искусствах».

[...]

8. Учитель сказал: «Того, кто не стремится [к достижению знания], не следует направлять [на правильный путь]. Тому, кто не испытывает трудностей в выражении своих мыслей, не следует помогать. Того, кто не в состоянии по одному углу [предмета] составить представление об остальных трех, не следует учить».

[...]

17. Учитель сказал: «Есть простую пищу, пить воду, спать, подложив руку под голову, – в этом тоже есть удовольствие. Богатство и знатность, полученные нечестно, для меня подобны облакам, плывущим по небу» .

[...]

21. Учитель сказал: «Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учебе».

[...]

26. Учитель учил четверем вещам: пониманию книг, моральному поведению, преданности [государю] и правдивости.

[...]

4. Учитель категорически воздерживался от четырех вещей: он не вдавался в пустые размышления, не был категоричен в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал о себе лично.

[...]

28. Учитель сказал: «Мудрый не испытывает сомнений, человеколюбивый не испытывает печали, смелый не испытывает страха».

[...]

1. Янь Юань спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, – это и есть человеколюбие. Если кто-либо в течение одного дня будет сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, все в Поднебесной назовут его человеколюбивым. Осуществление человеколюбия зависит от самого человека, разве оно зависит от других людей?»

2. Чжун-гун спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Вне своего дома относись к людям так, словно принимаешь дорогих гостей. Используй народ так, словно совершаешь важное жертвоприношение. Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды».

3. Сыма Нью спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Человеколюбивый человек в разговоре проявляет осторожность».

4. Сыма Нью спросил о благородном муже. Учитель ответил: «Благородный муж не печалится и не испытывает страха».

[...]

11. Циский Цзин-гун спросил учителя об управлении государством. Кун-цзы ответил: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном».

[...]

16. Учитель сказал: «Благородный муж помогает людям свершать красивые дела и не помогает им свершать некрасивые дела. Низкий человек поступает противоположным образом».

17. Цзи Кан-цзы спросил Кун-цзы об управлении государством. Кун-цзы ответил: «Управлять – значит поступать правильно. Если, управляя, вы будете поступать правильно, то кто осмелится поступать неправильно?»

[...]

5. Цзы-чжан спросил о том, как себя правильно вести. Учитель ответил: «Если в словах искренен и правдив, в поступках честен и почтителен,

то такое поведение допустимо и в государстве варваров. Если же в словах не искренен и не правдив, в поступках не честен и не почтителен, то разве в своей деревне такое поведение допустимо? Когда стоишь, представь, что видишь эти [два] принципа перед глазами; когда сидишь в повозке, представь, что видишь эти [два] принципа на поперечине. Только после этого ты сможешь поступать правильно».

[...]

7. Учитель сказал: «Когда не разговариваешь с человеком, с которым можно разговаривать, ошибаешься в людях. Когда разговариваешь с человеком, с которым нельзя разговаривать, то напрасно теряешь слова. Мудрый человек не ошибается в людях и не теряет слов».

8. Учитель сказал: «Целеустремленный человек и человеколюбивый человек идут на смерть, если человеколюбию наносится ущерб, они жертвуют своей жизнью, но не отказываются от человеколюбия».

[...]

38. Учитель сказал: «В [деле] воспитания нельзя делать различий между людьми».

39. Учитель сказал: «Люди с разными принципами не могут найти общего языка».

[...]

6. Цзы-чжан спросил Кун-цзы о человеколюбии. Кун-цзы ответил: «Тот, кто способен проявлять в Поднебесной пять [качеств], является человеколюбивым». [Цзы-чжан] спросил о них. [Кун-цзы] ответил: «Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, он добивается успехов. Если человек добр, он может использовать других».

Даосские притчи

Печатается по: Даосские притчи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pritchi.ru/publ/28>. – (Дата обращения: 27.02.2012).

[...]

Полутень спросила у Тени:

- Почему [вы] так непостоянны? Раньше вы двигались, теперь [почему-то] остановились, раньше вы сидели, а теперь [почему-то] встали?

- [Может быть], я так поступаю в зависимости [от чего-то]? - ответила Тень. - [А может быть] я так поступаю в зависимости [от чего-то], зависящего еще [от чего-то]? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

[...]

Не имеющее начала, но постоянно рождающее - это путь . Когда рожденный живым не гибнет [преждевременно], хотя и смертей, - это постоянство; когда рожденный живым гибнет [преждевременно] - это несчастье. То, что обладающий началом неизменно умирает, - это закон пути. Когда смертным умирает по своей вине, хотя [срок его жизни] еще не закончился, - это постоянство; когда смертный живет - это счастье. Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец жизни, обретенный с помощью пути, называется постоянством; смерть, обладающая назначением, также называется путем, и смерть [преждевременная], обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел, глядя на ворота его дома;
когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя на его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

[...]

Странствуя во внешнем [мире], не ведаешь, как наблюдать за внутренним [миром]. Кто странствует во внешнем, ищет полноты в [других] вещах; кто наблюдает за внутренним, находит удовлетворение в самом себе. Находить удовлетворение в самом себе - вот истинное в странствиях, искать полноты в [других] .вещах - вот неистинное в странствиях.

[...]

Полный красоты - горд, полный сил - необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому [пока] не поседеют, [с ними] не стоит и говорить об учении, а еще менее - о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать. [Если же] люди не могут [ему] советовать, то [он] останется одиноким, без -помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания [у него] исчерпывающие и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

[...]

Вершей пользуются для рыбной ловли. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются для ловли зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить?

[...]

Страж Границы сказал Лецзы:

- Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; Слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное - тень длинная - тело короткое - тень короткая. Имя - отклик, [поступки] тела - тень. Поэтому и говорится:

Будь осторожен в словах - с ними согласятся. Будь осторожен в поступках - за ними последуют.

Поэтому мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать вхо-

дящего; наблюдали за прошлым, чтобы узнать будущее. В этом заключается [естественный] закон предвидения. Мера - в себе самом, а подтверждение [опыт] - в других. Другие любят меня, и я их непременно люблю, другие ненавидят меня, и я их непременно ненавижу. Испытующий и Воинственный любили Поднебесную и погибли. Вот это и есть подтверждение [на опыте]. Того, кто без учения хочет понять и меру и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери, идет, но не по дороге. Разве не трудно будет такому добиться полезного?

[...]

Чжуанцзы умерла жена и Творящий Благо [пришел] ее оплакивать. Чжуанцзы же сидел на корточках и пел, ударяя [такт] по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

- Мало того, что [вы] не оплакиваете умершую, [которая] прожила с [вами, своим] мужем до старости и вырастила детей. Не слишком ли много себе позволяете, предаваясь пению, отбивая такт о таз?

- Это не так, - ответил Чжуанцзы. - Могла ли меня не опечалить ее кончина? [Но затем] я задумался о том, что было вначале, когда она еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличным, неуловимым, [стала] развиваться и обрела эфир, эфир развился и обрела тело, тело развилось и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие - смерть. Все это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

[...]

Великая Чистота спросила у Бесконечности:

- Знаешь ли ты, что такое путь?

- Я не знаю, - ответила Бесконечность. Великая Чистота спросила о том же у Недеяния.

- Я знаю, - ответило Недеяние.

- [Если ты] знаешь путь, [то скажи] владеет ли он судьбами?

- Владеет.

- Какие же у него судьбы?

- Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

- Кто же из них прав, а кто не прав? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим Знанием?

- Незнание глубже, а знание мельче, - ответило Безначальное, - [если] слышим, [значит], не путь. Путь невидим: [если] видим, [значит], не путь. Путь не выразить в словах: [если] выражен, {значит}, не путь. [Кто] познал

формирующее формы бесформенное, [понимает], что путь нельзя назвать.

- Те, кто спрашивают о пути, и отвечают о нем, не знают пути, - продолжило Безначальное, - Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы [о нем] нет ответа. Спрашивающий о том, что нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним [знанием]. Тот, кто, не обладая внутренним [знанием], ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким [...] не странствовать в великой пустоте.

Этические нормы ислама

Печатается по: Коран. - М., 1990.

[...]

167 (172). О вы, которые уверовали! Ешьте блага, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха, если Ему вы поклоняетесь.

168 (173). Он ведь запретил вам только мертвечину, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото не для Аллаха. Кто же вынужден, не будучи нечестивцем и преступником, - нет греха на том: ведь Аллах прощающий, милосерд!

[...]

172 (177). Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие - кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, - и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, - это те, которые были правдивы, это они - богобоязненные.

173 (178). О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный - за свободного, и раб - за раба, и женщина - за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то - следование по обычаю и возмещение ему во благе.

[...]

179 (183). О те, которые уверовали! Предписан вам пост, так же как он предписан тем, кто был до вас, - может быть, вы будете богобоязненны!

180 (184). На отсчитанные дни; а кто из вас болен или в пути, то - число других дней. А на тех, которые могут это, - выкуп накормлением бедняка. Кто же добровольно возьмется за благо, это - лучше для него. А чтобы вы постились, это - лучше для вас, если вы знаете.

[...]

183 (187). Разрешается вам в ночь поста приближение к вашим женам: они - одеяние для вас, а вы - одеяние для них. Узнал Аллах, что вы обманываете самих себя, и обратился к вам и простил вас. А теперь прикасайтесь к ним и ищите того, что предписал вам Аллах. Ешьте и пейте, пока не станет различаться перед вами белая нитка и черная нитка на заре, потом выполняйте пост до ночи. И не прикасайтесь к ним, когда вы благочестиво пребываете в местах поклонения. Таковы граница Аллаха, не приближайтесь же к ним! Так разъясняет Аллах свои знамения людям, - может быть, они будут богобоязненны!

[...]

186 (190). И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, - поистине, Аллах не любит преступающих!

187 (191). И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн - хуже, чем убиение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!

[...]

190 (194). Запретный месяц - за запретный месяц. И запреты - возмездие. Кто же преступает против вас, - то и вы преступайте против него, подобно тому, как он преступил против вас. И бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах - с богобоязненными!

[...]

213. И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, - поистине, Аллах знает, а вы не знаете!

[...]

224 (224). И не делайте Аллаха предметом своих клятв, что благочестивы и богобоязненны и упорядочиваете среди людей. Поистине, Аллах - слышащий, знающий!

225 (225). Аллах не взыскивает вас за пустословие в ваших клятвах, но взыскивает с вас за то, что приобрели ваши сердца. Поистине, Аллах прощающий, кроткий!

[...]

229 (229). Развод - двукратен: после него - либо удержать, согласно обычаю, либо отпустить с благодеянием. И не дозволяется вам брать из того, что вы им даровали, ничего. Разве только они оба боятся не выполнить ограничений Аллаха. А если вы боитесь, что они не выполняют ограничений Аллаха, то не будет греха над ними в том, чем она себя выкупит. Таковы границы Аллаха, не преступайте же их, а если кто преступает границы Аллаха, те - неправедные.

230 (230). Если же он дал развод ей (в третий раз), то не разрешается

она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернуться, если думают выполнить ограничения Аллаха. И вот границы Аллаха; Он разъясняет их людям, которые обладают знанием.

231 (231). А когда вы дали развод женам, и они достигли своего предела, то удерживайте их согласно принятому или отпускайте их согласно принятому, но не удерживайте их насильно, преступая: если кто делает это, тот несправедлив к самому себе. И не обращайтесь знамений Аллаха в насмешку; поминайте милость Аллаха вам и то, что Он ниспослал вам из писания и мудрости, увещевая вас этим; и бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах о каждой вещи знающ!

[...]

233 (233). А родительница кормят своих детей два полных года; это - для того, кто захочет завершить кормление. А на том, у кого родился, - пропитание их и одежда согласно обычаю. Не возлагается на душу ничего, кроме возможного для нее. Да не причиняется обиды родительнице за ее ребенка и тому, у кого родился, за его ребенка. И на наследнике - то же самое.

А если оба они пожелают отлучения с согласия между ними и совета, то нет греха над ними. А если вы пожелаете просить выкормить ваших детей, то нет греха над вами, если вы вручите то, что даете согласно обычаю. И бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах видит то, что вы делаете!

234 (234). А те из вас, которые упокоятся и оставят жен, - они выжидают сами с собой четыре месяца и десять. А когда они достигнут своего предела, то нет греха над вами в том, что они будут делать сами с собой согласно обычаю. Поистине, Аллах - сведущ в том, что вы делаете!

235 (235). И нет греха над вами в том, что вы предложите из сватовства за женщин или скроете в своих душах. Аллах знает, что вы вспомните о них. Но не обещайте им втайне, разве только будете говорить им речь принятую.

236. И не решайтесь на брачный союз, пока писание не дойдет до своего предела, и знайте, что Аллах знает то, что в ваших душах, и берегитесь Его и знайте, что Аллах прощающ, кроток!

237 (236). Нет греха над вами, если вы дадите развод женам, пока не коснулись их и не обусловили им условия. Дайте им в пользование, - на состоятельном - его мера и на бедном - его мера, - в пользование согласно с обычаем, как должно добродееющим.

[...]

265 (263). Речь добрая и прощение - лучше, чем милостыня, за которой следует обида. Поистине, Аллах богат, кроток!

266 (264). О вы, которые уверовали! Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой, как тот, кто тратит свое имущество из лице-

мерия перед людьми и не верует в Аллаха и последний день. Подобен он скале, на которой земля: но постиг ее ливень и оставил голой. Они не владеют ничем из того, что приобрели: ведь Аллах не ведет прямым путем людей неверных!

[...]

273 (270). Какую бы издержку вы ни издержали, какой бы обет вы ни обещали, поистине, Аллах знает это, и нет помощников у несправедливых! (271). Если вы открыто делаете милостыню, то хорошо это; а если скроете ее, подавая бедным, то это - лучше для вас и покрывает для вас ваши злые деяния: поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

274 (272). Не на тебе лежит руководство ими, но Аллах ведет прямым путем, кого хочет. Что бы вы ни потратили из добра, - то для самих себя, и вы тратите только из стремления к лику Аллаха. И что бы вы ни потратили из блага, будет полностью воздано вам, и вы не будете обижены.

[...]

279 (279). Если же вы этого не сделаете, то услышите про войну от Аллаха и Его посланника. А если обратитесь, то вам - ваш капитал. Не обижайте, и вы не будете обижены!

[...]

282 (282). О вы, которые уверовали! Если берете в долг между собой на определенный срок, то записывайте это. И пусть записывает между вами писец по справедливости. И пусть не отказывается писец написать так, как научил его Аллах, и пусть он пишет, и пусть диктует тот, на котором обязательство. И пусть он боится Аллаха, Господа своего, и пусть не убавляет там ничего. А если тот, на ком обязательство, малоумен или слаб, или не может сам диктовать, то пусть диктует его близкий по справедливости. И берите в свидетели двух из ваших мужчин. А если не будет двух мужчин, то - мужчину и двух женщин, на которых вы согласны, как свидетелей, чтобы если собьется одна, то напомнила бы ей другая. И пусть не отказываются свидетели, когда их зовут; и пусть не наскучивает вам записывать его - малым или большим - до его срока. Это - справедливее пред Аллахом, и прямее для свидетельства, и ближе, чтобы вам не сомневаться. Разве только, если это будет торговлей наличной, которую вы обращаете между собой, - тогда на вас не будет греха, что вы не запишете этого. И ставьте свидетелей, когда уславливаетесь между собой, и не должно причинять неприятности писцу и свидетелю; а если сделаете, то это - распутство у вас. И бойтесь Аллаха; поистине, Аллах вас учит, и Аллах знает о всякой вещи!

283 (283). А если вы будете в пути и не найдете писца, то берутся залогом. А если кто-нибудь из вас доверяет другому, то пусть возвращает тот, кому доверено, свой залог и пусть боится Аллаха, Господа своего. И не скрывайте свидетельства, а если кто скроет, то он - тот, у кого сердце грешно, а Аллах знает то, что вы делаете!

[...]

286 (286). Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее. Ей - то, что она приобрела, и против нее - то, что она приобрела для себя. «Господи наш! Не взыщи с нас, если мы забыли или погрешили. Господи наш! Не возлагай на нас тяготу, как Ты возложил на тех, кто был раньше нас. Господи наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь. Избавь нас, прости нам и помилуй нас! Ты - наш владыка, помоги же нам против народа неверного!»

[...]

24 (20). А если вы захотели замены одной супруги другой и одной из них дали кинтар, то не отбирайте из него ничего. Разве вы станете брать лживо, как явный грех?

25 (21). И как вы можете отбирать это, когда вы сошлись друг с другом, и они взяли с вас суровый завет?

26 (22). Не женитесь на тех женщинах, на которых были женаты ваши отцы, разве только это произошло раньше. Поистине, это - мерзость и отвращение и скверно как путь!

27 (23). И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и ваши воспитанницы, которые под вашим покровительством от ваших жен, к которым вы уже вошли; а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас; и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел; и - объединять двух сестер, если это не было раньше. Поистине, Аллах прощающ, милосерд!

[...]

36 (32). Не желайте того, чем Аллах дал вам одним преимущество перед другими. Мужчинам - доля из того, что они приобрели, а женщинам - доля из того, что они приобрели. Просите от Аллаха Его блага, - поистине, Аллах знает все вещи!

37 (33). Каждому Мы сделали наследников в том, что оставили родители и близкие, а те, с которыми ваши клятвы укрепили договор, - давайте им их долю. Поистине, Аллах - всякой вещи свидетель!

38 (34). Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины - благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, - поистине, Аллах возвышен, велик!

[...]

40 (36). И поклоняйтесь Аллаху и не придавайте Ему ничего в соотарищи, а - родителям - делание добра, и близким, и сиротам, и беднякам,

и соседу близкому по родству, и соседу чужому, и другу по соседству, и путнику, и тому, чем овладели десницы ваши. Поистине, Аллах не любит тех, кто горделиво хвастлив, -

41 (37). Которые скупаются, и приказывают людям скупость, и скрывают то, что даровал им Аллах от своей щедрости! И приготовили Мы для неверных наказание мучительное...

[...]

61 (58). Аллах, поистине, повелевает вам возвращать доверенное имущество владельца его и, когда вы судите среди людей, то судить по справедливости. Ведь Аллах - как прекрасно то, чем Он нас увещает! - ведь Аллах - слышащий, видящий!

[...]

76 (74). Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду.

77 (75). И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха и за слабых из мужчин и женщин и детей, которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника»?

[...]

81 (79). Что постигло тебя из хорошего, то - от Аллаха, а что постигло из дурного, то - от самого себя. Мы послали тебя к людям посланником. И довольны Аллаху как свидетеля!

[...]

88 (86). И когда вас приветствуют каким-нибудь приветствием, то приветствуйте лучшим или верните его же. Поистине, Аллах всякую вещь подсчитывает!

[...]

94 (92). Не следует верующему убивать верующего, разве только по ошибке. А кто убьет верующего по ошибке, то - освобождение верующего раба и пеня, вручаемая его семье, если они не раздадут ее милостынею. А если он из народа враждебного вам и верующий, то - освобождение верующего раба. А если он из народа, между которым и вами договор, то - пеня, вручаемая его семье, и освобождение верующего раба. Кто же не найдет, то - пост двух месяцев последовательных как покаяние пред Аллахом. Поистине, Аллах - знающий, мудрый!

[...]

110 (110). А если кто сделает зло или обидит свою душу, а потом попросит у Аллаха прощения, он найдет Аллаха прощающим, милостивым.

111 (111). А кто приобретет грех, тот приобретет его против самого себя: поистине, Аллах - знающий, мудрый!

112 (112). А кто приобретет проступок или грех, потом обвинит в нем

невинного, тот берет на себя ложь и явный грех.

[...]

123 (124). А если кто-нибудь сделает благое - будь то мужчина или женщина, и он при этом верующий, - то эти войдут в рай и не будут обижены и на бороздку финиковой косточки.

[...]

134 (135). О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями пред Аллахом, хотя бы и против самих себя, или родителей, или близких; будь то богатый или бедный - Аллах ближе всех к обоим. Не следуйте же страсти, чтобы не нарушить справедливости. А если вы скривите и уклонитесь, то Аллах сведущ в том, что вы делаете!

Классическая арабо-мусульманская мысль

Печатается по: Гусейнов А.А. История этических учений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.gumer.info/ bibliotek.Buks/Culture/ Gusein](http://www.gumer.info/bibliotek.Buks/Culture/Gusein) //. – (Дата обращения: 05.03.2012).

Глава I. ЭТИКА В АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

§ 1. ПОНЯТИЯ «МУСУЛЬМАНСКАЯ ЭТИКА» И «ЭТИКА В МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩЕСТВАХ»

Возникновение ислама в начале VII в. положило начало длительной и богатой событиями истории арабского халифата. Государственные образования, зарождавшиеся, распадавшиеся и переживавшие реставрацию, ключили в свою орбиту многочисленные этносы, в том числе и имевшие богатую культурную традицию. В возникшей на основе ислама цивилизации сложилась и система моральных установлений. Среди неарабов наиболее значительный вклад в развитие мусульманской цивилизации принадлежит персам; память об этом сохранилась в арабском языке, где одно слово (аджам) обозначает и персов и неарабов в целом. В процессе развития культуры, в том числе и этики, на территории арабского халифата заметную роль сыграли мыслители, не исповедовавшие ислам. Немалое значение имело и античное наследие.

Понятие «мусульманская этика»

Вместе с тем разнородность влияний не отрицает общей гомогенности комплекса нравственных установлений и этических воззрений и теорий, сложившихся на территории арабо-мусульманской цивилизации. Эта гомогенность обеспечивается общностью основополагающих принципов,

характерных черт и проблем, системообразующих категорий и понятий. В этом смысле можно говорить о «мусульманской этике» как общей для исповедующих ислам этносов.

Для культуры ислама не характерно разделение на светское (мирское) и религиозное, как оно сложилось в период Средневековья в ареале христианской цивилизации. Поэтому термин «мусульманская этика» не следует считать синонимом для понятия «религиозная этика», от которой можно было бы отличать «внерелигиозную». Традиционная религиозно-правовая мысль (фикх) в исламе разделяется на учение о «поклонении» (ибадаст) и учение о «взаимоотношениях» (муамаляст) людей между собой, причем вторая часть значительно превышает первую по объему и включает в себя гражданское, административное, финансовое, уголовное и др. виды права. Так же и мусульманская этика рассматривает не только сферу отношений человека и Бога, - то, что с точки зрения жесткой дихотомии светское/религиозное следовало бы относить к собственно «религиозной этике», - но и все аспекты человеческого поведения и общежития, в том числе и носящие совершенно «светский» характер. Хотя мусульманская этика с точки зрения своего генезиса и источников безусловно связана с религиозной системой ислама, она не сводится к последней. Поэтому отказ от ислама как государственной религии и от шариата как основы правовой системы, практикуемый сегодня в странах, когда-то входивших в состав арабо-мусульманского халифата, не означает, что на смену «мусульманской этике» может прийти какой-то вариант «внемусульманской» или «светской» этики. И дело здесь не столько в содержании отдельных категорий (например, благо), которые сформировались в мусульманской этике под несомненным влиянием религии и содержание которых могло бы меняться с падением влияния ислама. Дело скорее в фундаментальных, системообразующих принципах мусульманской этики, которые не связаны непосредственно с религией и которые более устойчивы, чем содержание даже центральных этических категорий.

Понятие «этика в мусульманских обществах»

От «мусульманской этики» следует отличать «этику в мусульманских обществах». Объем этого понятия составляют те этические теории, которые имеют неисламское происхождение и при этом не были включены в состав мусульманской этики как ее органичный элемент. Существенны оба эти условия, поскольку арабо-мусульманская культура не страдала ксенофобией и гетерогенные учения не отвергались лишь на основании их «иноземного» происхождения. Как правило, параллельно с собственно мусульманской этикой в арабо-мусульманской культуре были представлены те учения и теории, которые не были выстроены в соответствии с ее осново-

полагающими принципами. Циркулируя на интеллектуальном «рынке», они свободно конкурировали с последней, не будучи подавляемы по идеологическим соображениям. Ограничения подобного толка касались только отрицания единобожия (атеизм или откровенное многобожие), да и то проводились не всегда последовательно. Учения, входящие в «этику в мусульманских обществах», но не включаемые в состав «мусульманской этики», представлены античными теориями, прежде всего аристотелевской и платонической. К этой же категории можно отнести древнеперсидское культурное наследие постольку, поскольку оно, во-первых, влияло на формирование этических представлений и, во-вторых, сохраняло черты принципиального дуализма, плохо совместимого с исламским монизмом. Своеобразный пограничный случай между мусульманской этикой и этикой в мусульманских обществах составляют феномены «муру'а» (мужественность, достоинство) и «футувва» (молодечество, доблесть), представлявшие собой развитие комплекса арабских доисламских представлений и их постепенное приспособление к принципам мусульманской этики, не обязательно до конца успешное. Наконец, значение для формирования нравственности имел и имеет адат (от араб. «ада» - обычай) - местные традиционные представления, преимущественно в сфере обычного права.

Понятия «кораническая этика», «этика Корана и сунны»

Различение «мусульманской этики» и «этики в мусульманских обществах» задает координаты, позволяющие локализовать феномены, подразумеваемые другими терминами, которые имеют хождение в этической и околоэтической литературе. Говоря о «коранической этике», или «этике Корана», подразумевают ту часть мусульманской этики, которая основана непосредственно и исключительно на коранических тезисах. Чаще всего такое ограничение предмета предпринимается в академических исследованиях с определенными научными целями, например, проследить эволюцию коранических представлений в дальнейшем развитии арабо-мусульманской мысли. Однако в том, что касается понимания мусульманской этики, как она сложилась уже спустя один-два века после возникновения ислама, безусловное значение в качестве авторитетных текстов имеют не один, а два источника: Коран и сунна. Под сунной (араб. «закон») понимается свод правил и положений, представленных в хадисах (араб. «рассказ»), а также сам корпус хадисов. Хадисы - это предания, возводимые к Мухаммеду, его родственникам, ближайшему окружению и сподвижникам. Содержание таких преданий составляют слова самого Мухаммеда или молчаливо, в поведении выраженное им одобрение или порицание, а также рассказы о его поступках, переданные его окружением.

В отличие от Корана, изначально заданного для исламской традиции как авторитетный текст, сунна складывалась постепенно на протяжении первых двух-трех веков исламской эры. Собрание, исследование и комментирование хадисов с точки зрения их достоверности и содержания стало предметом «хадисоведения» (ильм аль-хадис). В целом хадисы распадаются на «правильные» (сахих), «хорошие» (хасан) и «слабые» (даиф). В самостоятельную группу из состава «слабых» иногда выделяют «подложные» (мавду) хадисы, которые, хотя и могут фигурировать в сборниках, однако не должны возводиться к Мухаммеду и служить основой для выработки норм права и руководством к повседневным действиям мусульман. Эта классификация отражает прежде всего содержание хадиса. Параллельно ей хадисы классифицируются в зависимости от характера цепочки передатчиков (иснад) хадиса и количества версий, в которых известен хадис, причем один и тот же хадис может классифицироваться по разным шкалам одновременно и независимо. В целом условия достоверности хадиса включают непрерывность вплоть до Мухаммеда цепи передатчиков, которые предпочтительно должны быть заслуживающими доверия и жить в эпохи, когда по крайней мере не исключена возможность их встречи, а следовательно, и передачи хадиса от одного другому; передачу хадиса в многочисленных редакциях, различающихся словесным оформлением, но совпадающих по существу дела; передачу хадиса через несколько цепей передатчиков, желательно независимых; непротиворечие хадиса другим, твердо установленным положениям Корана и сунны, а также здравому смыслу.

Эти требования постепенно сформировались и послужили в среде суннитов основой отбора общепризнанных авторитетных текстов из большого числа циркулировавших в то время сборников хадисов, хотя ни о какой формальной «канонизации» в отсутствие Церкви в исламе говорить невозможно. Этот процесс был постепенным, и большинство таких сборников хадисов было составлено только в третьем веке хиджры (мусульманской эры). В суннитской традиции, безусловно, наиболее авторитетными являются два сборника под одинаковым названием «ас-Сахих», принадлежащие аль-Бухари (810-870) и Муслиму (817 или 821 - 875). Они, как правило, упоминаются первыми в составе так называемых «шести книг», включающих также «ас-Сунан» («Законы», мн. от араб. «сунна») Абу Дауда (817-889) и одноименные сборники ат-Тирмизи (824 или 826 - 892), ан-Насаи (830-915) и Ибн Маджи (824-887). Шиитская традиция, не отрицая в целом авторитет суннитских сборников, корректирует свое отношение к ним прежде всего под углом зрения основного для шиитов вопроса, составляющего вместе с тем центр их разногласий с суннитами: вопроса о преемничестве Али бен Аби Талиба, который, как считают шииты, должен был непосредственно заменить Мухаммеда после его смерти, и имамате его потомков, несправедливо, по мнению шиитов, лишенных власти.

Признавая хадисы суннитской традиции, не противоречащие этому представлению, шииты вместе с тем имеют собственный аналог суннитских «шести книг». У них это – «четыре книги», принадлежащие трем авторам. Аль-Кулини (ум. 941) создал «аль-Кафи фи аль-хадис» («Достаточный свод хадисов»), Ибн Бабавейх (ум. 991/992) – «Ман ля йахдуру-ху аль-факих» («Книга для тех, с кем нет факиха»), а Абу Джафар ат-Туси (ум. 1066/67) – «аль-Истибсар» («Обозрение») и «Тахзиб аль-ахкам» («Упорядочение юридических норм»). Уникальным источником шиитской учености является энциклопедический «Бихар аль-анвар» («Моря света») в более чем 100 томах, составленный Мухаммедом Бакиром аль-Маджлиси (1628-1699) с использованием едва ли не всей доступной к тому времени шиитской литературы по корановедению, хади-соведению, фикху, вероучению. Большое значение в шиитской среде имеет "Нахдж аль-балагга" ("Путь красноречия") - сборник высказываний различных жанров (проповеди и наставления, трактаты и послания, предания и постановления), приписываемых традицией самому Али. Его составил в 400 г. хиджры (1010) ар-Рады Абу аль-Хасан Мухаммед аль-Мусави аль-Багдади (970-1015). «Путь красноречия» фактически вытеснил конкурирующие сборники преданий от Али и породил немало комментариев, наиболее известный из которых составил Изз ад-Дин Ибн Аби аль-Хадид ал-Мутазили (ум. 1257 или 1258). Таким образом, если Коран представляет собой фиксированный (за исключением очень незначительных нюансов) текст, то сунна, во-первых, не фиксирована жестко с точки зрения своего содержания, а во-вторых, различается в понимании суннитов и шиитов, а также, хотя и менее существенно, в понимании различных школ (мазхабов) религиозно-правовой мысли внутри суннизма и шиизма. Это объясняет заметные флуктуации мусульманской этики даже в тех границах, в которых она возводится к двум авторитетным источникам.

В традиционной исламской мысли сложился принцип: «Коран истолковывает сунну, а сунна истолковывает Коран». Он действует во всех случаях, когда авторитетные тексты исламской традиции (Коран и сунна) служат основой для выработки норм, будь то этических или юридических. Этот принцип означает, что ни Коран, ни сунна в отрыве друг от друга не могут служить основой мусульманской этики. Толкование любого отрывка коранического текста требует, во-первых, владения довольно сложными правилами коранической экзегезы (тафсир, тавиль), а во-вторых, хорошего знания сунны. То же относится к попыткам извлечь нормативное содержание из хадисов: для этого необходимо по меньшей мере знание статуса обсуждаемого хадиса и мнений хадисоведов по поводу его содержания, а также соотнесение этого содержания с кораническими тезисами. Среди наиболее существенных отличий ислама от христианства справедливо называют отсутствие Церкви: принадлежность к организационно и культо-

во (таинства) оформленной общине не является условием спасения для мусульманина. Исходя из этого, часто говорят об отсутствии посредника между человеком и Богом в исламе. Это верно постольку, поскольку в исламе нет духовенства как группы людей, обладающих, в отличие от остальных верующих, особой благодатью: любой мусульманин в принципе может стать служителем религии. Однако сближение между исламом и протестантизмом, которое на этом основании проводят некоторые авторы, не до конца оправдано, в особенности в том, что касается толкования священных текстов. Мусульманская культура выработала своего рода «требования компетентности», которым должен удовлетворять всякий желающий трактовать эти тексты и которые призваны поставить надежный барьер на пути невежественных или недобросовестных попыток извлечь нормативное содержание из Корана и сунны. Обычных верующих, не преодолевающих такой «порог компетентности», призывают принимать на веру толкования авторитетных ученых (улемов, мулл) и руководствоваться принципом «не задавать вопрос «как?» в тех случаях, когда попытки ответить на него приводят к конфликту с основополагающими принципами вероучения. Обо всем этом особенно важно помнить в нашей стране, где авторитетные тексты ислама, включая сунну, наконец-то становятся доступными всем, но где представления о традиционных принципах обращения с этими текстами не столь хорошо известны, подчас даже представителям этнических групп, традиционно исповедовавших ислам.

Коран и сунна, таким образом, составляют единый корпус авторитетных текстов, служащих основой для выработки нормативной мусульманской этики. В этом смысле мусульманская этика может быть названа «этикой Корана и сунны». Вместе с тем необходимо помнить, что «этика Корана и сунны» составляет только ядро мусульманской этики, ее центральную и в целом инвариантную часть. Над этим фундаментом надстраиваются и этические теории, и рассуждения наставительно-нравственного толка, принимающие основополагающие принципы мусульманской этики и потому входящие в ее состав. Примером первых служит известная полемика кадаритов (сторонников автономии человеческого действия) и джабаритов (приверженцев учения о его неавтономном характере). Вторые представлены прежде всего адабом - рассуждениями о «приличиях», очень распространенными и популярными в традиционной арабо-мусульманской культуре; достаточно сказать, что однокоренной термин «тадиб» (его можно передать как «привитие приличий») служит обозначением для процесса воспитания в духе мусульманской этики.

Понятие «традиционная этика»

Термин «традиционная этика» употребляют как близкий по значению к «мусульманской этике», понимая под ним нравственно-этические установления, выработанные арабо-мусульманской традицией. Под традиционной этикой могут подразумевать также нравственные нормы, характерные для какого-то региона в силу его культурных или иных особенностей и не обязательно соотносящиеся с нравственно-этическими установлениями других регионов распространения ислама.

Понятие «философская этика»

Термин «философская этика» в применении к традиционной арабо-мусульманской мысли имеет два существенно различающихся значения. С одной стороны, он обозначает учения, которые мы относим к «этике в мусульманских обществах», но не к «мусульманской этике». Это прежде всего античные этические теории и прошедшие философское переосмысление идеи зороастризма. С другой стороны, им могут обозначать философские построения, выполненные в согласии с принципами мусульманской этики и направленные на развитие ее положений или решение ее проблематичных вопросов; такими можно считать, например, споры мутазилитов о природе добродетельных поступков. Хотя эти и другие философские построения такого рода не обязательно были приняты всеми или даже большинством мусульман, тем не менее они по своему характеру входят в состав мусульманской этики.

§ 2. СООТНОШЕНИЕ ЭТИКИ И ПРАВА В АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Строгое размежевание сфер права и этики, характерное для западной цивилизации, не является отличительной чертой арабо-мусульманской культуры. Их соотношение следует понимать как отчасти совпадение, отчасти же ясно оформленное различие.

Общность культурно-исторических корней развития этики и фикха

Становление этической и религиозно-правовой мысли (фикх) в исламе происходило параллельно и было вызвано к жизни одной и той же культурно-исторической ситуацией. Переезд (хиджра) Мухаммеда со сподвижниками из Мекки в Медину в 622 г. стал переломным моментом в истории ислама: так образовалась мусульманская община (умма), и это событие столь значительно, что именно от него берет отсчет мусульманская эра. С этого момента вполне оформляется система авторитетов, принципиальная для ислама и состоящая из двух элементов: божественного и человеческо-

го. Согласно исламским представлениям, Коран - это предвечное Божье слово, которое как таковое являет волю Бога непосредственно. Но в практической жизни по крайней мере не меньшее значение имеет авторитет Мухаммеда как главы общины: к нему обращаются за решением любых затруднительных вопросов, и его слова и поступки (их-то и фиксирует сунна) навсегда становятся законом для мусульман, фактически столь же неизменным, как неизменно Божье слово. Компактность уммы времен Мухаммеда гарантировала его личное участие в обсуждении любых проблем, а значит, и наличие авторитетного их разрешения. Кончина Мухаммеда и лавинообразный рост уммы в результате мусульманских завоеваний принципиально изменили ситуацию. Необходимо было найти нечто, что заняло бы место человеческого авторитета, стоящего рядом с авторитетом Божественного слова. Эта задача была решена по-разному в суннизме и шиизме. Опираясь на известный хадис, утверждающий, что умма не может единогласно (иджма) согласиться с заблуждением, мусульмане признают единогласное решение уммы непогрешимым. Единогласие могло бы стать своеобразной заменой пророческих установлений, хотя далеко не полным, однако оно может быть зафиксировано только теоретически: даже в нынешних условиях вряд ли технически осуществимо одновременное голосование всей без исключения уммы по какому-то вопросу. Поэтому реальное решение данной проблемы было другим. В суннизме это постановления, выносимые компетентными учеными в результате процедуры «соизмерения» (кияс) с какими-то другими, твердо установленными в авторитетных текстах (Коране и сунне). Фикх развивался также и в шиизме, однако место кияса, не признаваемого шиитами (за исключением очень ограниченного круга вопросов), заняло в нем то, что сами шииты называют "разум" (акль) и что представляет собой решение, выносимое имамом (главой шиитов) и считающееся непогрешимым.

Общность объекта и системы оценок в этике и фикха

Развитие фикха стимулировалось потребностью заменить авторитет Мухаммеда (хотя о буквальной замене речи, конечно, быть не может). Поэтому предмет фикха столь же тотален, как и предмет сунны: это любой вопрос реальной жизни, по которому может потребоваться нормативное решение. Этика также носит нормативный характер, и многие вопросы нравственности попали в сферу ведения факихов (ученых, занимающихся фикхом).

Частично совпадая с фикхом по своему предмету, этическая мысль в исламе подчас использует и сложившуюся в нем систему оценок. Это так называемые «пять категорий»: обязательное (ваджиб, фард), рекомендуемое (мандуб, сунна), безразличное (мубах), nereкомендуемое (макрух) и

непозволительное (харам, махзур). Эта классификация соотносится, с одной стороны, с приказанием (амр) и запретом (нахй), а с другой, с вопросом о загробном воздаянии (джаза), будь то награда (саваб) или наказание (икаб). Приказание и запрет определяются на основании коранического текста или сунны и, как считается, выражают волю Законодателя. Комбинация двух сторон: предписанности/запрещенности и воздаяния - и определяет, к какой категории будет отнесен тот или иной поступок. Обязательны поступки, которые предписаны и выполнение которых вознаграждается, а невыполнение карается. Непозволительны те, которые запрещены и несовершение которых награждается, а совершение наказывается. Рекомендуемыми являются поступки, которые предписаны, совершение которых вознаграждается, но неисполнение которых не наказывается. К нерекондуемым относятся те, от которых предписано воздерживаться, совершение которых не наказывается, но воздержание от которых вознаграждается. Что касается безразличных поступков, то к ним относятся такие, совершение или несовершение которых никак не нарушает волю Законодателя: относительно них не высказываются ни Коран, ни сунна, и человек с точки зрения фикха волен совершать или не совершать их.

Различия в объекте и системах оценок в этике и фикхе

Частичное совпадение этики и фикха по предмет и системе оценок не означает их тождества. Этическая мысль ясно отделяет себя от фикха и в этих двух моментах, и, что важнее, в понимании своего предмета.

Категория «безразличное», не подпадающая в фикхе под религиозно-юридические формы регулирования, включена в сферу этического рассмотрения: поступки, совершение или несовершение которых безразлично для законоведа, в этической мысли расцениваются как «добрые» (хасан) или «дурные» (кабих). «Доброе» и «дурное» составляют бинарную систему оценок, которая не является собственной системой оценок фикха и, хотя может фигурировать в рассуждениях факиха, выражает этическое, а не религиозно-правовое отношение к предмету обсуждения. Наконец, предметом этики является действие, неразрывно связанное с породившим его намерением (нийя). Хотя во многих случаях и факих не может вынести суждение о правовой норме, не зная мотивации поступка, однако связанность поступка и намерения не служит исключительным условием попадания в сферу компетенции правоведа, составляя собственную характеристику этической мысли.

Коллизии этики и права

Различия в понимании своего предмета и в системах оценок фикха и этики имеют своим следствием возможность коллизии между поведением согласно правовым и этическим нормам. В некоторых случаях причины этих коллизий имеют чисто логическую природу: пятеричная система оценок в фикхе несовместима со строгой дихотомией-защитой блага и зла, побуждения и удержания. С другой стороны, этика не может игнорировать намерение, тогда как право во многих случаях не может не учитывать действие как таковое. Извинимость намерения и неизвинимость действия ведут в таких случаях к коллизии.

Подобные коллизии этики и права, как правило, не рассматриваются как конфликт. Они разрешаются на основе выбора в пользу одной из сторон. При этом выбор трактуется не как избрание единственно истинной линии поведения и, следовательно, отрицание альтернативы как ложной. Это - предпочтение, отдаваемое одной из возможностей, но не уничтожающее другую и не отрицающее ее.

В первом случае (пятеричная система оценок в фикхе и дихотомия блага и зла) коллизия, если бы она трактовалась как конфликт, могла бы быть разрешена только логическим путем, за счет изменения одной из несовместимых систем оценок. Такая кардинальная реформа никогда не была предпринята, и мусульманская мысль предпочла мягкий вариант необязывающего побуждения, связанный с правовой системой оценок, и редко занимала строго ригористичную позицию, вытекающую из дихотомии добра и зла. Во втором случае (противоположные оценки намерения и вызванного им действия) оба варианта поведения допустимы и расцениваются положительно, так что речь идет о выборе между хорошим (поведение согласно правовым нормам) и лучшим (следование этическим побуждениям). Такой выбор в любом случае имеет положительный эффект. Для мусульманской мысли в целом характерно стремление не расценивать различия как конфликт, т.е. как несовместимость, и этому императиву она следует насколько возможно. Согласие, с этой точки зрения, всегда предпочтительнее, даже если оно обосновано не вполне последовательно, и половица «худой мир лучше доброй ссоры» вполне соответствует этому умонастроению. Поэтому столкновения правового и этического отношений, если и случаются, не достигают, за очень редким исключением, степени конфликта ни в теории, ни на практике.

§ 3. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭТИКИ

Архитектоника мусульманской этики как системы определяется двумя тесно связанными принципами. В своем крайне абстрактном выражении они могут быть названы принципом непосредственной связанности и

принципом перевешивающего баланса. Эти принципы обосновывают важнейшие звенья этического рассуждения: понимание предмета этики и ее основных категорий, характер центральных этических проблем и направление их разрешения. С этими принципами связаны характерные и отличительные черты мусульманской этики. Они же определяют основные линии философской разработки этической проблематики в пределах мусульманской этики. Вместе с тем эти принципы не обуславливают ход рассуждения в пределах этики в мусульманских обществах, как это понятие было определено выше, поэтому следование им или их игнорирование служит надежным признаком размежевания этих двух сфер этической мысли в арабо-мусульманской цивилизации. С действием данных принципов мы будем знакомиться по мере рассмотрения мусульманской этики.

Глава II. НАМЕРЕНИЕ-И-ДЕЙСТВИЕ КАК ПРЕДМЕТ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭТИКИ

§ 1. ПРЕДМЕТ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭТИКИ. НАМЕРЕНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Намерение и действие в непосредственной связанности

Принцип непосредственной связанности ярко проявляет себя в понимании предмета мусульманской этики. Он представлен намерением в его прямой и непосредственной связи с вызываемым им действием. Эти два элемента, намерение и действие, не могут рассматриваться отдельно друг от друга, и только во взаимной соотнесенности они имеют смысл. Намерение не является таковым, если не вызывает действие, причем действие должно наступать незамедлительно и не может откладываться на какой-либо срок. Подбирая синонимы для понятия «намерение», арабо-мусульманские авторы чаще всего называют «твердую решимость» (ирада джазима) совершить действие или «целеустремленность» (касд). Последняя выражает целеполагающую природу намерения, что составляет его важнейшую черту.

Из непосредственной связанности намерения и действия вытекает фундаментальное положение мусульманской этики: действие оценивается только вкуче с вызвавшим его намерением. Ни действие, ни намерение не может быть оценено «как таковое», и в мусульманской этике нельзя найти твердой и однозначной шкалы оценок намерений или действий. Изменение намерения влечет изменение этической (и религиозно-правовой) оценки действия, и вместе с тем намерение не может быть оценено без учета осуществляющего его действия.

В силу этого мусульманская этика не может быть названа ни этикой целей, ни этикой средств; ни этикой знания, ни этикой поступков. Она, если использовать эту терминологию, представляет собой этику целей-и-средств, знания-и-поступка, или, если выражаться в ее собственных терминах, этику намерений-и-действий.

Непосредственная связанность намерения и действия выражена в известном хадисе: «Посланник Божий (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Поступки - по намерениям. Каждый получит то, к чему стремился: кто уходит (хиджра) во имя Бога и Его посланника, тот уходит во имя Бога и Его посланника, а кто - ради мирских целей или чтобы взять в жены женщину, тот уходит ради того, к чему ушел»».

Формула «поступки по намерениям» (аль-амаль би-н-нийят) стала едва ли не центральной в религиозно-правовой и этической мысли ислама. Достаточно сказать, что в фикхе намерение учитывается и при рассмотрении культовых действий (ибадат), таких, как омовение, молитва, выплата очистительной милостыни (закат), паломничество (хадж), пост, и при решении тех вопросов взаимоотношений людей (муамалят), в которых должно быть вынесено судебное-правовое решение, таких как сделки, брак, договоры и т.п. Общее положение при этом таково: правильное намерение должно непременно сопровождать любое действие, и даже если все «технические» детали действия соблюдены, но намерение отсутствовало или было неправильным, т.е. не соответствовало действию, то и действие считается несостоявшимся. Это положение распространяется не только на ритуально-культовые действия, но затрагивает и чисто юридические акты, такие, как развод или купля-продажа. Другое важное условие состоит в том, что намерение должно сохраняться до конца действия, т.е. сопровождать постоянно процесс его совершения. Если намерение нарушено или изменилось до того, как действие закончилось, такое действие также считается несостоявшимся. С этой точки зрения «дух» и «буква» закона никак не могут быть не только противопоставлены, но и вообще разделены: одно не имеет никакого смысла без другого.

Аномальные случаи нарушения структуры намерения-и-действия

Возможны случаи, когда правильное намерение имеет место, но действие не может состояться в силу внешних обстоятельств, которые блокируют его осуществление. Такие обстоятельства распадаются на две группы: во-первых, объективные непреодолимые препятствия (нечто вроде форс-мажора), неожиданно возникающие на пути осуществления действия; и во-вторых, некое другое действие, которое в силу изменившейся ситуации человек должен безусловно предпочесть тому, которое он твердо и искренне намеревался совершить. Среди таких, безусловно предпочитаемых, дей-

ствий фигурируют, как правило, те, что связаны с сохранением жизни или здоровья - собственных, своих близких или вообще других членов уммы. То, что исламская мысль выражает в очень растяжимом понятии попечения об «интересах» (масалих) уммы, имеет к этому непосредственное отношение. И для религиозно-правовой, и для этической мысли ислама жизнь и здоровье каждого члена уммы и жизнеспособность уммы в целом являются безусловным приоритетом, поэтому, если неожиданно изменившаяся ситуация требует от человека совершить действия, направленные на сохранение здоровья или жизни, он обязан оставить действие, которое намеревался совершить, и предпочесть ему то, что требуется в изменившейся ситуации. Из уже сказанного понятно, что изменение ситуации, делающее совершение изначально задуманного действия невозможным, должно быть именно неожиданным, т.е. таким, о котором человек не знал в тот момент, когда формировалось его изначально намерение. Это принципиально, так как намерение, безусловно, должно быть не только твердым, т.е. прямо сопряженным с соответствующим действием, но и совершенно искренним. Если человек заранее знал, что внешние обстоятельства не позволят ему совершить задуманное действие, он в силу этого не мог сформировать правильное намерение. Понятие «ихлас» (преданность, искренность) имеет высокие коннотации в исламской мысли, и искренняя преданность цели действия крайне ценится, при том что сама цель, конечно же, должна быть достойной. Так понимаемая преданность прямо связана с формированием правильного намерения: искренность, отсутствие «задней мысли» и посторонних соображений является в данном случае непременным условием.

Итак, в тех случаях, когда намерение было правильным, а действие не могло совершиться по неожиданно возникшим и не зависящим от человека обстоятельствам, такое действие засчитывается как совершенное: структура «намерение/действие» является правильно выстроенной, несмотря на то, что само действие «реально» не произошло. Это еще раз показывает, что для мусульманской этики важно не намерение как таковое и не действие как таковое, а их непосредственная сопряженность, - а такая сопряженность имеет место в описанных случаях, когда действие не осуществляется при наличии правильного намерения. Следует отметить, что эта позиция характерна именно для этической, а не собственно правовой мысли ислама, которая вряд ли склонна игнорировать отсутствие действия как такового в тех случаях, когда именно с таким действием связано наступление правовых последствий.

Возможен и противоположный случай, когда действие совершается, не будучи вызвано каким-то намерением. Такие действия называются «напрасными» (абис). Выбор термина говорит сам за себя: «напрасный» характер действия тождествен его иррациональности. Для классической арабо-мусульманской мысли характерна убежденность в том, что действие

- прерогатива живых и разумных существ. Этим двум условиям удовлетворяют только два класса действующих: с одной стороны, Бог, с другой, сойершеннолетние разумные люди. Кто обладает разумом, способен и к целеполаганию, и, напротив, без нормального зрелого разума не может быть сформировано правильное намерение. Что разумный действующий не может или, во всяком случае, не должен действовать без цели, разве что по забывчивости или по упущению, вполне очевидно для мусульманских авторов классической эпохи. Отсутствие намерения и напрасный характер действия всегда осуждаются. Богу ни в каких случаях не может быть приписано «напрасное» действие. То же касается действий Мухаммеда: в религиозной литературе подробнейшим образом обсуждаются все нюансы его движений и поступков, которым мог бы быть приписан «напрасный» характер, и последовательно доказывалось, что они такого характера не носили.

Ибн Хаджар аль-Аскаляни (XIV-XV вв.) в комментарии к одному из хадисов из сборника аль-Бухари (5748) разбирает эпизод, в котором между делом упоминается, что Мухаммед в задумчивости постукивает прутиком по земле. Даже такая, казалось бы, пустяковая деталь поведения анализируется на предмет своего характера: Ибн Хаджар доказывает, что эти движения не относятся к «осуждаемой напраслине» (абас мазмум), поскольку, пишет он, прутик в данном случае - как будто посох, на который арабы имеют обычай опираться во время разговора. «Напрасным», говорит он, было бы, например, втыкать нож в деревянную поверхность, поскольку помимо бессмысленности это занятие еще и наносит вред, ибо портит предмет.

Термин «абас» («напрасный» характер) имеет и другое значение: игра, забава. Играющий или забавляющийся может преследовать определенную цель, а может и забывать о цели, но в любом случае его действия столь же бессмысленны, как и действие в отсутствие цели. Аль-Джассас (X в.) так определяет «игру» (ляаб): «это действие, цель которого - зрелище и отдых, которое не имеет одобряемых (махмуд) последствий, а субъект которого не преследует иной цели, кроме развлечения и радости». Хотя цель, вообще говоря, присутствует, она явно бессмысленна с точки зрения этого автора: осмысленно только то, что дает какую-то пользу, а польза понимается как приносящая награду (саваб), в первую очередь загробную. Это понимание осмысленности и разумности поведения тесно связано с трактовкой характера блага и полезного в мусульманской этике.

Суммируя, можно сказать так: игры и забавы не приносят пользы, а потому неразумны, а значит, осуждаемы. Следование зову "страстей" (хаван) осуждается на том же основании: они не поддаются контролю разума и приносят человеку вред, а не пользу. Азартные игры тем более осуждаются, поскольку не просто не приносят пользы, как обычные игры, но и

наносят очевидный материальный вред игроку и его близким. Однако что именно означает «осуждение» обычных (неазартных) игр, влечет оно категорический или некатегорический запрет, осталось спорным вопросом исламского права: это один из многочисленных и характерных примеров совпадения этической и правовой проблематики и одновременно сложности перевода этических категорий в правовые. Из числа осуждаемых игр и забав мусульманская мысль изымает три: стрельба из лука, верховая езда, игры с домочадцами, - считая их разрешенными или даже поощряемыми на основании известного хадиса.

«Посланник Божий (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Благодаря одной стреле Бог введет в рай трех человек: сделавшего ее (если тот искал блага, изготавливая стрелу), стрелка и его помощника, подающего стрелы. Занимайтесь стрельбой и верховой ездой; по мне лучше, чтобы вы стреляли, нежели ездили верхом. Все, в чем мусульманин находит забаву, ложно (батыль), кроме трех вещей: стрельба из лука, выучка лошади и игра с домочадцами; это - истинное (хакк)»». Характерно добавление к процитированным словам, которое встречаем у ан-Насаи (3522): «...кто, выучившись стрелять из лука, оставит это занятие по собственному желанию, тот как будто пропустит одну из благодатей (ниама)». В этих словах подчеркнута, что «истинное» прямо связано с приобретением блага и выгодой, тогда как «ложное» по меньшей мере не дает блага: если верховая езда, в которой наездник желает покрасоваться, или игры с домочадцами ради забавы просто дозволительны, то стрельба из лука в этом варианте хадиса рассматривается как поощряемое, похвальное занятие.

Истинное противопоставляется не только ложному, но и заблуждению (даляль). Опираясь на коранический аят: «Что же после истины, кроме заблуждения?», некоторые авторы относят любые забавы и игры, кроме трех перечисленных, к заблуждению, а значит, к запретному. Особенно выделяется пение (некоторые правоведы даже запрещали продавать, покупать и держать рабынь-певичек, что не помешало распространению этого обычая при дворах многих правителей), а также игра в нарды и шахматы. В одном из хадисов в сборнике «аль-Мустадрак» аль-Хакима (наставника аль-Бейхаки, XI в.) пение названо «разговорной забавой» (ляхв аль-хадис; а значит, и отношение к нему такое же, как к любой другой «забаве»), а относительно игры в нарды известен хадис: «Пророк (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Играющий в нарды как будто касается мяса и крови свињи»; последние слова обычно толкуют как устанавливающие запрет на игру в нарды, поскольку она приравнивается в них к запрещенным мясу и крови свињи. Вместе с тем правовой характер запрета игры в нарды и шахматы оставался в исламе предметом серьезных разногласий.

Итак, отсутствие намерения или действия расценивается как аномалия, нарушающая их непосредственную связанность. Но если отсутствие

действия при наличии намерения извинимо, то отсутствие намерения или то, что к такому отсутствию приравнивается (пустая, "напрасная" цель), совершенно неизвинимы. Такое различие между намерением и действием вызвано тем, что действию может помешать что-то, не зависящее от человека, тогда как формирование намерения находится целиком в его власти: намерение и действие занимают разное положение в структуре «явное-скрытое».

Намерение-и-действие как явное и скрытое

Действие осуществляется с помощью одной или нескольких частей тела, тогда как намерение, как считают арабо-мусульманские авторы, гнездится в сердце. Исходя из этого, соотношение намерения и действия описывают как соотношение "явного" (захир) и "скрытого" (батын). Эта пара категорий является едва ли не наиболее употребляемой и универсальной в арабо-мусульманской теоретической мысли, и тенденция рассматривать всякий предмет как соотношенность явной и скрытой сторон характерна и для философии, и за ее пределами. Следует иметь в виду, что соотношение между явным и скрытым, как оно понимается в арабо-мусульманской мысли, отличается от привычного нам соотношения между явлением и сущностью прежде всего и по преимуществу тем, что ни явное, ни скрытое в отдельности не составляют истину или суть вещи или события (как это можно сказать о сущности в противоположность явлению), а потому ни одно из них не может игнорироваться как менее важное. Признаком истинности для арабо-мусульманской мысли служит правильное соотношение между явным и скрытым, когда одно точно соответствует другому. Именно таково соотношение между правильными намерением и действием. Пара категорий «явное-скрытое» в таком соотношении служит конкретизацией принципа непосредственной связанности, фундаментального для мусульманской этики.

§ 2. ПРАВИЛЬНОСТЬ НАМЕРЕНИЯ-И-ДЕЙСТВИЯ

Поскольку именно правильно соотносящиеся намерение и действие реализуют принцип непосредственной связанности, отражающей истинность вещи, категория «правильность» (сихха) стоит очень близко к категории «истинность» как в религиозно-правовой, так и в этической мысли ислама. Квалификация «правильное» (сахих), даваемая намерению и действию, выражает не «техническую» сторону дела, не соблюдение «формальностей». Это комплексная оценка, учитывающая все стороны. Прежде всего она выражает правильность соотношения между намерением и действием, поэтому «правильным» оказывается не намерение как таковое и не

действие как таковое, а намерение-и-действие, т.е. их сочетание. Если действие выполнено неправильно, значит, и намерение было неправильным; и, напротив, если намерение неправильно, то и действие не будет считаться правильным, даже если формально оно выполнено совершенно точно. Правильными считаются те намерения-и-действия, которые оцениваются как положительные, а не отрицательные в бинарных системах классификации, принятых в мусульманской этике.

§ 3. ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАМЕРЕНИЙ-И-ДЕЙСТВИЙ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭТИКЕ

В классической арабо-мусульманской литературе встречаются три основных типа классификации намерений-и-действий: утилитарный, апроприаторный и аффективный. Первый, наиболее распространенный и очевидный, оперирует понятиями «благо» (хайр) и "зло" (шарр), как они понимаются в мусульманской доктринальной и этической мысли, и близкой по смыслу парой «польза» (манфаа) и «вред» (дарар). Второй рассматривает намерения-и-действия как «пригодные» (маслаха) или, напротив, «пагубные» (мафсада) для человека. Третий соотносит намерения-и-действия с «состояниями» (ахваль, ед.ч. халь) души, которые сопровождают формирование намерения и выполнение действия, и ее «предрасположенностями» (ахляк) к выполнению определенных действий.

Эти три типа классификации не противоречат один другому. Напротив, они дают принципиально схожие результаты, и расхождение между ними, хотя и возможно, является скорее исключением. Дело в том, что все классификации имеют общее основание - представление о том, что вероучение и Закон даны людям ради их пользы и блага, дабы помочь им избежать любого вреда, что они поэтому содержат именно то, что наиболее пригодно для людей в земной и загробной жизни, что наилучшим образом обеспечивает их интересы и нацелено на удаление всякой пагубы, тогда как состояния души и ее предрасположенности к действиям оцениваются как хорошие или дурные в зависимости от того, способствуют они (как, к примеру, стыдливость или богобоязненность) или нет (как заносчивость и гордость) принятию исламского вероучения и, следовательно, формированию намерений-и-действий, направленных на полезное и пригодное для человека. Оценка намерения-и-действия связана, таким образом, с центральными понятиями этики: благо и зло, интересы человека, его душевные качества и их влияние на его поведение.

Глава III. БЛАГО И ЗЛО. УТИЛИТАРИСТСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАМЕРЕНИЙ-И-ДЕЙСТВИЙ

§ 1. ПОНИМАНИЕ БЛАГА И ЗЛА В МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭТИКЕ

Для понимания блага и зла в мусульманской этике характерны два момента, отличающие его от аналогичных концепций, созданных в рамках этики в мусульманских обществах. Во-первых, благо и зло не трактуются в качестве метафизических начал или модификаций единого метафизического принципа, как то характерно для зороастризма или неоплатонизма. Благо и зло - это вполне ощутимые, близкие и понятные для любого человека выгоды либо потери, в том числе и даже прежде всего материальные, связанные с его непосредственными интересами в земном существовании. Именно поэтому понятия «благо» и «зло» так легко сближаются с понятиями «полезное» и «вредное», если не переходят в них. Во-вторых, благо и зло принципиально соотносительны и не абсолютны. Практически все, что может быть оценено как благое или дурное, получает такую квалификацию после взвешивания хорошей и дурной сторон и выражает преобладание одной из них над другой. В этом проявляется второй из фундаментальных принципов мусульманской этики - принцип перевешивающего баланса. Благим является не то, что причастно абсолютному благу и потому удалено от зла, а то, в чем благо перевешивает зло в данный момент и в данной ситуации. Контекстуальность оценки так же принципиальна, как и ее балансовый характер, и вытекает из последнего: с изменением контекста оценка легко может поменяться на противоположную. Хорошо известно, что потребление спиртного (хамр) запрещено исламским религиозным законом (шариатом). Однако это не значит, что спиртное само по себе причастно злему началу: если мусульманин поперхнулся и ему грозит смерть от удушья, он обязан (а не просто может) выпить любую жидкость, в том числе спиртное, если нет другой, чтобы спасти свою жизнь. В данной ситуации благо, связанное с потреблением спиртного (спасение жизни), преобладает над злом, которое оно обычно приносит и которое состоит в том, что оно отвлекает человека от следования установлениям истинного и полезного для него Закона. Таково общее, принципиальное понимание блага и зла в мусульманской этике. Оно конкретизируется в основных положениях, которые выдвигают в связи с вопросом о благе и зле авторитетные тексты - Коран и сунна.

Согласно Корану, Бог является единственным источником блага и зла: «Если Бог пошлет тебе какое либо бедствие, то Он только один может и избавить от него; и если пошлет тебе какое благо, то потому, что Он всемогущ». «Скажи: Боже, царь царства! Ты даешь царство кому хочешь, и отъемлешь царство у кого хочешь; Ты возвышаешь кого хочешь, и унижаешь кого хочешь: благо в Твоей руке, потому что Ты всемогущ».

Коран призывает творить благие дела, утверждая, что благочестие - лучшее украшение человека, а благие дела оказываются лучшими в глазах

Бога: «У каждого есть предличная сторона: к ней он обращает себя во время молитвы. Поэтому стремитесь друг перед другом к добрым делам; где бы вы ни были, Бог будет со всеми вами. Подлинно Бог всемогущ». «Сыны Адама! Мы вам доставляем одежду для прикрытия наготы вашей и красивые наряды; но одежда благочестия - она самый лучший наряд. Это знамения Божий: может быть, вы размыслите». «Бог возвеличит тех, которые идут по прямому пути: за шествие по прямому пути, за постоянно добрые дела от Господа твоего будет самая лучшая награда, самое лучшее воздаяние».

Этот императив получает свое разъяснение прежде всего в толковании блага как религиозного послушания. Благо - верить в посланника истины от Бога: «Люди! этот пророк принес уже к вам истину от Господа вашего, потому веруйте ко благу вашему; но если останетесь неверными, то... действительно во власти Бога небесное и земное; Бог - знающий, мудрый», причем благом является то, что предписано Законом, хотя это может не нравиться людям: «Вам предписана война, и она вам крайне отвратительна. Но, может быть, вы чувствуете отвращение от того, что добро для вас»; «Верующие! вам не позволяют брать наследство у жен против их воли, и также препятствовать им получить часть, какую вы предоставили им, разве только они сделают явно какое гнусное дело. Обходитесь с ними благопристойно; если вы тяготитесь ими... может быть, вы тяготитесь тем, в чем Бог поставил великое благо».

Поэтому благо представляет собой соблюдение Закона. Оно может принимать вид ритуальных действий: «Торжественный праздник - в известные месяцы. Кто поставил себе в обязанность совершить праздник во время их: тому во время празднования не совокупляться с женой, не делать законопреступного, не ссориться. Что доброго сделаете, то знать будет Бог. Берите с собой путевых запасов; но самый лучший путевой запас есть благочестие. Бойтесь Меня, рассудительные!».

Среди них первое место, безусловно, отдано молитве: «Верующие! совершайте молитвенные наклонения и преклонения: служите Господу вашему и делайте доброе; может быть, будете счастливы». "Верующие, да не озабочивают вас ни имущество ваше, ни дети ваши до того, чтобы забывать воспоминание о Боге! Те, которые будут поступать так, будут несчастны». «Совершайте молитву, давайте очистительную милостыню: что доброго предварительно сделаете вы для душ ваших, найдете то у Бога; потому что Бог видит, что делаете вы».

Оно может выражаться и в активных социальных действиях: «Вы веруете в Бога и Его посланника, сражаетесь на пути Божиим, жертвуя вашим имуществом и вашими душами: это лучшая для вас торговля, если понимаете».

Наконец, соблюдение Закона, воплощающее благо, выражено в следовании моральным максима́м – «не злословь», «прости совершенное зло»: «Бог не любит того, что разглашают о худом по одной лишь охоте говорить, разве только кто будет несправедливо притеснен: Бог - слышащий, знающий. Рассказываете ли вы о добром, скрываете ли то, извиняете ли худое, - Бог - извиняющий, мощный».

Хотя некоторые аяты как будто толкуют благо как загробное в противопоставленности мирскому: «Здесьняя жизнь есть только суэта, призрак; но будущая жизнь есть лучшее благо для благочестивых. Не рассудите ли этого?», однако более характерно понимание блага как равно земного и потустороннего: «А тем, которые были богобоязливы, будет сказано: что такое ниспослал Господь ваш? Они скажут: доброе. Тем, которые в здесьней жизни делали хорошее, жилище в будущей жизни будет доброе: как отраднo жилище благочестивых!».

Поэтому внимание к правильному устройству здесьней, материальной жизни также является безусловным благом: «И к Мадиянтянам [послал] - брата их, Шуэйба. Он сказал: народ мой! поклоняйтесь Богу: кроме Его у вас нет другого Бога; от Господа вашего пришло к вам ясное указание: соблюдайте верность в мере и весе; не вредите людям убавлением принадлежащего им; не распространяйте расстройствa по земле после того, как она приведена в благоустройство. Это послужит к вашему благу, если вы будете верующими».

В некоторых случаях, таких, как призыв к пожертвованиям на нужды бедных членов общины, заметно понимание того, что материальное и нематериальное благо взаимно обусловлены: «Спрашивают тебя: на кого делают они пожертвования? Скажи: добро, каким они жертвуют, идет на родителей, ближних, сирот, бедных, путешественников. Что доброго ни делаете, Бог то знает»; «Он дает мудрость, кому хочет, и кому дается мудрость, тому дается великое благо; но об этом думают только умные. Какое бы пожертвование ни пожертвовали вы, и какой бы обет ни обещали вы, - Бог знает их; но за нечестивых нет заступников. Если вы открыто будете творить их и отдавать их бедным, то это будет еще лучше для вас: загладит вам ваши злые дела. Бог ведает, как что делаете вы. Не на тебе лежит обязанность руководить их, Бог руководит, кого хочет. Что ни жертвуете вы из добра вашего, жертвуете то для себя самих, как скоро жертвуете только потому, что ищете лица Божия. Что ни пожертвуете из добра вашего, вам сполна будет заплачено за то, и вы обижены не будете. - Пожертвования для бедных, которые терпят нужду на пути Божиим; они не могут вести промыслов на земле; незнающий почтет их, по скромности их, богатыми; ты узнаешь их по их признакам: они не просят докучливо. Что пожертвуете из добра вашего, Бог то знает».

Вот почему императив благих поступков подкрепляется многократными указаниями на то, что добро выгодно человеку, поскольку непременно будет вознаграждено без остатка: «Будет день, в который каждая душа найдет представленным пред нею то, что сделала она доброго и что сделала злого, пожелает, чтобы явилось великое расстояние между ею и оным. Бог благоволительно предостерегает вас; Бог благ к рабам своим»; «Какое добро ни сделают они, не останутся невознагражденными за него: Бог знает боящихся Его».

Добрые дела накапливаются к благу совершающего их и обеспечивают воздаяние в день Воскресения, которого можно ждать без боязни: «Тем, которые предстанут с добрыми делами, тем будет добро за них: они в тот день будут безопасны от страха», причем в этот день не только совершенное добро, но и зло будет явлено человеку без остатка: «В тот день люди рассеянными толпами пойдут, чтобы увидеть дела свои. Тогда и тот, кто сделал добра весом на одну пылинку, увидит его; и тот, кто сделал зла весом на одну пылинку, увидит его».

В немалой мере призыв к Богу строится на утверждении о том, что только он способен обеспечить людям благо и простить их грехи: «Они сказали: не поставим мы тебя выше тех ясных знамений, какие пришли к нам; выше Того, кто сотворил нас. Исполни, что хочешь исполнить: ты можешь исполнить только то, что относится к сей дольней жизни. Истинно мы уверовали в Господа нашего, для того, чтобы Он простил нам согрешения, и то волхование, какое сделать ты принудил нас. Бог есть и благий и пребывающий»; «Одолжайте Бога хорошим одолжением. Какое добро ни предпошлете вы для себя, у Бога найдете его: Он сам - добро и величайшая награда. Просите у Бога прощения себе: истинно, Бог - прощающий, милосерд».

Поскольку благо - исключительное достояние Бога, человек не может вне связи с Богом добыть себе счастье. Более того, он не способен и понять, в чем подлинное благо и подлинное зло, а потому нуждается в наставлении и руководстве. «Скажи: я не в силах распорядить для себя ни полезным, ни вредным, если не хочет того Бог. Если бы я был хорошо знающим тайное, я бы обогатился всяким добром, и ни какое зло не коснулось бы меня: я только обличитель и благовеститель для людей верующих».

Кораническая антропология расценивает «торопливость» как одну из основных отрицательных черт человека, и поговорка «торопливость - от Сатаны» прочно вошла в арабский язык. "Торопливость" означает вовсе не способность быстро исполнять те или иные действия. Это - поспешность в выборе цели своего действия. Такая поспешность не позволяет правильно взвесить положительные и отрицательные следствия своих пожеланий, определив их баланс, и сформировать на этой основе правильное намере-

ние: оба фундаментальных принципа мусульманской этики оказываются нарушенными. «Человек просит себе зла так же, как просит себе добра: человек – тороплив».

Бог, в отличие от человека, не склонен к торопливым действиям и не отвечает торопливостью на торопливость: «Если бы Бог ускорил для этих людей наступление зла соответственно тому, как желают они ускорить наступление добра: то для них уже кончился бы определенный им срок жизни: нечающих сретить Нас Мы оставляем, при их упорстве, скитаться иступленными».

Торопливость составляет противоположность «терпению» (сабр). Терпение означает стойкость намерения, его сохранение несмотря на перипетии судьбы. А торопливость и отсутствие терпения равнозначны склонности впасть в отчаяние при малейшей перемене обстоятельств: «Человек не тяготится молитвой, прося блага себе; но если его коснется зло, он уже безнадежен, отчаян».

И тем не менее Бог испытывает и искушает людей добром и злом: «Каждый человек вкусит смерть. Мы испытываем вас, искушая злом и добром: вы возвратитесь к Нам».

Избрание блага, прямо сопряженного с правильным исповеданием, доставляет человеку совершенство: «Верующие и делающие доброе, - они самые лучшие из тварей».

Соответственно мусульманская умма является лучшим народом: «В то время как вы были на краю огненной пропасти, Он отвел вас от нее. Так открывает вам Бог свои знамения, для того, чтобы вы могли идти прямо; и для того, чтобы из вас составила религиозная община, призывающая к добру, поощряющая к признанному хорошему, и удерживающая от худого. Таковые – счастливы»; «Вы самый лучший народ из всех, какие возникли среди людей: повелеваете доброе, запрещаете худое и веруете в Бога. И читающие Писание если бы поверовали, им было бы это лучше; есть из них верующие, но большая часть их – нечестивы».

Аналогичное понимание блага и зла встречаем в сунне. Показателен следующий хадис, который приведем с комментарием, раскрывающим понимание блага и зла.

Хузайфа бен аль-Йаман говорил: Люди спрашивали посланника Божьего (да благословит и приветствует его Бог!), что такое благо, а я спросил его, что такое зло, поскольку боялся, как бы оно меня не постигло. Я сказал: «О посланник Божий! Мы жили в невежестве (джахилийя) и зле, и вот Бог дал нам это благо. А будет ли после этого блага какое зло?" Он ответил, что будет. Я спросил: «А после того зла будет еще благо?» Он сказал: «Будет, с душком». Я спросил: «А что это за «душок»»? Он сказал: «Люди, которые будут руководствоваться не мною. Одних ты признаешь, а

от других отречешься». Я сказал: «А после этого блага будет зло?» Он говорит: «Да, призыватели при вратах геенны. Кто откликнется, тех они в нее и бросят». Я попросил: «Опиши же их, о посланник Божий». Он сказал: «У них наша кожа, и говорят они на нашем языке». – «А что ты мне прикажешь [делать], коли меня сие постигнет?» Он сказал: «Не отходи от общины (джама'а) мусульман и имама их». Я спросил: «А если у них не будет ни общины, ни имама?» Он ответил: «Тогда отделись ото всех этих группировок, пусть даже тебе придется до смерти глодать корень дерева и так встретить кончину».

Комментарий («Фатх аль-бари» Ибн Хаджара аль-Аскаляни): В невежестве и зле - это он указывает на то, как жили люди до ислама: в неверии, друг друга убивая и грабя, предаваясь излишествам и непотребствам (фавахиш).

И вот Бог дал нам сие благо - то есть веру (иман), безопасность (амн), правильное состояние (салах аль-халь) и огражденность от излишеств и непотребств. «А будет ли после этого блага какое зло?» Он ответил, что будет - в пересказе Насра бен'Асима сказано: «распря» (фитна), а в пересказе Субай'а бен Халида со слов Хузайфы у Ибн Аби Шайба говорится: «А как от него (зла) уберечься?» Он сказал: «Мечом». Тот спросил: «А после меча будет [время] благочестия?» Он сказал: «Да, перемирие (худна)». Под «злом» подразумеваются распри, что случились вслед за убийством Османа и далее, либо те заградные наказания, что полагаются за это.

Он сказал: «Будет, с душком (дахан)» - это дахан означает «ненависть» (хакд); а некоторые говорят: «порочность» (дагаль); а некоторые – «порча» (фасад) в сердце. Все три значения близкие. Он тут говорит, что то благо, которое наступит вслед за злом, будет не чистым, а замутненным. А некоторые говорили, что под дахан подразумевается духан (дым) и что он таким образом обозначил смутное время. говорили также, что дахан- это все, что является нереккомендованным (макрух).

Люди, которые будут руководствоваться не мною - в пересказе Абу аль-Асвада: «После меня будут имамы, которые будут руководствоваться моим руководством (хадй), но не следовать моему примеру (сунна)».

Среди них одних ты признаешь, а от других отречешься - то есть от их дел...

Призыватели - имеются в виду призывающие не к истинному.

При вратах геенны- они так названы потому, что к тому идут они. Так же о приказывающем сделать запрещенное говорят, что он на пороге геенны.

У них наша кожа - то есть они из нашего народа, говорят на нашем языке и принадлежат нашему исповеданию (милля). Это значит, что они арабы. Ад-Давиди считает, что это значит «сыны Адама». Аль-Кабиси говорил, что это значит, что они в явном (захир) принадлежат нашему испо-

веданию (милля), а по внутреннему (батын) противостоят ему, поскольку «кожа» - это вообще явная сторона чего-либо, а изначальное значение этого слова - покров тела. говорили также, что в пользу того, что он имел в виду арабов, говорит тот факт, что они весьма смуглы, а цвет проявляется именно на коже. В передаче Абу аль-Асвада говорится: «Среди них мужи с сердцами дьявольскими, в людское тело облаченными». Айяад говорит: под «злом» в первый раз подразумеваются распри, случившиеся после Османа, под «благом», что после него, имеется в виду случившееся во время халифата Омара бен Абд ал-Азиза, а под теми, среди которых «одних ты признаешь, а от других отречешься», подразумеваются правители после него, поскольку одни среди них действовали согласно сунне и по справедливости, а другие призывали к нововведениям (бид'а) и чинили несправедливость (джур). Я же скажу: очевидно, под злом подразумеваются в первом случае упомянутые первые распри, под благом - то единение (иджтима), что случилось во время Али и Муавийи, под дахан - некоторые правители, что жили в их время, такие как Зийад в Ираке и противодействовавшие ему хариджиты, под «призывателями пред воротами геенны» - искавшие власти (мульк) хариджиты и прочие, - на это указывают его слова «не отходи от общины мусульман и имама их», то есть - [делай так] даже если тот несправедлив. Это разъясняет передача Абу аль-Асвада, [который говорит]: «...хоть бы тебе сломали хребет и отобрали имущество». Такого было немало и во время правления ал-Хаджджа и иных.

Не отходи от общины мусульман и имама их - то есть повелителя (амир). В передаче Абу аль-Асвада добавлено: «Слушайся и повинуйся, хоть бы тебе сломали хребет и отобрали имущество». Так же и в передаче Халида бен Субай'а у ат-Табарани: «Если видишь халифа, не отходи от него, даже если тебе сломают хребет, а если нет халифа, то беги».

Пусть даже тебе придется глотать - то есть даже если будешь в одиночестве глотать... А у Ибн Маджи в передаче Абд ар-Рах-мана Ибн Курта сказано: «Умереть, глoday пень, для тебя лучше, чем последовать за одним из этих»...

Итак [встретить кончину] - иносказательное обозначение [приказания] держаться общины верующих и подчиняться ее правителям, даже если те допускают ослушания [Закона]. Аль-Байдави говорит: Смысл этого выражения в том, что, если на земле нет халифа, ты должен уединиться ('азль) и терпеливо пережить невзгоды эпохи. А «глoday ствола дерева» - метонимия для переживания невзгод, ведь говорят: «Он грызет камни от боли». ...А Ибн Битал говорит: Этот хадис - аргумент для группы факихов в пользу обязательности предписания держаться [общины] мусульман и не восставать против несправедливых имамов. Ведь он назвал последнюю группу «призывателями при вратах геенны», не сказав, что «одних ты признаешь, а от других отречешься», как сказал о первых, а это может

быть, только если они не придерживаются истины, и вместе с тем он приказал держаться общины. Ат-Табари говорит: В этом вопросе и в вопросе о том, придерживаться ли общины, возникли разногласия. Одни говорили, что здесь выражена обязательность этого, а под "общиной" понимается «подавляющее большинство»; да и через Абу Мас'уда от Мухаммада бен Сирина приводят его завещание, когда был убит Осман: "Держись общины, ведь Бог не даст общине Мухаммада единодушно держаться неправды". А иные говорили, что под «общиной» подразумеваются сподвижники, но не те, кто жили после них. Другие считали, что подразумеваются ученые, поскольку их Бог поставил как назидание людям, и все следуют им в делах религии. Ат-Табари говорит: На самом деле имеется в виду необходимость держаться общины, которая повинуется тому, кого единодушно признала повелителем; а кто нарушает присягу, выходит из общины. Он говорит: В другом хадисе говорится, что когда у людей нет имама и они разбиваются на партии, то не идут ни за кем в группировке и все уединяются, если могут, из боязни впасть в зло. К этому же сводится толкование того, что сказано в других хадисах, и так соединяется то, что по явному своему разноречиво. Это подтверждается и уже упомянутой передачей 'Абд ар-Рахмана бен Курта. Ибн Аби Джумра говорит: В этом хадисе выражена мудрость [попечения] Бога о Своих рабах: как наставил Он каждого в том, что тому было дорого. Большинству сподвижников было важно спросить о том, каким бывает благо, дабы узнать это и передать другим, а Хузайфе захотелось узнать, что такое зло, дабы сторониться оно и стать причиной удаления его от тех, кого Бог пожелает спасти. В нем явлена необъятность мудрости пророка (да благословит и приветствует его Бог!), который каждому отвечает соответственно. Отсюда мы знаем, что кому что полюбилось, тот в том превосходит других. Далее, Хузайфе были открыты тайны, другим неведомые. Он знал имена лицемеров (мунафик) и многое из того, что должно было случиться. От него мы переняли, что благопристойность в обучении (адаб ат-та'лим) состоит в том, что ученика из всего многообразия наук стоит учить тем разрешенным (мубаха) наукам, к которым он проявляет склонность, поскольку он скорее это поймет и усвоит. А также, что все, что ведет к благу, также называется благом, и наоборот. От него мы знаем, что следует осуждать тех, кто основой (асль) религии полагает иное, нежели Писание и сунну, а их полагает ветвью той основы, ими же изобретенной. А также - необходимость отвергать неправильное (батыль) и все, что противоречит пророческому руководству, даже если это будут говорить высокопоставленные и значительные люди.

Поскольку благо полагается прежде всего в следовании Закону, логичной оказывается точка зрения, согласно которой первым и главным, и в принципе достаточным благим поступком является признание единобожия (тавхид). Признание Бога, даже косвенное - в приводимом ниже хадисе оно

выразилось в тайном опасении человека, - оказывается достаточным основанием для прощения. Характерно, что речь идет о зяядлом злодее (это подтверждают различные редакции хадиса и комментарии), не совершившем ни единого благого поступка.

Пророк (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Однажды жил человек, доходивший до крайностей. Когда к нему пришла смерть, он сказал своим чадам: «Сожгите меня, разотрите [пепел] в порошок и развейте по ветру: как бы не взял надо мной верх Господь и не подверг такой уке, какой не знал еще никто». Когда он умер, они так и сделали. Тогда Бог приказал земле: «Собери-ка воедино все его остатки, что в тебе». Она так и сделала - и вот он пред Ним. Он спросил его: «Что подвигло тебя к тому, что ты сотворил?» И тот ответил: «Господи, трепет (хашйа) пред Тобой». И Он простил ему».

А другие передавали: «Страх (махафа) пред тобой, Господи» (аль-Бухари 3222; параллели: аль-Бухари 6952, Муслим 4949, 4950, ан-Насаи 2052, Ибн Маджа 4245. Характерно начало этого хадиса у Ибн Ханба-ла (7697): «Пророк (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Один человек, живший прежде вас, не сотворил никакого блага, кроме утверждения единобожия (тавхид)»...»).

Комментарий («Фатх аль-бари» Ибн Хаджара аль-Аскаляни): Однажды жил человек, доходивший до крайностей - ранее в хадисе Хузайфы говорилось, что он был грабителем, а в варианте, что в книге «ар-Рикак» ... - что поступал плохо, и там же - что он не сделал ни одного доброго дела. Там с Божьей помощью мы и расскажем о разногласиях по поводу трактовки этого пересказа. А в хадисе Абу Саида говорится: «Человек, живший прежде вас».

Сожгите меня, разотрите [пепел] в порошок и развейте - в хадисе Абу Саида говорится: «По приближении - то есть по приближении к нему смерти - он сказал своим чадам: «Каким отцом был я вам?» Те ответили: «Лучшим отцом». Он сказал: "Но я не сделал никакого добра. Если я умру, сожгите меня, разотрите в порошок и развейте»...».

Как бы не взял надо мной верх Господь- ...аль-Хитаби говорит: Толкование этих слов может показаться трудным. Ведь кто-нибудь может спросить: Как же Он простил этому человеку, когда тот отрицал воскрешение и способность [Бога] оживить мертвых? Ответ тут такой: он не отрицал это, но был в неведении об этом. Вот он и решил, будто таким образом он не будет воспроизведен и сможет избежать наказания. А вера его выявилась вполне его признанием в том, что сделал он это из страха пред Богом. Ибн Кутайба говорил: Некоторые мусульмане могут ошибаться по поводу каких-то атрибутов [Бога], но на этом основании их не объявляют неверующими. Но это опровергает Ибн аль-Джавзи, когда говорит: Согласно консенсусу (иттифак), отрицание (джахд) им могущества [Бога] является неве-

рием. Но говорили, что смысл этих его слов – «как бы Бог не стеснил меня» или «как бы мне избежать этого»... Вероятно, этот человек сказал это в спешке и в состоянии сильного страха, - так известный муж ошибся, сказав «Ты мой раб, а я твой господь». А может быть, в «кадара» из «ла-'ин кадара 'алайя рабби» была двойная буква даль, а значит, он сказал: "Мне написано на роду», то есть - написано на роду испытать муку.

А может, дело было так, что он утверждал Творца, но жил в эпоху вялости (заман ал-фатра) и не знал всех условий настоящей веры. Скорее всего, правы те, кто говорит, что он сказал это в замешательстве, под влиянием страха, так что потерял голову и сам не знал, что говорит, но вовсе не имел в виду на самом деле то, что сказал, поскольку был подобен тем, кто вне себя и не отвечает за свои слова. А самое далекое от истины - мнение тех, кто говорит, что согласно Закону неверующий мог получить прощение [Бога]. Тогда Бог приказал земле: «Собери-ка воедино все его остатки, что в тебе». Она так и сделала - в хадисе Сальмана аль-Фариси, что передает Абу 'Авана в своем «ас-Сахихе», сказано: «Бог сказал ему: Будь! - И он возник, быстрее, чем мгновение ока». Все это, как говорил Ибн Акиль, возвещает нам о том, что произойдет в День Воскресения. Не правы те, кто считает, будто говорил дух того человека, поскольку это не соответствует Его слову «и собрал его Бог», ведь подвигать и разъединять можно именно тело, и именно оно будет собрано и воспроизведено при воскрешении:

А другие передавали: «Страх (махафа) пред тобой, Господи» - Абд ар-Раззак так передал со слов Му'аммира, и так передает это Ахмад [Ибн Ханбал]. В хадисе Абу Саида сказано "страх", а в хадисе Хузайфы «трепет».

§ 2. УТИЛИТАРИСТСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАМЕРЕНИЙ-И-ДЕЙСТВИЙ

Бинарная классификация

Как уже говорилось, намерение означает устремленность к конкретной цели, получающую выражение в непосредственном действии. Все многообразие таких целей может быть охвачено в единой классификации, опирающейся на понятия «польза» (манфаа) и «вред» (дарар), которые близки или тождественны категориям «благо» и «зло», как они описаны в предыдущем параграфе. Цель любого поступка состоит в привлечении пользы или удалении вреда, и только если действитель имел в виду одно из двух, поступок является ненеправильным. «Избегай вреда и плохого, старайся действовать на пользу» составляет общеизвестный, универсальный и нормативный для мусульманской культуры регулятив поступков.

Четырехуровневая классификация

Бинарная классификация может быть усложнена, если каждую из категорий рассматривать в двух аспектах, актуальном и потенциальном: во-первых, как уже имеющееся у действующего, и, во-вторых, как то, что он не имеет, но может получить.

Так поступает Абу Хамид аль-Газали (1058-1111), который в «Воскрешении наук о вере» («Ихйа улюм ад-дин». Т. 4. С. 228) делит все цели на четыре категории. Поступок может быть направлен на снискание чего-то, чем действующий не обладает, т.е. на обретение полезного. Он может иметь целью сохранение того, что действующий уже имеет, как, например, скапливание богатства и его охрана от растраты. Характеристика такого действия как имеющего целью «удержание полезного» не означает похвалы скупости. Напротив, в мусульманской этике скупость осуждается, а щедрость относится к числу одобряемых качеств. Порицаемую скупость можно отличить от похвального стремления к накоплению по универсальному критерию различения плохих и дурных качеств. Скупость вызывает неправильное намерение, т.е. такое, которое ведет к действиям, вредный результат которых перевешивает их пользу, тогда как стремление к накоплению вызывает правильное намерение, служащее формированию полезного, а не вредного действия. Сравнение и взвешивание вредных и полезных последствий и определение их баланса позволяет отделить правильное от неправильного в каждой конкретной ситуации, и одно и то же действие в зависимости от контекста может быть оценено по-разному. Далее, поступок бывает направлен на предотвращение вреда, который еще не достиг действующего и от которого он хочет охранить себя. Так действует, например, тот, кто, избегая встречи с разбойниками или дикими зверями, тем самым предотвращает их нападение. Вот почему опасливость относится к числу состояний души, формирующих правильное намерение, и мусульманская этика расценивает в качестве неправильного стремление проявить безудержную отвагу и не уклониться от столкновения с опасностью, когда в таком столкновении нет никакой пользы. Наконец, действие может преследовать цель устранить уже достигший человека вред, что проявляется, к примеру, в действиях больного, ищущего излечения.

Сложность классификации возрастает, если каждый ее элемент рассматривать как знание различных степеней истинности. В классической арабо-мусульманской мысли было принято делить знание на три уровня: «веренность» (якын), «мнение» (занн) и «сомнение» (шакк). Первое не допускает противоположность себе, второе допускает ее как равновероятную, третье - как более вероятную. В соответствии с этим делением каждая из четырех категорий разделяется на «несомненный», «вероятный» и «мнимый» подвиды. Такая классификация предполагает, что некий внешний

наблюдатель способен оценить намерения человека если не абсолютно объективно, то во всяком случае более объективно, чем он сам. Действительность может считать некоторую цель безусловно приносящей пользу, но с позиции более полного знания эта польза будет выглядеть только вероятной или даже мнимой: так, мнимую пользу ищет тот, кто увлечен играми.

Авиценна
(980 – 1037 гг.)

Печатается по: Ибн Сина. Избранные философские произведения. – М., 1980.

«Добро» употребляют в двух смыслах: первый – добро, принадлежащее самой вещи, которая добра сама по себе. Это бывает тогда, когда вещь обладает совершенством, и без этого она несовершенна. Если она воспринимает свое несовершенство в полной мере, она страдает.

А второй – это добро, благодаря которому другая вещь приобретает больше добра.

Все вещи, которые обладают существованием, не выходят за пределы трех видов:

1) бытия, которому не подобает и из которого не происходит ничего, кроме добра;

2) бытия, которое не таково, как предыдущее бытие, и зло может происходить из него, несмотря на то, что в нем преобладает добро и оно бывает одной из основ доброго порядка;

3) бытия, которое заключается в том, что зло в нем преобладает.

[...]

Установлено, что причиной этого движения является воля, а не природа, а всякая воля бывает либо разумной, либо телесно-чувственной. Телесно-чувственное бывает двояким: либо волей к получению того, что соответствует телесности, и ту способность, в которой проявляется эта воля, называют влечением; либо волей к устранению и преодолению того, что не соответствует телесности, и ту способность, в которой проявляется эта воля, называют отвращением. ...Во-первых, делать добро можно двояким образом: просто делать добро и делать добро по воле. А всякое добро, которое делается по воле и целесообразно, является таким, каким мы говорили, и добро, которое вытекает из него, есть, конечно, добро; но цель его – результат несовершенства. Но то добро, которое делается просто как добро, не по принуждению, не по необходимости и не по цели, есть совершенное добро. Во-вторых, что касается добра, которое является атрибутом, то оно имеет два значения: первое – то, что является добром по своей природе, а второе то, что является добром для кого-то.

[...]

Если рассматривать добро как таковое, то оно относится к двум: к делающему добро и к воспринимающему добро.

Нет сомнения в том, что для воспринимающего добро оно является добром и в то же время свидетельством несовершенства, потому что, если бы сам он был совершенным, не нуждался бы в получении добра извне; а для того, кто делает добро, преследуя цель или по принуждению, оно не обязательно бывает добром, потому что не является добром то, что делается для того, чтобы сделать добро, ни то, что делается как добро по внешнему принуждению. Наоборот, сам он должен быть таким, по своей доброте или достоинству, чтобы все исходящее от него приобретало достоинство и добро без принуждения или каких-либо воздействий извне для приобретения им достоинства. Такова истина, тогда как согласно общепринятому мнению намерение сделать добро считается признаком достоинства и совершенства.

Свами Вивекананда
(1863-1902 гг.)

Печатается по: Вивекананда, Свами. Философия йоги.
- Магнитогорск, 1992.

[...]

Зло и добро в разной мере формируют характер, и во многих случаях горе лучший учитель, чем счастье. Изучая великие характеры, являвшиеся в мире, мы отметим, что в огромном большинстве случаев горе учило больше радости, бедность учила лучше, чем богатство, и удары лучше возбуждали внутренний огонь, чем похвалы.

Знание этого факта об истинных целях человека заложено в самой природе человека, да и вообще никакое знание не приходит извне - все оно находится внутри.

[...]

Знание скрыто в уме, как огонь в кремне; внешние впечатления и есть удары, высекающие огонь. Так и с нашими чувствами и действиями, с нашими слезами и улыбками, с радостью и горем, с рыданием и со смехом, с нашими проклятиями и благословениями, с похвалами и порицаниями, - если мы беспристрастно изучим самих себя, то окажется, что все это было высечено из нас самих соответственными ударами. В результате и получается то, что мы из себя представляем. Все эти удары, взятые вместе, называются Кармой - трудом, действием. Каждый умственный и физический удар, наносимый душе, и которым, так сказать, из нее высекается огонь и обнаруживается ее сила и знание, есть Карма в самом широком значении

этого слова. Мы все время создаем Карму. Говорю я с вами - это Карма; вы слушаете - это Карма. Мы дышим - Карма, гуляем - Карма. Все, что мы делаем, умственно ли или физически, есть Карма, и она оставляет на нас свой след.

[...]

Все действия, которые мы видим в мире, все движения в человеческом обществе, все роды деятельности вокруг нас - это просто результат мысли, проявление воли человека. Машины, орудия, города, корабли, броненосцы - все это просто проявления воли человека. Воля эта имеет свой источник в характере, а характер создается Кармой. Какова Карма, таково и проявление воли. Люди большой воли были все необыкновенные работники - исполинские души, обладавшие волей настолько сильной, что она могла перевертывать миры, - волей, приобретенной упорным трудом на протяжении многих веков. Гигантская воля, подобная воле Будды или Иисуса, не могла быть приобретена в одну жизнь, потому что мы знаем, кто были их отцы. Отцы их, насколько нам известно, ни одного слова не произнесли на благо человечества. Миллионы и миллионы плотников, подобных Иосифу, жили и умерли. Миллионы их живут и ныне. В мире жило много миллионов маленьких царей, вроде отца Будды. Если бы весь вопрос заключался лишь в наследственной передаче качеств, как объяснить, что этот ничтожный царек, которому, может быть, и собственные слуги не повиновались, имел сына, которому поклоняется полмира? Как объяснить бездну, отделяющую плотника от Сына, которого миллионы людей почитают за Бога? Эта загадка не может быть разрешена одной теорией наследственности. Гигантская воля, которую Будда и Иисус бросили в мир, откуда она явилась? Откуда пришло это скопление силы? Оно должно было существовать веками и веками, разрастаясь все больше и больше, пока оно не вылилось на людей через Будду и Иисуса, продолжая литься и до настоящего дня.

Все это обуславливается Кармой, трудом, работой. Никто ничего не может получить, если того не заслужил.

[...]

...всякий труд существует для выявления сил, уже существующих в уме; для пробуждения души. Силы эти сокрыты в каждом человеке, как сокрыто в нем знание; различные виды труда подобны ударам, выводящим эти силы наружу, заставляющим исполинов проснуться.

[...]

... интуитивно - в глубине сердца - мы чувствуем истину учения: «Не противься злу». Оно представляется нам высочайшим идеалом. Однако проповедь лишь одной этой доктрины равносильна была бы обречению на гибель значительной части человечества. К тому же она заставила бы людей чувствовать, что они всегда поступают дурно, и вызвала бы в них

угрызения совести за все их поступки; это ослабило бы их, и постоянное самоосуждение породило бы больше зла, чем всякая другая слабость. Перед человеком, начинающим ненавидеть себя самого, раскрываются двери вырождения. То же самое можно сказать о целом народе.

[...]

Один человек не противится, потому что он слаб, ленив и не то что не хочет, а не может бороться. Другой человек знает, что, если он захочет, он сумеет нанести сокрушающий удар; однако он не только не наносит удара врагам, но благословляет врагов.

[...]

Если мы, обладая силой, отказываемся ею пользоваться и не противимся, мы совершаем великий акт любви; но если мы не можем противиться и вместе с тем стараемся уверить самих себя, что мы движимы побуждениями высшей любви, то тем самым делаем противоположное.

[...]

Такова главная идея Карма-Йоги. Тот человек - Карма-Йог, который понимает, что высочайший идеал есть непротивление, знает, что это непротивление составляет высшее проявление силы, находящейся в его действительном обладании, и знает, что так называемое противление злу есть только путь к проявлению этой высшей силы, а именно - непротивления. Прежде чем достичь высшего идеала непротивления, человек должен исполнить свой долг и противиться злу; пусть он работает, борется, рубит с плеча. Но непротивление станет добродетелью, только когда он приобретет силы для сопротивления.

[...]

...человек должен быть деятельным для того, чтобы перейти через деятельность к полному покою.

[...]

Каждый человек должен создать себе идеал и стремиться провести его в жизни; этот способ - более верный путь внутреннего прогресса, чем принятие чужих идеалов.

[...]

Даже самый явный трус становится храбрым, когда люди восхваляют его. Глупец может совершить геройский поступок, когда окружающие его одобряют и поддерживают. Но непрерывно делать добро, не заботясь об одобрении окружающих, - это на самом деле высшая жертва, какую может принести человек.

[...]

Главная обязанность домохозяина (мирского человека) состоит в том, чтобы зарабатывать для себя и семьи, но он должен остерегаться, чтобы при этом не лгать, не обманывать и не обкрадывать других, и должен помнить, что жизнь его посвящена Богу и бедным.

Зная, что отец и мать являются видимыми представителями Бога, мирской человек всегда и во всех случаях жизни должен угождать им. Если отец и мать довольны им, то доволен им и Бог. Тот сын действительно хорош, который никогда не скажет резкого слова своим родителям.

[...]

Кто думает о другой женщине, кроме своей жены, касаясь ее хотя бы только в уме своем, - тот идет в темный ад.

[...]

При женщинах семьянин не должен говорить непристойности и не должен хвастаться. Он не должен говорить: «Я сделал то и сделал это».

Мирской человек должен всегда угождать жене: деньгами, одеждой, любовью, доверием и словами, подобными нектару, и не должен никогда расстраивать ее. Человек, сумевший приобрести любовь целомудренной женщины, преуспел в своей религии и обладает всеми добродетелями.

Обязанности к детям следующие: сын должен быть с любовью оберегаем до четвертого года; воспитывать его следует до шестнадцати лет. Когда ему минет двадцать лет, он должен начать работать; отец должен с ним тогда ласково обращаться, как с равным. Точно так же дочь должна быть воспитана с величайшей тщательностью. При выходе ее замуж отец должен дать ей приданое.

Затем обязанности человека простираются к его братьям, сестрам и к детям братьев и сестер, если они бедны, а затем к другим родственникам, к друзьям и к слугам. Затем он имеет обязанности к жителям одного с ним города или селения, к бедным и ко всякому, приходящему к нему за помощью.

Если мирской человек имеет достаточные средства и не уделяет часть их родственникам и бедным, он - не человеческое существо, а животное.

[...]

Для своих врагов мирской человек должен быть героем. Он должен бороться с ними и сопротивляться им. Это обязанность домохозяина. Он не должен сидеть в углу, плакать и говорить о непротивлении. Если он не показывает себя героем своим врагам, он не исполнил своих обязанностей. С друзьями же и родственниками он должен быть кроток, как агнец.

[...]

Мирской человек обязан не преклоняться перед другим человеком, потому что, преклоняясь перед злыми людьми, он потворствует злу. Но будет большой ошибкой, если он будет пренебрегать людьми, достойными уважения. Он не должен быть слишком поспешен в своей дружбе; он не должен искать дружбы со всеми без разбора. Он должен сначала наблюдать за поступками людей, с которыми он хочет сойтись, за их поступками по отношению к другим людям, обсудить эти поступки и только после это-

го вступать с людьми в дружбу.

О трех вещах он не должен говорить: он не должен говорить публично о своей известности; не должен восхвалять свое имя или свои силы; не должен говорить о своем богатстве или о чем-нибудь, что ему было сказано по секрету.

Человек не должен говорить, что он беден или что он богат; - ни в коем случае не должен хвастаться своим богатством. Пускай он будет благоразумен; это его религиозная обязанность. Это не простая мирская мудрость; если человек не будет благоразумным, его могут счесть безнравственным.

[...]

Мирской человек должен всеми силами стараться приобрести доброе имя: не должен играть в азартные игры, общаться с дурными людьми и быть источником горя для других.

[...]

Вырывая пруды, обсаживая дороги деревьями, устраивая убежища для людей и животных, прокладывая дороги и наводя мосты, мирской человек идет к той же цели, что и величайший йог.

Итак, деятельность и обязанности мирского человека составляют часть учения Карма-Йоги.

Дальше говорится, что «если человек умирает на поле битвы, сражаясь за свою страну или за свою веру, он приходит к той же цели, к какой йог приходит путем медитации». Это показывает, что обязанность одного человека не является обязанностью для другого; и в то же время нельзя сказать, что один долг принижает, а другой возвышает.

[...]

Из всего этого вытекает одна идея: осуждение всякой слабости. Эта мысль сквозит во всех индийских учениях, в философии и в религии. В Ведах постоянно повторяется слово «бесстрашие»: «Не страшитесь ничего!» Страх - признак слабости. Человек должен исполнять свой долг, не обращая внимания на насмешки и издевательства мира.

[...]

В Бхагавадгите постоянно повторяется, что все мы должны неустанно работать. Всякий труд по природе своей состоит из добра и зла. Нет работы, которая где-нибудь не принесла бы пользы; нет работы, которая кому-нибудь не принесла бы вреда. Всякая работа неизбежно является соединением добра и зла...

[...]

... главная идея, проходящая через Бхагавадгиту: работайте неустанно, но не будьте привязаны к работе.

[...]

Каждая работа, которую мы делаем, каждое движение тела, каждая

мысль оставляют свое впечатление на уме, и даже когда такие впечатления не видны, они всегда достаточно сильны, чтобы действовать в глубине ума, подсознательно. То, что мы представляем собой в каждую данную минуту, обуславливается общим итогом этих впечатлений ума. То, что я представляю собой в настоящий момент, есть результат общего действия всех впечатлений моей прошлой жизни. Этот результат и называется характером; характер каждого человека определяется общим итогом всех его предыдущих впечатлений. Если преобладают хорошие впечатления, характер становится хорошим; при преобладании дурных - он становится дурным.

[...]

Всякое действие, которое возвышает нас и приближает к Богу, есть хорошее действие и наш долг. Всякое действие, влекущее нас вниз, - дурно и не является нашим долгом.

[...]

Условия, в которых человек рождается, и положение, которое он занимает, в значительной степени определяют его умственное и моральное отношение к различным формам деятельности. Поэтому долг каждого заключается в том, чтобы делать то дело, которое будет возвышать и облагораживать его в соответствии с идеалом того народа или общественного слоя, к которому он принадлежит.

[...]

... лучшее, что мы можем сделать в мире, это - исполнить долг, налагаемый на нас в каждое данное время. Исполним долг, вменяемый нам нашим рождением, затем исполним долг, наложенный на нас нашим положением в жизни и обществе.

[...]

Человек после многих лет борьбы наконец понимает, что истинное счастье состоит в искоренении эгоизма и что никто не может сделать его счастливым, кроме него самого. Каждый милосердный поступок, каждое сострадательное чувство, каждый акт помощи, каждое хорошее дело лишает нас большой дозы самомнения и открывает нам глаза на наше собственное ничтожество.

[...]

В мире существуют разные классы людей. Во-первых, богочеловеки, чье самоотречение совершенно и которые делают только добро людям, жертвуя при этом даже собственной жизнью. Это наивысшие люди. Если их найдется хотя бы сотня в какой-нибудь стране, то стране этой нечего приходить в отчаяние. Но, к сожалению, таких людей слишком мало. Затем есть хорошие люди, делающие добро другим до тех пор, пока это не вредит им самим; наконец, есть третий класс людей, которые вредят другим, чтобы себе сделать добро. Один санскритский поэт говорит, что есть четвертый класс людей, которому он не подыщет названия, наносящий вред лю-

ням ради удовольствия вредить.

[...]

... есть один только путь к достижению свободы, являющийся целью всех благороднейших стремлений человечества, а именно путь отречения от этой мелкой жизни, от мелкой Вселенной, от земли, от неба, от тела, от ума, от всего, что ограничено и условно. Если мы откажемся от пристрастия к нашей чувственной Вселенной или к нашему уму, мы немедленно же станем свободны. Единственное средство освободиться от рабства состоит в том, чтобы перешагнуть пределы закона и очутиться по ту сторону закона, по ту сторону причинности.

[...]

В индийских книгах упоминается о двух путях к достижению свободы. Один из них называется нэти, нэти (не то, не то), другой - ити (это); первый - отрицательный путь; второй - положительный. Отрицательный путь - наиболее трудный. Он доступен лишь людям очень высокого, исключительного ума и исполинской воли, которые твердо стоят и только повторяют: «Нет, этого я не хочу», и ум, и тело повинуются их воле, и они достигают цели. Но такие люди очень редки. Громадное большинство людей выбирают положительный путь, - путь, ведущий через гущу мира и пользующийся самими узами, чтобы ими же их расторгнуть. Это тоже своего рода отречение; только оно осуществляется медленно и постепенно, путем познания явлений, наслаждения ими, путем приобретения опыта и изучения природы вещей до тех пор, пока ум наконец всех их не отвергнет и не отрешится от них.

[...]

Что такое Карма-Йога? Это - познание тайны труда. Мы видим, что весь мир работает. Для чего? Для свободы, для спасения; все, начиная с атома и кончая высшим существом, работают для той же цели - для свободы ума, тела, духа. Все неустанно стремится к свободе.

[...]

Долг становится болезнью для нас; он все влечет нас вперед. Он захватывает нас, делая нас несчастными. Это представление о долге подобно полуденному солнцу, сжигающему внутреннюю душу человечества. Взгляните на бедных рабов долга. Долг не позволяет им ни помолиться, ни помыться. Он их вечно подгоняет. Они идут и работают. Долг их подгоняет. Они возвращаются домой и думают о работе, предстоящей на следующий день. Долг их подгоняет. Это жизнь раба, наконец, падающего на улице и умирающего в упряжи, как выючная лошадь. Так понимается ими долг. В действительности наш единственный долг - быть бесстрастными и, работая, как свободные существа, посвящать всю работу Богу. Наши обязанности принадлежат Ему. Блаженны мы, что мы присланы сюда. Мы отбываем свой срок - хорошо или дурно, никто не может сказать. Если хоро-

шо, то плодов труда мы не получаем; если плохо, то и заботы также не имеем.

[...]

Например, в тех странах, где нет брака, нет и обязанностей между мужем и женой. Вступая в брак, муж и жена живут тогда между собой в силу привязанности; и этот вид сожителства прочно устанавливается через несколько поколений и наконец превращается в долг. Он становится, так сказать, хронической болезнью. Острое страдание мы называем болезнью, а хроническое иной раз называем «природой». Но оно также болезнь. Точно так же, когда «привязанность» становится хронической, мы даем ей высокопарное название долга. Мы осыпаем ее цветами, трубим в трубы, читаем над ней священные тексты, и затем весь мир борется, и люди искренне друг друга обкрадывают из-за долга.

[...]

Мы не можем прибавить счастья миру; точно так же мы не можем и увеличить его страдания.

Общий итог страданий и радостей на земле останется всегда неизменным, мы лишь перемещаем его с места на место, но он от того не увеличивается и не уменьшается. Этот прилив и отлив, подъем и падение приуси самой природе мира; думать иначе столь же нелогично, как представлять себе жизнь без смерти.

[...]

Истинного равенства никогда не было и никогда не будет на земле. Как можем мы быть здесь равными? Такое равенство подразумевает полную смерть. Что именно делает мир тем, что он есть? Утраченное равновесие. В первичном состоянии, именуемом хаосом, царит совершенное равновесие. Таким образом создаются все творческие силы Вселенной - путем борьбы, соревнования, столкновения. Если бы все частицы материи оставались в равновесии, разве мог бы совершаться процесс творчества?

[...]

Наука нам говорит, что это невозможно. Если нарушить равновесие водной площади, каждая частица ее будет стремиться к покою, толкаясь одна о другую; точно так же явление, именуемое нами Вселенной, - все содержащееся в ней - стремится вернуться к состоянию совершенного равновесия. Неравенство лежит в основе творчества. Тем не менее, силы, стремящиеся установить равенство, являются таким же необходимым фактором творчества, как и те, что нарушают его.

Абсолютное равенство, означающее совершенное равновесие всех борющихся сил на всех планах, никогда не может установиться в нашем мире. Задолго до достижения этого состояния мир станет совершенно непригодным для какой бы то ни было жизни и опустеет. Поэтому мечты о золотом веке и об абсолютном равенстве не только несбыточны, но, если

бы мы попытались их осуществить, они неминуемо привели бы нас к гибели.

[...]

Если человек хочет меня учить физике, химии или другим естественным наукам, он может быть чем ему угодно, так как эти науки требуют только умственного багажа; но что касается духовного знания, то решительно невозможно, чтобы какой-нибудь духовный свет был в нечистой душе. Какой религии может научить нечистый человек? Необходимое условие для приобретения духовной истины для себя или для передачи ее другим - чистота сердца и души.

[...]

... учитель должен учить исключительно вследствие любви, чистой любви к человеку, а не из-за каких-либо посторонних побуждений, вроде денег, известности, славы. Единственный посредник, через которого может быть передана духовная сила, - любовь. Всякое корыстное побуждение, подобное желанию выгоды или известности, разрушает этот посредник передачи. Бог есть Любовь, и только тот, кто познал Бога как Любовь, может быть учителем человека о божественном и Боге.

[...]

... ахимса - непричинение обиды, заслуживает особого внимания. Этот долг непричинения обиды обязателен для набожного относительно всех существ. Под ним не понимается, как думают некоторые из нас, что не следует обижать только человеческие существа, но можно быть безжалостным к низшим животным, или, как считают другие, что следует покровительствовать кошкам и собакам и кормить сахаром муравьев, а своего брата, человека, можно свободно обижать самым ужасным образом. Замечательно, что почти всякая хорошая идея в этом мире может быть доведена до отвратительной крайности.

[...]

Признаком ахимсы служит отсутствие зависти. Всякий человек может сделать доброе дело или крупное пожертвование под влиянием настроения, вследствие суеверия или под давлением духовенства; но действительно любит человечество тот, кто никому и ни в чем не завидует. Мы видим, что все так называемые великие люди мира завидуют друг другу в известности, славе или деньгах. Пока эта зависть гнездится в сердце человека, он далек от совершенства ахимсы, хотя бы и был вегетарианцем.

[...]

... счастье может быть найдено в духе. Следовательно, самая высшая польза человечества состоит в том, чтобы найти духовное счастье. Следующее, что необходимо помнить, это что незнание - мать всех несчастий, и что думать, будто Бесконечное может жаловаться и плакать, что Оно конечно - высшая степень невежества. Верх невежества состоит в том, что

бессмертный, вечно чистый дух считает себя маленьким умом, маленьким телом. Оно причина всякого эгоизма. Как только я смотрю на себя, как на маленькое тело, хочу сохранить его, помогать ему, содержать его в довольстве даже на счет других тел, я тотчас становлюсь отдельным от других, а как скоро является идея об отдельности, она открывает дверь злодеяниям и ведет ко всяким несчастьям.

[...]

Истина не обязана преклоняться перед каким бы то ни было обществом, древним или новым. Общество должно преклониться перед истиной, или умереть. Всякие сообщества и всякие существа имеют в основе истину, и истина не должна приспособляться к ним. Если такая высокая истина, как бескорыстие, не может осуществляться в обществе, то лучше бросить это общество и идти в лес.

[...]

То общество самое великое, в котором самые высшие истины оказываются наиболее практичными.

[...]

Во всех странах мы видим людей, говорящих: «Я выше добродетели и порока, а - значит - не связан никакими нравственными законами и могу делать все, что хочу». Да и в вашей стране можно встретить людей, которые говорят: «Я не связан; я сам - Бог; предоставьте мне делать, что я хочу». Но это не верно.

[...]

Человек действительный не может не быть свободным; он становится связанным только тогда, когда входит в мир Майи, имени и формы. Свободная воля - название неправильное. Как воля может быть свободна? Воля начинает существовать не раньше того, как истинный человек становится рабом. Воля человека связана.

Махатма Ганди **(1869-1948 гг.)**

Печатается по: Ганди, Махатма. Моя жизнь. - М., 1969.

[...]

Для меня истина - главенствующий принцип, включающий множество других принципов. Эта истина есть правдивость не только в словах, но и в мыслях; не только относительная истина наших понятий, но и абсолютная истина, вечный принцип, т.е. бог... Но я поклоняюсь богу как истине.

[....]

Истинная дружба есть родство душ, редко встречающееся в этом мире. Дружба может быть длительной и ценной только между одинаковыми натурами. Друзья влияют один на другого. Следовательно, дружба вряд ли

допускает исправление. Я полагаю, что вообще необходимо избегать близости: человек гораздо быстрее воспринимает порок, чем добродетель. А тот, кто хочет быть в дружбе с богом, должен оставаться одиноким или сделать своими друзьями всех.

[....]

Как все это происходит, в какой степени человек свободен и в какой степени он жертва стечения обстоятельств, в каких пределах имеет место свободное волеизъявление и когда на сцене появляется, - все это тайна и останется тайной.

[....]

Рассматривая вопрос в этическом плане, они пришли к выводу, что превосходство человека над низшими животными вовсе не означает, что последние должны стать жертвами первого. Наоборот, высшие существа должны защищать жизни; и те, и другие должны помогать друг другу так же, как человек помогает человеку.

[....]

Думаю, есть большая доля истины в том, что истинное познание невозможно без гуру... Несовершенный учитель может быть терпим в мирских делах, но в вопросах духовных. Только совершенный гнани заслуживает, чтобы его считали гуру. Необходимо всегда стремиться к самоусовершенствованию, ибо каждый получает такого гуру, какого заслуживает...

[....]

Истина подобна огромному дереву, которое приносит тем больше плодов, чем больше за ним ухаживают. Чем более глубокие поиски в кладезе истины вы будете производить, тем больше зарытых там сокровищ откроются вам.

[....]

Верующему надлежит видеть в других того бога, какого он видит в себе, и что он должен уметь жить, относясь терпимо к людям...

[....]

Благодаря тому, что ахимса представляет собой единство всей жизни вообще, ошибка, совершенная одним человеком, не может не иметь последствий для всех, а это значит, что человек не может полностью освободиться от химсы.

[....]

Важно... сочетать бесстрашие с вежливостью... Опыт научил меня, что вежливость наиболее слабое место в сатьяграхе. Ибо под вежливостью подразумевается не просто изысканность речи, выработанная для данного случая, а внутренняя кротость и желание добра противнику.

[....]

Воздержания от спиртных напитков и наркотиков и от различных видов пищи, особенно мяса, несомненно, способствует эволюции духа, но это

ни в коей мере не самоцель...

[....]

Насильственное несотрудничество лишь усиливает зло, а поскольку зло поддерживается только насилием, то прекращение поддержки зла требует полного отказа от насилия.

[....]

Ненасилие, которое осуществлялось последние 30 лет, было ненасилием слабого... Ненасилие сильного - могущественнейшая сила в мире».

Мартин Бубер
(1878 – 1965 гг.)

Печатается по: М. Бубур. Я и Ты. –М.,1993.

[....]

Настоящее - не то, что подобно точке, и обозначает лишь мысленно фиксируемый момент завершения "истёкшего" времени, видимость остановленного течения, но действительное и наполненное настоящее есть лишь постольку, поскольку есть действительность протекания настоящего, встреча и отношение. Настоящее возникает только через длящееся присутствие Ты.

Я основного слова Я-Оно, т.е. Я, которому не пред-стоит телесно Ты, но, окруженное множеством «содержаний», обладает лишь прошлым и не имеет настоящего. Иными словами: в той мере, в какой человек удовлетворяется вещами, которые он узнает из опыта и использует, он живет в прошлом и его мгновение не наполнено присутствием. У него нет ничего, кроме объектов; они же пребывают в прошедшем.

Настоящее не мимолетно и не преходяще, оно перед нами, ожидающее и сохраняющее себя в длительности. Объект - это не длительность, но остановка, прекращение, оторванность, самоощипение, отделенность, отсутствие отношения, отсутствие присутствия.

Предстояние духовных сущностей проживается в настоящем, обстояние объектов принадлежит прошлому.

Эта укорененная в самом основании сущего двойственность не преодолевается и обращением к «миру идей» как к некоему третьему, стоящему над противопоставлением. Ибо я говорю не о чем ином, как о действительном человеке, о тебе и обо мне, о нашей жизни и о нашем мире, не о Я самом по себе и не о бытии самом по себе. Но для действительного человека подлинная граница пересекает и мир идей.

Разумеется, тот, кто живет в мире вещей и довольствуется их использованием и приобретением опыта, сооружает себе с помощью идей пристройку или надстройку, где обретает убежище и успокоение перед надви-

гающейся пустотой недействительности. Свое будничное платье - форму заурядной повседневности - он оставляет на пороге, облачается в льняные одежды и услаждает себя созерцанием изначального сущего или должноствующего быть, которому жизнь его никак не сопричастна. Не менее приятно и проповедовать те истины, которые открылись ему в созерцании.

Но Оно-человечество, воображаемое, постулируемое и пропагандируемое, не имеет ничего общего с воплощенным в жизненной действительности человечеством, которому человек говорит истинное Ты.

Самый благородный замысел есть фетиш, самый возвышенный образ мыслей порочен, если он основан на возвеличивании мнимого. Идеи не витают над нами и не обитают у нас в голове; они среди нас, они подступают к нам. Достоин жалости тот, кто оставляет неизреченным основное слово, но презрен тот, кто, обращаясь к идеям, вместо основного слова называет какое-либо понятие либо пароль, будто это их имя!

[....]

Человека, у которого есть ручательства свободы, причинность не гнетет. Он знает, что его жизнь, жизнь смертного, соответственно своей сущности есть веяние между Ты и Оно, и он ислеживает его смысл. С него довольно того, что он может вновь и вновь переступить порог святилища, в котором он не может остаться надолго; да и то, что он должен вновь и вновь покидать его, внутренне связано для него со смыслом и предназначением этой жизни. Там, на пороге, каждый раз заново в нем воспламеняется отклик, Дух; здесь, в нечестивом и нищем краю, должна на деле оправдать себя искра. То, что здесь зовется необходимостью, не может испугать его: ибо там он познал истинное - судьбу.

Судьба и свобода вверены друг другу. Только тот встречается с судьбой, кто претворил в действительность свободу. В том, что я нашел взыскующее меня деяние, в этом движении моей свободы даруется мне откровение тайны; но и то, что я не могу свершить деяние так, как искал совершить его, в этом сопротивлении тоже даруется откровение тайны. Кто забывает всякую причинность и черпает решение из глубины, тот оставляет имущество и совлекает одежды свои и нагим предстоит пред Лицом; ему, свободному, смотрит навстречу судьба. Это не граница его, это его дополнение; свобода и судьба объемлют друг друга, образуя смысл; и, присутствуя в смысле, судьба, чьи очи, столь строгие еще миг назад, полны света, взирает вовнутрь, как сама милость.

[....]

Надо различать три способа, посредством которых мы можем воспринимать человека, жизнь которого проходит на наших глазах (я не имею в виду объект науки, о науке я здесь не говорю). При этом объект нашего восприятия может ничего не знать о нас и нашем присутствии; имеет ли он какое-нибудь отношение к нашему восприятию, относится ли как-то к

нему, здесь безразлично.

Наблюдающий стремится всеми силами внутренне запечатлеть наблюдаемого, "отметить" его. Он наблюдает за ним и рисует его. При этом он стремится зарисовать по возможности больше его черт. Он выслеживает эти черты, стараясь ничего не упустить. Предмет наблюдения состоит из черт, и за каждой из них, как известно, что-то скрывается. Знание системы человеческого выражения мгновенно усваивает вновь появляющиеся индивидуальные вариации, оставаясь по-прежнему применимым. Лицо - не что иное, как физиономия; движения - просто жесты выражения.

Созерцающий вообще не испытывает напряжения. Он принимает позу, в которой может видеть предмет, и спокойно ждет, что ему дано будет увидеть, только вначале у него есть какое-то намерение, все дальнейшее происходит произвольно. Он ничего не отмечает, дает себе полную свободу, совсем не боится что-либо забыть ("Забывать хорошо", - говорит он). Он не ставит задачи своей памяти, а доверяется ее органической деятельности, сохраняющей все достойное сохранения. Он не увозит, подобно наблюдателю, траву как зеленый корм, а поворачивает ее из стороны в сторону, чтобы на нее падали солнечные лучи. За поездами он не следит («Поезда, - говорит он, - везут в неверном направлении»). В созерцаемом предмете ему важны не «характер», и не «выражение» («Интересное, - говорит он, - не важно»). Все великие художники были созерцателями.

Но существует и восприятие совершенно иного рода.

Созерцателю и наблюдателю обще то, что у того и другого есть установка, а именно желание воспринять находящегося перед их глазами человека; чтобы он был предметом, отделенным от них и их личной жизни, который именно поэтому и может быть «правильно» воспринят; чтобы таким образом познаваемое ими, будь то, как у наблюдателя, сумма черт или, как у созерцателя, существование, не требовало от них действий и не было для них судьбоносным; чтобы все происходило в отдаленнейших сферах эстетзии.

Иное дело, когда в открытый для восприятия час моей личной жизни я встречаю человека, в котором мне что-то, что объективно я даже не могу постигнуть, "говорит". Не говорит мне, каков этот человек, что с ним происходит и тому подобное. Но говорит что-то мне, взывает как-то ко мне, входит сказанным в мою жизнь. Это может быть что-то, связанное с данным человеком, например, что я ему нужен. Но может быть и нечто обо мне. Сам этот человек в его отношении ко мне никак не связан со сказанным, он не имеет отношения ко мне, он меня, пожалуй, даже не заметил. Говорит не он, подобно тому, как тот одинокий человек без слов сказал сидящему рядом с ним на скамье о своей тайне: говорится оно. Тот, кто понимает слово «говорит» как метафору, не понимает меня. Фраза «это мне ничего не говорит» - метафорическое выражение; но то, что здесь имею в

виду я, - действительно язык. В доме языка много помещений, и это одно из внутренних.

Восприятие того, что сказано таким образом, действует совсем иначе, чем наблюдение или созерцание. Человека, посредством которого мне было что-то сказано, я не могу нарисовать, не могу его описать, и если бы я сделал такую попытку, со сказанным было бы покончено. Этот человек не предмет моего внимания, я оказался как-то связан с ним. Быть может, я должен оказать на него какое-то воздействие, а быть может, только научиться чему-нибудь, и все дело только в том, чтобы я это "принял". Может быть, мне надо ответить сразу именно этому человеку, здесь; но, может быть, сказанному предстоит длинный многообразный путь передачи и ответить на него мне придется где-то, когда-то и кому-то - кто знает на каком языке, а теперь все дело только в том, что я беру на себя необходимость ответить. Несомненно только, что ко мне было обращено слово, требующее ответа.

Назовем такое восприятие проникновением (Innewerden). Предметом такого проникновения не обязательно должен служить человек, им может быть животное, растение, камень: ни одно явление, ни одно событие не исключено из этого ряда, в котором мне что-то говорится. Ничто не может отказаться служить сосудом такого слова. Границы возможности диалога - это границы проникновения.

[....]

Понятие ответственности надо вернуть из сферы этики, из свободно парящего в воздухе «долженствования», в сферу живой жизни. Подлинная ответственность есть лишь там, где есть действительная возможность ответа.

Ответа на что?

На то, что с человеком случается, что он видит, слышит, чувствует. Каждый конкретный час с его содержанием мира и судьбы, предоставленный человеку, служит внимающему языком. Внимающему, больше ему ничего не нужно, чтобы начать читать данные ему знаки. Именно поэтому нужен, как я уже сказал, весь аппарат нашей цивилизации, чтобы отвлечь внимание человека. Дело в том, что внимающий не «справился» бы, как обычно, в следующий момент с ситуацией, в которой он в этот момент оказался; ему пришлось бы заняться ею и войти в нее. И при этом ему не помогло бы то, что он всегда считал применимым: ни знание, ни техника, ни система, ни какая-либо программа, - ибо он имел бы дело с тем, что не входит в определенные границы, с самой конкретностью. В этом языке нет алфавита, каждый его звук есть новое творение и только как таковое может быть понято.

Следовательно, от внимающего ждут, что он воспримет происходящее творение. Оно происходит как речь, и не как раздражающаяся над голо-

вами, а как именно к нему обращенная, и если один человек спросил бы другого, слышал ли он ее тоже, и тот ответил бы утвердительно, то они говорили бы только о процессе постижения, а не о постигнутом.

Но звуки, из которых состоит речь, - я повторяю это, чтобы устранить еще возможное, пожалуй, недоразумение, будто я имею в виду нечто чрезвычайное и величественное, - суть события повседневности, личной жизни. В них к нам обращаются, будь они «крупные» или «мелкие», причем считающиеся крупными не дают нам больших знаков, чем остальные.

Однако тем, что мы их воспринимаем, мы еще не принимаем окончательного решения о своем поведении. Мы все еще можем обволакиваться молчанием - ответ, характерный для известного типа эпохи, - или уклоняться, обращаясь к привычке, хотя в обоих случаях мы получим рану, боль от которой не смягчит ни продуктивная деятельность, ни одурманивание. Но может случиться, что мы попытаемся ответить, начнем лепетать, ибо для ясной артикуляции нам обычно не хватает душевных сил, но этот лепет-достойная попытка; смысл и горло как будто едины в том, что должно быть сказано, но горло слишком испугано, чтобы ясно высказать уже определившийся смысл. Слова нашего ответа высказаны на том же непереводимом языке свершения и отказа от него, на котором к нам обращаются, причем свершение может принимать облик отказа, а отказ - облик свершения. То, что мы таким образом выражаем в словах, - это отношение к ситуации, с которой мы именно теперь столкнулись, которая нам не была известна и не могла быть известна. Потому что подобной еще не было.

Мы с ней не справляемся, от этого пришлось отказаться, никогда нельзя справиться с глубоко понятой ситуацией, но мы преодолеваем ее, вводя ее в субстанцию жизни, которой мы живем. Только так, в верности мгновению, мы узнаем жизнь, которая есть нечто другое, чем сумма мгновений. Мы отвечаем мгновению, но отвечаем и за него, мы несем ответственность за него. В наши руки отдан новый континуум мира, мы ответственны за него. Собака взглянула на тебя, ты отвечаешь за ее взгляд, ребенок взял тебя за руку, ты ответствен за его прикосновение к тебе, толпа людей движется вокруг тебя, ты ответствен за их бедствия.

Ответственность, которая не соответствует сказанному слову, - лишь метафора морали; ответственность фактически существует лишь в том случае, если есть инстанция, перед которой я ответствен, а «ответственность перед собой» реальна лишь в том случае, если «самость», перед которой я ответствен, будучи прозрачной, ведет в безусловное. Но тот, кто ощущает реальную ответственность, ответственность диалога, может не называть того, кто произносит слово, на которое он отвечает; он знает его в субстанции слова, которое, требуя, проникая в душу, принимая интонацию внутреннего чувства, волнует его до глубины души. Человек может всеми силами отвергать бытие Бога и ощущать его в строгой святости диалога.

Но не надо думать, что я ставлю под вопрос мораль, чтобы восхвалять религию. Правда, преимущество религии перед моралью состоит в том, что она феномен, а не постулат, а также в том, что кроме решимости она способна охватывать и спокойствие; действительность морали, требование Требующего входит в религию, но действительность религии, безусловное бытие того, кто требует, не входит в мораль. Если же религия испытывает удовлетворение и утверждает себя, она становится еще более сомнительной, чем мораль, именно потому, что она более действенна и обширна.

II. Этические учения Западной Европы

Гераклит

(544 – 483 гг. до н.э.)

Печатается по: Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. – М., 1969.

Альберт Великий [В 4]. Если бы счастье заключалось в телесных удовольствиях, счастливыми назвали бы мы быков, когда они находят горох для еды.

Диоген [В 40]. Многознание уму не научает.

Диоген [В 45]. По какой бы дороге ты не пошел, пределов души не найдешь: столь глубок ее логос.

Диоген [В 46]. Самомнение – падучая болезнь.

Ипполит [В 53]. Война – отец всего, царь всего; одних она выявила богами, других – людьми, одних она сделала рабами, других – свободными.

Плутарх [В 85]. Трудно бороться со страстью: ведь всякое желание сердца исполняется ценою души.

Порфирий [В 102]. Для бога все прекрасно, хорошо и справедливо, а люди одно считают несправедливым, а другое справедливым.

Секст [В 107]. Глаза и уши – плохие свидетели для людей, имеющих варварские души.

Стобей [В 110]. Людям не стало бы лучше, если бы исполнилось все, чего они желают.

Стобей [В 112]. Разумение – величайшая добродетель, и мудрость состоит в том, чтобы говорить истину и поступать разумно, воспринимая вещи согласно их природе.

Стобей [В 119]. Нрав человека – его демон.

Сократ

(469 – 399 гг. до н.э.)

Из диалога «Горгий»

Печатается по: Платон. Горгий // Сочинения.
В 3 т. Т. 1. – М., 1971.

Пол. Послушать тебя, Сократ, так ты ни за что бы не принял свободы делать в городе, что тебе вздумается, скорее наоборот, и не стал бы завидовать человеку, который убивает, кого сочтет нужным, или лишает имущества, или сажает в тюрьму!

Сократ. По справедливости он действует или несправедливо?

Пол. Да как бы ни действовал, разве не достоин он зависти в любом случае?

Сократ. Того, кто убивает не по справедливости, друг, не только несчастным, но вдобавок и жалким, а того, кто справедливо, – недостойным зависти.

Пол. Кто убит несправедливо, – вот кто, поистине, и жалок, и несчастен!

Сократ. Но в меньшей мере, Пол, чем его убийца, и менее того, кто умирает, неся справедливую кару.

Пол. Это почему же, Сократ?

Сократ. Потому, что худшее на свете зло – это творить несправедливость.

Пол. В самом деле худшее? А терпеть несправедливость – не хуже?

Сократ. Ни в коем случае!

Пол. Значит, чем чинить несправедливость, ты хотел бы скорее ее терпеть?

Сократ. Я не хотел бы ни того, ни другого. Но если бы оказалось неизбежным либо творить несправедливость, либо переносить ее, я предпочел бы переносить.

Пол. Значит, если бы тебе предложить власть тирана, ты бы ее не принял?

Сократ. Нет, если под этой властью ты понимаешь то же, что я.

[....]

Пол. Так он [Архелай, властитель Македонии], по-твоему, счастливый или несчастный?

Сократ. И скажу правду. Ведь я не знаю, ни как он воспитан и образован, ни насколько он справедлив.

Пол. Что же, все счастье только в этом?

Сократ. По моему мнению, да, Пол. Людей достойных и честных – и мужчин, и женщин – я зову счастливыми, несправедливых и дурных – несчастными.

Сократ. А по моему мнению, Пол, человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но он особенно несчастлив, если уходит от возмездия и остается безнаказанным, и не так несчастлив, если понесет наказание и возмездие богов и людей!

Сократ. По моему суждению, и я, и ты, и остальные люди – все мы считаем, что хуже творить несправедливость, чем ее терпеть, и оставаться безнаказанным, чем нести наказание.

[...]

Пол. ...Ты даешь прекрасное определение, Сократ, определяя прекрасное через удовольствие и добро.

Сократ. Значит, безобразное определим через противоположное – через страдание и зло?

[...]

Сократ. Обратимся теперь ко второму нашему разногласию: самое ли большое зло для преступившего справедливость, если он понесет наказание, или еще большее зло – остаться безнаказанным. Давай начнем вот каким образом. Понести наказание и принять справедливую кару за преступление – одно и то же, как по-твоему?

[...]

Сократ. Теперь смотри, согласен ли ты с тем, о чем я сейчас говорил, в целом: всегда, какое действие совершается, такое же в точности и испытывается?

Пол. Согласен.

Сократ. Раз в этом мы с тобою согласились, скажи: нести кару – значит что-то испытывать или же действовать?

Пол. Непременно испытывать, Сократ.

Сократ. Но испытывать под чьим-то воздействием?

Пол. А как же иначе? Под воздействием того, кто карает.

Сократ. А кто карает по заслугам, карает справедливо?

Пол. Да.

Сократ. Справедливость он творит или несправедливость?

Пол. Справедливость.

Сократ. Значит, тот, кого карают, страдает по справедливости, неся

свое наказание?

Пол. Видимо так.

Сократ. Но мы, кажется, согласились с тобою, что все справедливое – прекрасно?

Пол. Да, конечно.

Сократ. Стало быть, один из них совершает прекрасное действие, а другой испытывает на себе – тот, кого наказывают.

Пол. Да.

Сократ. А раз прекрасное – значит и благое? Ведь прекрасное либо приятно, либо полезно.

Пол. Непременно.

Сократ. Стало быть, наказание – благо для того, кто его несет?

Пол. Похоже, что так.

Сократ. И оно ему на пользу?

Пол. Да.

Сократ. Но одинаково ли мы понимаем эту пользу? Я имею в виду, что человек становится лучше душою, если его наказывают по справедливости.

Пол. Естественно!

Сократ. Значит, неся наказание, он избавляется от испорченности, омрачающей душу?

[....]

Сократ. А ты допускаешь, что и в душе может быть испорченность?

Пол. Конечно, допускаю!

Сократ. Какая же из них самая безобразная? Верно, несправедливость и вообще испорченность души?

Пол. Так оно и есть.

Сократ. Стало быть, если среди всех испорченностей самая безобразная – это испорченность души, она безмерно, чудовищно превосходит остальные вредом и злом: ведь не болью же – боль ты исключил.

Пол. Видимо, так.

Сократ. Стало быть, несправедливость, невоздержанность и вообще всякая испорченность души – величайшее на свете зло?

[....]

Сократ. Какое же [искусство избавляет] от испорченности и несправедливости?

Пол. Ты хочешь сказать: к судьям?

Сократ. Не для того ли, чтобы они понесли справедливое наказание.

Пол. Да, для этого.

Сократ. Значит, искусство наживы избавляет от бедности, врачебное искусство – от болезни, а правый суд – от невоздержанности и несправедливости.

[...]

Сократ. Но тогда ли человек счастливее всего телом, когда лечится, или когда вовсе не болеет?

Пол. Ясно, что когда не болеет.

Сократ. Да, счастье, видимо, не в том, чтобы избавиться от зла, а в том, чтобы вообще его не знать.

Пол. Это верно.

[...]

Сократ. Стало быть, самый счастливый тот, у кого душа вообще не затронута злом, раз уже выяснилось, что именно в этом самое большое зло.

[...]

Сократ. Избавление же от этого зла, как выяснилось, состоит в том, чтобы понести наказание?

Пол. Пожалуй.

Сократ. А безнаказанность укореняет зло?

[...]

Сократ. Но как ты полагаешь, «лучший» и «сильный» – это одно и то же?

Калликл. Говорю тебе совершенно ясно: одно и то же.

[...]

Сократ. ... скажи, кого все-таки ты называешь лучшими?

Калликл. Я лучшими называю самых достойных.

[...]

Калликл. ... разумных в делах государства и мужественных. Им-то и должна принадлежать власть в городе, и справедливость требует, чтобы они возвышались над остальными – властители над подвластными.

Сократ. А сами над собою, друг, будут они властителями или подвластными?

Калликл. О чем ты говоришь?

Сократ. О том, насколько, каждый из них будет властвовать над самими собою. Или же этого не нужно вовсе – властвовать над собою, нужно только над другими?

Калликл. Как же ты ее понимаешь, власть над собой?

Сократ. Очень просто, как все: это воздержанность, умение владеть собою, быть хозяином своих наслаждений и желаний.

[...]

Сократ. Вот я и говорю, что если воздержанная душа – это хорошая, тогда та, что наделена противоположным свойством, будет дурной. Я говорю о душе неразумной и невоздержанной. – Совершенно верно. – А воздержанный человек будет обходиться, как должно, и с богами, и с людьми: ведь поступая не так, как должно, он окажется уже невоздержанным. – Да, непременно так. – Но, конечно, обходиться, как должно, с людьми – значит

соблюдать справедливость, а с богами – благочестие. А кто соблюдает справедливость и благочестие, тот непременно справедлив и благочестив. – Да. – И непременно мужествен вдобавок. Воздержанный человек не станет ни гнаться за тем, что не должно, ни уклоняться от того, что должно, наоборот, и что-то преследуя, и чего-то уклоняясь, он исполнит свой долг, коснется ли дело людей или вещей, удовольствий или огорчений, а если долг велит терпеть, будет стойко терпеть. Стало быть, Калликл, воздержанный человек – справедливый, мужественный и благочестивый, как мы с тобою выяснили, – непременно будет безупречно хорошим, а хороший всегда поступает хорошо и достойно, и, поступая так, он блажен и счастлив, меж тем как дурной, поступая скверно, несчастлив. Он-то и составит противоположность воздержанному, – тот самый разнузданный, которого ты восхвалял. Вот как я полагаю, и, по-моему, это верно. А если верно, тогда тот, кто желает быть счастливым, пусть приучает себя к воздержанности, пусть стремится к ней, а от разнузданности каждому из нас надо бежать со всех ног, и больше всего надо стараться, чтобы вообще не было надобности терпеть наказания, если же все-таки надобно – нам ли самим или кому из наших близких, будь то частное лицо или целый город, – следует принять возмездие и кару: иначе виновному не бывать счастливым. Такою мне представляется цель, которую надо видеть перед собою в течение всей жизни, и ради нее не щадить сил – ни своих, ни своего города, чтобы справедливость и воздержанность стали спутницами каждого, кто ищет счастья; да, так надо поступать, а не давать волю необузданным желаниям, не торопиться их утолять, потому что это нескончаемое зло, это значит вести жизнь разбойника. Подобный человек не может быть мил ни другим людям, ни богу, потому что он не способен к общению, а если нет общения, нет и дружбы. Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную «порядком» [«космосом»], а не «беспорядком», друг мой, и не «бесчинством». Ты же, мне кажется, этого в расчет нисколько не принимаешь, несмотря на всю свою мудрость, ты не замечаешь, как много значит и меж богов, и меж людей равенство, – я имею в виду геометрическое равенство, – и думаешь, будто надо стремиться к превосходству над остальными. Это оттого, что ты пренебрегаешь геометрией.

Из диалога «Федон»

Печатается по: Платон. Федон // Сочинения. В 3 т. Т. 2. – М., 1971.

– Значит, в сравнении с телом душа ближе к безвидному, а тело в сравнении с душой – к зримому?

– Несомненно, Сократ. – А разве мы уже не говорили, что, когда душа пользуется телом, исследуя что-либо с помощью зрения, слуха или какого-нибудь иного чувства (ведь исследовать с помощью тела и с помощью чувства – это одно и то же!), тело влечет ее к вещам, непрерывно изменяющимся, и от соприкосновения с ними душа сбивается с пути, блуждает, испытывает замешательство и теряет равновесие, точно пьяная?

– Да, говорили.

– Когда же она ведет исследование само по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только останется наедине с собою и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и, в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным, она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем размышлением, правильно?

– Совершенно правильно, Сократ! Ты говоришь замечательно. <...>

– Взгляни теперь еще вот с какой стороны. Когда душа и тело соединены, природа велит телу подчиняться и быть рабом, а душе – властвовать и быть госпожою. Приняв это в соображение, скажи, что из них, по-твоему, ближе божественному и что смертному? Не кажется ли тебе, что божественное создано для власти и руководства, а смертное – для подчинения и рабства?

– Да, кажется.

– Так с чем же схожа душа?

– Ясно, Сократ: душа схожа с божественным, а тело со смертным.

– Теперь подумай, Кебет, согласен ли ты, что из всего сказанного следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно – и тоже в высшей степени – наше тело. Можем мы сказать что-нибудь вопреки этому, друг Кебет?

[...]

– Такая душа уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, и – как говорят о посвященных в таинства – впредь навеки поселяется среди богов. Так мы должны сказать, Кебет, или как-нибудь по-иному?

– Так, клянусь Зевсом, – ответил Кебет.

– Но, думаю, если душа разлучается с телом оскверненная и замаранная, ибо всегда была в связи с телом, угождала ему и любила его, зачарованная телом, его страстями и наслаждениями настолько, что уже ничего

не считала истинным, кроме телесного, – того, что можно осязать, увидеть, выпить, съесть или использовать для любовной утехи, а все смутное для глаза и незримое, но постигаемое разумом и философским рассуждением, приучилась ненавидеть, бояться и избегать, – как, по-твоему, такая душа расстанется с телом чистою и обособленною в себе самой?

– Никогда!

– Я думаю, что она вся проникнута чем-то телесным: их срастили постоянное общение и связь с телом и долгие заботы о нем.

– Совершенно верно.

– Но ведь телесное, друг, надо представлять себе плотным, тяжелым, землеобразным, видимым. Ясно, что душа, смешанная с телесным, тяжелеет, и эта тяжесть снова тянет ее в видимый мир. В страхе перед безвидным, перед тем, что называют Аидом, она бродит среди надгробий и могил – там иной раз и замечают похожие на тени призраки душ. Это призраки как раз таких душ, которые расстались с телом нечистыми; они причастии зримому и потому открываются глазу.

– Да, Сократ, похоже на то.

– Очень похоже, Кебет, И конечно же, это души не добрых, но дурных людей: они принуждены блуждать среди могил, неся наказание за дурной образ жизни в прошлом, и так блуждают до той поры, пока пристрастием к бывшему своему спутнику – к телесному – не будут вновь заключены в оковы тела. Оковы эти, вероятно, всякий раз соответствуют тем навыкам, какие были приобретены в прошлой жизни.

– О каких же навыках ты говоришь, Сократ?

– Ну вот, например, кто предавался чревоугодию, беспутству и пьянству, вместо того чтобы всячески их остерегаться, перейдет, вероятно, в породу ослов или иных подобных животных. Как тебе кажется?

– Это вполне вероятно.

– А те, кто отдавал предпочтение несправедливости, властолюбию и хищничеству, перейдут в волков, ястребов или коршунов. Или же мы с тобою решим, что такие души перейдут в иные какие-нибудь тела?

– Что ты! – сказал Кебет. – Конечно, в эти, которые ты назвал.

– Тогда, по-моему, уже ясно, что и всем остальным предназначены места, соответствующие их главной в жизни заботе.

– Да уж куда яснее!

– А самые счастливые среди них, уходящие самою лучшею дорогой, – это те, кто преуспел в гражданской, полезной для всего народа добродетели: имя ей рассудительность и справедливость, она рождается из повседневных обычаев и занятий, а философии и уму чужда.

– Чем же они такие счастливые?

– Да они, вероятно, снова окажутся в общительной и смирной породе, среди пчел, или, может быть, ос, или муравьев, а не то и вернутся к че-

ловеческому роду, и из них произойдут воздержные люди.

– Да, похоже на то.

– Но в род богов не позволено перейти никому, кто не был философом и не очистился до конца, – никому, кто не стремился к познанию. Потому-то, милые мои Симмий и Кебет, истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности, в отличие от большинства, которое корыстолюбиво, и хотя они, в отличие от властолюбивых и честолюбивых, не страшатся бесчестия и бесславия, доставляемых дурною жизнью, они от желаний воздерживаются.

– Да, стремящимся к познанию известно, в каком положении бывает их душа, когда философия берет ее под свое покровительство и с тихими увещаниями принимается освобождать, выявляя, до какой степени обманчиво зрение, обманчив слух и остальные чувства, убеждая отдаляться от них, не пользоваться их службою, насколько лишь это возможно, и советуя душе сосредоточиваться и собираться в себе самой, верить только себе, когда, сама в себе, она мыслит о том, что существует само по себе, и не считать истинным ничего из того, что она с помощью другого исследует из других вещей, иначе говоря, из осязаемых и видимых, ибо то, что видит душа, умопостигаемо и безвидно. Вот то освобождение, которому не считает нужным противиться душа истинного философа, и потому она бежит от радостей, желаний, печалей и страхов, насколько это в ее силах, понимая, что, если кто сильно обрадован или опечален, или испуган, или охвачен сильным желанием, он терпит не только обычное зло, какого и мог бы ожидать, – например, заболевает или проматывается, потакая своим страстям, – но и самое великое, самое крайнее из всех зол и даже не отдает себе в этом отчета.

– Какое же это зло, Сократ? – спросил Кебет.

– А вот какое: нет человека, чья душа, испытывая сильную радость или сильную печаль, не считала бы то, чем вызвано такое ее состояние, предельно ясным и предельно подлинным, хотя это и не так. Ты, я думаю, со мною согласишься, что в первую очередь это относится к вещам видимым.

– Охотно соглашусь.

– А согласишься ли ты, что именно в таком состоянии тело сковывает душу особенно крепко?

– То есть как?

– А вот как: у любой радости или печали есть как бы гвоздь, которым она пригвозждает душу к телу, пронзает ее и делает как бы телесной, заставляя принимать за истину все, что скажет тело. А разделяя представления и вкусы тела, душа, мне кажется, неизбежно перенимает его правила и привычки, и уже никогда не прийти ей в Аид чистою – она всегда отходит,

обремененная телом, и потому вскоре вновь попадает в иное тело и, точно посеянное зерно, пускает ростки. Так она лишается своей доли в общении с божественным, чистым и единообразным.

– Верно, Сократ, совершенно верно, – сказал Кебет.

Антисфен

(444/435 – 370/360 гг. до н.э.)

Печатается по: Антология кинизма. –М.,1984.

[....]

51. Антисфен Аристиппу.

Не к лицу истинному философу жить у тиранов и принимать участие в пресловутых сицилийских пирах. Он должен оставаться на родине и довольствоваться тем, что имеет. Ты же полагаешь, что разумный человек должен уметь сколотить состояние и приобрести друзей среди самых влиятельных лиц. Но богатство не относится к числу необходимых вещей, а если бы оно и было необходимым, то, добытое таким путем, оно отнюдь не является благом. Что же касается друзей, то этот сброд невежд и тиранов никогда не сможет стать друзьями. Поэтому я посоветовал бы тебе покинуть Саракузы и Сицилию. Если же ты, как утверждают люди, пристрастился к наслаждениям и привязан к тому, что философам не приличествует, тогда отправляйся в Антикиру – там тебе поможет отвар из чемерицы. **Он** гораздо полезнее вина, которым тебя поит Дионисий. Вино ведет к безумию, а чемерица излечивает его. Насколько здоровье и благоразумие отличаются от болезни и глупости, настолько и ты станешь лучше по сравнению с тем, каков ты сейчас. Будь здоров.

[....]

53. У мужчин и у женщин добродетель одна и та же.

[....]

55. Безвестность, как и труд, - благо.

56. Мудрец сам себе довлеет, ибо все, что принадлежит другим, принадлежит и ему.

57. Добродетель - оружие, которое нельзя отнять... Разум -самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов.

58. Вот основные положения его философии. Он доказывал, что добродетели можно научиться; что благородство и добродетельность одно и то же. Для счастья достаточно одной добродетели, а она нуждается лишь в Сократовой силе. Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках... Мудрец живет не по законам государства, а по законам добродетели... ..Лучше с немногими добродетельными сражаться

против всех дурных, чем со многими дурными против немногих честных. Считайся с врагами: они первыми замечают твои ошибки. Пуще родича своего почитай человека справедливого... Добро прекрасно, зло безобразно. Все дурное считай чуждым себе.

59. Снова и снова Антисфен говорит, что целью жизни является неприязнительность.

[....]

61. - А ну-ка, - сказал Сократ, - ты теперь говори нам, Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством?

- По моему убеждению, друзья, у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе. Я вижу много частных лиц, которые, владея очень большим капиталом, считают себя такими бедными, что берутся за всякую работу, идут на всякую опасность, только бы добыть побольше. Знаю и братьев, которые получили в наследство поровну, но у одного из них средств хватает, даже есть излишки против расхода, а другой нуждается во всем. Я слышал и про тиранов, которые так алчны до денег, что прибегают к действиям, гораздо более преступным, чем люди, самые неимущие, -из-за нужды одни крадут, другие прорывают стены, иные похищают людей, а тираны бывают такие, что уничтожают целые семьи, казнят людей массами, часто даже целые города из-за денег обращают в рабство.

Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много ел, но никогда не был сыт. А у меня столько всего, что сам я насилу нахожу это; но все-таки у меня в барышах остается, что, евши, я дохожу до того, что не бываю голоден, пивши - до того, что не чувствую жажды, одеваюсь так, что на дворе не мерзну нисколько не хуже такого богача, как Каллий; а когда бываю дома, то очень теплыми хитонами кажутся мне стены, очень теплыми плащами - крыши; постелью я настолько доволен, что трудно бывает даже разбудить меня. Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, поскольку никто другой не хочет иметь с ними дела. И все это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я не желал бы, а напротив, меньше: до такой степени некоторые из них кажутся мне приятнее, чем это полезно.

Но самым драгоценным благом в моем богатстве я считаю вот что: если бы отняли у меня и то, что теперь есть, ни одно занятие, как я вижу, не оказалось бы настолько плохим, чтобы не могло доставлять мне питание в достаточном количестве. И в самом деле, когда мне захочется побаловать себя, я не покупаю на рынке дорогих продуктов, [...] а достаю их из кладовой своей души. И гораздо больше способствует удовольствию, когда подносишь ко рту пищу, дождавшись аппетита, чем когда употреб-

ляешь дорогие продукты, как, например, теперь, когда я пью это фаросское вино, не чувствуя жажды, а только потому, что оно попало мне под руку. Несомненно, и гораздо честнее должны быть люди, любящие дешевизну, чем любящие дороговизну: чем больше человеку хватает того, что есть, тем меньше он зарится на чужое.

Следует обратить внимание еще на то, что такое богатство делает человека более щедрым. Сократ, например, от которого я получил его, давал его мне без счета, без веса: сколько я мог унести с собою, столько он мне и давал. Я тоже теперь никому не отказываю: всем друзьям показываю изобилие богатства в моей душе и делюсь им со всяким. Далее, видите, такая прелесть, как досуг, у меня всегда есть; поэтому я могу смотреть, что стоит смотреть, слушать, что стоит слушать, и, чем я особенно дорожу, благодаря Досугу проводить целые дни с Сократом. Да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а кто ему нравится, с теми постоянно и проводит время.

[...]

81. Как пир без беседы, так и богатство без добродетели не приносит радости.

82. Следует домогаться удовольствий, которые идут за трудами а не перед трудами.

[...]

96. Антисфен говорил, что трудности похожи на собак: они кусают лишь тех, кто к ним не привык.

Платон

(428/427 - 348/347 гг. до н.э.)

Печатается по: Платон. Определения
// Платон. Диалоги. - М., 1986.

Добродетель - наилучшее состояние [души], свойство смертного существа, достойное хвалы само по себе; предрасположенность считать благом то, чем обладаешь; справедливое отношение к законам; состояние, заставляющее крайне серьезно говорить о предмете беседы; состояние, направленное на благочиние.

Разумность - самодавлеющая потенция, направленная к счастью человека; знание добра и зла; состояние, помогающее судить о том, что следует и чего не следует делать.

Справедливость - умиротворенность души в самой себе и упорядоченность частей души как друг по отношению к другу, так и в целом; распределительная способность, уделяющая каждому свое по достоинству; способность, благодаря которой тот, кто ею обладает, предпочтительно из-

бирает кажущееся ему справедливым; способность подчиняться в жизни закону; равенство в общежитии; способность повиноваться правильным законам.

Рассудительность (sophrosyne) - воздержность души по отношению к естественно возникающим в ней вожделениям и к наслаждениям; слаженность и уравновешенность души в отношении естественных радостей и печалей; гармоничность души в деле руководства и подчинения; самодавяющее действие в соответствии с природой; стройность души; логическая связность души в вопросах прекрасного и постыдного; способность, благодаря которой тот, кто ею обладает, с осторожностью избирает что нужно.

Мужество - способность души не поддаваться страху; воинская отвага; знание воинского дела; стойкость души перед лицом страха и опасности; смелость, полезная разуму; бесстрашие в ожидании смертного часа; охранительная способность к правильным умозаключениям в опасности; сила, уравновешивающая опасность; сила, укрепляющая в доблести; умиротворенность души в отношении вещей, представляющихся на основе верного рассуждения ужасными и дерзновенными; избавление от смутных представлений относительно опасности; воинская опытность; стойкость в исполнении закона.

Выдержка - способность быть терпеливым в печали; следование правильному суждению; неодолимая сила истинного убеждения.

Трудолюбие - способность завершить избранное дело; добровольная терпеливость; безупречная способность к труду.

Совестливость - добровольный отказ от дерзости, явно справедливый и направленный к наилучшему; добровольное восприятие наилучшего; стремление избежать справедливого порицания.

Свобода - власть над жизнью; независимость во всем; возможность жить по-своему; щедрость в использовании имущества и владении им.

Бескорыстие - должное отношение к наживе; должное приумножение имущества и владение им.

Кротость - усмирение гневных порывов; симметрия частей души.

Скромность - добровольная уступка тому, что представляется наилучшим; упорядоченность движений тела.

Терпеливость - выносливость в печали во имя прекрасного; выносливость в трудах ради прекрасного.

Отвага - отсутствие ожидания зла.

Великодушие - утонченное использование обстоятельств; величие души, соединенное с разумом.

Человеколюбие - удобоуправляемое свойство характера любить человека; способность людей к добрым делам; благожелательное отношение; память, направленная к благодеянию.

Благочестие - справедливое отношение к богам; добровольная

склонность служения богам; правильное представление о почитании богов; знание того, как надо почитать богов.

Благо - то, что существует ради него самого.

Свобода от страха - состояние, позволяющее не бояться.

Бесстрастие - состояние неподвластности волнениям.

Миролюбие - спокойствие перед лицом воинственной враждебности.

Дружба - единомыслие относительно прекрасного и справедливого; свободный выбор сходной жизни; согласованность мнений относительно свободного выбора и действий; единомыслие относительно образа жизни; доброжелательное общение; соучастие в благих делах и в испытаниях.

Благородство - добродетель возвышенного нрава; восприимчивость души к словам и делам.

Доброжелательство [выбор] - привязанность человека к человеку.

Любовь (agapēsis) - совершенное признание.

Искусство государственного правления - знание прекрасного и полезного; творческое знание справедливости в государстве.

Товарищество - привычная дружба, бывающая среди ровесников.

Правдивость - способность утверждения и отрицания; знание истинного.

Воля - целеустремленность, соединенная с правильным рассуждением; благоразумное стремление согласно природе.

Почет - дарование благ, обретаемых путем доблестных свершений; добрая слава, уготованная добродетелью, форма величия; соблюдение доброй славы.

Усердие - настойчивость в выборе образа действия.

Милость - добровольное благодеяние; плата добром за добро; своевременная услуга.

Полезное - причина благоденствия; причина блага.

Выгодное, годящееся для блага.

[Прекрасное - благо].

Благо - причина благополучия живых существ; причина всего, что направлено само на себя; то, из чего проистекает все, долженствующее быть избранным.

Мудрое - украшение души.

Законное - упорядоченность закона, способная творить справедливость.

Произвольное - то, что вызывает само себя; избираемое само собою под воздействием завершенной мысли.

Свободное - повелевающее собой.

Умеренность - середина между избытком и недостатком, коя довлеет себе благодаря искусству.

Мера - середина между избытком и недостатком.

Награда - воздаваемая добродетели почеть, к которой стремятся ради нее самой.

Хороший человек – тот, кто способен платить другому добром.

Воздержанный - обладающий умеренными страстями.

Владеющий собой - тот, кто с помощью правильного суждения одолевает противоборствующие части души.

Порядочный человек - абсолютно честный; тот, кто обладает собственной добродетелью.

Тревога - печальная мысль, не имеющая под собой разумного основания.

Страх - душевное потрясение, вызванное ожиданием беды.

Гнев - резкая вспышка без рассуждения (logissmos); возмущение порядка неразумной души.

Потрясение - страх из-за ожидания беды.

Лесть - отношение, направленное на удовольствие, но лишённое высшего блага; общительность, направленная на удовольствие, но пренебрегающая меру.

Злоба - побуждение страстной части души к мести.

Дерзость - несправедливость, ведущая к бесчестью.

Невоздержность - неудержимое влечение (вопреки правильному суждению) к тому, что мнится приятным.

Вялость - избегание трудов.

Трусость - препятствие для настойчивости.

Несправедливость - презрение к законам.

Стыд - страх перед ожидаемым бесчестьем.

Хвастовство - притязание на благо или блага, которыми не обладаешь.

Погрешность - действие, противоречащее правильному рассуждению.

Зависть - огорчение по поводу благ, имеющих у друзей в настоящем или бывших у них в прошлом.

Бесстыдство - терпеливость души к бесчестью во имя выгоды.

Наглость - чрезмерная и неположенная отвага перед лицом страхов.

Честолюбие - душевное состояние расточительности, ведущей ко всевозможным неразумным расходам.

Дурные задатки - врожденная порочность нрава и природный изъян; врожденный недуг.

Диоген Синопский
(412 – 323 гг. до н.э.)

Печатается по: Платон. Определения

[....]

6. Когда его кто-то спросил, каким образом человек може стать самостоятельным, он ответил: «Если он прежде всего станет упрекать себя в том, в чем порицает других».

7. Кто-то его бранил за то, что он посещает подозрительные места. На это он заметил: «И солнце туда заглядывает, но не оскверняется».

[....]

32. Порицание Диоген называл благом, исходящим от других.

[....]

59. На вопрос, какой самый тяжкий груз несет на себе земля, Диоген ответил: «Невежду».

[....]

61. Спрошенный, какие люди самые благородные, Диоген ответил: «Презирующие богатство, славу, удовольствия, жизнь, но почитающие все противоположное - бедность, безвестность, труд, смерть».

[....]

64. Диоген говорил, что бедность сама пролагает путь к философии. То, в чем философия пытается убедить на словах, бедность вынуждает осуществлять на деле.

[....]

243. Спрошенный, является ли смерть злом, ответил: «Какое же это зло, если его присутствия мы не чувствует?»

244. Когда Александр подошел к Диогену и спросил: «Ты меня не боишься?» - философ спросил, в свою очередь: «А ты – зло или добро»? Царь ответил: «Добро». – «Кто же боится добра?» - удивился Диоген.

245. Он говорил, что образование дает юношам благоразумие, старикам - утешение, беднякам - богатство, богачам - украшение.

[....]

248. Спрошенный, что самое прекрасное у людей, ответил: «Свобода слова».

[....]

253. Философ Диоген на вопрос, как стать знаменитым, ответил: «Совсем не думать о славе».

[....]

261. На вопрос, как отомстить врагу, Диоген сказал: «Стать добрым и честным».

Аристотель
(384-322 гг. до н. э.)

Печатается по: Аристотель. Большая этика //Аристотель:
Сочинения: В 4-х т. - Т.4 - М.,1984.

[...]

...этическое, по-видимому, - составная часть политики. В самом деле, совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно человеком достойным. Быть достойным человеком - значит обладать добродетелями. И тому. Кто думает действовать в общественной и политической жизни, надо быть человеком добродетельного нрава.

[...]

Из благ одни относятся к ценным (*timia*), другие - к хвалимым (*epaineta*) вещам, третьи - к возможностям (*dynameis*). Ценимым я называю благо божественное, самое лучшее, например, душу, ум, то, что изначально, превопринцип и тому подобное. Причем ценимое - это почитаемое, и именно такого рода вещи у всех в чести. Добродетель тоже ценность, раз благодаря ей человек становится достойным (*sproudaios*); он достигает тогда присущей добродетели красоты (*eis to tes aretes schema hekei*). Хвалимое благо - это те же добродетели в той мере, в какой согласные с ними действия вызывают похвалу. Блага-возможности - это власть, богатство, сила, красота. Добродетельный человек сумеет воспользоваться ими для добра, дурной - для зла, почему такие блага и называют возможностями. Они действительно блага, поскольку каждое из них удостоверяется тем, как его употребляет не дурной, а достойный человек. Такие блага иногда имеют причиной своего возникновения также и случай: по случаю достаются и богатство, и власть, и вообще то, что причисляется к возможностям. Существует еще четвертый вид блага: нечто сохраняющее или создающее другое благо; так, гимнастика сохраняет здоровье, и тому подобное.

Есть и другие подразделения блага. Скажем, из благ одни всегда и всячески заслуживают избрания, другие - не всегда: например, справедливость и прочие добродетели всегда и всячески достойны избрания, а сила, богатство, власть - не всегда и не всячески. И еще другой [способ деления]: благо может быть целью и может не быть целью; скажем, здоровье - цель, но то, что делается ради здоровья, - не цель. Из них всегда высшее благо - цель; так, здоровье выше, чем исцеляющие средства, и вообще всегда выше то, ради чего существует остальное. В свою очередь, среди целей совершенная лучше, чем несовершенная. Совершенное есть то, при наличии чего мы уже ни в чем не нуждаемся, несовершенное - то, при наличии чего продолжаем нуждаться. Например, имея справедливый нрав, мы еще во многом нуждаемся, а имея счастье, уже ни в чем не нуждаемся. И совершенная цель есть то наше высшее благо, которого мы ищем. Таким образом, совершенная цель есть благо и цель всех других благ.

[...]

Всякая добродетель, как мы сказали, делает хорошим то, в чем она проявляет себя. Душа совершает, конечно, и многое другое, однако, прежде всего она есть то, благодаря чему мы живем; стало быть, благодаря добродетели души мы сможем жить хорошо. А хорошей жизнью и благополучием мы называем не что иное, как счастливую жизнь. Итак, счастливая жизнь и счастье состоят в том, чтобы хорошо, а хорошо жить - значит жить добродетельно. В этом цель, счастье и высшее благо.

[...]

...поскольку высшее благо - это счастье, и оно - цель, а совершенная цель - в деятельности, то, живя добродетельно, мы можем быть счастливы и обладать высшим благом.

[...]

...счастливым надо признавать человека в конце его жизни, - как бы в том смысле, что для совершенного счастья необходимы и заверченный срок жизни, и совершенный человек.

[...]

Для этической добродетели губительны и недостаток, и излишество.

[...]

...сделай человека чересчур бесстрашным, так что он и богов не станет бояться, - он уже не мужественный, а безумный; а если всего боится, то трус. Мужественным поэтому будет и не тот, кто всего боится, и не тот, кто ничего не боится. Добродетель и губится, и умножается при помощи одного и того же: и чрезмерные страхи, и страх всего губительны, и полное бесстрашие тоже. Мужество - это мужество перед страхом, так что, когда страх умерен, мужество увеличивается; одни и те же вещи и увеличивают, и губят мужество: под действием тех же самых страхов люди становятся и мужественны, и трусливы. То же самое можно сказать и про другие добродетели.

[...]

...этическая добродетель получила вот откуда: слово *ethos*, нрав, происходит от слова *ethos*, обычай, так что этическая добродетель называется так по созвучию со словом привычка. Уже отсюда ясно, что ни одна добродетель внеразумной части души не возникает в нас от природы: что существует от природы, то уж не изменится под влиянием привычки. Скажем, камень и вообще тяжести от природы падают вниз. Сколь бы часто ни бросали их в верх, приучая лететь кверху, они все равно никогда не несутся вверх, но всегда падают вниз.

[...]

Желая определить, что такое добродетель, мы должны теперь узнать, что именно находится в душе. А находятся в ней движения чувств (*pathe*), предрасположенности (*dynameis*) и состояния (*hexeis*). Поэтому добродетель явно должна оказаться чем-то из этих трех. Движения чувств - это

гнев, страх, ненависть, вожделение, зависть, жалость и все подобное, чему обычно сопутствуют огорчение и удовольствие. Предрасположенности - это то, в силу чего мы зовемся способными испытывать движения чувств, т.е. то, благодаря чему мы в силах гневаться, огорчаться, жалеть и т.д. Состояния - это то, соответственно чему наше отношение к движениям чувств бывает хорошим или плохим. Возьмем отношение к гневу: когда мы слишком гневливы, мы находимся в плохом состоянии по отношению к гневу, а если вовсе не гневаемся, на что следует гневаться, то и тогда наше состояние в том, что касается гнева, плохое. Придерживаться здесь середины - это значит и не слишком распалиться, и не оставаться бесчувственным; когда мы так относимся к нему, мы находимся в хорошем состоянии. То же самое можно сказать о прочих подобных вещах. В самом деле, умеренность в гневе и уравновешенность (to praion) занимают середину между гневом и бесчувствием по отношению к гневу; и в таком же соотношении находятся хвастовство и притворство (eironia): делать вид, что имеешь больше того, что имеешь, - это хвастовство, а меньше - это притворство; середина между ними и есть правдивость (aletheia).

[...]

...необходимо сказать о том, что противопоставляется середине: излишек или недостаток. В одних случаях середине противоположен недостаток, в других - излишек. Например, мужеству противоположна не дерзкая отвага (thrasytes), а трусость, т.е. некий недостаток. С другой стороны, благоразумию, середине между распущенностью и бесчувствием к удовольствиям, по-видимому, противоположно не бесчувствие, т.е. недостаток, а распущенность, т.е. излишек. Бывает, что середине противопоставляется то и другое, излишек и недостаток, поскольку середина меньше, чем излишек, и больше, чем недостаток. Так, расточительные называют щедрых скупыми, а скупые щедрых - расточительными, равно как дерзко отважные и опрометчивые зовут мужественных трусливыми, а трусливые мужественных - опрометчивыми и одержимыми (mainomenoys).

[...]

Две причины, по-видимому, заставляют нас противопоставлять середине то избыток, то недостаток. В одном случае смотря на сам предмет, ближе или дальше он от середины, например, что дальше от щедрости, расточительность или скупость; на щедрость больше походит расточительность, чем скупость, и, стало быть, скупость дальше отстоит от середины, - то, по-видимому, более противоположно ей, так что сам предмет показывает, что в этом случае недостаток более всего противоположен середине. В других случаях, смотря иначе; например, что от природы более свойственно, то более противоположно середине. Например, нам свойственнее распущенность, чем упорядоченность. Мы склоняемся больше в сторону, которая нам свойственна, и, к чему мы больше склоняемся, то более проти-

воположно [середине]; однако мы больше преуспеваем в распушенности, чем в упорядоченности; следовательно, избыток [в этом случае] наиболее противоположен середине, ведь распушенность - это избыток по отношению к благоразумию.

[...]

Ни один человек, по его словам, на вопрос, хотел ли бы он быть справедливым или несправедливым, не выберет несправедливости. То же можно сказать и про смелость и трусость и про любу. Добродетель, и если люди бывают дурны, то, очевидно, они дурны не по своей воле; отсюда ясно, что и хорошие тоже не по своей воле добродетельны. Однако такое рассуждение неверно. В самом деле, почему тогда законодатель не позволяет совершать дурных поступков, а прекрасные и достойные велит? Почему он в дурных делах устанавливает наказание, когда их делают, в добрых - когда их не делают? Нелепо было бы узаконивать то, что не в нашей власти исполнить. Нет, видимо, от нас зависит быть людьми достойными или дурными. О том же свидетельствует и сама возможность похвалы и порицания. В самом деле, за добродетель хвалят, за порочность порицают, но ведь за невольные поступки не хвалят и не ругают; значит, в нашей власти поступать достойно или недостойно.

[...]

Первоначало действия, как хорошего, так и плохого, - это намерение, воля и так далее; очевидно, стало быть, и они изменяются. Мы свои действия изменяем добровольно, так что и первоначало, т.е. намерение и воля, меняется добровольно. Отсюда ясно, что от нас зависит быть хорошими или дурными.

[...]

...не у всякого, кто примется ухаживать за своим телом, оно непременно станет самым прекрасным. Нужен не только уход, нужно, чтобы и от природы тело было ладным и крепким (*kalon k'agathon*). Уход сделает тело лучшим, но не самым лучшим. То же следует предполагать и в отношении души. Человек, стремящийся быть самым добродетельным, тоже не станет им, если его природа этому не способствует, но более достойным станет.

[...]

...что такое добровольный поступок (*to hekousion*). Это - добровольность - для добродетели имеет решающее значение. Добровольным в собственном в собственном смысле слова бывает то, что мы делаем без принуждения.

[...]

Когда причина действия, совершаемого наперекор природе или наперекор желанию, лежит вовне, все делаемое так мы назовем делаемым насильно. Наоборот, когда причина лежит внутри самих [делателей], там мы не говорим о насилье. А иначе невоздержный человек станет

возражать и не признает себя дурным: он скажет, что плохо ведет себя из-за того, что страстное желание насилует его.

[...]

Если добровольности нет ни в каком порыве, то она, по-видимому, коренится в умысле. Невольное - это то, что делается вынужденно, насильственно и, в-третьих, без умысла. ...Когда человек ударит, убьет или учинит что другое неумышленно, мы говорим, что он сделал это невольно, и [тем самым признаем, что добровольное - это умышленное].

[...]

...выбор касается благ, ведущих к цели, а не самой цели, и он касается вещей нам доступных и позволяющих спорить о том, следует ли избирать то или это; отсюда ясно, что сначала должно быть обдумывание и принятие решения, а затем, когда после обдумывания мы что-то сочтем за лучшее, возникает стремление к действию, и, совершая это действие, мы, по-видимому, поступаем согласно своему выбору.

[...]

...многое мы делаем добровольно, не успев подумать и принять решение, например, садимся, встаем и много подобного делаем добровольно без обдумывания, тогда как все делаемое по выбору связано с обдумыванием. Значит, добровольное не совпадает с выбором. Наоборот, выбор всегда добровольно: решившись действовать, как избрали, мы поступаем добровольно.

[...]

Ошибки в поступках и действиях те же, что и в стремлении к добродетели. Когда мы стремимся к добродетели, мы впадаем в ошибки, уступая своим врожденным склонностям, причем ошибка может быть как в сторону недостатка, так и в сторону избытка. К тому и другому влекут нас удовольствие и страдание.

[...]

Ради удовольствия мы делаем недостойные вещи, а избегая страдания, уклоняемся от хорошего.

[...]

Цель добродетели - прекрасное.

[...]

...наблюдая за достойным человеком, судя о нем по его делам, поскольку [иначе] невозможно обнаружить, какому выбору он следовал. А если бы можно было видеть совесть человека и его стремление к прекрасному, то его сочли бы добродетельным и без дел...

[...]

Благоразумие - середина между распущенностью и бесчувственностью к удовольствиям.

[...]

Щедрость - середина между расточительностью и скупостью. Эти движения чувств касаются денег и богатства. Расточителен тот, кто тратит, на что не надо, больше, чем надо, и когда не надо. Скупой, напротив, не тратит, где надо, сколько надо и когда надо. Оба достойны порицания: один - за недостаток, другой - за избыток. Щедрый, поскольку он заслуживает похвалы, должен быть чем-то средним между ними. Кто же он? Тот, кто тратит, где надо, сколько надо и когда надо.

[...]

Благородство - это середина между кичливостью и приниженностью. Дело тут касается чести и бесчестия - чести, которая воздается не толпой, а достойными людьми, и именно такой чести больше всего. Ведь достойные люди воздадут честь, правильно поняв и рассудив, а благородный сам предпочтет, чтобы честь ему воздали те, кто сознает, что он достоин чести.

[...]

Люди жалкие и дурные, но мнящие себя великанами и думающие, что их должны соответственно чтить, - кичливы. Те же, кто считает себя достойными меньшего, чем им подобает, - принижены. Значит, посредине между ними стоит тот, кто не считает себя достойным меньшей чести, чем ему подобает, но и не мнит себя достойным большей, причем не всякие почести принимает. Таков благородный. Ясно, таким образом, что благородство - середина между кичливостью и приниженностью.

[...]

Негодование - середина между завистью и злорадством. И то, и другое чувство заслуживает порицания, негодующий же достоин одобрения. Негодование - это скорбь о том, что блага принадлежат недостойному; негодующий - тот, кого огорчают такие вещи. Он же огорчится и тогда, когда увидит, что кто-то страдает незаслуженно. Таковы негодование и негодующий. Завистливый же ведет себя противоположным образом. Его будет огорчать благоденствие любого человека, будь оно заслуженное или незаслуженное. Так же и злорадный будет рад беде любого человека, заслуженной и незаслуженной. Негодующий же не таков, он как бы некая середина между ними.

[...]

Чувство собственного достоинства - середина между своеобразием и подхалимством. Оно проявляется при взаимном общении людей. Своенравный таков, что не способен ни общаться, ни разговаривать с кем-либо. Само имя, по-видимому, указывает на его характер: своеобразный - это как бы нравящийся сам себе и довольный самим собой. А подхалим - это умеющий общаться со всеми, всячески, везде. Ни тот, ни другой не похвальны. Похвален тот, у кого есть чувство собственного достоинства;

[...]

Скромность - середина между бесстыдством и стеснительностью.

Она проявляется в поступках и словах. Бесстыжий говорит и действует, как придется, при любых обстоятельствах, обращаясь ко всякому. Стеснительный, напротив, остерегается делать и говорить что бы то ни было перед кем бы то ни было (ведь человек, во всем стесняющийся, бездеятелен). Скромность и скромный - некая середина между ними: скромный не станет вслед за бесстыжим говорить все по-всякому, но и не будет, подобно стеснительному, остерегаться всего и всегда, а будет говорить и делать там, где надо, что надо и когда надо.

[...]

Чувство юмора - середина между шутовством и дикарством. Его область - насмешки. Шут считает нужным по всякому поводу смеяться над всем, а дикарь отказывается сам смеяться, не хочет, чтобы над ним смеялись, и сердится. Посредине между ними человек с чувством юмора. Он не смеется надо всем по всякому поводу, но и не дичится. О чувстве юмора можно говорить в двух смыслах: человек с чувством юмора - это и тот, кто умеет отпустить меткую шутку, и тот, кто переносит насмешки.

[...]

Чувство собственного достоинства - середина между своеобразием и подхалимством. Оно проявляется при взаимном общении людей. Своенравный таков, что не способен ни общаться, ни разговаривать с кем-либо. Само имя, по-видимому, указывает на его характер: своеобразный — это как бы нравящийся сам себе и довольный самим собой. А подхалим — это умеющий общаться со всеми, всячески, везде. Ни тот, ни другой не похвальны. Похвален тот, у кого есть чувство собственного достоинства...

[...]

Скромность - середина между бесстыдством и стеснительностью. Она проявляется в поступках и словах. Бесстыжий говорит и действует, как придется, при любых обстоятельствах, обращаясь ко всякому. Стеснительный, напротив, остерегается делать и говорить что бы то ни было перед кем бы то ни был (ведь человек, во всем стесняющийся, бездеятелен). Скромность и скромный — некая середина между ними: скромный не станет вслед за бесстыжим говорить все и по-всякому, но и не будет, подобно стеснительному, остерегаться всего и всегда, а будет говорить и делать там, где надо, что надо и когда надо.

[...]

Чувство юмора - середина между шутовством и дикарством. Его область — насмешки. Шут считает нужным по всякому поводу смеяться над всем, а дикарь отказывается сам смеяться, не хочет, чтобы над ним смеялись, и сердится. Посредине между ними человек с чувством юмора. Он не смеется надо всем по всякому поводу, но и не дичится. О чувстве юмора можно говорить в двух смыслах: человек с чувством юмора — это и тот, кто умеет отпустить меткую шутку, и тот, кто переносит насмешки

Дружелюбие - середина между лестью и враждой. Проявляется оно в поступках и словах. Лстец добавляет больше того, что должно и что имеется на самом деле, а враждебный ненавистник отнимает и то, что есть. Ни тот, ни другой по справедливости не заслуживают одобрения. Дружелюбный же занимает срединное место между ними: он не станет добавлять сверх того, что есть, и не будет хвалить того, что не должно, однако и приносить не будет и ни в каком случае не станет говорить противное тому, что думает. Таков дружелюбный.

[...]

Правдивость - среднее между притворством и хвастовством и проявляет себя в речах, однако, не во всяких. Хвастун выказывает себя имеющим больше того, что у него есть, или знающим то, чего не знает; притворщик, напротив, делает вид, что имеет меньше, чем на самом деле, и не говорит того, что знает, но скрывает свое знание. Правдивый не станет делать ни того, ни другого: он не будет делать вид, что имеет больше или меньше того, что имеет, но скажет и про имущество, и про знание, что у него есть то, что есть.

[...]

Справедливость бывает двух родов. Один из них - соответствие закону: справедливым называют то, что приказывает закон. Закон велит поступать мужественно, благоразумно и вообще вести себя в согласии с тем, что зовется добродетелями.

[...]

От упомянутого справедливого, требуемого законом, отличен второй род справедливого - справедливое по отношению к другому человеку. В вещах, справедливых по отношению к другому человеку, нельзя быть справедливым только для самого себя.

[...]

Справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство. В самом деле, несправедливое—это неравное: когда люди наделяют себя хорошими вещами больше, а плохими меньше, то тут имеет место неравенство.

[...]

...если несправедливость сводится к неравенству, то очевидно, что справедливость и справедливое состоят в равенстве обстоятельств. Поэтому ясно, что справедливость есть некая середина между излишеством и нехваткой, между многим и малым: несправедливый, совершая несправедливость, имеет больше, а терпящий несправедливость, подвергаясь ей, имеет меньше. Середина между ними - справедливое, среднее же—это равное. Так что равное между большим и меньшим справедливо, а справедливый—это человек, стремящийся иметь равное. Причем равное бывает между по меньшей мере двумя лицами. Итак, быть равным по отношению к другому

справедливо, и такого человека можно назвать справедливым.

[...]

Если справедливое - это равное, то пропорционально равное также будет справедливым. Например, есть пропорциональное [равенство] в том, что имеющий большее имущество делает большой взнос, а имеющий малое — малый взнос, и равным образом в том, что понесший большие труды получает много, а понесший малые — мало.

[...]

Справедливое — это также и взаимопретерпевание, но не в том смысле, какой вкладывали в него пифагорейцы. Они полагали, что справедливо претерпеть самому то, что сделал другому. Но такое определение не может относиться ко всем. Ведь не одно и то же справедливо для слуги и для свободного: если слуга ударит свободного, справедливо ответить не ударом, а многими, то есть взаимопретерпевание справедливо тоже при пропорциональности: соотношение, какое существует между свободным как высшим и рабом, существует и между ответным действием и действием раба. Таким же [пропорциональным] будет и отношение свободного к свободному. Если кто вырвал кому глаз, то справедливое не в том, чтобы в ответ и ему только глаз вырвали, но в том, чтобы он потерпел еще больше, с соблюдением пропорциональности: ведь и начал он первый, и поступил несправедливо; он несправедлив вдвойне, и справедливо, чтобы пропорционально несправедливостям и он претерпел в ответ больше того, что сделал.

[...]

Итак, поскольку справедливое - это то, что находит себе место в общении людей внутри государства, справедливость и справедливый человек имеют отношение к гражданскому справедливому.

[...]

Остающееся в большинстве случаев справедливым, видимо, и есть справедливое от природы. То, что мы сами положим и признаем справедливым, становится после этого таковым, и мы называем его справедливым по закону.

[...]

...когда человек поступает по свободному выбору, добровольно (о том, что такое добровольно, мы говорили выше) и сознавая, по отношению к кому, каким способом и ради чего он это делает, при таком условии совершается справедливое. Подобно этому и несправедливый человек—это тот, кто действует, сознавая, по отношению к кому, каким способом и ради чего [он действует]. Если же кто поступит несправедливо, не ведая ни одной из этих вещей, то он не нарушитель справедливости, а несчастный.

[...]

...когда неведение - причина какого-то поступка, и человек соверша-

ет его не по доброй воле, он не нарушитель справедливости; когда же человек сам причина своего неведения и делает что-то в неведении, он ведет себя несправедливо, и его по праву будут звать несправедливым. Возьмем пьяниц. Совершившие зло в пьяном виде - нарушители справедливости, потому что они сами причина своего неведения.

[...]

Добровольно никто не терпит вреда себе, а терпеть несправедливость — это значит терпеть вред. Но бывает, что люди уступают кому-то, имея право на равную долю, так что если равное, как мы говорили, справедливо, а меньшее — несправедливо, причем имеющий меньшее соглашается добровольно, то, выходит, он добровольно подвергается несправедливости. Но что это опять же не так, ясно из следующего. Все берущие себе меньшую долю приемлют взамен честь, похвалу, славу, дружбу или иное, что в том же роде, а кто получает что-либо взамен того, что упускает, уже не терпит несправедливости; если же не терпит несправедливости, то и не терпит ее по доброй воле.

[...]

Порядочность и порядочный человек - это тот, кто довольствуется меньшим того, на что имеет законное право.

[...]

...он умаляет себя не в правах естественных и подлинных, а лишь в том, что согласуется с законом и что упустил определить законодатель.

[...]

Рассудительность касается тех же вещей, что и разумность, а именно того, что можно выполнить, избрать или избежать, и не бывает без разумности. При этом разумность направлена на действие в таких вещах, а рассудительность - это состояние, расположение или нечто подобное, направленное на достижение наилучшего и полезнейшего.

[...]

...можно ли по отношению к дурному человеку совершать несправедливость? Или нет? Ведь если несправедливость - это [нанесение] вреда, а вред состоит в лишении благ, то [несправедливость], по-видимому, не причиняет [дурному человеку] вреда: дело в том, что блага, которые дурной человек признает для себя благом, не суть для него блага. Богатство и власть будут вредны для дурного человека, не способного правильно ими пользоваться. Итак, если наличие их повредит дурному человеку, тот, кто отнимает их у него не делает, по-видимому, ничего несправедливого.

[...]

Если же кто-то вознегодует оттого, что он не у власти, или оттого, что ему не позволяют управлять, ему можно сказать: у тебя в душе нет того, при помощи чего ты мог бы начальствовать и управлять.

[...]

Человек же, делающий выбор, делает его при помощи разума и [в той части души, которая] обладает способностью рассуждать.

[...]

Добродетель не станет противницей добродетели, ведь ей свойственно подчиняться разуму и [действовать], как он велит: куда бы он ни повел, туда она и склоняется. Разум же избирает лучшее. Прочих добродетелей нет без разумности, и совершенная разумность не бывает одна, без других добродетелей.

[...]

В душе коренятся три свойства, за которые нас называют дурными: порочность, невоздержанность, зверство. О порочности и о добродетели, что они такое и в чем состоят, мы уже говорили выше. Теперь следовало бы сказать о необузданности и зверстве.

[...]

Зверство - это крайняя испорченность. Когда мы видим полного негодяя, мы говорим, что это не человек, а зверь, допуская тем самым, что есть такой порок — зверство. Противоположная добродетель остается безымянной: она выше человека, как героическая и божественная.

[...]

Бывают блага внешние, например, богатство, власть, почет, друзья, слава; бывают блага, по необходимости присущие нам и связанные с телом. Таковы осязание и вкус (если кто невоздержан в этом, то его можно считать невоздержным вообще) и чувственные удовольствия. Невоздержанность, которую мы исследуем, касается, по-видимому, именно этих последних.

[...]

В [стремлении] к почету человек не бывает невоздержным в полном смысле слова. Ведь неудержимый в стремлении к почету заслуживает иногда одобрения: он высоко ценит честь. В общем мы и в отношении подобных вещей говорим о невоздержности, прибавляя: невоздержан в [искании] почета, славы; невоздержан в гневе.

[...]

...невоздержанный вообще не воздержан и в том, что касается телесных удовольствий и неудовольствий.

[...]

Если невоздержанный вызывает порицание, то должны вызывать порицание и предметы [его невоздержности]. Почет, слава, власть, деньги и другие вещи, по отношению и которым людей называют невоздержными, не вызывают порицания; чувственные же удовольствия вызывают. Вот почему, естественно, того, кто предается им сверх должного, называют невоздержным в полном смысле

[...]

Воздержность касается наслаждений, и воздержанный - это тот, кто подавляет наслаждение, терпение же имеет дело с огорчениями, а именно терпеливо переносящий огорчения — это человек терпеливый.

[...]

Распущенный - тот, кто думает, что он делает самое для себя лучшее и полезное, и никакой закон разума не противится в нем тому, что кажется ему приятным. Невоздержанный же носит в себе закон разума, который противится тому, к чему влечет его страсть.

[...]

...кто находится в худшем состоянии - тот ли, в ком нет ничего хорошего, [или тот, в ком есть нечто хорошее] наряду с дурными свойствами? Очевидно, первый, тем более, если у него в плохом состоянии находится самое ценное. Хорошее в невоздержном - это правильный закон его разума. У распущенного его нет. И еще: закон разума - первооснова каждого человека, У невоздержного первооснова, высшая ценность, находится в хорошем состоянии, у распущенного - в плохом, так что распущенный, выходит, хуже необузданного.

[...]

Существует два вида невоздержности. Один - невоздержность запальчивая, необдуманная, внезапная. Так, например, при виде красивой женщины мы сразу бываем охвачены каким-то чувством, и от страсти рождается порыв сделать нечто, быть может, неподобающее. Второй вид - невоздержность как бы болезненная, перемешанная с соображениями, отклоняющимися от действия. Первый вид, кажется, не вызывает сильного порицания; такая необузданность бывает у людей достойных, у горячих и одаренных. Второй вид присущ людям холодным и угрюмым, они вызывают порицание.

[...]

Тот, кого невоздержным склонно делать первое впечатление, будучи предостережен таким доводом, не ощутит и не сделает ничего постыдного. Большого порицания заслуживает тот, кто разумом знает, что так поступать нельзя, однако предается удовольствию и расслабляется.

[...]

...счастье же, как все думают,— это либо наслаждение и приятная жизнь, либо [жизнь] не без наслаждения. Некоторые, наоборот, порицают наслаждение и не уверены, что наслаждение не следует причислять к благам, но, по крайней мере, относят к ним безболезненность, а безболезненность, конечно, близка к наслаждению.

[...]

...говорить о наслаждении нам необходимо, поскольку речь у нас идет о счастье, а счастье, как мы определили и утверждаем, - это действие добродетели в совершенной жизни, добродетель же имеет дело с насла-

ждением и огорчением. О наслаждении необходимо говорить и потому, что счастье не бывает без наслаждения.

[...]

...наслаждение не только не помеха, но скорее побуждение к действию, и добродетель вообще не может быть без приносимого ею удовольствия.

[...]

...не разум - начало и руководитель добродетели, а, скорее, движения чувств. Сначала должен возникнуть какой-то неосмысленный порыв к прекрасному — как это и бывает, - а затем уже разум произносит приговор и судит.

[...]

...удача состоит в том, что мы получаем благо, на какое не рассчитывали, и не подвергаемся злу, какого ждали. При этом именно получить благо свойственно случайной удаче: получить что-то хорошее - это счастливая случайность в ее чистом виде; не подвергаться же злу — счастливая случайность привходящим образом. Случайная удача, таким образом, — это природа, действующая неосмысленно. Удачлив тот, кто безрасчетно стремится к хорошим вещам и улучшает их, а это свойственно природе, потому что от природы в душе заложено нечто такое, благодаря чему мы безрасчетно стремимся ко всему, что приводит нас к доброму расположению.

[...]

Поскольку счастье не бывает без внешних благ, а они, как мы недавно говорили, бывают от случайной удачи, то такая удача должна быть сотрудницей счастья.

[...]

Нравственно прекрасным называют человека совершенного достоинства. Ведь о нравственной красоте говорят по поводу добродетели: нравственно прекрасным зовут справедливого, мужественного, благоразумного и вообще обладающего всеми добродетелями [человека].

[...]

...мы одни вещи относим к прекрасным, другие - хорошим, из хороших же одни хороши как таковые, другие — нет. И к вещам прекрасным мы относим добродетели и добродетельные поступки, к хорошим же — власть, богатство, славу, честь и им подобное. Нравственно прекрасен тот, для кого вещи, которые хороши как таковые, хороши, и вещи, которые прекрасны как таковые, прекрасны. Такой человек и хорош и прекрасен.

[...]

Счастье не в том, чтобы знать, из каких вещей оно состоит, а в том, чтобы осуществлять их.

Эпикур
(342/341 – 271/270 гг. до н.э.)

Печатается по: Материалисты Древней Греции. – М., 1955.

Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией: ведь никто не бывает ни незрелым, ни перезрелым для здоровья души. Кто говорит, что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени. Поэтому и юноше, и старцу следует заниматься философией: первому – для того, чтобы, старея, быть молоду благами вследствие благодарного воспоминания о прошедшем, а второму – для того, чтобы быть одновременно и молодым, и старым вследствие отсутствия страха перед будущим. Поэтому следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь.

...Да, боги существуют: познание их – факт очевидный. Но они не таковы, какими их представляет себе толпа, потому что толпа не сохраняет о них постоянно своего представления... верь, что бог – существо бессмертное и блаженное, согласно начертанному общему представлению о боге, и не приписывай ему ничего чуждого его бессмертию или несогласного с его блаженством; но представляй себе о боге все, что может сохранять его блаженство, соединенное с бессмертием...

Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения... Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют.

...Мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом счастливой жизни.

...Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог...

Начало всего этого и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя ра-

зумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно...

Так вот, обдумывай это и тому подобное... и ты никогда... не придешь в смятение, а будешь жить, как бог среди людей. Да, совершенно не похож на смертное существо человек, живущий среди бессмертных благ.

[...]

Блаженное бессмертное [существо] и само не имеет хлопот [беспокойств], и другому не причиняет их, так что оно не одержимо ни гневом, ни благоволением; все подобное находится в немощном.

Смерть не имеет никакого отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам.

Предел величины удовольствий есть устранение всякого страдания. А где есть удовольствие, там, пока оно есть, нет страдания, или печали, или того и другого вместе.

Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно. А у кого этого нет, тот не живет разумно, нравственно и справедливо; а у кого нет последнего, тому нельзя жить приятно.

Никакое удовольствие не есть зло само по себе; но средства, производящие некоторые удовольствия, приносят беспокойства, во много раз превышающие удовольствия.

Нельзя разрушать страх относительно самых важных вещей, не зная природы вселенной, но подозревая истину в чем-нибудь из того, что рассказывается в мифах. Поэтому нельзя без изучения природы получать удовольствия без примеси [страха].

Хотя безопасность от людей достигается до некоторой степени благодаря некоторой силе, удаляющей [беспокоящих людей], и благосостоянию [богатству], – самой настоящей безопасностью бывает благодаря тихой жизни и удалению от толпы.

Из всего того, что мудрость доставляет себе для счастья всей жизни, самое важное есть обладание дружбой.

Желания бывают: одни – естественные и необходимые, другие – естественные, но не необходимые, третьи – не естественные и не необходимые, но происходящие от пустых мнений.

Тит Лукреций Кар
(ок. 99 – 55 гг. до н.э.)

Печатается по: Лукреций Кар. О природе вещей. –М.,1983.

[...]

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут;
Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде,
Ночи и дни напролет добиваясь трудом неустанным
Мощи великой достичь и владыками сделаться мира.
О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках
Этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно,
Что об одном лишь природа вопит и что требует только,
Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась
Чувством приятным вдали от сознания заботы и страха?
Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе.
Только немного: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставить и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хорах у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Чтобы ночные пиры озарять в изобилии светом;
И серебром не сверкают дома, и златом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того распростершись на мягкой лужайке
На берегу ручейка, под ветвями высоких Деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на плебейской подстилке.
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от знатности или от власти
То остается считать и душе это все бесполезным.
Разве, когда ты порой глядишь на свои легионы,
Что по равнине снуют, представляя примерную битву,
Вместе с большим подкреплением в запасе и конницей сильной,

С равным оружием в руках, с одинаковой силою духа,
Иль когда видишь ты флот снующим повсюду на море,
Что ж, убегают тогда, уstraшенные зрелищем этим,
В ужасе все суеверья твои? Разве страх перед смертью
Сердце покинет твое, оставив его беззаботным?
Если ж мы видим, что это смешно и глумленья достойно,
В самом же деле боязнь и заботы, преследуя смертных,
Не уstraшаются звоном доспехов и грозным оружием,
Но пребывают всегда среди царей и властителей смело,
И не робеют они ни пред золота блеском нисколько
Ни перед пышностью яркой роскошных пурпуровых тканей,
То усомнишься ли ты, что сила здесь в разуме только,
Если к тому же вся жизнь пробивается наша в потемках?
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

[...]

Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом рождается
И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе.
Ибо, подобно тому, как дети неровной и зыбкой
Ходят походкой, так дух с его мыслью у них еще слабы.
Позже, как, в возраст придя, возмужают они и окрепнут,
Больше рассудка у них, и растет их духовная сила.
После ж, когда уже все расшаталось от старости тело
И одряхлели от лет всеильных разбитые члены,
Разум хромееет, язык заплетается, ум убывает;
Все пропадает тогда и все одновременно гибнет.
Следственно должно совсем и душе, наконец, разлагаться
И, распускаясь, как дым, уноситься в воздушные выси.
Так как мы видим, она, одновременно, как указал я,
С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет.

[...]

Если же тут, наконец, сама начала бы природа
Вдруг говорить и среди нас кого-нибудь так упрекнула:
"Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим,
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,

Будто в пробитый сосуд налитые, утекши бесследно,
Что ж не уходишь как гость, пресыщенный пиршеством жизни,
И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?
Если же все достоянье твое растеклось и погибло,
В тягость вся жизнь тебе стала, - к чему же ты ищешь прибавки,
Раз она так же опять пропадет и задаром исчезнет,
А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам?
Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать
Я бы в утеху могла: остается извечно все то же;
Даже коль тело твое одряхлеть не успело и члены
Не ослабели от лет, - все равно, остается все то же,
Если тебе пережить суждено поколенья людские
Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избегнешь ты смерти".
Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа законный
Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?
Если ж печалится так человек пожилой или старый
И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,
То не в праве ль она еще более резко прикрикнуть:
"Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!
Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,
И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,
Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни, довольный и сытый.
Но, тем не менее, брось все то, что годам твоим чуждо,
И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо".
Думаю, так укорять и бранить нас в праве природа,
Ибо отжившее все вытесняется новым, и вещи
Восстанавливаются вновь одни из других непременно;
И не уходит никто в преисподней мрачную бездну,
Ибо запас вещества поколениям нужен грядущим,
Но и они за тобой последуют, жизнь завершивши;
И потому-то, как ты, они сгинули раньше и сгинут.
Так возникает всегда неизменно одно из другого.
В собственность жизнь никому не дается, а только на время.
Ты посмотри: как мало для нас значенья имела
Вечного времени часть, что прошла перед нашим рождением.
Это грядущих времен нам зеркало ставит природа
Для созерцанья того, что наступит по нашей кончине:
Разве там, что-нибудь ужас наводит иль мрачное что-то
Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней?
[...]

Что ж, наконец, за несчастная страсть и привязанность к жизни
Нас заставляет всегда трепетать в постоянной тревоге?
Определенный предел установлен для века людского,
И ожидает нас всех неизбежная встреча со смертью.
Кроме того, обращаясь всегда в окружении том же,
Новых добиться утех нельзя продолжением жизни:
То, чего нет у нас, представляется нам вожделенным,
Но, достигая его, вожделенно мы ищем другого,
И неумной всегда томимся мы жаждою жизни.
Нам неизвестно, какой нам выпадет жребий в грядущем,
Что нам готовит судьба и какой нас конец ожидает.
На волос даже, нельзя продлением жизни уменьшить
Длительность смерти никак и добиться ее сокращения,
Чтобы поменьше могли мы пробить в состоянии смерти.
Сколько угодно прожить поколений поэтому можешь,
Все-таки вечная смерть непременно тебя ожидает.
В небытии пребывать суждено одинаково долго
Тем, кто конец положил своей жизни сегодня, и также
Тем, кто скончался уже на месяцы раньше и годы.

[...]

Это Венера для нас; это мы называем Любовью,
В сердце отсюда течет сладострастья Венерина влага,
Капля за каплей сочась, и холодная следом забота.
Ибо, хоть та далеко, кого любишь, - всегда пред тобою
Призрак ее, и в ушах звучит ее сладкое имя.
Но убегать надо нам этих призраков, искореняя
Все, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,
Тем обрекая себя на заботу и верную муку.
Ведь не способна зажить застарелая язва, питаясь;
День ото дня все растет и безумье и тяжкое горе,
Ежели новыми ты не уймешь свои прежние раны.
Если их, свежих еще, не доверишь Венере Доступной,
Иль не сумеешь уму иное придать направленье.
Вовсе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает:
Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий.
Чище услада для тех, кто здоров и владеет собою,
Чем для сходящих с ума. Ведь и в самый миг обладанья
Страсть продолжает кипеть и безвыходно мучит влюбленных:
Сами не знают они, что насытить: глаза или руки?
Цель вожделений своих сжимают в объятьях и, телу

Боль причиняя порой, впиваются в губы зубами
Так, что немеют уста, ибо чистой здесь нету улады;
Жало таится внутри, побуждая любовников ранить
То, что внушает им страсть и откуда родилась их ярость.
Но в упоеньи любви утоляет страданья Венера,
Примесью нежных утех ослабляя боль от укусов.
Ибо надежда живет, что способно то самое тело,
Что разжигает огонь, его пламя заставить угаснуть.
Опровергает всегда заблуждение это природа.
Здесь неизменно одно: чем полнее у нас обладанье,
Тем все сильнее в груди распаляется дикая страстность.
Пища ведь или питье проникает во внутренность тела,
И раз она занимать способна известное место,
То и бывает легко утолить нам и голод и жажду.
Но человека лицо и вся его яркая прелесть
Тела насытить ничем, кроме призраков тонких, не могут,
Тщетна надежда на них и нередко уносится ветром.
Как постоянно во сне, когда жаждущий хочет напиться
И не находит воды, чтоб унять свою жгучую жажду,
Ловит он призрак ручья, но напрасны труды и старанья:
Даже и в волнах реки он пьет, но напиться не может, -
Так и Венера в любви только призраком дразнит влюбленных
Не в состоянии они, созерцая, насытиться телом,
Выжать они ничего из нежного тела не могут,
Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканьях.
И, наконец, уже слившись с ним, посреди наслаждений
Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться во внутрь и в тело всем телом проникнуть,
Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться:
Так вожделенно они застревают в тенетах Венеры, -
Млеет их тело тогда, растворяясь в любовной уладе,
И, наконец, когда страсть, накопившись в жилах, прорвется,
То небольшой перерыв наступает в неистовом пыле.
Но возвращается вновь и безумье и ярость все та же,
Лишь начинают опять устремляться к предмету желаний,
Средств не умея найти, чтобы справиться с этой напастью:
Так их изводит вконец неизвестная скрытая рана.
Тратят и силы к тому ж влюбленные в тяжких страданьях,

И протекает их жизнь по капризу и воле другого;
Все достояние их в вавилонские ткани уходит,
Долг в небреженьи лежит, и расшатано доброе имя.
На умощенных ногах сикионская обувь сверкает,
Блещут в оправе золотой изумруды с зеленым отливом,
Треплется платье у них голубое, подобное волнам,
И постоянно оно пропитано потом Венеры.
Все состоянье отцов, нажитое честно, на ленты
Или на митры идет и заморские ценные ткани.
Пышно убранство пиров с роскошными яствами, игры
Вечно у них и вино, благовонья, венки и гирлянды.
Тщетно! Из самых глубин наслаждений исходит при этом
Горькое что-то, что их среди самых цветов донимает,
Иль потому, что грызет сознание того, что проводят
Праздно они свою жизнь и погрязли в нечистом болоте,
Иль оттого, что намек двусмысленный, брошенный "ею",
В страстное сердце впился и пламенем в нем разгорелся,
Или же кажется им, что слишком стреляет глазами,
Иль загляделась "она" на другого и, видно, смеется.
Эти же беды в любви настоящей и самой счастливой
Также встречаются нам; а те, что ты можешь заметить,
Даже закрывши глаза, в любви безнадежной, несчастной,
Неисчислимы. Итак, заранее лучше держаться
Настороже, как уж я указал, и не быть обольщенным,
Ибо избегнуть тенет любовных и в сеть не попасться
Легче гораздо, чем, там очутившись, обратно на волю
Выйти, порвавши узлы, сплетенные крепко Венерой.
Но, изапутавшись в них, ты все-таки мог бы избегнуть
Зла, если сам ты себе поперек не стоял бы дороги,
Не замечая совсем пороков души или тела
И недостатков у той, которой желаешь и жаждешь.
Так большинство поступает людей в ослеплении страстью,
Видя достоинства там, где их вовсе у женщины нету;
Так что дурная собой и порочная часто предметом
Служит любовных утех, благоденствуя в высшем почете.
Часто смеются одни над другими, внушая Венеры
Милость снискать, коль они угнетаемы страстью позорной,
Не замечая своих, несчастные, больших напастей.
Черная кажется им "медуницей", грязнуха - "простушкой".
Коль сероглаза она, то - "Паллада сама", а худая - "Козочка".
Карлица, то - "грациозная крошечка", "искра";
Дыбду они назовут "величавой", "достоинства полной";

"Мило щебечет" заика для них, а немая - "стыдлива";
Та, что несносно трещит беспрестанно, - "огонь настоящий";
Неги изящной полна" тщедушная им и больная;
Самая "сладость" для них, что кашляет в смертной чахотке;
Туша грудастая им - "Церера, кормящая Вакха";
Если курноса - "Силена", губаста - "лобзания сладость".
Долго не кончить бы мне, приводя в этом роде примеры.
Но, даже будь у нее лицо как угодно прекрасно,
Пусть и все тело ее обаянием дышит Венеры,
Ведь и другие же есть: без нее-то ведь жили мы раньше;
Все, что дурные собой, она делает так же, мы знаем,
И отравляет себя, несчастная, запахом скверным,
Так что служанки бегут от нее и украдкой смеются.
Но недопущенный все ж в слезах постоянно любовник
Ей на порог и цветы, и гирлянды кладет, майораном
Мажет он, гордый, косяк и двери, несчастный, целует.
Но лишь впустили б его и пахнуло бы чем-то, как тотчас
Стал бы предлогов искать благовидных к уходу, и долго
В сердце таимая им осеклась бы слезная просьба;
Стал бы себя упрекать он в глупости, видя, что больше
Качеств он "ей" приписал, чем то допустимо для смертной.
Это для наших Венер не тайна: с тем большим стараньем
Сторону жизни они закулисную прячут от взоров
Тех, кого удержать им хочется в сети любовной.
Тщетно: постигнуть легко это можешь и вывести наружу
Все их секреты и все смехотворные ухищренья,
Или, с другой стороны, коль "она" и кротка и не вздорна,
Можешь сквозь пальцы взглянуть ты на слабости эти людские.
Кроме того, не всегда притворною дышит любовью
Женщина, телом своим сливаясь с телом мужчины
И поцелуем взасос увлажненные губы впивая.
Часто она от души это делает в жажде взаимных
Ласк, возбуждая его к состязанью на поле любовном.
И не могли бы никак ни скотина, ни звери, ни птицы,
Ни кобылицы самцам отдаваться иначе, как если
Не полыхала бы в них неумно природная похоть
И не влекла бы она вожделенно к Венере стремиться.
Да и не видишь ли ты, как те, что утехой друг с другом
Сцеплены, часто от мук изнывают в оковах взаимных?
На перекрестках дорог нередко, стремясь разлучиться,
В разные стороны псы, из сил выбиваясь, тянут,
Крепко, однако, они застревают в тенетах Венеры!

И никогда б не пошли на это они, коль не знали б
Радости общих утех, что в обман и оковы ввергают.
Так что опять повторю я: утехы любви обоюдны.

Сенека Луций Анней
(4 г. до н.э. – 65 г. н.э.)

Печатается по: Сенека Луций Анней. Нравственные
письма к Луцилию. – М., 1977.

[...]

(1) Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали и крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно. (2) ...В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, – ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежат смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшней день – меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. (3) Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владение природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешевое и наверняка легко возместимое, они позволяют предъявлять себе счет; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарность.

[...]

(1) ...Моими просьбами я побуждаю тебя, Луцилий, проникнуться философией до глубины души, видеть доказательство своих успехов не в речах и писаниях, а в стойкости духа и в убыли желаний. Слова подтверждай делами!

(2) ...Первая обязанность мудрого и первый признак мудрости – не допускать расхождения между словом и делом и быть всегда самим собою...

[...]

(7) «А что будет, – спросишь ты, – со всей толпой моих присных». – Толпа эта, когда перестанет кормиться за твой счет, сама тебя прокормит – или же благодаря бедности ты узнаешь то, чего не мог узнать благодаря себе. Она удержит при тебе лишь истинных, надежных друзей, любой, кто

тянулся не к тебе, а к чему-то еще, уйдет. Так не должно ли любить бедность за то одно, что она ясно показывает, кто нас любит?

[...]

(1) ...Советы зависят от дел, а дела наши движутся и даже мчатся. Поэтому на каждый день нужен свой совет, да и то он запаздывает: совет должен быть, как говорится, всегда под рукой. А как его найти, я тебя научу. (2) Едва захочешь узнать, чего следует избегать, к чему стремиться, – смотри на высшее благо, цель всей твоей жизни: с ним должны согласоваться все твои поступки. Только тот и распоряжается всем в отдельности, у кого есть в жизни высшая цель.

[...]

(4) ...«Высшее благо – то, что честно», или, чтобы ты удивился еще больше: «Только то и благо, что честно, а все остальные блага ложные и поддельные». (5) Если ты убедишь себя в этом и проникнешься любовью к добродетели (потому что просто любить ее мало), тогда для тебя будет удачей и счастьем все, к чему она причастна, каково бы оно ни было на чужой взгляд: и пытка, если ты останешься под нею спокойней твоего палача, и болезнь, если не станешь проклинать судьбу и поддаваться недугу.

[...]

(1) ...Чтение питает ум и дает утомленному занятиями отдохнуть за другим занятием.

(2) Нельзя только писать или только читать: одно из двух дел удручает и отнимает силы (я имею в виду перо), второе рассеивает и расслабляет. Нужно в свой черед переходить от одного к другому и одно другим умерять, чтобы собранное за чтением наше перо превращало в нечто существенное.

[...]

(6) Съеденная пища лишь обременяет желудок, покуда остается, какой была, и плавает в нем твердыми кусками; только изменившись, превращается она в силу и кровь. Пусть то же самое будет и со всем, что питает наш ум: нельзя, чтобы почерпнутое оставалось нетронутым, а потому чужим.

[...]

(11) Ты спросишь, как этого можно достичь? – Постоянным вниманием, – не делая ничего иначе, как по совету разума.

[...]

(1) Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастья! Если он радуется пришедшему извне, то выбирает хрупкую опору: пришедшая радость уйдет. Только рожденное из самого себя надежно и прочно, оно растет и остается с нами до конца; а прочее, чем восхищается толпа, – это благо на день. – Так что же, невозможно ни пользоваться им, ни наслаждаться-

ся? – Можно, кто спорит? – но так, чтобы оно зависело от нас, а не мы от него.

(2) Все причастное фортуне и плодоносно, и приятно, если владеющий им владеет и собою, не попав под власть своего достояния. Поэтому, Луцилий, ошибаются полагающие, будто фортуна может послать нам хоть что-нибудь хорошее или дурное: от нее – только поводы ко благу или ко злу, начала тех вещей, которым мы сами даем хороший или дурной исход. Ведь душа сильнее фортуны: это она ведет все туда или сюда, она делает свою жизнь блаженной или несчастной.

(3) Душа дурная все оборачивает к худшему, даже то, что приходит под видом наилучшего. Душа прямая и чуждая порчи исправляет зловерность фортуны и знанием смягчает с трудом переносимые тяготы; все приятное она встречает скромно и с благодарностью, все неприятное – мужественно и со стойкостью. Пусть человек будет разумным, пусть все делает по зрелому размышлению, пусть не берется ни за что непосильное, – не получит он этого полного, избавленного от всех угроз блага, если не будет заведомо спокоен перед неведомым.

(4) Взгляни пристально хоть на других (ведь о чужом мы судим свободнее), хоть на себя, отбросив пристрастие, – и ты почувствуешь и признаешь: ни одна из этих желанных и высоко ценимых вещей не будет на пользу, если ты не вооружишься против непостоянства случая и всего того, что от случая зависит, если среди утрат не будешь повторять часто и не ссутя: «Боги иначе судили».

[...]

(6) Всегда в смятении душа, что тревожится за будущее, и до всех несчастий несчастен тот, кто заботится, чтобы все, чем он наслаждался, до конца осталось при нем. Ни на час он не будет спокоен и в ожидании будущего потеряет нынешнее, чем мог бы наслаждаться. Ведь что жалеть о потерянной вещи, что бояться ее потерять – одно и то же.

(7) ...Есть ли что более жалкое и глупое, чем бояться заранее? Что за безумье – предвосхищать собственные несчастья?

[...]

(1) Ты желаешь узнать, может ли мудрый помочь мудрому.

(2) ...Мудрому тоже нужно, чтобы его добродетели не были праздны; и как он сам не дает себе лениться, так же не дает ему этого и другой мудрец.

(3) Чем мудрый поможет мудрому? Подбодрит его, укажет случай поступить благородно. И еще поделится с ним мыслями, научит тому, что сам открыл. Ведь и мудрому всегда будет что открыть, будет простор для вылазок духа.

(4) Дурной вредит дурному, делает его хуже, подстрекает в нем гнев и страх, потакая унынию, восхваляя наслажденья; и дурным людям хуже

всего там, где сошлись пороки многих и негодность их слилась воедино. Значит, если заключать от противоположного, добрый полезен доброму. – «Чем?» – спросишь ты.

(5) Он доставит ему радость, укрепит в нем уверенность; при виде спокойствия другого каждому станет еще отраднее. Помимо этого, один передаст другому знание некоторых вещей: ведь мудрец знает не все, а если бы и знал, другой может придумать кратчайшие пути и показать, по каким из них возможно легко довести весь труд до конца.

(6) Мудрец поможет мудрецу, и, конечно, не только своими силами, но и силами того, кто получает помощь. Он может сделать свое дело и покинутый на самого себя; но даже бегуну полезен ободряющий зритель. Мудрец помогает не мудрецу, а самому себе, знай это.

[...]

(11) Кроме того, никто не может с толком действовать на душу мудреца, кроме мудреца, как никто не может разумно действовать на человека, кроме человека. И как для того, чтобы действовать на разум, нужен разум, так и для действия на совершенный разум нужен разум столь же совершенный.

Говорят, нам помогают и те, кто щедро дает нам вещи промежуточные: деньги, милости, безопасность и прочее, что ценится или необходимо в повседневной жизни. ...Но помогать – значит согласно природе действовать на душу посредством добродетели, и своей, и того, на кого ты действуешь.

[...]

(1) Часто спрашивают, довольно ли, чтобы страсти были умеренными, или лучше не иметь никаких страстей. Наши изгоняют страсти, перипатетики стараются их укротить.

[...]

(3) Всякая страсть вначале немощна, а потом сама себя разжигает и набирает силы, разрастаясь: легче не пустить ее, чем выгнать. Кто спорит с тем, что всякая страсть берется из некоего естественного истока? Заботиться о себе велела нам природа; начни потакать этой заботе – и она превратится в порок. Наслаждение природа подмешала к вещам необходимым, не затем, чтобы мы его домогались, но чтобы благодаря этой прибавке стало приятнее для нас то, без чего мы не можем жить; а появится самозаконное наслаждение – и начнется сластолюбие. Так будем же при входе сопротивляться страстям, коль скоро, как я сказал, их легче не впустить, чем заставить уйти.

[...]

8) Мы защищаем наши пороки, так как любим их, и предпочитаем извинять их, а не изгонять. На это природа дала человеку довольно сил, – если мы соберем их и напряжем и пустим в ход не против себя, а себе в

защиту. «Не хотим» – вот причина; «не можем» – только предлог. Будь здоров.

[...]

(1) ...Я научу тебя, как в два счета стать богачом, – а тебе об этом куда как хочется услышать, и недаром: я кратчайшим путем поведу тебя к величайшему богатству. Впрочем, тебе нужен будет заимодавец; чтобы начать дело, придется взять в долг; но я не хочу, чтобы ты брал через вторые руки, не хочу, чтобы посредники трепали твое имя.

(2) Я представляю тебе сговорчивого заимодавца: «Бери в долг у себя самого». Нам хватит любой малости, если все, чего недостает, мы будем просить у себя самих. Знай, мой Луцилий: что не желать, что иметь – одно и то же.

[...]

(9) Деньги никого не сделали богатым, – наоборот, каждого они делают еще жаднее до денег...

(10) А тот, кто сообразуется с требованиями природы, не только не чувствует, но и не боится бедности...

(11) Богатство ослепляет толпу и привлекает к себе взгляды, если из дому выносят много денег, если крыша у него щедро позолочена, если отборная прислуга бросается в глаза или красотой и ростом, или платьем. Но счастье таких богачей смотрит на улицу; а тот, кого мы избавили и от толпы, и от фортуны, счастлив изнутри.

(12) ...В одном я хочу тебя вразумить, – в том, в чем любых вразумлений мало: мерь все естественными желаниями, которые можно удовлетворить или задаром, или за малую цену. И не смей примешивать к желаниям пороки!

[...]

(1) День уже пошел на убыль и стал на шаг короче, однако дает довольно простора тем, кто, так сказать, встает вместе с ним; еще добрей и щедрее он к тем, кто дожидается его и видит первый луч. И стыдно тому, кто лежит в полусне, когда солнце высоко, чье бодрствование начинается в полдень, – да и это для многих все равно что встать до рассвета.

(2) Есть и такие, что превращают ночь в день и поднимают отяжелевшие от вчерашнего хмеля веки не раньше, чем приблизится тьма...

(3) Неужели, по-твоему, знают, как надо жить, не знающие, когда жить? И они еще боятся смерти, после того как погребли себя заживо, зловещие, словно ночные птицы! ... Для занятого делом, клянусь, день не бывает слишком долгим! Продлим себе жизнь! Ведь и смысл, и главный признак ее – деятельность.

(5) Ты спросишь, откуда такая извращенность в душах, чтобы гнушаться днем и переносить всю жизнь на ночь. Все пороки сражаются против природы, все отходят от должного порядка: наслаждаются всем извра-

щенным – такова цель сластолюбия, и не только свернуть с прямого пути, но и отойти как можно дальше или пойти в обратную сторону.

[...]

(14) А причина этому – не какая-то особая приятность, которую некоторые находят в ночи, а неприязнь ко всему общепринятому; вдобавок, нечистой совести свет в тягость; и еще, кто и желает и презирает все смотря по тому, дорого или дешево оно куплено, те совсем уж гнушаются даровым светом. Далее, любители удовольствий хотят, чтобы, пока они живы, их жизнь стала предметом общих толков, и если о них молчат, они полагают, что стараются впустую. Им плохо каждый раз, когда молва не заметит какого-нибудь их поступка.

[...]

(17) Ты не должен удивляться, обнаружив у пороков столь странные черты: пороки бесчисленны и многолики, установить их разновидности невозможно. Прямой путь один, окольных много, и они еще петляют то так, то этак. То же самое и нравы людей: кто следует природе, у тех нрав почти одинаков, – покладистый и свободный; а у извращенных нравы не схожи ни между собою, ни с нравами всех прочих.

(18) Но главная причина этой болезни, по-моему, в том, что они гнушаются общепринятым образом жизни. Как отличаются они от всех и одеждой, и изысканностью обедов, и изяществом повозок, так же они хотят выделяться и выбором времени. Кто грехами добивается дурной славы как награды, тому обычные грехи не нужны. А ее-то и ищут все, кто, так сказать, живет наоборот.

(19) Вот почему, Луцилий, нам и нужно держаться дороги, указанной природой, и с нее не уклоняться. Тем, кто идет ею, все легко и просто; кто старается идти в обратную сторону, для тех жить – все равно что грести против течения.

Марк Аврелий Антонин **(121 – 180 гг.)**

Печатается по: Марк Аврелий Антонин. Размышления. -Л.,1985.

[...]

П. 14. Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме, той которой жив; и не живет он лишь той, которую теряет. Вот и выходит одно на одно длиннейшее и кратчайшее. Ведь настоящее у всех равно, хотя и не равно то, что утрачивается, так оказывается каким-то мгновеньем то, что мы теряем, а прошлое и будущее терять нельзя, потому что нельзя ни у кого отнять то, чего у него нет. Поэтому помни две вещи. Первое, что все от века

единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго. А другое, что и долговечнейший и тот, кому вот-вот умирать, теряет ровно столько же. Ибо настоящее - единственное, чего они могут лишиться, раз это, и только это, имеют, а чего не имеешь, то нельзя терять.

[...]

III. 5. Не действуй как бы нехотя, необщественно или же необдуманно, или же зависимо. Пусть вычурность не изукрасит твою мысль; многословен и многосуетен не будь. И пусть бог, что в тебе, будет покровитель существа мужеского, зрелого, гражданственного, римлянина, правителя, того, кто сам поставил себя в строй и по звуку трубы с легкостью уйдет из жизни, не нуждаясь ни в клятвах, ни в людском свидетельстве; в нем одно веселие и независимость от помощи другого и независимость от того покая, который зависит от других. Вено: «исправным должно быть, а не исправленным».

[...]

IV. 31. Люби скромное дело, которому научился, и в нем успокойся. А остаток жизни пройди, от всей души препоручив богам все твое, из людей же никого не ставя ни господином себе, ни рабом.

[...]

V. 11. На что же я сейчас употребляю свою душу? Всякий раз спрашивать себя так и доискиваться, что у меня сейчас в той Доли меня, которую называют ведущее, и чья у меня сейчас душа - не ребенка ли? а может быть подростка? или еще женщины? тирана? скота? зверя?

[...]

19. Вещи сами по себе ничуть даже не затрагивают души, нет им входа в душу и не могут они поворачивать душу или приводить ее в движение, а поворачивает и в движение приводит только она себя самоё, и какие суждения найдет достойным себя, таковы для нее и будут существующие вещи.

[...]

23. Помышляй чаще о той быстроте, с которой проносится и уходит все,, что существует или становится. Ибо и естество, подобно реке, в непрерывном течении, и действия в постоянных превращениях, и причины в тысячах разворотов; даже и то, что близко, ничуть не устойчиво, а беспредельность как прошлого, так и будущего - зияние, в котором все исчезает. Ну не глуп ли тот, кто при всем том надувается или дергается или вопит, словно велик этот срок и надолго эта досада.

[...]

VI. 6. Лучший способ защититься - не уподобляться! Если обстоятельства как будто бы вынуждают тебя прийти в смятение, уйди поскорее в

себя, не отступая от лада, более чем ты вынужден, потому что ты скорее овладеешь созвучием, постоянно возвращаясь к нему.

[...]

53. Приучи себя не быть невнимательным к тому, что говорит другой, и будь сколько можешь в душе говорящего.

[...]

VII. 7. Не стыдись, когда помогают; тебе предстоит задание, как бойцу на крепостной стене. Ну что же делать, если ты, прихрамывая, не в силах один подняться на башню, а с другим вместе это возможно?

[...]

15. Кто бы что ни делал, ни говорил, а я должен быть достойным. Вот как если бы золото, или изумруд, или пурпур все бы себе повторяли: кто бы что ни делал, ни говорил, а я должен быть изумруд и сохранять свой собственный цвет.

[...]

26. Если кто чем-нибудь погрешил против тебя, сразу подумай: что он, делая это, признавал добром или злом? Это усмотрев, пожалеешь его без изумления или гнева. Ведь либо ты и сам считаешь добром то же или почти то же самое, что и он - тогда надо прощать; либо ты уже не признаешь добром и злом всякое такое, и тогда тебе не так уж трудна будет благожелательность к менее зоркому.

[...]

29. Сотри представление. Не дергайся. Очерти настоящее во времени. Узнай, что происходит, с тобой ли или с другим. Раздели и расчлени предметы на причинные и вещественные. Помысли о последнем часе. Неправо содеянное оставь там, где была неправота.

[...]

Vin. 47. Если тебя печалит что-нибудь внешнее, то не оно тебе досаждаёт, а твое о нем суждение. Но стереть его от тебя же зависит. Ну а если печалит что-нибудь в твоём душевном складе, кто воспрепятствует тому, чтобы ты исправил основоположение?

[...]53. Все, что видишь, скоро погибнет, и всякий, кто видит, как оно гибнет, скоро и сам погибнет. По смерти и долгожитель, и кто безвременно умер, станут равны.

Иисус Христос

Печатается по: Новый Завет. Евангелие от Матфея. Гл.5-7.

[...]

3. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
6. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
7. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
8. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
9. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
10. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.
11. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

12. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

[...]

Не гневайся

21. Вы слышали, что сказано древним: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду».

22. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

23. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,

24. Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдй прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси Дар твой.

25. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу.

Не смотри на женщину с вожделением

27. Вы слышали, что сказано древним: «Не прелюбодействуй»

28. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

29. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

30. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

Не разводись с женой

31. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

32. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Не клянись

33. Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но

исполняй пред Господом клятвы твои».

34. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;

35. Ни землею, потому что она подножие ног Его: ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

36. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

37. Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого.

Не противься злему

38. Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб».

39. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

40. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

41. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

42. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Любите врагов ваших

43. Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».

44. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

45. Да будете сынами Отца вашего Небесного. ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

46. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

47. И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

48. Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Не творите милостыни напоказ

1. Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

2. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

3. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая

Прощайте, и будете прощены

[...]

14. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный,

15. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Не осуждайте других

[...]

Не судите, да не судимы будете,

2. Ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

3. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

4. Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно?

5. Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Будьте справедливы

[...]

12. Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

Блаженный Августин **(354 – 430 гг.)**

Печатается по: Августин А. Исповедь. –М.,1991.

[...]

(XV). 25. Преступление есть порочное движение души, побуждающее к действию, в котором душа и утверждает себя дерзостно и взбаламучено. Разврат есть необузданное желание, жадное к плотским радостям. Если разумная душа сама порочна, то жизнь пятнают заблуждения и ложные понятия. Как раз такая и была у меня тогда, и я не знал, что ее надо просветить другим светом, чтобы приобщить к истине, потому, что в ней самой нет истины. Ибо «Ты зажжешь светильник мой, Господи, Боже мой, ты просветишь тьму мою; и от полноты Твоей получим мы все. Ты свет истинный, освещающий всякого человека, приходящего в этот мир, ибо у Тебя нет изменения и ни тени перемены».

[...]

31. Какая была мне польза в том, если я думал, что Ты, Господи, Бог истины, представляешь собой огромное светящееся тело, а я обломок этого тела? Предел извращенности! [...]

[...]

Какая польза была мне от моего ума, так легко справлявшегося с

этими науками, и от такого количества запутаннейших книг, распутанных без помощи учителя, если я безобразно кощунствовал и гнусно заблуждался в науке благочестия? Во вред ли был для малых твоих ум гораздо более медлительный, если они не уходили от Тебя прочь, безмятежно оперялись в гнезде Церкви Твоей и выращивали крылья любви, питаюсь пищей здоровой веры?

Господи, Боже наш, «в тени крыл Твоих обретем мы надежду», укрой и понеси нас.

[...]

Наше благо всегда у Тебя, и, отвращаясь от него, мы разворачиваемся. Припадем к Тебе, Господи, да не упадем: у Тебя во всей целостности благо наше - Ты сам: мы не боимся, что нам некуда вернуться, потому что мы рухнули вниз: в отсутствие наше не рухнул дом наш, вечность Твоя.

[...]

(XI). 17. Я рассмотрел все, стоящее ниже Тебя и увидел, что о нем нельзя сказать ни того, что оно существует, ни того, что его нет: оно существует, потому что все от Тебя, и его нет, потому что это не то, что Ты. Истинно существует только то, что пребывает неизменным. "Мне же благо прилепиться к Богу", ибо если не пребуду в Нем, не смогу и в себе. Он же, "пребывая в Себе, все обновляет; Ты Господь мой, и блага мои Тебе не нужны".

[...]

22. Я спрашивал, что же такое греховность, и нашел не субстанцию: это извращенная воля, от высшей субстанции, от Тебя, Бога, обратившаяся к низшему, отбросившая прочь "внутреннее свое" и крепнущая во внешнем мире.

[...]

(XXIII). 33. Нельзя, следовательно, утверждать, что все хотят быть счастливы: ведь те, кто не хочет радоваться о Тебе - только в этом и есть счастливая жизнь, - не хотят на самом деле счастливой жизни. Или все хотят ее, но «плоть желает противного духу, а дух противного плоти, так что люди не делают того, что хотят», и поэтому увязают в том, что им по силам, и этим удовлетворяются: у них нет настоящего желания получить силы на то, на что у них не хватает сил. Если я спрошу у всех, в чем они предпочитают найти радость: в истине или во лжи, то все так же не усомнятся ответить, что в истине, как не усомнятся сказать, что хотят быть счастливыми, но ведь счастливая жизнь - это радость, даруемая истиной, т.е. Тобой, Господи, ибо Ты «Истина, Просвещение мое. Спасение лица моего. Бог мой».

[...]

(XX). 26. Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен:

прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего - это непосредственное созерцание; настоящее будущего - его ожидание.

Фома Аквинский
(1225 – 1274 гг.)

Печатается по: Аквинский Ф. Сумма теологии // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М., 1991.

Кажется, что в человеке есть другая форма помимо мыслительной души.

1. Ибо Философ говорит, что душа есть «акт естественного тела, обладающего в потенции жизнью». Стало быть, душа относится к телу, как форма к материи. Но тело обладает какой-то субстанциальной формой, благодаря которой оно есть тело. Следовательно, душе предшествует в теле какая-то субстанциальная форма, благодаря которой оно есть тело. Следовательно, душе предшествует в теле какая-то субстанциальная форма.

2. Кроме того, человек и любое животное есть нечто движущее само себя. «А все движущее само себя делится на две части, из которых одна является движущей, а другая – движимой».

Движущая же часть есть душа. Следовательно, нужно, чтобы другая часть была таковой, что могла бы быть движима. Но первая материя не может двигаться, коль скоро она есть сущее только в потенции; тогда как все, что движется, есть тело. Следовательно, нужно, чтобы в человеке и в любом животном была другая субстанциальная форма, благодаря которой было бы устроено тело.

Кроме того, порядок в формах устанавливается сообразно отношению к первой материи, ибо о «прежде» и «после» говорится по сравнению с каким-либо началом. Следовательно, если бы в человеке не было какой-то субстанциальной формы помимо разумной души, а последняя была непосредственно присуща первой материи, то из этого следовало бы, что она находится в ряду несовершеннейших форм, которые непосредственно присущи материи.

4. Кроме того, человеческое тело есть смешанное тело. Смешение же не происходит только соответственно материи, ибо тогда оно было бы лишь уничтожением. Следовательно, нужно, чтобы в смешанном теле оставались формы элементов, которые суть субстанциальные формы. Сле-

довательно, в человеческом теле есть другие субстанциальные формы помимо мыслительной души.

Однако, напротив, у одной вещи есть одно субстанциальное бытие. А субстанциальная форма наделяет субстанциальным бытием. Следовательно, у одной вещи есть только одна субстанциальная форма. Душа же есть субстанциальная форма человека. Следовательно, невозможно, чтобы в человеке была какая-то другая субстанциальная форма, нежели мыслительная душа.

Отвечаю. Следует сказать, что если бы предполагалось, что мыслительная душа соединяется с телом не как форма, а только как двигатель (а так полагали платоники), то было бы необходимо признать, что в человеке есть другая субстанциальная форма, благодаря которой движимое душой тело определяется в своем бытии. Однако если мыслительная душа соединяется с телом как субстанциальная форма (о чем мы уже говорили выше), невозможно, чтобы в человеке обнаруживалась какая-то другая субстанциальная форма помимо нее.

Для выяснения этого следует учитывать, что субстанциальная форма отличается от формы акцидентальной тем, что акцидентальная форма дает не просто бытие, а бытие таковым, подобно тому как теплота позволяет своему субъекту не просто быть, а быть теплым. И когда привходит акцидентальная форма, говорится, что нечто не просто становится либо возникает, а становится таковым или находящимся в каком-то состоянии; и, сходным образом, когда отделяется акцидентальная форма, говорится, что нечто не просто уничтожается, а лишь относительно чего-то. Субстанциальная же форма дает просто бытие, и потому при ее привхождении говорится, что нечто просто возникает, а при ее отделении – просто уничтожается. И вследствие этого древние физики, которые полагали, что первая материя есть нечто актуально сущее, например огонь или воздух, или что-то в том же роде, утверждали, что ничто не возникает, ни уничтожается просто, и считали всякое становление изменением. Потому если бы было так, что помимо мыслительной души в материи предсуществовала бы какая-нибудь другая субстанциальная форма, благодаря которой субъект души был бы актуально сущим, то из этого вытекало бы, что душа не дает просто бытие и, следовательно, не есть субстанциальная форма, и что при привхождении души имеет место не просто возникновение, а при ее отделении – не просто уничтожение, но лишь относительно чего-то. А это очевидным образом ложно. Поэтому следует сказать, что в человеке нет никакой другой субстанциальной формы, кроме одной лишь мыслительной души, и что она как виртуально содержит в себе чувствующую и питательную души, так виртуально содержит в себе все низшие формы, и одна производит все, что производят в других вещах более несовершенные формы. И подобным образом следует сказать о чувствующей душе в животных и о

питательной – в растениях, и вообще о всех более совершенных формах в отношении к несовершенным.

Итак, на первый довод следует сказать, что Аристотель утверждает, что душа есть не только акт тела, но «акт тела естественного, имеющего органы, обладающего в потенции жизнью», и что такая потенция «не лишена души». Отсюда становится очевидным, что в то, актом чего называется душа, включается и душа, таким же образом, каким говорится, что теплота есть акт теплого и свет есть акт светлого: и не так, что светлое есть светлое отдельно от света, а так, что оно есть светлое благодаря свету. И, сходным образом, говорится, что душа есть акт тела и т. д., ибо благодаря душе оно и есть тело и является имеющим органы и обладающим в потенции жизнью. Но первый акт называется находящимся в потенции по отношению ко второму акту, который есть действие. Ибо такая потенция является не лишенной, т. е. не исключающей, души.

На второй довод следует сказать, что душа движет телом не благодаря своему бытию, сообразно коему она соединяется с телом как форма, а благодаря двигательной потенции, акт которой предполагает, что тело уже актуально осуществлено благодаря душе; так что душа сообразно двигательной силе есть движущая часть, а одушевленное тело есть движимая часть.

На третий довод следует сказать, что в материи рассматриваются разные степени совершенства, как-то: бытие, жизнь, чувство и разумение. А присоединяющееся следующим всегда совершеннее предыдущего. Следовательно, форма, которая наделяет материю только первой степенью совершенства, является несовершеннейшей; но форма, которая наделяет первой и второй, и третьей, и т. д. степенями, является совершеннейшей, и тем не менее она присуща материи непосредственно.

На четвертый довод следует сказать, что Авиценна полагал, что субстанциальные формы элементов в смешанном теле остаются незатронутыми, смешение же происходит благодаря тому, что противоположные качества элементов сводятся к чему-то среднему. Но это невозможно. Ибо разные формы элементов могут быть только в разных частях материи, и для их различения следует помыслить измерения, без которых материя не может быть делимой. Материя же, подлежащая измерению, обнаруживается только в теле. А разные тела не могут быть в одном и том же месте. Отсюда следует, что в смешанном теле элементы будут различными по положению. И тогда будет не истинное смешение, которое относится к целому, а смешение лишь для восприятия, относящееся к находящимся рядом мельчайшим частицам. Аверроэс же утверждал, что формы элементов вследствие своего несовершенства являются средними между акцидентальными и субстанциальными формами и потому допускают большую или меньшую степени, и потому ослабляются в смешении и сводятся к чему-то среднему;

и из них составляется одна форма. Но это невозможно в еще большей степени. Ведь субстанциальное бытие любой вещи заключено в неделимом, и всякие прибавление и убавление изменяют вид, как, например, в числах, о чем говорится в VIII кн. «Метафизики». Поэтому невозможно, чтобы какая бы то ни было субстанциальная форма допускала большую или меньшую степени. Не менее невозможно, чтобы нечто было средним между субстанцией и акциденцией.

И потому следует сказать, что формы элементов остаются в смешанном теле не актуально, а виртуально. Ибо остаются пусть и ослабленные и собственные качества элементов, в которых заключена возможность элементарных форм. И такое качество смешения есть собственная предрасположенность к субстанциальной форме смешанного тела, например к форме камня или какой бы то ни было души.

Николай Кузанский
(1401 – 1464 гг.)

Печатается по: Кузанский Н. Об уме // Антология мировой философии: Возрождение. – Минск, 2001.

Философ: Итак, скажи, Простец (таково твое имя, по твоим же словам), имеешь ли ты какое-нибудь *coniecturam* (лат. «предположение») об уме?

Простец: Я полагаю, что нет и не было ни одного совершенного человека, который бы не составил себе того или иного понятия об уме. Имею, конечно, и я в том смысле, что ум – это то, откуда возникает граница и мера всех вещей. Я думаю, стало быть, что слово *mens* (лат. «ум») производится от *mensurare* (лат. «измерять»).

Философ: А не находишь ли ты, что ум – одно, а душа – другое?

Простец: Положительно считаю: ведь одно – ум, существующий в себе, а другое – в теле. Ум, существующий в себе, или бесконечен, или он – только *ymago* (лат. «образ») бесконечного. Из тех же умов, которые суть образ бесконечного, поскольку они не являются существующими в себе в максимальном, абсолютном или бесконечном смысле, некоторые, допускаю, могут оживлять человеческое тело. И тогда-то я называю их душами, по их установлению. <...>

Философ: Почти все перипатетики говорят, что интеллект, который ты, по-видимому, называешь умом, является некоторой потенцией души и что мышление есть акциденция. А ты полагаешь иначе?

Простец: Ум есть живая субстанция, которая, как мы знаем по опыту, внутренне говорит в нас и судит и которая благодаря всем познаваемым нами в нас самих духовным способностям на всякой другой способности

больше уподобляется бесконечной субстанции и абсолютной форме; ее обязанность в нашем теле – животворение тела, и потому-то она и называется душой. Отсюда ум есть субстанциальная форма, или сила, всеобъемлющая в себе на свой манер, охватывая силу одушевляющую, при помощи которой она одушевляет своим животворением тело, жизнь растительную и чувствительную, способность рассуждения, интеллектуальную способность и способность быть интеллектом, как таковым.

[...]

Философ: Но откуда ум имеет силу суждения, если он, как кажется, создает суждения обо всем?

Простец: Виртуально ум состоит из способности мышления, рассуждения, воображения и ощущения, так что сам он в качестве целого называется способностью мышления, способностью рассуждения, способностью воображения и способностью ощущения.

Пико делла Мирандола **(1463 – 1494 гг.)**

Печатается по: Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека
// Антология мировой философии: Возрождение. – Минск, 2001.

Я прочитал, уважаемые отцы, в писаниях арабов, что когда спросили Абдаллу Сарацина, что кажется ему самым удивительным в мире, то он ответил, что ничего нет более замечательного, чем человек. Этой мысли соответствуют и слова Меркурия: «О Асклепий, великое чудо есть человек!» Когда я размышлял о значении этих изречений, меня не удовлетворяли те многочисленные аргументы в пользу превосходства человеческой природы, которые приводят многие: человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим, и господин над низшими, истолкователь природы в силу пронизательности ума, ясности мышления и пытливости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, как говорят персы, Гименей, стоящий немного ниже ангелов, по свидетельству Давида.

Все это значительно, но не главное, что заслуживает наибольшего восхищения. Почему же мы не восхищаемся в большей степени ангелами и прекрасными небесными хорами? В конце концов мне показалось, что я понял, почему человек является самым счастливым из всех живых существ и достойным всеобщего восхищения и какой жребий был уготован ему среди всех прочих судеб, завидный не только для животных, но для звезд и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! А как же иначе? Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения. Но что бы там

ни было, выслушайте, отцы, и снисходительно простите мне эту речь.

...В душу вторгается святое стремление, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего и, по возможности, добивались, если захотим, того, что положено всем людям. Нам следует отвергнуть земное, пренебречь небесным и, наконец, оставив позади все, что есть в мире, поспешить в находящуюся над миром курию, самую близкую к высочайшей божественности.

...Так и мы, подражая на земле жизни херувимов, подавляя наукой о морали порыв страстей и рассеивая спорами тьму разума, очищаем душу, смывая грязь невежества и пороков, чтобы страсти не бушевали необдуманно и не безумствовал иногда бесстыдный разум. Тогда мы наполним очищенную и хорошо приведенную в порядок душу светом естественной философии, чтобы затем совершенствовать ее познанием божественных вещей.

Не довольствуясь нашими святыми отцами, посоветуемся с патриархом Яковом, чье изваяние сияет на месте славы. И мудрейший отец, который спит в подземном царстве и бодрствует в небесном мире, дает нам совет, но символически – как это ему свойственно. Есть лестница, – скажет он, – которая тянется из глубины земли до вершины неба и разделена на множество ступенек. На вершине этой лестницы восседает Господь; ангелы-созерцатели то поднимаются, то спускаются по ней. И если мы, страстно стремясь к жизни ангелов, должны добиться этого, то, спрашиваю, кто посмеет дотронуться до лестницы Господа грязной ногой или плохо очищенными руками? Как говорится в мистериях, нечистому нельзя касаться чистого.

Но каковы эти ноги и эти руки? Ноги души – это, несомненно, та презреннейшая часть, которая опирается как на всю материю, так и на почву земли, питающая и кормящая сила, горючий материал страстей, наставница дающей наслаждение чувствительности. А рука души, защитница страсти – почему мы не говорим о ней с гневом? – сражается за нее и под солнцем и пылью, эта хищница отнимает то, чем сонная душа наслаждается в тени. Эти руки и ноги, т. е. всю чувственную часть, в которой заключен соблазн тела, как говорят, силой пленяющий душу, мы, словно в реке, омываем в философии морали, чтобы нас не сбросили с лестницы как нечестивых и греховных. Однако этого недостаточно, если мы захотим стать спутниками ангелов, носящихся по лестнице Якова, но не будем заранее хорошо подготовлены и обучены двигаться от ступеньки к ступеньке, как положено, – никогда не сворачивая с пути и не мешая друг другу. А когда мы достигнем этого красноречием или способностями разума, то, оживленные духом херувимов, философствуя в соответствии со ступенями лестницы, т. е. природы, все проходя от центра к центру, будем то спускаться, расщепляя с титанической силой единое на многие части, как Осириса, то подниматься, соединяя с силой Феба множество частей в единое

целое, как тело Осириса, до тех пор, пока не успокоимся блаженством теологии, прильнув к груди Отца, который восседает на вершине лестницы. Спросим у справедливого Иова, который заключил с Богом договор о жизни, прежде чем сам вступил в жизнь: «Кого больше всего желает высший Бог из миллионов ангелов, которые ему помогают? – «Конечно, мира», – ответит Бог согласно тому, как читается: «Того, который творит мир на небесах». И так как средний ряд передает предписания высшего ряда низшему, то для нас слова теолога Иова объясняет философия Эмпедокла, который указывает на двойную природу нашей души – одна поднимает нас вверх, к небесам, другая сбрасывает вниз, в преисподнюю, – и сравнивает это с враждой и дружбой или с войной и миром, как свидетельствуют его песни. Сам Иов жалуется, что он, как безумный, жил во вражде и раздоре, был изгнан богами и сброшен в пропасть.

Ведь действительно, множество разногласий есть среди нас, отцы! Дома у нас идет тяжелая междоусобная распря и гражданская война. Если бы мы захотели, если бы страстно пожелали такого мира, который поднял бы нас так высоко, что мы оказались бы среди возвышенных Господа, то единственное, что успокоило бы и обуздало нас вполне, – это философия морали. И если бы человек добился у врагов только перемирия, то обуздал бы дикие порывы и гневный пыл льва. И если, заботясь о себе, мы пожелали бы тогда вечного мира, то он наступил бы, обильно утолив наши желания, заключил бы между телом и духом договор о священном мире, принеся в жертву пару животных.

Диалектика успокоит разум, который мучается из-за словесных противоречий и коварных силлогизмов. Естественная философия уймёт споры и борьбу мнений, которые угнетают, раскалывают и терзают беспокойную душу, но при этом заставит нас помнить, что природа, согласно Гераклиту, рождена войной и поэтому названа Гомером борьбой. Поэтому невозможно найти в природе настоящего покоя и прочного мира, который является привилегией и милостью ее госпожи – святейшей теологии. Теология укажет нам путь к миру и поведет как провожатый. Издали увидев нас, спешащих, она воскликнет: «Подойдите ко мне, вы, которые находитесь в затруднении. Подойдите ко мне, и я дам вам мир, который не могут вам дать ни Вселенная, ни природа!» И мы, ласково позванные и так радушно приглашенные, с окрыленными, как у Меркурия, ногами устремимся в объятия благословенной матери, насладимся желаемым миром – святейшим миром, неразрывными узами и согласной дружбой, благодаря которой все души не только согласованно живут в едином разуме, который выше всех разумов, но некоторым образом сливаются в единое целое.

Такая дружба, как говорят пифагорейцы, является целью всей философии; такой мир Бог устанавливает в своих высотах, а ангелы, сходящие на землю, сообщают о нем людям доброй воли, чтобы благодаря ему люди,

восходящие на небо, сами стали ангелами. Такой мир мы пожелали бы друзьям, нашему времени, каждому дому, в который бы мы вошли, и нашей душе, чтобы она стала благодаря ему местом пребывания Бога и после того, как уничтожит на себе грязь с помощью морали и диалектики, украсилась [бы] многообразной философией, как дворцовой пышностью.

Вершину входа душа увенчает гирляндами теологии, и тогда вместе с Отцом сойдет король славы и сделает в ней свое пристанище. Душа окажется достойной столь снисходительного гостя. Отделанная золотом, как свадебная тога, окруженная многообразием мыслей, она примет выдающегося гостя даже не как гостя, а как нареченного, с которым никогда не разлучаются, и пожелает отделиться от своего народа и, забыв дом своего отца и даже себя, пожелает умереть в себе самой, чтобы жить в нареченном, в присутствии которого смерть его святых поистине блаженна. Я говорю – смерть, если следует назвать смертью полноту жизни, размышление над которой является занятием философии, как говорили мудрецы. Давайте позовем самого Моисея, который лишь немного меньше обильного источника священной и невыразимой мысли, откуда ангелы пьют свой нектар. Выслушаем же судью, который должен прийти к нам и объявить тем, кто живет в пустынном одиночестве плоти, следующие законы: те, кто еще греховен, нуждаются в морали, поэтому пусть живут с людьми не в святилище, а под открытым небом, как жрецы фессалийские, пока не очистятся от грехов, Те же, кто уже упорядочил образ жизни и принят в храм, пусть не приобщаются к священнодействию, но прежде усердно послужат таинствам философии диалектическим послушничеством; и допущенные, наконец, к таинствам в звании жреца философии пусть созерцают то пышный многоцветный звездный наряд Всевышнего Бога-царя, то голубой семисвечник, чтобы потом, принятые в лоно храма за заслуги возвышенной теологии, наслаждались славой Господней, когда уже никакое покрывало не скрывает образа Бога.

Да, Моисей приказывает нам это, но, приказывая, убеждает нас и побуждает к тому, чтобы мы с помощью философии готовились к будущей небесной славе. Но в действительности же не только христианские и моисеевские таинства, но и теология древних, о которой я намереваюсь спорить, раскрывает нам успехи и достоинство свободных искусств. Разве много желают для себя посвященные в греческие таинства? Ведь первый из них, кто очистится с помощью морали и диалектики – очистительных занятий, как мы их называем, – будет принят в мистерии! Но чем иным может быть это [участие в мистериях], если не разъяснением тайн природы посредством философии? Только после того, как они были таким образом подготовлены, наступило видение божественных дел через свет теологии.

...

И кто не стал бы добиваться посвящения в эти таинства? Кто, прене-

брегая всем земным, презирая дары судьбы, не заботясь о теле, не пожелал бы стать сотрапезником богов, еще живя на земле и получив дар бессмертия, напоив нектаром себя, – смертное существо! Кто не захотел бы так быть замороженным платоновским «Федром» и так воодушевиться экстазом Сократа, чтобы бежать из этого мира, вместилища дьявола, взмахами крыльев и ног и достигнуть быстро небесного Иерусалима! Мы будем возбуждаться, отцы, восторгами Сократа, которые настолько выводят нас за пределы рассудка, что возносят нас и наш разум к Богу. Они тем более будут возбуждать нас, если мы сами приведем сначала в движение то, что есть в нас самих. И действительно, если с помощью морали силы страсти будут напряжены до соответствующих разумных пределов, так, чтобы они согласовывались между собой в нерушимой гармонии, если с помощью диалектики будет развиваться разум, то, возбужденные пылом Муз, мы будем упиваться небесной гармонией. Тогда вождь Муз Вакх в своих таинствах – зримых проявлениях природы, – раскрывая нам, ставшим философами, тайны Бога, напитает нас из богатств Божьего дома, в котором мы вдохновимся двойным пылом, сближаясь со священной теологией, если будем верными, как Моисей, и когда поднимемся на самую высокую вершину, то, сопоставляя в вечности все, что было, есть и будет, и созерцая первородную красоту, мы станем прорицателями Феба, его крылатыми поклонниками, и тогда, как порывом, возбужденные невыразимой любовью, подобно окружающим нас пылким серафимам, мы, полные божеством, станем теперь тем, кто нас создал.

Если кто-либо будет исследовать значение и тайный смысл священных имен Аполлона, то увидит, что они свидетельствуют о том, что Бог является философом не менее чем прорицателем.

И то, что Аммоний достаточно полно рассказал об этом, не вынуждает меня по-иному это трактовать. О, отцы, пусть овладеют душой три дельфийских правила, необходимые особенно тем, кто намеревается войти в святейший и августейший храм не ложного, но истинного Аполлона, который озаряет всякую душу, входящую в этот мир! Вы увидите, что нас вдохновляло только то, что мы все силы посвятили изучению тройственной философии, о которой сейчас идет спор. Знаменитое «ничего слишком» справедливо предписывает норму и правило всякой добродетели, согласно критерию меры, о чем говорит этика. Знаменитое «познай самого себя» побуждает и вдохновляет нас на познание всей природы, с которой человек связан почти брачными узами. Тот же, кто познает самого себя, все познает в себе, как писали сначала Зороастр, а затем Платон в «Алкивиаде»...

...Вот причины, почтеннейшие отцы, которые не только вдохновляют, но увлекают меня на изучение философии. Конечно, я не говорил бы об этом, если бы не желал ответить как тем, кто имеет обыкновение осуждать изучение философии, в особенности выдающимися людьми, так и тем,

кто вообще живет заурядной жизнью. Ведь в действительности изучение философии является несчастьем нашего времени, так как находится скорее в презрении и поругании, чем в почете и славе.

Губительное и чудовищное убеждение, что заниматься философией надлежит немногим либо вообще не следует заниматься ею, поразило все умы. Никто не исследует причины вещей, движение природы, устройство Вселенной, замыслы Бога, небесные и земные мистерии, если не может добиться какой-либо благодарности или получить какую-либо выгоду для себя. К сожалению, стало даже так, что учеными считают только тех, кто изучает науку за вознаграждение. Скромная Паллада, посланная к людям с дарами богов, освистывается, порицается, изгоняется; нет никого, кто любил бы ее, кто бы ей покровительствовал, разве что сама, продаваясь и извлекая жалкое вознаграждение из оскверненной девственности, принесет добытые позором деньги в шкаф любимого. С огромной печалью я отмечаю, что в наше время не правители, а философы думают и заявляют, что не следует заниматься философией, так как философам не установлены ни вознаграждения, ни премии, как будто они не показали тем самым, что не являются философами. И действительно, так как их жизнь проходит в поисках денег или славы, то они даже для самих себя не размышляют над истиной. Я не постыжусь похвалить себя за то, что никогда не занимался философией иначе, как из любви к философии, и ни в исследованиях, ни в размышлениях своих никогда не рассчитывал ни на какое вознаграждение или оплату, кроме как на формирование моей души и на понимание истины, к которой я страстно стремился. Это стремление было всегда столь страстным, что, отбросив заботу обо всех частных и общественных делах, я предавался покою размышления, и ни зависть недоброжелателей, ни хула врагов науки не смогли и не смогут отвлечь меня от этого. Именно философия научила меня зависеть скорее от собственного мнения, чем от чужих суждений, и всегда думать не о том, чтобы не услышать зла, но о том, чтобы не сказать или не сделать его самому.

Никколо Макиавелли
(1469 – 1494 гг.)

Печатается по: Макиавелли Н. Государь
// Избранные сочинения. М., 1982.

Глава XV. О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

[...]

...Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести уме-

ние отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности. Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп – если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии – это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое, – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и т. д. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств?

Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и, наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Глава XVI. О щедрости и бережливости

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ подачками и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность – крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость

так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, у кого ничего не отнял, а таких большая часть, и скупым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы. В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неслучайно.

Итак, ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править.

[...]

Поэтому больше мудрости в том, чтобы, сльвя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

Глава XVII. О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. ...Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица.

[...]

...Что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить, ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но, когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное

время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно, и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

Глава XVIII. О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму.

Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя.

[...]

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум – льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что

разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же.

Глава XIX. О том, каким образом избегать ненависти и презрения

Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных.

Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государя возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государя возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этим качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решение государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей.

[...]

Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу.

[...]

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нем вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государя принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

Глава XXI. Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

...Самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся. Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, т. е. когда он без колебаний выступает за одного против другого – это всегда лучше, чем стоять в стороне.

[...]

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустроивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

Эразм Роттердамский **(1465 – 1536 гг.)**

Печатается по: Роттердамский Э. Философские произведения. – М., 1986.

Начало мудрости – познание самого себя;
о двоякой мудрости – истинной и ложной

Покой – это высшее благо; ...Бог – наш покой, по своей природе Он – сама добродетель, отец и творец всех добродетелей. Но стойки, нахрабрейшие утвердители добродетели, скопище всякого рода пороков именуют глупостью; в наших сочинениях это называется злобой. Полную честность во всем и мы и они именуем мудростью. Но разве мудрость в соответствии с изречением мудреца побеждает злобу? Иисус Христос, наоборот, творец мудрости и сама мудрость, свет истинный, который один рассеивает ночь мирской глупости, Он, сияние Отчей славы, по свидетельству Павла, возродив нас в себе, стал для нас искуплением, оправданием и мудростью.

Конец ее [мудрости] – погибель, потому, что за ней по пятам всегда следует смертоносная гордыня; за гордыней – слепота души, за слепотой – тирания страстей, за тиранией страстей – общая жатва пороков и разнузданность любого прегрешения. За этой разнузданностью следует привычка,

за привычкой – наинесчастнейшее оцепенение души, которое приводит к тому, что люди лишаются понимания зла.

Оцепеневших охватывает смерть тела, за которой наступает вторая смерть. Ты видишь, что мирская мудрость – мать величайшего зла.

О Христовой же мудрости, которую мир сей считает глупостью, ты читаешь: «Одновременно с нею пришли ко мне все блага и через ее руки неисчислимые богатства. Я радовался всему, потому что предваряла их эта мудрость, и я не знал, что она – мать всех благ». Ведь ее сопровождают скромность и кротость. Кротость дает нам способность воспринять божественный дух.

[...]

Она не исчезнет в конце и не пропадет вместе с мирскими радостями, а соединится в радость вечную. Ее следует просить у Бога пылкими молитвами и по совету одного мудреца...

Считай, что начало этой мудрости – в познании самого себя. ...Пусть никто необдуманно не берет на себя столь важное дело, как познание самого себя. Я не ведаю, знает ли кто-либо полностью свое тело и состояние духа?

... так как ты сам предпринял войну с самим собой, первая надежда на победу заключается в том, чтобы ты как можно лучше узнал себя...

О разнообразии страстей

О страстях же стоики и перипатетики думают различно, хотя все едины в том, что следует жить разумом, а не страстью.

[...]

Поэтому следует сперва познать движения души, затем понять, что они вовсе не так сильны, чтобы их нельзя было ни укротить разумом, ни склонить к добродетели. Ведь я повсюду слышу губительное мнение людей, которые говорят, что их понуждают к порокам. Другие, наоборот, не зная самих себя, вместо велений разума следуют порыву такого рода; при этом гнев или зависть убеждают их до такой степени, что они называют это рвением Божиим...

Некоторые человеческие пороки – почти врожденные; говорят, что некоторым народам присуще вероломство, другим – стремление к роскоши, третьим – похоть. Определенные пороки связаны со строением тела: так, сангвиникам присущи женолюбие и любовь к наслаждениям. Холерикам – гнев, дикость, злоязычие. Флегматикам – вялость, сонливость. Меланхоликам – завистливость, уныние, горечь. Некоторые пороки с возрастом ослабевают или же усиливаются, как, например, похотливость в юности, а также расточительность, опрометчивость. В старости – скупость, придирчивость, жадность. Кажется, есть и такие, которые присущи разным

полам: в мужчине – неистовство, в женщине – суетность и жажда мести. Между тем бывает, что природа, как бы распределяя, возмещает болезненную склонность души каким-нибудь противоположным даром. Один человек хотя скорее склонен к наслаждениям, однако совсем не гневлив, совсем не завистлив. Другой – неподдельно застенчив, но высокомерен, гневлив, корыстолюбив. Нет недостатка и в таких, которых соблазняют противоестественные, роковые пороки, воровство, святотатство, человекоубийство; всем им надлежит всяческим образом противостоять, против их натиска следует возвести несокрушимую стену твердой цели. С другой стороны, существуют некоторые страсти, столь близкие к добродетелям, что есть опасность обмануться в них из-за неясного различия.

Мы должны будем их исправлять и подходящим образом обращать в ближайšie к ним добродетели. Например, кто-нибудь чрезмерно вспыльчив; он обуздает себя и станет более живым, устремленным, совсем невялым, станет прямым, открытым.

Другой несколько склонен к скупости: пусть одумается и станет домовитым. Кто льстив, станет вежливым и любезным; слишком строгий станет твердым; слишком унылый – серьезным; глуповатый – способным покоряться; так же можно справиться с прочими легкими заболеваниями души. Нам следует только опасаться, как бы не скрыть пороки под именем добродетели: не называть уныние серьезностью, жестокость – строгостью, зависть – ревностью, корыстолюбие – хозяйственностью, угодливость – вежливостью, шутовство – остроумием. Поэтому существует один-единственный путь к счастью: главное познать самого себя; затем делать все не в зависимости от страстей, а по решению разума. Но разум да будет здравым и понятливым, т. е. пусть он будет направлен только на благородное.

Благородными можешь считать некоторые страсти, хотя они и плотские, однако не слишком грубые; это врожденное почитание родителей, любовь к братьям, расположение к друзьям, милосердие к падшим, боязнь дурной славы, желание уважения и тому подобное. С другой стороны, последними отбросами простого люда считай те движения души, которые весьма сильно расходятся с установлениями разума и низводят до низости скотского состояния. Это – похоть, роскошь, зависть и подобные им хвори души, которых, вроде грязных рабов и бесчестных колодников, надо всех принуждать к одному: чтобы, если могут, выполняли дело и урок, заданный господином, или, по крайней мере, не причиняли явного вреда.

Некоторые общие правила истинного христианства

Эти правила будут зависеть частично от Бога, дьявола и от нас, частично же от обстоятельств, т. е. от добродетелей и пороков, которые с ними связаны, частично от предмета добродетелей и пороков. Более всего

они предохранят от трех зол – остатков первородного греха. Ибо, несмотря на то что крещение смыло пятно, в нас, однако, до сих по застрял остаток старой болезни то ли для поддержания смирения, то ли в качестве основы и начала добродетели. Это – слепота, плоть и немощность. Слепота незнания покрывает туманом суждение разума. Как вина прародителей несколько затемнила тот чистейший свет божественного лика, который излил на нас Творец, так превратное воспитание, дурное общество, извращенные страсти, тьма пороков, привычка к греху настолько покрыли его ржавчиной, что едва возможно различить кое-какие следы закона, начертанного Богом. Поэтому слепота (чтобы с этого начать) ведет к тому, что при выборе мы плохо видим, и следует вместо самого лучшего самому худшему, ставя более важное после менее полезного. Плоть подстрекает страсть, так что мы, даже если и понимаем, в чем заключается наилучшее, любим при этом противоположное. Немощность ведет к тому, что, побежденные отращением или искушением, мы отказываемся от однажды усвоенной добродетели.

Слепота вредит суждению; плоть искажает желание; немощность разбивает стойкость. Поэтому, прежде всего, надлежит знать, к чему тебе не следует стремиться; слепоту надлежит устранить, чтобы мы при выборе не ошибались. Затем важно ненавидеть то, что ты понимаешь как зло, и любить добро. Плоть должна быть в этом побеждена, дабы мы вопреки суждению разума не любили приятное взамен спасительного. Третье заключается в упорстве по отношению к тому, что ты хорошо начал; поэтому в немощи необходима помощь, дабы не уйти нам с позором со стези добродетели, как если бы мы и не вступали на нее. Незнание надлежит врачевать, дабы ты видел, куда бы тебе следует идти. Плоть надлежит подчинять, дабы она не увела с нужного пути на окольные. Немощь надлежит воодушевлять, дабы, вступив на узкий путь, ты не шатался, не задерживался, не уклонялся и не оглядывался, если ты уже однажды взял в руку плуг, а радоваться бы, как герой, которому предстоит путь: всегда устремляясь к тому, что перед тобой, забывая о том, что позади, до поры, пока не получишь награду и венок, обещанный упорным.

Похвала Глупости

Печатается по: Роттердамский Э. Похвала Глупости // Антология мировой философии. – Минск, 2001.

Глава LXVI

Не зарываясь в бесчисленные подробности, скажу кратко, что христианская вера, по-видимому, сродни некоему виду глупости и с мудро-

стью совершенно несовместна.

Ежели хотите доказательств, то вспомните, прежде всего, что ребята, женщины, старики и юродивые особенно любят церковные обряды и постоянно становятся всех ближе к алтарю, покорные велениям своей природы.

Во-первых, позвольте спросить: кто такие были основатели христианства? Люди удивительно простодушные, жестокие враги всякой учености. Засим среди глупцов всякого рода наиболее безумными кажутся те, кого воодушевляет христианское благочестие. Они расточают свое имение, не обращают внимания на обиды, позволяют себя обманывать, не знают различия между друзьями и врагами, в ужасе бегут от наслаждений, предаются постам, бдениям, трудам, презирают жизнь и стремятся единственно к смерти, коротко говоря, – во всем действуют наперекор здравому смыслу, словно душа их обитает не в теле, но где-то в ином месте. Что ж это такое, если не помешательство? ... Но поскольку я уж начала рассуждать, то продолжу и докажу вам, что блаженство, которого христиане стараются достигнуть ценою стольких мучений и трудов, есть не иное что, как некая разновидность безумия. Не гневайтесь на мои слова и лучше постарайтесь уразуметь их.

...Мы привыкли называть человека здоровым, пока душа его должным образом пользуется телесными органами; когда же, порвав свои путы, она пытается обрести свободу и словно замышляет побег из темницы, то мы называем такое состояние помешательством. Если означенные явления вызваны болезнью либо повреждением внутренних органов, никто не усомнится в том, что это безумие. И, однако, мы видим, что люди, охваченные подобным безумием, предсказывают будущее, знают чужеземные языки и науки, которых никогда прежде не изучали, и вообще представляются во многих отношениях существами как бы божественными. Все это, без сомнения, приходится объяснять тем, что душа, частично освобожденная от власти тела, проявляет свою природную силу. Здесь же, как я полагаю, таится и причина того, что умирающие, как бы вдохновленные божественным дуновением, изрекают порой поразительные вещи. Если благочестие и не вполне совпадает с вышеописанной разновидностью безумия, то все же столь близко с нею соприкасается, что большинство людей почитает набожность простым помешательством, особенно когда видит тех немногих, которые всей своей жизнью столь резко отличаются от прочих смертных.

...Благочестивые праведники презирают все, имеющее отношение к телу, и стремятся лишь к созерцанию невидимого мира. Первые больше всего помышляют о собирании богатств, затем – об удовлетворении своих телесных нужд и лишь в самую последнюю очередь – о своей душе, если только вообще допускают ее существование, веря лишь в то, что доступно

глазу. Вторые поступают как раз наоборот: прежде всего думают о боге, субстанции простейшей и неизменной, затем помышляют о своей душе, которая всего ближе к божеству, но не желают заботиться о теле, презируют деньги, словно мякину, и, едва завидев их, обращаются в бегство. ...Даже в малых вещах разительно сказывается различие между людьми, живущими по уставам мира сего, и благочестивыми праведниками.

Хотя все чувственные способности зависят от тела, есть между ними такие, которые кажутся грубее других. Таковы осязание, слух, зрение, обоняние, вкус. Другие – гораздо более независимы, например, память, рассудок, воля. Праведники, со всею силою души устремляясь к тому, что не имеет ничего общего с внешним миром, становятся тупыми и бесчувственными к телесным впечатлениям. И, напротив, заурядные люди наибольшее значение придают внешним чувствам и наименьшее – внутренним. Этим объясняется, между прочим, и то, что многие святые мужи, случалось, пили вместо вина масло. Среди страстей и душевных чувствований есть также такие, которые кажутся особенно телесными, как, например, плотское вожделение, голод, сонливость, гнев, гордость, зависть. Праведники ведут с ними непримиримую войну, а толпа уверена, что без них и прожить невозможно. Кроме того, существуют страсти, так сказать, нейтральные, словно бы естественные; таковы любовь к отечеству, нежность к детям, к родителям, к друзьям.

Толпа платит всему этому немалую дань, но праведники всячески стараются изгнать из своей души все названные склонности...

Этим правилом руководствуются люди благочестивые ...

Они различают плоть и дух даже в таинствах и в других церковных обрядах. Так, они не верят, в отличие от большинства людей, будто пост состоит только в воздержании от мяса и отказа от вечерней трапезы, но проповедуют пост духовный, заключающийся в умерщвлении страстей, подавлении гнева, и гордости, дабы дух, не удручаемый бременем плоти, мог с тем большей силой устремиться к познанию небесных благ. Так же мыслят они и об евхаристии: если обрядом причастия, говорят они, и не следует пренебрегать, то все же он не столь спасителен, как это обычно полагают. Он даже может сделаться вредным, если в нем не будет духа, т. е. воспоминания о тех событиях, кои изображаются при помощи чувственных знамений. Знамения же напоминают нам о смерти Иисуса Христа, и христиане обязаны подражать этой смерти, укрощая, подавляя и словно погребая свои страсти, дабы воскреснуть для новой жизни и соединиться со Христом Иисусом, соединяясь в то же время друг с другом. Такова жизнь, таковы постоянные помышления праведников. Напротив, толпа не видит в богослужении ничего, кроме обязанности становиться поближе к алтарю, прислушиваться к гудению голосов и глазеть на обряды.

Не только в указанных мной для примера случаях, но и во всех об-

стоятельствах жизни убегает праведник от всего, что связано с телом, и стремится к вечному, невидимому и духовному. И так как отсюда рождаются постоянные несогласия между ним и остальными людьми, он упрекает их в безумии, а они отвечают ему тем же. Я же полагаю, что название безумца больше подходит праведникам, нежели толпе.

Глава LXVII

Дабы это стало еще очевиднее, я, согласно моему обещанию, в немногих словах докажу, что награда, обещанная праведникам, есть не что иное, как своего рода помешательство. ...В самом деле, кто страстно любит другого, тот живет уже не в себе, но в любимом предмете, и чем более он от себя удаляется, дабы прилепиться душою к этому предмету, тем более ликует. Но когда душа словно бы покинула тело и уже не в силах управлять телесными членами, то как прикажете назвать такое состояние, если не исступлением? Это подтверждают и общераспространенные поговорки: «Он вне себя», «Он вышел из себя», «Он пришел в себя». Далее, чем совершеннее любовь, тем сильнее неистовство и тем оно блаженнее. А теперь задумаемся, какова та небесная жизнь, к которой с такими усилиями стремятся благочестивые сердца? Их дух, мощный и победоносный, должен поглотить тело. Ему тем легче будет совершить это, что тело, очищенное и ослабленное всей предыдущей жизнью, уже подготовлено к подобному превращению. А затем и самый дух этот будет поглощен бесконечно более могущественным верховным разумом, и тогда человек, оказавшись всецело вне себя, ощутит несказуемое блаженство и приобщится к верховному благу, все в себя вобравшему. Хотя блаженство это может стать совершенным лишь в миг, когда усопшие души, соединившись с прежними своими телами, получают бессмертие, однако, поскольку жизнь праведников есть лишь тень вечной жизни и непрестанное размышление о ней, им позволено бывает заранее отвесть обещанной награды и ощутить ее благоухание, и одна эта малая капля из источника вечного блаженства превосходит все телесные наслаждения в их совокупности, все утехи, доступные смертным. Вот в какой мере духовное превосходит телесное, а невидимое возвышается над видимым! Именно об этом вещал пророк, говоря: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Такова эта частица Мории, которая не отъемлетя при разлучении с жизнью, но, напротив, безмерно возрастает. Эта малая капля трижды блаженной Глупости достается на земле лишь немногим. Они уподобляются безумцам, говорят несвязно, не обычными человеческими словами, но издавая звуки, лишённые смысла, и строят какие-то удивительные гримасы. Они то веселы, то печальны, то льют слезы, то смеются, то вздыхают и вообще постоянно пребывают вне себя. Очнув-

шись, они говорят, что сами не знают, где были – в теле своем или вне тела, бодрствовали или спали; они не помнят, что слышали, что видели, что говорили, что делали, все случившееся представляется им как бы в дымке тумана или сновидения. Одно они знают твердо: беспамятствуя и безумствуя, они были счастливы. Поэтому они скорбят о том, что снова образумились, и ничего другого не желают, как вечно страдать подобного рода сумасшествием. Таково скудное предвкушение вечного блаженства.

Глава LXVIII

Впрочем, мне уже давно пора кончать: я позабыла всякую меру и границу. Ежели сказала я что-нибудь слишком, на ваш взгляд, дерзновенное, то вспомните, что это сказано Глупостью и вдобавок женщиной. Не забывайте также греческой пословицы: «Часто глупец в неразумии метким обмолвится словом». Не знаю, впрочем, как по-вашему: относится это к женщинам или нет? Вижу, что вы ждете от меня заключения. Но, право же, вы обнаруживаете крайнее недомыслие, если думаете, что я помню всю ту мешанину слов, которую рассыпала перед вами. Прежде говорили: «Ненавижу памятливого сотрапезника». Я же скажу: «Ненавижу памятливого слушателя». А посему будьте здоровы, рукоплещите, живите, пейте, достойные сопричастники таинств Мории. Конец.

Франсуа Ларошфуко (1613 – 1680 гг.)

Печатается по: Франсуа де Ларошфуко.
Мемуары. Максимумы. –М., 1993.

22. Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией.

26. Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.

30. Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

31. Не будь у нас недостатков, нам было бы не так приятно подмечать их у ближних.

41. Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому.

48. Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви.

68. Трудно дать определение любви; о ней можно лишь сказать, что для души - это жажда властвовать, для ума - внутреннее сродство, а для тела - скрытое и утонченное желание обладать, после многих околичностей, тем, что любишь.

69. Чиста и свободна от влияния других страстей только та любовь, которая таится в глубине нашего сердца и неведома нам самим.

161. Деяния и замыслы должны соответствовать друг другу, иначе заложенные в них возможности останутся неосуществленными.

182. Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств; благоразумие смешивает их, ослабляет их действие и потом умело пользуется ими как средством против жизненных невзгод.

194. Пороки души похожи на раны тела: как бы старательна их не лечили, они все равно оставляют рубцы и в любую минуту могут открыться снова.

201. Тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее.

264. Сострадание - это нередко способность увидеть в чужих несчастьях свои собственные, это - предчувствие бедствий, которые могут постигнуть и нас. Мы помогаем людям, чтобы они, в свою очередь, помогли нам; таким образом, наши благодеяния сводятся просто к услугам, которые мы оказываем самим себе.

285. Великодушие довольно точно определено своим названием; кроме того, можно сказать, что оно— здравый смысл гордости и самый достойный путь к похвале.

291. У людских достоинств, как и у плодов, есть своя пора.

301. Многие презирают жизненные блага, но почти никто не способен ими поделиться.

337. Иные достоинства подобны зрению или слуху: люди, лишённые этих достоинств, не способны увидеть и оценить их в окружающих.

357. Люди мелкого ума чувствительны к мелким обидам; люди большого ума все замечают и ни на что не обижаются.

372. Юношам часто кажется, что они естественны, тогда как на самом деле они просто невоспитанны и грубы.

392. С судьбой следует обходиться как со здоровьем: когда она нам благоприятствует наслаждаться ею, а когда начинает капризничать - терпеливо выждать, не прибегая без особой необходимости к сильно действующим средствам.

409. Нередко нам пришлось бы стыдиться своих самых благородных поступков, если бы окружающим были известны наши побуждения.

423. Уметь быть старым - это искусство, которым владеют лишь немногие.

437. О достоинствах человека нужно судить не по его хорошим качествам, а потому, как он ими пользуется.

504. После всех рассуждений о лицемерности многих показных добродетелей следует сказать несколько слов и о лицемерности презрения к смерти; Я имею в виду то презрение, о котором говорят безбожники, похваляясь, что оно порождено не упованием на лучшую жизнь, а их собственной неустранимостью. Между стойким прятием смерти и презрением к ней - огромная разница: первое встречается довольно часто, второе же, по моему мнению, не бывает искренним никогда. Правда, было написано множество убедительных трактатов, в которых доказывалось, что смерть совсем не страшна; самые слабые люди, точно так же, как славнейшие герои, явили тысячи знаменитых примеров, подтверждающих такой взгляд. Я убежден однако, что его никогда не разделял ни один здравомыслящий человек. Настойчивость, которую проявляют приверженцы этого взгляда, пытаюсь внушить его другим и самим себе, уже говорит о том, что эта задача не из легких. Можно по каким-либо причинам питать отвращение к жизни, но для презрения к смерти нет никаких оснований. Даже люди, добровольно обрекающие себя на смерть, отнюдь не считают ее такой уж малостью; напротив, они, как и все остальные, страшатся, а порой и отвергают ее, если она приходит к ним не той дорогой, какую они для нее избрали. Колебания, которым подвержено мужество доблестнейших людей, объясняются именно тем, что смерть не всегда рисуется их воображению с одинаковой яркостью. Все дело в том, что они презирают смерть, пока не постигли ее, но постигнув, поддаются страху. Следует всячески избегать встречи с ней и со всем, что ее окружает, иначе она покажется нам величайшим бедствием. Самые смелые и самые разумные люди - это те, которые под любыми благовидными предложениями избегают мыслей о смерти. Всякий, кому довелось узнать ее такой, какова она в действительности, понимает, что она ужасна. Неизбежность смерти являлась единственным источником стойкости для философов всех времен. Они считали необходимым с готовностью идти туда, куда не могли не идти, и, будучи не в состоянии сохранить навеки свою жизнь, изо всех сил старались увековечить хотя бы свою славу и спасти от крушения все, что только можно спасти. Ограничимся же тем, что ради сохранения нашего достоинства не станем даже самим себе признаваться в наших мыслях о смерти, и возложим все надежды на бодрость нашего духа, а не на шаткие рассуждения о том, будто к смерти следует приближаться безбоязненно. Желание стяжать себе славу стойкой смертью, утешительные мысли о печали близких людей, надежда оставить после себя доброе имя, уверенность в освобождении от жизненных тягот и прихотей судьбы - все эти чувства могут помочь, но ни одно из них нельзя считать надежным. От них не больше проку, чем от деревянной изгороди для солдат, которым нужно перебежать поле под ог-

нем врага. Пока изгородь далеко, людям кажется, что она может их защитить, но по мере приближения к ней они начинают понимать, что защита эта непрочна. Было бы слишком самонадеянно с нашей стороны думать, что смерть и вблизи покажется нам такой же, какой мы видели ее издали, и что наши чувства, имя которым — слабость, достаточно закалены, чтобы позволить нам бестрепетно пройти через самое тяжелое из всех испытаний. Равным образом, и на самолюбие может рассчитывать лишь тот, кто его не понимает: оно не способно заставить нас легко отнестись к событию, которое ему же несет гибель. Наконец, разум, в котором многие надеются найти поддержку, слишком слаб, чтобы при встрече со смертью мы могли на него опереться. Наоборот, он особенно часто предает нас и, вместо того, чтобы научить презрению к смерти, ярко освещает все, что есть в ней ужасного и отталкивающего. Единственное, что в его силах, это посоветовать нам отвести от нее взоры и сосредоточить их на чем-нибудь другом. Катон и Брут обратились к возвышенным помыслам, а не так давно некий лакей удовольствовался тем, что пустился в пляс на том самом эшафоте, где его должны были колесовать. Таким образом, хотя способы различны, но результат один и тот же. Хотя разница между великими людьми и людьми заурядными огромна, те и другие, как явствует из множества примеров, принимают смерть почти одинаково. Однако есть и отличие: у великих людей презрение к смерти вызвано ослепляющей их любовью к славе, у людей простых — ограниченностью, которая не позволяет им постичь всю глубину ожидающего их несчастья и дает возможность думать о вещах посторонних.

Бенедикт Спиноза
(1632 – 1677 гг.)

Печатается по: Спиноза Б. Этика // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М., 1957.

[...]

Природа ограничивается не законами человеческого разума, имеющими в виду только истинную пользу и сохранение людей, но иными — бесконечными, имеющими в виду вечный порядок всей природы, частичку которой составляет человек; только вследствие природной необходимости все индивидуумы известным образом определяются к существованию и деятельности. Стремление человека жить, любить и т. п. отнюдь не вынуждено у него силой, и, однако, оно необходимо; тем более нужно сказать это о бытии, познании и деятельности бога.

...Дух тем лучше понимает себя, чем больше он понимает природу, чем больше познал дух, тем лучше он понимает и свои силы и порядок

природы, тем легче он может сам себя направлять и устанавливать для себя правила; и чем лучше он понимает порядок природы, тем легче может удерживать себя от тщетного....

[...]

Воля и ум не составляют ничего помимо отдельных волевых явлений и идей. Отдельное же волевое явление и идея – одно и то же. Следовательно, воля и разум – одно и то же...

[...]

Люди же всего более сходны по своей природе тогда, когда они живут по руководству разума. Следовательно, люди будут всего более полезными друг для друга тогда, когда каждый всего более ищет для себя своей собственной пользы... Однако редко бывает, чтобы люди жили по руководству разума; напротив, все у них сложилось таким образом, что они большей частью бывают ненавистны и тягостны друг для друга. ...Опыт все-таки будет говорить людям, что при взаимной помощи они гораздо легче могут удовлетворять свои нужды и только соединенными силами могут избегать опасностей...

[...]

Высшее благо человека является общим для всех не случайно, но в силу самой природы разума, а именно потому что это вытекает из самой сущности человека, поскольку она определяется разумом, и что человек не мог бы ни существовать, ни быть представляем, если бы не имел способности наслаждаться этим высшим благом...

[...]

Всякий, следующий добродетели, желает другим того же блага, к которому сам стремится, и тем больше, чем большего познания бога достиг он.

...Для того чтобы люди могли жить согласно и служить друг другу на помощь, необходимо, чтобы они поступились своим естественным правом и обязались друг другу не делать ничего, что может служить во вред другому...

[...]

Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни...

Если бы люди рождались свободными, то они не могли бы составить никакого понятия о добре и зле, пока оставались бы свободными.

[...]

Но так как все то, для чего человек служит производящей причиной, необходимо хорошо, то, следовательно, зло для человека может возникать только из внешних причин, – именно поскольку он составляет часть всей природы, законам которой человеческая природа принуждена повиноваться и приспособляться к ней едва ли не бесчисленными способами.

[...]

...Души побеждаются не оружием, а любовью и великодушием. Все-го полезнее для людей – соединиться друг с другом в своем образе жизни и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного, и вообще людям всего полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы.

Но человеческая способность весьма ограничена, и ее бесконечно превосходит могущество внешних причин; а потому мы не имеем абсолютной возможности приспособлять внешние нам вещи к нашей пользе.

Шарль Монтескье
(1689 – 1755 гг.)

Печатается по: Французский фривольный роман. –М.,1993.

Мне приходилось встречать людей, добродетельность которых была столь естественна, что даже не чувствовалась: они исполняли свой долг, не испытывая никакой тягости, и их влекло к этому как бы инстинктивно: далекие от того, чтобы хвастаться в разговорах своими редкими качествами, они, казалось, даже не сознавали их в себе. Вот таких людей я люблю, а не тех добродетельных персон, которые как будто сами удивляются своей добродетели и считают доброе дело чудом, рассказ о котором должен удивлять людей.

Если скромность - необходимая добродетель для тех, кого небо одарило великими дарованиями, то что же сказать о козявках, смеющих проявлять такую гордыню, которая была бы позорна даже в величайших людях?

Я повсюду встречаю людей, непрерывно говорящих о себе:

их разговоры - зеркало, в котором постоянно отражается их наглая физиономия. Они будут толковать вам о мельчайших пустяках, приключившихся с ними, и хотеть при этом, чтобы интерес, с которым они к этим пустякам относятся, возвеличивал их в ваших глазах: они все делали, все видели, все сказали, обо всем подумали, они - универсальный образец, неисчерпаемый предмет для сравнений, неиссякаемый источник примеров. О, какая пошлость- похвала, когда в ней отражается ее источник!

Несколько дней тому назад один подобный субъект докучал нам целых два часа своей персоной, своими заслугами, своими талантами, но так как нет в мире непрерывного движения, то он, в конце концов, перестал говорить. Разговор снова перешел к нам, и мы его поддержали.

Некий человек, казавшийся довольно печальным, принялся жаловаться на скуку, царящую в разговорах: «Как! Везде и всюду дураки, рас-

писывающие себя перед вами и все разговоры переводящие на свою особу!» «Вы правы,- резко подхватил наш оратор, - нужно только брать пример с меня, - я никогда не хвалюсь, у меня есть состояние, я хорошего происхождения, я много трачу, мои друзья уверяют, что я не лишен ума, но я никогда не говорю об этом, и если у меня есть кое-какие хорошие качества, то из них я больше всего ценю свою скромность».

Я с удивление смотрел на этого нахала и в то время, как он громко говорил, тихонько сказал: «Счастлив тот, кто достаточно тщеславен, чтобы никогда не говорить хорошо о самом себе, кто боится слушающих его и не подвергает опасности свои достоинства, противопоставляя их чужой гордости!»

[...]

Люди очень несчастны! Они беспрестанно колеблются между ложными надеждами и смешными страхами и, вместо того чтобы опираться на разум, придумывают себе, чудовища, которых сами же боятся, или призраки, которые их соблазняют.

[...]

Всего удивительнее то, что те, кто утомляет свой разум, заставляя его относить те или иные происшествия на счет оккультных свойств, должны делать не меньшие усилия, чтобы помешать себе узреть настоящую их причину.

Ты скажешь мне, что известные чудеса помогали выигрывать битвы а я тебе отвечу, что ты должен быть слепым, чтобы в топографических условиях, в численности или мужестве солдат, в опытности командиров не увидеть причин, достаточных для того, чтобы вызвать действие, причину которого ты не хочешь признавать.

Соглашусь с тобой на минуту, что чудеса действительно существуют; согласишься и ты со мною на минуту, что их вовсе не бывает, - ведь это не невозможно. Твоя уступка не помешает двум армиям сразиться между собою: или ты полагаешь, что в этом случае ни одна из них не одержит победы?

Думаешь ли ты, что судьба их останется нерешенной до тех пор, пока не явится решать ее какая-то невидимая сила, что все удары будут нанесены зря, вся предусмотрительность окажется тщетной и всякое мужество бесполезным?

Думаешь ли ты, что смерть, являющаяся в таких случаях во множестве видов, не может вызвать в умах те панические ужасы, которые тебе так трудно объяснить? Или ты хочешь, чтобы в армии в сто тысяч человек не оказалось ни одного робкого человека? Думаешь ли ты, что паника, проявленная им, не может вызвать паники у другого, и что когда второй бросит на произвол судьбы третьего, то этот третий не бросит четвертого? А этого вполне достаточно для того, чтобы отчаяние в победе охватило

внезапно всю армию, и охватило притом тем легче, чем она многочисленнее.

Все знают и все чувствуют, что люди, как и все создания, стремящиеся сохранить свою жизнь, страстно любят ее; в общем, все это известно всем, а между тем доискиваются, почему в известных частных случаях люди боятся ее потерять.

Хотя священные книги всех народов переполнены этими паническими или сверхъестественными страхами, мне ничто не кажется большим вздором: ведь, чтобы убедиться, что какое-нибудь действие, которое может быть произведено сотней тысяч естественных причин, сверхъестественно, нужно предварительно исследовать, не действовала ли в данном случае какая-нибудь из естественных причин, - а это невозможно.

Больше я ничего тебе не скажу, Нафанаил: мне кажется, что предмет этот не заслуживает серьезного к себе отношения.

[...]

Каждый человек способен делать добро другому; но содействовать счастью целого общества значит уподобляться богам.

[...]

Люди - как растения, которые никогда не растут удачно, если за ними нет хорошего ухода: у народов бедных порода мельчает и даже иногда вырождается.

Жан-Жак Руссо
(1712 – 1778 гг.)

Печатается по: Руссо Жан-Жак. Избранные сочинения.
В 3 т. Т. 1. – М., 1961.

Наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам; мы не так сомневались бы в преимуществах наук и искусств, если бы они были порождены нашими добродетелями.

Их порочное происхождение ясно видно из их назначения. К чему нам были бы искусства, если бы не было питающей их роскоши? Нужна ли была бы юриспруденция, если бы не существовало человеческой несправедливости? ...

[...]

В политике, как и в морали, не делать добра – значит творить зло, и всякий бесполезный гражданин может рассматриваться как вредный для общества...

...Если даже труды просвещеннейших ученых и лучших граждан приносят нам так мало пользы, то что же мы должны думать о толпе невежественных писателей и праздных ученых, которые высасывают соки из государства, ничего не давая ему взамен?

Что я говорю – праздных? О, если бы с божьего соизволения они бы просто бездействовали! Тогда и нравы были бы здоровее. Но эти пустые и ничтожные болтуны, вооруженные своими пагубными парадоксами, стекаясь отовсюду, подкапываются под основы веры, уничтожают добродетель. Они встречают презрительной улыбкой такие слова, как отечество и религия, и употребляют свои таланты и философию на разрушение и поношение всего, что священо для людей...

[...]

Большое зло – пустая трата времени, но науки и искусства влекут за собой еще большее зло – роскошь, порожденную, как и они сами, людской праздностью и тщеславием. Редко бывает, чтобы роскоши не сопутствовали науки и искусства, последние же никогда не обходятся без нее...

О добродетель, высшая наука бесхитростных душ! Неужели нужно столько труда и усилий, чтобы познать тебя? Разве твои правила не начертаны во всех сердцах? И разве, для того чтобы изучить твои законы, недостаточно углубиться в себя и, заставив умолкнуть страсти, прислушаться к голосу своей совести? Ведь в этом и заключается истинная философия.

Печатается по: Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре // Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. – М., 1961.

Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах. Иной считает себя повелителем других, а сам не перестает быть рабом в еще большей степени, чем они. Каким образом произошла эта перемена? Я не знаю. Что может сделать эту перемену законной? Думаю, что я смогу разрешить этот вопрос...

[...]

Древнейшее из всех обществ и единственно естественное – это семья; но и в семье дети остаются привязанными к отцу только до тех пор, пока они нуждаются в нем для самосохранения. Как только исчезает эта необходимость, естественные узы рушатся. Дети, свободные от обязанности повиноваться отцу, и отец, свободный от обязанности заботиться о детях, становятся равно независимыми. Если же они и продолжают жить в единении, то это происходит уже добровольно, а не естественно, и целостность самой семьи поддерживается только путем соглашения.

Эта общая свобода есть следствие человеческой природы. Ее первый закон – забота о самосохранении, ее первые заботы – те, которые человек обязан иметь по отношению к самому себе; и как только человек достигает разумного возраста, он становится своим собственным господином, будучи единственным судьей тех средств, которые пригодны для его самосохранения...

[...]

Поскольку ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то в качестве основы всякой законной власти среди людей остаются соглашения...

[...]

Отказаться от своей свободы – это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от права человека, даже от его обязанностей. Нет такого вознаграждения, которое могло бы возместить отказ от него. Такой отказ несовместим с человеческой природой; отнять всякую свободу у своей воли равносильно отнятию всяких нравственных мотивов у своих поступков. Наконец, соглашение, в котором, с одной стороны, выговорена абсолютная власть, а с другой – безграничное повиновение, есть пустое и противоречивое соглашение...

Итак, с какой точки зрения ни рассматривать вещи, право рабства ничтожно, и не только потому, что оно незаконно, но и потому, что оно нелепо и ничего не означает. Слова *раб* и *право* противоречивы; они исключают одно другое...

Если, таким образом, мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующему.

Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого.

Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает моральное и коллективное целое, составленное из стольких членов, сколько собрание имеет голосов, целое, которое получает путем этого самого акта свое единство, свое общее я, жизнь и волю. Эта общественная личность, составленная путем соединения всех остальных личностей, получала в прежнее время название гражданской общины, а теперь называется республикой или политическим телом, которое именуется своими членами государством, когда оно пассивно, и сувереном, когда оно активно, державой – при сопоставлении ее с ей подобными. По отношению к участникам они коллективно принимают имя народа, а в отдельности называются гражданами, как участники суверенной власти, и подданными, как подчиненные законам государства...

[...]

Переход от естественного состояния к гражданскому производит в человеке весьма заметную перемену, заменяя в его действиях инстинкт правосудием и сообщая его действиям нравственное начало, которого им прежде не доставало. Только тогда голос долга следует за физическим побуждением, право – за желанием, и человек, обращавший до тех пор внимание только на самого себя, оказывается принужденным действовать согласно другим принципам и прислушиваться к голосу разума, прежде чем

повиноваться естественным склонностям. Хотя в состоянии общественном человек и лишается многих преимуществ, которыми он обладает в естественном состоянии, но зато он приобретает гораздо больше преимуществ: его способности упражняются и развиваются, мысль его расширяется, чувства его облагораживаются, и вся его душа возвышается до такой степени, что, если бы злоупотребления новыми условиями жизни не низводили его часто до состояния более низкого, чем то, из которого он вышел, он должен был бы беспрестанно благословлять счастливый момент, вырвавший его навсегда из прежнего состояния и превративший его из тупого и ограниченного животного в существо мыслящее – в человека...

[...]

Общественный договор устанавливает между всеми гражданами такое равенство, что они вступают в соглашение на одних и тех же условиях и должны все пользоваться одними и теми же правами. Таким образом, из самой природы договора вытекает, что всякий акт суверенитета, т. е. всякий подлинный акт общей воли, обязывает или благодетельствует одинаково всех граждан, так что верховная власть знает только совокупность народа и не делает различия между теми, кто ее составляет.

Иммануил Кант
(1724-1804 гг.)

Печатается по: И.Кант. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980.

[...]

...человек (от природы) или нравственно добр, или нравственно зол. Но каждому может легко прийти на ум вопрос, верно ли такое противопоставление и не может ли каждый утверждать, что человек от природы ни то, ни другое или что он и то и другое одновременно, а именно: в одних отношениях добр, а в других зол. Опыт, по всей видимости, даже подтверждает это среднее между двумя крайностями.

[...]

...свобода произвола имеет ту совершенно отличительную особенность, что он может быть тем или иным мотивом определен к поступкам, лишь поскольку человек принимает мотив в свою максиму (поскольку он становится общим правилом, согласно которому человек хочет поступать); только в этом случае мотив, каким бы он ни был, совместим с абсолютной спонтанностью произвола (свободы). Только моральный закон сам по себе есть мотив в суждении разума, и тот, кто делает его своей максимой, морально добр. Если же закон не определяет чьего-либо произвола в отношении того или иного поступка, касающегося данного закона, то на этот про-

извол должен иметь влияние противоположный ему мотив.

[...]

В отношении их цели нам удобно разделить их на три класса как элементы определения человека.

1. Задатки животности человека как живого существа.

2. Задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного.

3. Задатки его личности как существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки

1. Задатки животности в человеке ... тройкого вида: во-первых, стремление к самосохранению; во-вторых, к продолжению рода своего через влечение к другому полу и к сохранению того, что производится при сочетании с ним; в-третьих, к общности с другими людьми, т. е. влечение к общительности. Им могут быть привиты всевозможные пороки (которые, однако, не возникают сами собой из этих задатков как корня). Их можно назвать пороками естественной грубости, и при наибольшем отступлении от целей природы они становятся скотскими пороками: обжорства, похоти и дикого беззакония (по отношению к другим людям).

2. Задатки человечности... наклонности судить о себе как о счастливом или несчастном только по сравнению с другими. Отсюда влечение добиваться признания своей ценности во мнении других и притом первоначально лишь ценности своего равенства с другими: никому не позволять превосходства над собой.

[...]

Отсюда прямо возникает несправедливое желание добиться превосходства над другими. Им, а именно ревности и соперничеству, могут быть привиты величайшие пороки тайной и открытой враждебности против всех, на кого мы смотрим как на чужих для нас.

[...]

...когда они становятся в высшей степени дурными (так как тогда они становятся просто идеей максимума зла, превышающего человечность), например, завистью, неблагодарностью, злорадством и т. д., могут быть названы дьявольскими пороками.

3. Задатки личности - это способность воспринимать уважение к моральному закону как сам по себе достаточный мотив произвола. Способность воспринимать только уважение к моральному закону в нас была бы моральным чувством, которое само по себе еще не составляет цели естественных задатков, а есть такая цель лишь поскольку оно мотив произвола, А так как это становится возможным исключительно благодаря тому, что свободный произвол принимает его в свою максиму, то свойством такого произвола служит добрый характер, который, как вообще каждый характер свободного произвола, есть нечто такое, что может быть только приобре-

тено, но для возможности этого все же должны существовать задатки в нашей природе, которым никак не может быть привито что-либо злое.

[...]

Когда мы названные три вида задатков рассматриваем с точки зрения их возможности, то мы находим, что первый не коренится ни в каком разуме; второй коренится хотя и в практическом, но подчиненном другим мотивам разуме, а только третий сам по себе коренится в практическом, т. е. безусловно законодательствующем разуме. Все эти задатки в человеке не только (негативно) добры (не противоречат моральному закону), но это и задатки добра (содействуют исполнению этого закона). Они изначальны, так как требуются для возможности человеческой природы. Человек хотя и может пользоваться первыми двумя против цели, но ни одного из них он не может уничтожить...

Печатается по: И. Кант. О педагогике // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980.

[...]

Дисциплина не дает человеку под влиянием его животных наклонностей уйти от его назначения, человечности. Она, например, должна удерживать его от того, чтобы он не бросался дико и необдуманно в опасности. Дисциплина, следовательно, есть нечто отрицательное: это - средство уничтожить в человеке его дикость; наоборот, обучение есть положительная часть воспитания.

Дикость есть независимость от законов. Дисциплина подчиняет человека законам человечности и заставляет его чувствовать власть законов.

[...]

Человек может стать человеком только путем воспитания. Он - то, что делает из него воспитание. Следует заметить, что человек может быть воспитан только человеком — людьми, точно так же получившими воспитание. Поэтому недостаток в дисциплине и обучении у некоторых людей делает их, в свою очередь, плохими воспитателями своих питомцев.

[...]

Человек должен еще развивать свои способности к добру. Провидение не вложило их в него в уже готовом виде; это только одни способности, не различающиеся в нравственной отношении. Самому себя совершенствовать, самому себя образовывать и, в случае склонности ко злу, развивать в себе нравственные качества — вот в чем обязанности человека.

[...]

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизованности, но еще далеко не в эпоху распространения нравственности. О настоящем положении людей можно сказать, что благоденствие государств растет вместе

с несчастием людей. И еще вопрос, не были ли бы мы счастливее в первобытном состоянии, без всей этой культуры, нежели в нашем теперешнем положении. В самом деле, как можно сделать людей счастливыми, не делая их нравственными и мудрыми? Ведь тогда зло не уменьшится.

[...]

Моральная культура должна основываться на принципах, не на дисциплине.

[...]

Дисциплина создает только привычку, которая, однако, с годами угасает. Ребенок должен научиться действовать по принципам, в справедливости которых он сам убежден.

[...]

Если, например, ребенок лжет, то следует не наказывать его, а относиться к нему с презрением, говорить ему, что в следующий раз ему не будут верить и т. п. Если же наказывать ребенка за дурное и награждать за доброе, то он будет делать добро ради выгоды. Когда он будет жить в свете, где не всегда бывает так и где он может делать добро, не получая награды, и зло, не получая наказания, то из него выйдет человек, который только и будет смотреть, как бы ему хорошенько устроиться в мире, и который будет хорошим или дурным, смотря по тому, что он найдет для себя более выгодным.

Принципы должны рождаться в самом человеке. При моральной культуре следует заранее стараться привить детям понятия о том, что хорошо и что плохо.

[...]

Первая забота при моральном воспитании - выработать характер. Характер - это способность действовать по принципам. Сначала это принципы школы, затем - принципы человечества. Вначале ребенок повинуется законам. Принципы - такие же законы, но субъективные; они проистекают из собственного ума человека.

[...]

Если хотят воспитать характер у детей, то здесь многое зависит от того, чтобы им во всех делах указывали известный план, известные законы, которым необходимо следовать самым точным образом.

[...]

Характеру ребенка, особенно ученика, должно быть свойственно, прежде всего, послушание. Это послушание двойственно - оно выражается сначала в подчинении абсолютной воле руководителя, которая лишь затем познается как разумная и справедливая. Послушание может исходить из принуждения, и тогда оно абсолютно, или из доверия, и тогда оно носит другой характер. Это добровольное послушание.

[...]

Нравственность относится к характеру. *Sustine et abstinence* — терпи и воздерживайся - вот в чем подготовка к мудрой умеренности. Если хотят воспитать хороший характер, то сначала нужно освободить его от страстей. Человек должен привыкнуть так распорядиться своими склонностями, чтобы они не обращались в страсти; в случае отказа он должен уметь обходиться без того или другого. Если хочешь научиться обходиться без чего-либо, требуется мужество и известная склонность.

[...]

С теми обязанностями, которые они должны исполнять, детей следует знакомить, насколько возможно, с помощью примеров и приказаний. Обязанности, которые должен исполнять ребенок,— это лишь обычные обязанности по отношению к себе самому и к другим.

[...]

Поэтому здесь мы должны ближе познакомиться:

а) с обязанностями по отношению к самим себе. Последние состоят не в том, чтобы красиво одеваться, иметь прекрасный стол и т. п., хотя все должно быть опрятно; не в том, чтобы стараться удовлетворять свои страсти и наклонности - наоборот, следует проявлять умеренность и воздержанность, - а в том, чтобы человек обладал известным внутренним достоинством, которое придает ему благородство по сравнению со всеми прочими созданиями; его прямая обязанность - не отречься от этого общечеловеческого достоинства в своем собственном лице.

Мы отрекаемся от человеческого достоинства, когда, например, предаемся опьянению, совершаем противоестественные грехи, проявляем все виды невоздержанности и т. п., что ставит человека гораздо ниже животных. Далее, если человек пресмыкается перед другими, говорит льстивые слова, надеясь таким недостойным образом вкратиться в доверие, то это опять-таки противоречит человеческому достоинству.

[...]

б)...с обязанностями по отношению к другим. В ребенке должно быть заранее развито почтение и уважение к праву людей, и следует внимательно смотреть за тем, чтобы он проявлял его.

[...]

Детское сердце следует делать не столько мягким, чтобы его трогала судьба другого, сколько, наоборот, бодрим. Путь-оно будет преисполнено не чувством, но идеей долга. В самом деле, многие сделались жестоко-сердными потому, что раньше были сострадательны и часто видели себя обманутыми

[...]

Зависть возбуждается тогда, когда ребенка приучают оценивать себя со слов других. Напротив, он должен ценить себя по понятиям своего разума. Поэтому уничижение есть, собственно, не что иное, как сравнение

своего личного достоинства с моральным совершенством.

[...]

Если человек ценит свое достоинство по другим, то он старается либо поднять себя над другим, либо уменьшить достоинство другого. Последнее уже есть зависть.

[...]

Все страсти человека делятся на формальные (свобода, возможность) или материальные (направленные на известный объект) — страсти воображения и обладания, или же, наконец, они имеют в виду только продление и того и другого как элементов благополучия.

Страсти первого рода: честолюбие, властолюбие и корыстолюбие. Страсти второго рода: половое наслаждение (сладострастие), стремление к обладанию вещами (жизнь в довольстве), влечение к обществу (склонность к развлечениям). Наконец, страсти третьего рода: любовь к жизни, к здоровью, к удобствам (свобода от забот в будущем).

Пороки, же порождает злоба, низость или ограниченность. К первым принадлежат: зависть, неблагодарность, злорадство; к порокам второго рода: несправедливость, неверность (лживость), расточительность как в отношении денег, так и здоровья (неумеренность) и чести; пороки третьего рода: отсутствие любви, скупость, лень (изнеженность).

Добродетели бывают или добродетели заслуги, или только обязанности, или добродетели невинности. К первым принадлежат: великодушие (заключающееся в отказе как от мести, так и от расположения к удобствам и корыстолюбия), благотворительность и самообладание...

...ко вторым — правдивость, пристойность и миролюбие; к третьим, наконец, честность, нравственность и умеренность.

[...]

Является ли человек по своей природе существом добрым или злым с точки зрения морали? Ни то, ни другое, ибо по природе своей человек существо вовсе не моральное; он лишь становится таковым, когда его разум поднимается до понятий обязанности и закона. Поэтому можно сказать, что человек изначально склонен ко всем порокам, так как обладает возбуждающими его склонностями и инстинктами, хотя разум влечет его к противоположному. В силу этого он может стать нравственным, только будучи добродетельным, а следовательно, путем самопринуждения, хотя при отсутствии соблазнов он может быть невинен.

[...]

Дети должны перестать быть злыми и научиться питать отвращение ко всякой гнусности и нечестности; внутренняя болезнь должна заменить внешний страх перед людьми и божьими наказаниями; им следует научиться ценить самих себя и сохранять внутреннее достоинство, вместо того чтобы довольствоваться людским мнением; взвешивать внутреннюю

цену каждого поступка и действия, а не слова и душевные движения; руководствоваться разумом, а не чувством; проникнуться жизнерадостностью и набожностью, всегда иметь хорошее настроение, не поддаваясь угрюмому, робкому и мрачному ханжеству.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель
(1770-1831 гг.)

Печатается по: Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Гегель Г.В.Ф.
Энциклопедия философских наук. – М., 1977. – Т.3.

Моральность

Свободный индивидуум, в (непосредственном) праве только *личность*, определен теперь как *субъект* - в себя рефлексированная воля, так что определенность воли вообще как его наличное бытие, как нечто *ему принадлежащее* следует отличать от наличного бытия свободы во внешней вещи. Вследствие того, что определенность воли положена, таким образом, во *внутреннем существе* человека, воля оказывается одновременно *особенной*, и в отношении к ней вступают в силу также и все ее дальнейшие особенности и их отношения между собою. Определенность воли существует частью как *в-себе-сущая*—как разум воли, как нечто правовое в себе (и нравственное),— частью же как наличное бытие, данное в деятельном обнаружении, проявляющееся в событиях и вступающее с ними в известное отношение. Субъективная воля в такой же мере *морально* свободна, в какой эти определения внутренне *полагаются как ей принадлежащие* и составляющие предмет ее желания. Деятельное обнаружение воли в этой свободе есть *поступок*, во внешнем обнаружении которого она только то признает за свое и только за то считает себя ответственной, что из этого она знала и чего хотела.

[...]

Эта *субъективная* или *моральная* свобода есть то, что в европейском смысле по преимуществу называется свободой. На основании ее права человек и должен, собственно, приобрести знание различия добра и зла вообще; нравственные определения (подобно религиозным) должны не только предъявлять к нему требования, исполняться им в качестве внешних законов и предписаний некоторого авторитета, но и получить одобрение, признание или даже обоснование в его сердце, образе мыслей, совести, понимании и т. д. Субъективность воли в ней самой есть самоцель

[...]

Хотя все изменения как таковые, поскольку они положены деятельностью субъекта, являются его делом, однако из-за одного этого он еще не признает их своим поступком, но признает своей виной только то наличное

бытие в действии, которое заключалось в его знании и воле, только то, что было его умыслом, было ему принадлежащим.

[...]

Субъект имеет также право на то, чтобы особенность содержания в поступке, со стороны ее материи, не была бы для него внешней, но содержала бы подлинную особенность субъекта, его потребности, интересы и цели, которые, как бы объединенные в одной цели, составляют его благо, подобно, тому, как это было, когда речь шла о счастье, - право блага. Счастье только тем отличается от блага, что первое представляется как непосредственное наличное бытие вообще, тогда как последнее - как получившее правомерность в отношении к моральности.

Добро и зло

Истина этих особенностей и конкретная сторона их формализма составляют содержание всеобщей, в себе и для себя сущей воли, закон и субстанцию всякой определенности,— добро в себе и для себя есть поэтому абсолютная цель мира и долг для субъекта, который должен иметь понимание добра, сделать его своим намерением и осуществлять в своей деятельности.

[...]

Вследствие неопределенности в определении добра существует вообще много видов добра и разнообразные обязанности, отличие которых друг от друга имеет диалектический характер и приводит их к коллизии друг с другом. В то же время они должны быть согласованными между собой вследствие единства добра, и, тем не менее, каждый из этих видов, хотя он и есть нечто особенное, абсолютен в качестве обязанности и добра. Субъект должен быть диалектикой, которая заключала бы соединение одних видов добра и обязанностей с исключением других и, соответственно этому, со снятием этого абсолютного значения их.

[...]

Для субъекта, который в наличном бытии своей свободы по существу есть нечто особенное, именно вследствие этого наличного бытия его свободы его интерес и его благо должны быть его существенной целью и потому обязанностью. Но в то же время в целях добра, которое есть не особенное, а только всеобщее воли, особенный интерес не должен быть каким-либо моментом.

[...]

Субъект является, однако, чем-то особенным не только в своем бытии вообще, но некоторая форма его наличного бытия состоит также в том, чтобы он представлял собой абстрактную достоверность самого себя, абстрактную рефлексию свободы в себя. В этом смысле он отличен от разума воли и способен само всеобщее превратить для себя в нечто особенное и

тем самым в некоторую видимость, Добро, таким образом, является для субъекта положенным как что-то случайное, и субъект соответственно этому может решиться на нечто противоположное добру—может быть злым.

[...]

...является случайным, согласуется ли внешняя объективность с субъективными целями, реализуется ли в ней самой добро и уничтожается ли в ней зло — в себе и для себя ничтожная цель; далее, находит ли в ней субъект свое благо и, говоря точнее, счастлив ли в ней добрый субъект и делается ли несчастным злой. Но в то же время мир должен дать возможность осуществиться в нем существенному, доброму поступку, как он должен также обеспечить доброму субъекту удовлетворение его особенного интереса, а злему, напротив, отказать в этом и также уничтожить самое зло.

[...]

Всестороннее противоречие, которое выражает собой это многообразное долженствование,— абсолютное бытие, которого, в то же время, еще нет, - содержит в себе абстрактнейший анализ духа в нем самом, его глубочайшее вхождение в себя. Отношение противоречащих определений друг к другу есть только абстрактная достоверность самого духа, и по отношению к этой бесконечности субъективности всеобщая воля, добро, право и долг в такой же мере существуют, как и не существуют, - именно эта субъективность знает себя как выбирающая и решающая. Эта достоверность самой себя проявляется в двух непосредственно одна в другую переходящих формах— совести и зла. Первая есть воля добра, которое, однако, в этой чистой субъективности есть нечто не-объективное, не-всеобщее, не-выразимое, и нечто такое, относительно чего субъект в своей единичности знает себя как решающего. Зло же есть то же самое знание своей единичности как чего-то решающего, поскольку единичность не остается в этой абстракции, но наперекор добру усваивает содержание субъективного интереса.

[...]

Эта высочайшая вершина феномена воли, низведенной до некоторого не-объективного, но лишь в себе самом уверенного состояния добра и некоторой достоверности себя самой в отношении к ничтожности всеобщего, непосредственно подвергается крушению. Зло как внутреннейшая рефлексия субъективности в себя наперекор объективному и всеобщему, являющемуся для него лишь призраком, есть то же самое, что и благая настроенность абстрактного добра, предоставляющая субъективности его определение; — совершенно абстрактная призрачность, непосредственное искажение и уничтожение самого себя. Результат, истина этой призрачности, со своей отрицательной стороны есть абсолютная ничтожность этого

воления, которое само по себе направлено против добра как добра и которое должно быть только абстрактным; со своей утвердительной стороны в понятии эта призрачность, совпадая, таким образом, с самой собой, есть та же самая простая всеобщность воли, которая есть добро.

Нравственность

[...]

Нравственность есть завершение объективного духа, истина субъективного и самого объективного духа. Односторонность этого последнего состоит в том, что он свою свободу имеет отчасти непосредственно в реальности, т. е. во внешнем, в вещи, отчасти в добре как некотором абстрактно-всеобщем; односторонность субъективного духа состоит в том, что он равным образом является абстрактно самоопределяющим в его внутренней единичности в отношении к всеобщему. Если эти односторонности будут сняты, то субъективная свобода, как в себе и для себя всеобщая разумная воля, имеющая в сознании единичной субъективности свое знание о себе и свой образ мыслей, а также и свою способность к деятельности и в то же время непосредственную всеобщую действительность одновременно как нравственность, - получают значение самосознующей свободы, ставшей природой.

[...]

Субстанция, знающая себя свободной, в которой абсолютное должествование есть в такой же мере и бытие, обладает действительностью как дух народа. Абстрактное разъединение этого духа есть разделение его на отдельных лиц, по отношению к самостоятельности которых он есть их внутренняя мощь и необходимость.

[...]

Образ мыслей индивидуумов есть знание о субстанции и о тождестве всех их интересов с целым; и то, что другие единичные существа взаимно знают себя только в этом тождестве и действительно существуют в нем, есть доверие — подлинный нравственный образ мыслей.

[...]

Связи единичного существа с теми отношениями, на которые обособляется субстанция, составляют его нравственные обязанности. Нравственная личность, т. е. субъективность, проникнутая субстанциальной жизнью, есть добродетель.

[...]

В отношении к субстанциальной объективности, к целому нравственной деятельности, она есть доверие, намеренная деятельность в ее интересах и способность жертвовать для нее собой. В отношении к случайности взаимоотношений с другими людьми она есть прежде всего справедливость, а затем благожелательная склонность.

[...]

Нравственный дух в своей непосредственности содержит в себе тот природный момент, что индивидуум в своей естественной всеобщности, в роде, имеет свое субстанциальное наличное бытие — отношение полов, но поднятое на степень духовного определения; единение любви и чувства взаимного доверия; дух как семья есть ощущающий дух.

[...]

Субстанциальная сокровенная близость превращает брак в нераздельный союз лиц - в моногамный брак; телесное соединение есть следствие нравственного союза.

[...]

Собственность семьи как единого лица приобретает нравственный интерес вследствие той общности, в которой по отношению к этой собственности находятся также и различные составляющие семью индивидуумы, именно вследствие имущественного приобретения, труда и заботы о будущем.

[...]

...в самом акте заключения брака уже заложенная нравственность реализуется затем во втором духовном рождении детей - в воспитании, делающем их самостоятельными лицами.

[...]

Благодаря этой самостоятельности дети выходят из конкретной жизненности семьи, к которой они первоначально принадлежат, они начинают существовать для себя, но предназначены к тому, чтобы основать новую, столь же действительную семью. К своему распаду брак приходит по существу вследствие естественного момента, который в нем содержится, - смерти супругов; однако и близость отношений в качестве только ощущающей субстанциональности сама по себе подвержена случаю и преходяща. Соответственно этой случайности члены семьи становятся друг к другу в отношении юридических лиц, и вследствие этого в союз этот впервые проникают правовые отношения, чуждые ему самому по себе.

[...]

Субстанция, в качестве духа абстрактно обособляющаяся на множество лиц (семья есть только одно лицо), на семьи или на отдельных людей, существующих в самостоятельной свободе и в качестве особенных для себя, сначала утрачивает свое нравственное определение, поскольку эти лица как таковые не обладают абсолютным единством, но имеют свою собственную особенность и свое для-себя-бытие в своем сознании и для своей цели, - система атомистики. Субстанция превращается, таким образом, лишь в некоторую всеобщую связь, опосредствующую самостоятельные крайности и их особые интересы. Развитая в себе тотальность этой связи есть государство в качестве гражданского общества, или в качестве

внешнего государства.

Артур Шопенгауэр
(1788 – 1860 гг.)

Печатается по: А. Шопенгауэр / Идеи этики // Шопенгауэр А.
Избранные произведения. – М., 1993.

[...]

Если исследования по вопросам нравственности несравненно важнее, чем работы естественнонаучного характера и вообще все другие, то объясняется это тем, что они почти непосредственно касаются вещи в себе, т. е. того проявления последней, в котором она, непосредственно озаренная светом познания, раскрывает свою сущность как волю. Истины же физического порядка всецело остаются в сфере представления, т. е. явления, и показывают только, как самые низкие проявления воли закономерно выражаются в представлении. Далее, изучение мира с его физической стороны, как бы далеко и как бы удачно ни шло оно вперед, по своим результатам всегда будет для нас безотраднo: утешения можем мы искать только в моральной стороне мира, потому что здесь для наблюдения разверзаются глубины нашего собственного внутреннего существа.

[...]

...сущностью человека служит его собственная воля и...он, следовательно, в строжайшем смысле слова, является своим собственным произведением, - только в этом случае его поступки действительно составляют всецело его поступки и могут быть ему вменяемы. Если же он имеет другой источник или является произведением какого-то отличного от него существа, то всякая вина его падает на этот источник или на этого зачинателя.

[...]

Если мир—проявление божества, то все, что делает человек и даже животное, одинаково божественно и прекрасно: ничто не заслуживает упрека, ничто сравнительно с другим не заслуживает похвалы: иными словами - нет никакой этики.

[...]

Не о поведении и его результате трактует этика, а только о волеии; самое же воление всегда совершается только в индивидууме. Не судьба народов, которая существует только в явлении, а судьба отдельной личности – вот что находит себе моральное определение. Собственно говоря, народы – простые абстракции; действительно существуют одни только индивидуумы.

[...]

Движущая и творческая сила в природе тождественна с живущей в нас волей. Вследствие этого нравственный миропорядок действительно вступает в непосредственную связь с той силой, которая создает феномен мира. Ибо характер воли и ее проявление строго соответствуют друг другу: на этом зиждется описанная мною... вечная справедливость; и мир, хотя он и держится собственной силой, получает через это некоторое моральное направление.

[...]

...есть такая граница, до которой человеческое размышление все-таки может проникнуть и в этих пределах рассеять ночь нашего бытия, хотя горизонт навсегда и останется темным. Этой границы достигает мое учение в своем принципе воли к жизни,- воли, которая в своем собственном проявлении либо утверждает, либо отвергает себя.

[...]

Влечение — это всякая более или менее сильная восприимчивость воли к мотивам известного рода. Страсть - это столь сильное влечение, что возбуждающие его мотивы приобретают над волей такую власть, которая сильнее, чем власть всякого другого, противодействующего им мотива; оттого их господство над волей становится абсолютным, и воля сохраняет к ним пассивное, страдательное отношение. При этом необходимо, однако, заметить, что страсти редко достигают такой степени, которая бы вполне отвечала данной теперь дефиниции, -гораздо чаще они слывут под именем страсти только оттого, что приближаются к ней; и в этих последних случаях все-таки имеются еще противодействующие мотивы, которые всегда могут парализовать влияние страсти, если только они вполне ясно проникают в мое сознание. Аффект — это столь же неодолимое, но только переходящее возбуждение воли, обусловленное таким мотивом, сила которого зиждется не на каком-нибудь глубоком влечении, а только на том, что, внезапно зародившись, он для данного момента исключает противодействие всех других мотивов и является таким представлением, которое, благодаря своей необычайной живости, совершенно затемняет другие представления или как бы заслоняет их своей слишком большой близостью, так что они не могут проникнуть в сознание и воздействовать на волю, почему способность оценки, а с нею и интеллектуальная свобода, до известной степени подавляется.

[...]

...нравственное раскаяние обуславливается тем, что до совершения поступка влечение к нему не оставляет интеллекту свободной арены и не дает ему отчетливо и в совершенстве рассмотреть противодействующие мотивы, а, наоборот, все время навязывает ему именно такие мотивы, которые к этому поступку склоняют. Когда же последний совершится, эти настоятельные мотивы самым поступком нейтрализуются, т.е. теряют свою

силу. И вот теперь действительность показывает интеллекту противоположные мотивы, ввиду наступивших уже результатов поступка, и интеллект узнает теперь, что они оказались бы сильнее своих соперников, если бы он только надлежащим образом рассмотрел и взвесил их. Человек убеждается таким образом, что он сделал нечто такое, что собственно не соответствует его воле: это сознание и есть раскаяние. Он поступал прежде не с полной интеллектуальной свободой, потому что не все мотивы достигли тогда действительной силы. То, что подавило мотивы, противодействовавшие поступку, это, если последний был поспешен, - аффект, - если он был обдуман, - страсть.

[...]

Противоположное страстности благоразумие характера, сдержанность, заключается собственно в том, что воле никогда не осилить интеллекта настолько, чтобы помешать ему в правильном исполнении его функции, т. е. в отчетливом, законченном и ясном предъявлении мотивов, абстрактно—для разума, конкретно—для фантазии. Эта власть интеллекта может иметь своей причиной либо умеренность и уступчивость воли, либо силу самого интеллекта, Необходимо только то, чтобы последний был достаточно силен относительно, т. е. по сравнению с данной волей; другими словами, необходимо, чтобы интеллект и воля наводились между собою в надлежащем соотношении.

[...]

...изначальность и неизменность прирожденного характера, из которого вытекает моральная ценность нашей жизненной работы. Это - несомненный фактор.

[...]

... невероятно велико прирожденное различие между человеком и человеком, как в моральном, так и в интеллектуальном отношениях. Здесь — благородство и мудрость, там — злоба и глупость. Глаза одного светятся добротою сердца, или же печать гения царит на его челе. Низменная физиономия другого носит на себе черты моральной негодности и интеллектуальной тупости, неистребимо и неоспоримо запечатленные руками самой природы, - и человек имеет такой вид, точно он должен стыдиться своего собственного существования. И этой внешности соответствует и внутреннее содержание человека, Невозможно допустить, чтобы такие черты различия, которые изменяют всю сущность человека и ничем не могут быть устранены, которые, далее, в конфликте с обстоятельствами определяют все течение его жизненного пути,— невозможно, говорю я, допустить, чтобы такие черты различия были присущи их носителю безо всякой вины или заслуги с его стороны и являлись делом простого случая. Уже отсюда явствует, что человек в известном смысле должен быть своим собственным произведением.

[...]

...с другой стороны, источник этих различий мы можем эмпирически указать в свойствах родителей каждого данного субъекта; к тому же самая встреча и союз этих родителей, очевидно, являются результатом в высшей степени случайных обстоятельств. Такие соображения неодолимо приводят нас к сознанию разницы между явлением и внутренней сущностью вещей.

[...]

Только через посредство форм явления раскрывается вещь в себе: поэтому, что вытекает из последней, должно все-таки принимать эти формы, а значит, и вступать в цепь причинности. Вот почему отраженная в явлении вещь в себе и то, что из нее вытекает, представляются в наших глазах делом какого-то непостижимого и таинственного для нас хода вещей, которого простым орудием служит внешняя, эмпирическая связь, где, однако, все, что совершается, имеет свои причины, т. е. наступает необходимо и определяется извне; между тем как истинная причина этого закономерного течения вещей коренится внутри той сущности, которая выступает в этой форме явления.

[...]

Всякий индивидуум, обращая свои взоры внутрь себя, узнает в своем существе, которое представляет собою его волю, - вещь в себе, т. е. то, что повсюду служит единственной реальностью. Вот почему он признает в себе ядро и средоточие мира, и он считает себя бесконечно важным. Когда же он обращает свои взоры во вне, то он оказывается в сфере представления, простого явления, и там он видит себя индивидуумом среди бесконечного множества других индивидуумов, - он видит себя чем-то совершенно незначительным, совершенно ничтожным.

[...]

Вот на этом, значит, и основывается великая разница между тем, чем каждый необходимо является в своих собственных глазах, и тем, чем он является в глазах всех других, - иными словами, на этом основывается тот эгоизм, в котором каждый упрекает каждого.

В силу этого эгоизма основной ошибкой всех нас является то, что мы друг для друга составляем не-я. А быть честным, благородным, человеколюбивым - это значит не что иное, как претворять в действие мою метафизику.

[...]

... из непосредственного и интуитивного сознания метафизической тождественности всех существ проистекает всякая истинная добродетель. Но отсюда еще не следует, чтобы она была результатом какой-нибудь особенной силы интеллекта: напротив, достаточно самого слабого рассудка, для того чтобы прозреть в принцип индивидуации, - ведь именно в этом и заключается добродетель. Вот почему самый прекрасный характер можно

встретить в сочетании даже с очень слабым интеллектом, и для того чтобы пробудилось наше сострадание, нет нужды в каком-либо напряжении со стороны нашего ума. Наоборот, требуемое прозрение в принцип индивидуации могло бы осуществляться в каждом человеке, если бы этому не противилась воля его, которая в силу своего непосредственного, тайного и деспотического влияния на интеллект, по большей части, мешает этому прозрению, так что в конечном счете вина падает на волю, как это естественно.

[...]

...учение о метемпсихозе только тем отстupaег от истины, что оно переносит в будущее то, что существует уже теперь. Оно гласит, что моя внутренняя сущность будет жить в других только после моей смерти, между тем как на самом деле она живет в них уже и теперь.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс
(1818-1883 гг.) (1820-1895 гг.)

Печатается по: К.Маркс, Ф. Энгельс Святое семейство или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. –Соч., 2-е изд, т. 2.

[...]

Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т.д. - и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого из этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал все человеческое, чтобы познавал себя как человек. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле, т.е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступлений и предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений. Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то

он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества.

Печатается по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд, т.4.

[...]

...вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, - одним словом, их сознание...

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условия жизни идет и разложение старых идей.

[...]

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительских идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом беспрерывном изменении».

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т.д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религии, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествующему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех доныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другой является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчез-

новением противоположностей классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого...

Людвиг Фейербах
(1804 – 1872 гг.)

Печатается по: Людвиг Фейербах. Избранные
Философские произведения. Т.1. –М.,1955.

[...]

То, что живет, - любит, хотя бы только себя и свою жизнь; хочет жить, потому что оно живет; хочет быть, потому что оно есть; но, заметьте, хочет быть только здоровым и счастливым, ибо только счастливое бытие есть бытие с точки зрения живого, ощущающего, желающего существа, только оно является желанным, любимым бытием. То, что хочет, хочет только того, что для него полезно, благотворно, хорошо, что причиняет ему добро и не причиняет зла, что сохраняет его жизнь и способствует ей, а не ограничивает и не разрушает ее, что не противно, а соответственно чувству, короче - того, что делает его счастливым, не несчастным и не жалким, если, впрочем, конечно, между волей и предметом воли не появляются, как у человека, иллюзия, обман, ошибка, извращенность. Больше того, просто желание и желание, делающее счастливым, следовательно, желание быть счастливым, неотделимы друг от друга, представляют собой по существу одно и то же, если принять во внимание первоначальное и неизвращенное, естественное назначение и естественное проявление воли. Воля - это стремление к счастью.

Гусеница, после долгих неудачных поисков и напряженного странствования, успокаивается, наконец, на желанном растении, соответствующем ей. Что привело ее в движение, что побудило ее к этому трудному странствованию? Что заставило ее мускулы неперемежно сжиматься и разжиматься? Только воля, только боязнь не захиреть, и не истомиться от голода самым жалким образом или, точнее говоря, только любовь к жизни, стремление к самосохранению; стремление к счастью.

Стремление к счастью - это основное, первоначальное стремление всего того, что живет и любит, что существует и хочет существовать, что дышит и что не воспринимает в себя с «абсолютным безразличием» углекислоту и азот вместо кислорода, мертвящий воздух вместо живительного.

Но счастье [...] есть не что иное, как здоровое, нормальное состояние какого-нибудь существа, состояние хорошего здоровья, или благополучия;

такое состояние, при котором существо может беспрепятственно удовлетворять и действительно удовлетворяет его индивидуальным, характерным потребностям и стремлениям, относящимся, к его сущности и к его жизни. Если существо не может удовлетворить свое стремление, будь оно каким угодно, хотя бы. только индивидуализирующим и выделяющим его сущность из ряда других, оно становится недовольным, мрачным, печальным и несчастным, как, например, елот в тех случаях, когда он не имеет достаточно воды, чтобы удовлетворить выделяющее его стремление. к чистоте, хотя бы ни в чем он не чувствовал недостатка.

[...]

«Совесть — это alter ego, другое Я в Я,» - говорю я в своей «Теогонии», - а в моей последней работе о совести говорится следующее: «Я - вне меня, чувственное Ты - вот происхождение «сверхчувственной» совести во мне. Моя совесть есть не что иное, как мое собственное Я, ставящее себя на место ущербленного Ты; не что иное, как заместитель счастья другого человека, на основе и по повелению собственного стремления к счастью». Что это значит - другое Я в Я? Ведь не другое же Я целиком, с телом и костями, что, впрочем, для понимающих разумеется само собой, а лишь представляемое Я, которое я близко принимаю к сердцу, короче - образ другого, удерживающий меня от того, чтобы причинить ему зло, или мучающий и преследующий меня, если я уже причинил ему зло.

Поэтому совесть теснейшим образом связана с состраданием и поκειται на ощущении или на убеждении в истинности положения: не делай другим того, чего ты не желал бы, чтобы тебе делали другие. Больше того, она есть не что иное, как сострадание, но обостренное сознанием того, что оно есть виновник страдания. Тот, кто не имеет стремления к счастью, не знает и не чувствует, что такое несчастье, следовательно, не имеет никакого сострадания к несчастным; а кто не ощущает удвоенного, обострившегося и увеличившегося сострадания в том случае, если он сознает, что сделал другого несчастным, тот не имеет совести. Только потому, что я на основе собственного стремления к счастью сознаю, что я бы очень злился на другого, если бы он причинил мне то зло, которое я причинил ему, только потому я признаюсь, когда я начинаю обдумывать и размышлять над своим действием, что я поступил несправедливо, что я имею все основания очень злиться на самого себя, не позволять себе больше никакого удовлетворения собственного стремления к счастью, ибо безумным и преступным образом причинил вред справедливому стремлению другого человека к счастью.

Post factum poentitet actum: только после действия просыпается и возникает совесть; но это действие не доброе, а злое, следовательно, только после злого действия просыпается нечистая совесть. А только о таковой и может идти речь, если находить, что совесть стоит в противоречии со стремлением к счастью: ибо чистая совесть, которая делает человека

счастливым, гармонирует и согласуется с последним, что разумеется само собой. И действительно, только нечистая совесть является источником совести или первоначальной, природной, неподдельной, подлинной и истинной совестью, достойной этого имени. Чтобы узнать в точности, что такое совесть, не нужно обращаться за советами к произведениям наших теологов и философов морали, у которых речь идет о заблуждающейся, сомнительной, о вероятной и, бог знает, еще о скольких других теоретических и проблематических совестях; нужно хватать и ловить совесть, как вообще и все вещи, которые не являются чувственными предметами, там, где она выступает из области чистого мышления, сомнения, мнения, то есть как раз из области блуждающей, сомнительной совести, там, где она из объекта логики становится патологическим объектом, становится в образе эрихий или фурий предметом ощущения и созерцания, следовательно, несомненным, бесспорным чувственно достоверным фактом, столь же чувственно достоверным, как *corpus delicti* (вещественное доказательство), которое стоит вот здесь, перед моими глазами, как чувственное доказательство моего злодеяния. Но эта совесть есть только нечистая совесть. А нечистая совесть - это только ущербленное стремление к счастью другого человека, скрывающееся в глубине моего собственного стремления к счастью. То, что я причинил другому, то самое вместо него я причиняю себе; то, что я не признавал в согласии и в мире с ним и самим собою, а именно, что существует только общее счастье, - то самое я признаю теперь обратным образом, в разладе и во вражде с самим собою. Так мстит мне за себя ущербленный другой; в своих муках совести я привожу в исполнение только из симпатии, только из сочувствия и сострадания, - увы, проснувшихся только после действия, - приговор, который он вынес мне, своему обидчику; осуществляю проклятие, которое он посылал мне из своего глубоко раненного сердца, может быть, одновременно со своим последним вздохом. «Уберите от меня мужиков, они не перестают пугать и мучить меня», - так вздыхал «вюртембергекий Альба» на своем смертном одре. «Освободите меня от удушенной невестки с ее ребенком, которые не отстают от меня и преследуют меня день и ночь!» «Группы преследовали меня, угрожая мне во сне». Так обнаруживали себя обыкновенные убийцы, преступники, так обнаруживает себя вообще совесть, одна только являющаяся предметом трагической поэзии и философии.

Голос моей совести не самостоятельный голос, это не голос, раздающийся из голубого эфира неба или чудесным путем самозарождения возникший из самого себя; он лишь эхо болезненного крика человека, ущербленного мной, и обвинительного приговора человека, который, обижая другого, обижает самого себя. Ибо, как принадлежащий к этой общине, как член этого племени, этого народа, этой эпохи, я не обладаю в своей совести никаким особенным и другим уголовным уставом, кроме другого чело-

века вне меня. Я упрекаю себя только в том, в чем упрекает меня другой, словами или кулаком, или по крайней мере мог бы упрекать меня, если бы он знал о моих поступках или сам стал объектом действия, заслуживающего упреки.

Совість ведед свое происхождение от знания или связана со знанием, но она обозначает не знание вообще, а особый отдел или род знания - то знание, которое относится к нашему моральному поведению и нашим добрым или злым настроениям и поступкам. Различие этого знания от знания вообще или чистого знания отмечено даже уже в языке, как правильно заметили наши теологи и философы морали. Но хотя они и не придавали особенного веса значению немецкой приставки *ge* (*ge-wissen*), она как раз обозначает то же самое, что приставка *syn* в греческом *synekdosis*, то же, что и *con* в латинском *conscientia*, то же, что немецкая приставка *mit*. Совість - значит совместно ведадь, знать (*Gewissen ist Mitwissen*). Образ другого настолько вплетен в мое самосознание, в образ меня самого, что даже выражение самого своеобразного, самого внутреннего, что только есть во мне, - совість, есть выражение социализма, общности; что я даже в самых тайных и сокровенных уголках своего дома, своего Я, не могу сосредоточиться и прятаться, не свидетельствуя одновременно о существовании другого человека вне меня. Если даже нет никакого свидетеля, никакого соучастника (ибо единственного свидетеля, который мог бы уличить меня в злодеянии, уже больше нет в живых, а его труп брошен мною в море или сожжен), то все же у меня есть соучастник, есть свидетель, возможный предатель и обвинитель во мне самом. Знание (*Wissen*) - это просто свет освещающий; совість же (*Gewissen*) - это жгучий, конденсированный свет; это злое, чувствительное знание, знание, ограниченное сознанием моего злодеяния, сознанием, которое я охотно бы уничтожил, но которое невозможно уничтожить. Ограничение - это сужение, сжатие. Совість, именно нечистая совість, - это стесненное, насильственно сдержанное, сжатое знание. То, чего не знает никто, но что все хотели бы знать и должны были бы знать, потому что тогда они знали бы, что я за злодей и чего нужно ожидать от меня в крайнем случае, то знаю я, один только я - виновник, - и все же таки я не могу сказать этого. Какая тяжесть! Какое противоречие с потребностью общаться, со стремлением высказать то, что знаешь и думаешь! Но если даже к мукам совести и не присоединяется мучение молчания, насильственного сдерживания и боязни предать самого себя, если даже совершенное преступление не является ни для кого тайной, то все же первоначальной признак и клеймо совести заключается в том, что она в отличие от обыкновенного дневного света знания является потайным фонарем собственного злого действия и характера. Иметь совість первоначально значит: иметь нечистую совість. Тот, кто из своих злодеяний ничего не извлекает, кто имеет о них только теоретическое или историческое знание,

как о каких-нибудь других безразличных действиях и происшествиях, стало быть, не имеет нечистой совести или даже совсем ее не имеет, тот является нравственным чудовищем. И, наоборот, то, что у меня чистая совесть не значит первоначально ничего иного, кроме того, что я не чувствую за собой никакой вины, не знаю за собой никакого злого поступка, никакого действия, которое должно было бы бояться дневного света.

Нужно различать совесть, предшествующую действию, совесть, сопровождающую его, и совесть, следующую за ним. Но, как уже сказано, только последняя заслуживает этого имени. Ибо перед действием и во время его человек видит только свой интерес, только удовлетворение своей страсти, своего вожделения, но только после совершения действия он приходит к обдумыванию, к познанию, к нравственной критике.

[...]

Добродетель, долг не находятся в противоречии с собственным счастьем; они находятся в противоречии только с тем счастьем, которое хочет быть счастливым за счет других, на их несчастье. Добродетель - это собственное счастье, которое, однако, чувствует себя счастливым только в связи с чужим счастьем.

Серен Кьеркегор **(1813 – 1855 гг.)**

Печатается по: Сёрен Киркегор. Наслаждение и долг. –Киев, 1994.

[...]

Есть насекомые, умирающие вслед за оплодотворением. Так и наши радости: момент самого полного наслаждения — и их уже нет!

[...]

Кроме многочисленных знакомых, у меня есть один друг-грусть. Среди шумного веселья и в часы усердной работ он вдруг отзывает меня, увлекает в свое уединение, и я иду за ним, хотя, в сущности, и не двигаюсь с места. Никогда сердце мое не имело более верного друга - мудрено ли, что г принадлежу ему всем сердцем!

[...]

Как однако, скука... ужасно скучна! Более верного и более сильного определения я не знаю: равное выражается лишь равным. Если бы нашлось выражение более сильное, оно бы нарушило эту всеподавляющую косность. Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу - везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю. [...] Я медленно умираю. Что может развлечь меня? Вот если бы я увидел верность, восторжествовавшую над всеми испытаниями, увлечение, все преодолевшее, веру, двигающую горы, если бы я видел торжество мысли, примиряющее

конечное с бесконечным... Но ядовитое сомнение разрушает все. Моя душа подобна Мертвому морю, через которое не перелететь ни одной птице, - достигнув середины, она бессильно падает в объятия смерти.

[...]

Удивительно! С каким страхом цепляется человек за свою жизнь, одинаково боясь и утратить ее, и удержать за собою. Иногда мне приходит мысль сделать решительный шаг, перед которым все мои прежние эксперименты окажутся детской забавой: хочу пуститься в неведомый путь великих открытий. Кораблю, спускаемому с верфи в море, салютуют выстрелами, так же хотел бы я отсалютовать и себе самому. А между тем... Мужества, что ли не хватает у меня? Хотя бы кирпич свалился мне на голову и пришиб меня до смерти, - все был бы исход!

[...]

Моя печаль — моя крепость; она расположена на вершине горного хребта среди облаков, как гнездо орла; никто не может овладеть ею. Оттуда я делаю набег в действительную жизнь, хватаю добычу, приношу домой и тку из нее картину для украшения стен моей башни. Я живу там отшельником. Все пережитое я погружаю в купель забвения вечных воспоминаний; все конечное забыто и стерто. Я, как седой старик, сижу здесь в глубокой задумчивости и тихо, почти шепотом, объясняю себе картины. Меня слушает ребенок, хотя он и помнит все сам без моих рассказов.

[...]

Двери счастья отворяются, к сожалению, не внутрь - тогда их можно было бы растворить бурным напором, - а изнутри, и потому ничего не поделаешь!

[...]

Мой взгляд на жизнь лишен всякого смысла, - мне кажется, что какой-то злой дух надел мне на нос очки, одно стекло которых увеличивает все до чудовищных размеров, а другое до такой же степени уменьшает.

[...]

В чем вообще смысл жизни? - Людей, собственно, можно разделить на два класса: один должен работать, чтобы поддержать жизнь, другой не нуждается в этом. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обусловливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого иного смысла, кроме потребления готовых условий. Сказать же, что смысл жизни в смерти -вновь, кажется, противоречие...

[...]

Да, я не господин своей судьбы, а лишь нить, вплетенная в общую ткань жизни! Но если я и не могу ткать сам, то могу обрезать нить.

[...]

Я думаю, что запутывая, вводя в заблуждения других, он кончит тем, что запутается окончательно и сам. Ведь если возмутительно направить заблудившегося путника на неверную дорогу и покинуть его там, то во сколько же раз возмутительнее ввести человека в заблуждение уже не относительно внешних явлений, а относительно его самого? Заблудившийся путник имеет по крайней мере надежду как-нибудь выбраться: местность перед ним меняется, и каждое новое изменение порождает новую надежду. Но человек, заблудившийся в самом себе, скоро замечает, что попал в какой-то круговорот, из которого нет выхода; мысли и чувства в нем мешаются, и он в отчаянии перестает, наконец, сам понимать себя. Однако и это все - ничто в сравнении с положением самого хитреца, потерявшего в конце концов нить и запутавшегося в собственном лабиринте. Совесть его пробуждается, и он тщетно призывает на помощь свое остроумие. Как поднятая лисица, мечется он в своей норе, ища одного из бесчисленных выходов, оставленных на всякий случай; вот ему мерещится издалека луч дневного света, он кидается туда и что же? - Это лишь новый вход! Вместо того, чтобы выбраться, он таким образом постоянно возвращается в себя самого. Такого человека нельзя назвать вполне преступным, - он сам был обманут своими интригами; но тем ужаснее его наказание.

[...]

В самих отношениях между мужчиной и женщиной, с момента ее освобождения его любовью, кроется, однако, глубокая ирония. То, что существует лишь для другого, получает вдруг преобладающее значение: мужчина признается в любви - женщина выбирает; женщина по самому существу своему есть лицо побежденное, мужчина же - победитель, и тем не менее победитель преклоняется пред побежденной.

[...]

Поверь мне, что спасение идет все-таки от женщины, как нравственная порча от мужчин. Я семьянин и потому, может быть, пристрастен, но я глубоко убежден, что если женщина и погубила человека однажды, то с тех пор и не перестает честно и ревностно искупать свою вину, так что из 100 заблудших мужчин 99 спасаются благодаря женщине, и лишь один - непосредственно Высшей Благодатью.

[...]

Возвращусь теперь к значению выбора. Выбирая абсолют, я выбираю отчаяние, выбирая отчаяние, я выбираю абсолют, потому что абсолют - это я сам; я сам полагаю начало абсолюту, т.е. сам выражаю собою абсолют; иначе говоря: выбирая абсолют, я выбираю себя; полагая начало абсолюту, я полагаю начало себе. Если я забуду, что второе выражение столь же абсолютно, как и первое, то мое положение о значении выбора будет неверным, так как верность его зависит именно от тождественности обоих выражений. Выбирая, я не полагаю начала тому, что выбрал, я не выбрал бы его

в истинном смысле слова. Предмет выбора существует прежде, чем я приступаю к выбору, иначе мне не на чем было бы остановить свой выбор, и в то же время этого предмета не существует, но он начинает существовать с момента выбора, иначе мой выбор был бы иллюзией.

Но что же я собственно выбираю? Я выбираю абсолют. Что же такое абсолют? Это я сам, в своем вечном значении человека; ничто другое и не может быть абсолютным предметом выбора. А что такое мое «сам» или мое «я»? Если речь идет о первом появлении этого понятия, то первым выражением для него будет самое абстрактное и вместе с тем самое конкретное из всего - свобода. Чтобы пояснить сказанное, позволь мне поделиться здесь с тобой одним наблюдением. Часто можно слышать, как люди, недовольные жизнью, отводят душу, высказывая различные желания; некоторые из этих желаний совершенно случайны и ничего не объясняют, потому пропустим их и остановимся на следующих: «будь у меня ум такого-то человека, талант такого-то» и т.п. или, чтобы взять самое крайнее желание: «будь у меня твердость характера такого-то»... Подобные пожелания можно услышать на каждом шагу, но слышал ли ты когда-нибудь, чтобы человек серьезно пожелал стать другим человеком? Напротив, эти «неудачники» тем-то и отличаются, что крепко-накрепко держатся за самих себя, за свое «я» и, несмотря на все свои страдания, ни за что на свете не желали бы превратиться в других людей. Подобные люди, в сущности, довольно близки к истине, они точно чувствуют, что вечное значение личности познается не в благоденствии, а в страданиях: отсюда их бессознательное довольство своим положением, выражающееся в том, что они предпочитают оставаться самими собою, сохранить свое «я» при всяких обстоятельствах. Высказывая различные пожелания, они полагают остаться по-прежнему самими собою, как бы ни было велико имеющее произойти с ними, по их желанию, изменение; >иначе говоря, они, смотрят на свое «я» как на абсолют, не зависимый ни от каких изменений внутренних и внешних условий. Впоследствии я выясню заблуждение, в котором находятся подобные люди, теперь же остановлюсь только на абстрактном определении этого «я», делающего человека тем, что он есть. Как уже сказано, это - свобода. Исходя из этой точки зрения, можно дойти до самого убедительного доказательства вечного значения личности; ведь самоубийца, и тот, в сущности, не желает избавиться от своего «я» - он только желает найти иную форму для этого «я»; поэтому вполне и возможно встретить между самоубийцами людей, как нельзя более верующих в бессмертие души и решающихся на самоубийство лишь вследствие того, что они думают этим шагом выйти из своего запутанного земного положения и найти высшую абсолютную форму для своего духа.

Причиной того, что человек полагает сохранить своё «я» во всей неприкосновенности, несмотря ни на какие изменения в нем, другими сло-

вами, смотрит на самую сущность своей души как на какую-то алгебраическую величину, которая может означать что угодно - является то, что человек вообще находится в ложном положении и не имеет надлежащего понятия о своем «я». И тем не менее в самом недомыслии такого человека все-таки мелькает сознание вечного значения личности. Тот же, кто принял верное положение и выбрал себя самого в абсолютном смысле, будет воистину смотреть на свое «я» как на абсолют, - он ведь выбрал себя самого, а не другого. Выбираемое им «я» бесконечно конкретно, потому что это «я» — он сам, и все-таки оно абсолютно отличается от его прежнего «я», так как теперь он выбрал его абсолютно. Этого «я» не было прежде, оно явилось лишь с выбором, и в то же время оно было, потому что ведь это — он сам.

Выбор имеет, таким образом, двоякий и противоречивый смысл: с одной стороны, выбираемое не существовало раньше, т.к. является лишь с выбором, а с другой стороны, выбираемое существовало, иначе нечего было бы и выбирать. Если бы выбираемое не существовало, но становилось абсолютным лишь благодаря выбору, то я не выбирал бы, а творил, но я не творю, а лишь выбираю самого себя. Поэтому, как вся природа создана из ничего, так и я сам, как непосредственная личность, создан из ничего; как олицетворение же свободного духа я начинаю существовать лишь благодаря принципу противоположности, т.е. выбору своего «я».

Выбрав свое «я», человек открывает, что это «я» вмещает в себе бесконечное многообразие: это «я» имеет свою историю, тождественную с историей самого человека. Каждый человек имеет свою историю, отличающуюся от всех других, т.к. она складывается из совокупности его отношений ко всем другим людям и ко всему человечеству; в такой истории может быть много горестного, и все же только благодаря ей человек является тем, что он есть. Для того, чтобы решиться выбрать себя самого, нужно обладать мужеством: выбор только, по-видимому, способствует наибольшему обособлению человеческой личности, на самом же деле благодаря выбору человек еще крепче срастается с корнем, на котором рядом с ним держится и все человечество. Вот эта-то мысль и страшит человека; тем не менее другого исхода, кроме выбора, для него нет, влечение к свободе заставляет его выбрать себя самого и бороться за обладание выбранным, как за спасение души, - в этом и есть спасение его души! - и в то же время он не может отказаться ни от чего, даже самого горького и тяжелого, лежащего на нем как отпрыске того же грешного человечества; выражением же этой борьбы за обладание является - раскаяние. Раскаиваясь, человек мысленно перебирает все свое прошлое, затем прошлое своей семьи, рода, человечества и наконец доходит до первоисточника, до самого Бога, и тут-то обретает самого себя.

[...]

Выбор сделан, и человек обрел себя самого, овладел самим собой, т.е. стал свободной, сознательной личностью, которой и открывается абсолютное различие - или познание - добра и зла. Пока человек не выбрал себя самого, различие это скрыто от него. Каким образом вообще познается различие между добром и злом? Посредством мышления? - Нет. В процессе мышления я всецело подчиняюсь принципу необходимости, вследствие чего добро и зло становятся для меня как бы безразличными. В самом деле, пусть предметом мышления будет самое абстрактное или самое конкретное понятие, ты никогда не будешь руководиться в своем мышлении принципом добра и зла; пусть даже предметом мышления будет всемирная история, твое мышление будет руководствоваться исключительно принципом необходимости, принцип же добра и зла будет здесь ни при чем. Предметами мышления могут быть всевозможные относительные различия, но не абсолют. Поэтому я охотно признаю за философами право утверждать, что для их мысли не может существовать абсолютной, т.е. непримиримой противоположности. Из этого, однако, не следует, чтобы таковой не существовало вовсе. В процессе мышления я также познаю себя в своем бесконечном, но не в абсолютном значении, так как я исчезаю в абсолют; только абсолютно выбирая себя самого, я познаю себя самого в своем абсолютном и бесконечном значении; я сам - абсолют, и только самого себя я могу выбрать абсолютно, вследствие чего и становлюсь свободной, сознательной личностью, и вследствие чего мне открывается абсолютное различие добра и зла.

Чтобы уяснить момент самоопределения в мышлении, философы говорят: абсолют проявляется тем, что я мыслю о нем; но они сами понимают, что в данном случае дело идет о свободном мышлении, а не о построенном на принципе необходимости, как столь восхваляемое ими, а потому подносят взамен первого другое выражение: мое мышление об абсолютном - самомышление абсолютного во мне. Последнее выражение далеко не тождественно с первым, но само по себе очень многозначительно. Мое мышление именно момент абсолютного, и это-то и доказывает, что мое мышление держится на принципе необходимости, и что абсолют проявляется в силу необходимости. Не то относительно добра. Добро проявляется тем, что я хочу его, иначе оно и существовать не может. Добро обуславливается, следовательно, свободой. Зло точно так же является только потому, что я хочу его. Этим значение добра и зла, однако, несколько не умаляется, и они не низводятся до степени чисто субъективных понятий. Напротив, добро существует само по себе и для себя и обуславливается существующей также самой по себе и для себя свободой.

Может показаться странным, что я употребил выражение «выбрать себя самого в абсолютном смысле», - можно придать этому такое значение, что я выбираю и добро и зло вместе или говорю, что и то и другое является

во мне одинаково существенными началами. Для уничтожения этого недоразумения я в свое время сказал, что человек должен раскаиваться во всем и за всех, и в своих грехах, и в грехах предков, и всего человечества. Раскаяние выражает в одно и то же время, что зло и является и не является во мне существенным началом; если бы оно не являлось во мне существенным началом, то я не мог бы и выбрать его, но если бы во мне было хоть что-нибудь, чего я не мог выбрать абсолютно, то я бы и вообще не мог выбрать себя самого в абсолютном смысле и сам не был бы абсолютом.

[...]

Дружба людей должна основываться на солидарности мировоззрений и не может поэтому уничтожаться даже со смертью: умерший друг будет по-прежнему жить в сердце другого, как светлый и идеальный образ. Стоит же нарушиться этой солидарности еще при жизни, и дружба уничтожается, несмотря ни на что. Тот, кто смотрит на дружбу с этической точки зрения, смотрит на нее поэтому как на долг. На этом основании я мог бы сказать, что долг каждого человека- иметь друга. Тем не менее, я предпочту другое выражение, которое яснее указывает на этическое значение дружбы, [...] а также ярче оттеняет разницу между этическим и эстетическим отношением к жизни: "Долг каждого человека иметь открытую душу". Писание учит нас, что каждый человек должен умереть и предстать на суд, где откроются не только все его дела, но и все помыслы. Этика же учит, что все значения действительной жизни сводится к тому, чтобы человек всегда был готов раскрыть свою душу перед всем миром; если же он будет жить иначе. Грядущее разоблачение сокровенного будет для него истинной карой.

[...]

Этическое начало сообщает жизни человека внутренний мир, устойчивость и уверенность, так как человек постоянно слышит внутри себя его голос: quos petis, his est (вот оно, чего ты ищешь); этическое начало спасает душу от расслабляющей и бесплодной мечтательности и делает ее здоровой и сильной, учит человека не придавать чересчур много значения случайным явлениям жизни и чересчур верить в счастье, учит человека радоваться и в счастье (эстетик не может этого: счастье для него лишь нечто бесконечно относительное) и в несчастье.

Фридрих Ницше (1844-1900 гг.)

Печатается по: Ф.Ницше Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов // Ницше Ф. Злая мудрость. – М., 1993.

[...]

Сверх-зверь. Зверь в нас должен быть обманут; мораль есть вынуж-

денная ложь, без которой он растерзал бы нас. Без заблуждений, которые лежат в основе моральных допущений, человек остался бы зверем. Теперь же он признал себя чем-то высшим и поставил над собой строгие законы. Поэтому он ненавидит более близкие к зверству ступени; этим объяснимо господствовавшее некогда презрение к рабу, как к нечеловеку, как к вещи.

[...]

Сострадание сильнее страдания. Бывают случаи, когда сострадание сильнее, чем настоящее страдание. Мы ощущаем, например, более болезненно, когда кто-либо из наших друзей провинится в чем-нибудь позорном, чем когда это случается с нами самими. Дело в том, что, прежде всего, мы больше верим в чистоту его характера, чем он сам; далее, наша любовь к нему, вероятно, именно в силу этой веры, сильнее, чем его собственная любовь к себе. Хотя его эгоизм действительно страдает при этом больше, чем наш эгоизм, но зато неэгоистическое в нас - это слово никогда не следует понимать в строгом смысле, а всегда лишь как условное облегчение термина - все же затрагивается его виной сильнее, чем неэгоистическое в нем.

[...]

Экономия доброты. Доброта и любовь, как целебнейшие травы и силы в общении между людьми, суть столь драгоценные находки, что хотелось бы пожелать, чтобы при употреблении этих бальзамических средств люди были как можно более экономны; но это невозможно. Экономия доброты есть мечта самых дерзостных утопистов.

[...]

Злоба редка. Большинство людей слишком заняты самими собой, чтобы быть злобными.

[...]

Мечь и жажда мести. Питать мысль о мести и осуществить ее - значит испытать сильный припадок лихорадки, который, однако, проходит; но питать мысль о мести, не имея силы и мужества выполнить ее, значит носить в себе хроническую болезнь, отравление души и тела. Мораль, которая смотрит только на намерения, оценивает оба случая одинаково; обыкновенно же первый случай признают худшим (ввиду дурных последствий, который может повлечь за собой осуществление мести). Обе оценки близоруки.

[...]

Тонкость стыда. Люди не стыдятся думать что-нибудь грязное, но стыдятся, когда предполагают, что им приписывают эти грязные мысли.

[...]

Стрелка весов. Мы хвалим или порицаем, смотря по тому, дает ли нам то или другое большую возможность обнаружить блеск нашего ума.

[...]

Искусство безобразной души. Искусству ставят слишком тесные границы, если требуют, чтобы в нем имела право высказываться только упорядоченная, нравственно уравновешенная душа. Как в пластических искусствах, так и в музыке и поэзии существует искусство безобразной души наряду с искусством прекрасной души; и самые могущественные действия искусства — умение потрясать души, заставляет камни двигаться и превращать зверей в людей — быть может, лучше всего удавались именно этому роду искусства.

[...]

Заставить ждать. Верное средство рассердить людей и внушить им злые мысли — заставить их долго ждать. Это делает безнравственным.

[...]

Против доверчивых. Люди, которые дарят нам свое полное доверие, думают, что тем самым они приобретают право на наше доверие. Но это — ложное заключение: подарками не приобретаешь прав.

[...]

Тщеславие языка. Скрывает ли человек свои дурные качества и пороки или открыто признается в них — в обоих случаях его тщеславие ищет себе выгоды: обратите внимание, как он различает, перед кем ему скрывать эти качества и перед кем быть честным и откровенным.

[...]

Деликатность. Стремиться никого не огорчать и никому не наносить ущерба может быть одинаково признаком и справедливого и боязливового образа мыслей.

[...]

Сострадательные. Сострадательные натуры, всегда готовые на помощь в несчастье, редко способны одновременно и на сорадость: при счастье ближних им нечего делать, они излишни, не ощущают своего превосходства и потому легко обнаруживают неудовольствие.

[...]

Секрет друга. Мало найдется людей, которые, затрудняясь в материале для беседы, не выдали бы секретных дел своих друзей.

[...]

Стесняющийся. Люди, которые не чувствуют себя уверенными в обществе, пользуются всяким случаем, чтобы перед обществом показать на ком-либо, кто ниже их, свое превосходство, например, с помощью насмешек.

[...]

Благодарность. Тонкой душе тягостно сознавать, что кто-либо ей обязан благодарностью; грубой душе — сознавать себя обязанной кому-либо.

[...]

Шедевр предателя. Высказать против соучастника в заговоре оскорбительное подозрение, что он предает, и притом как раз в момент, когда сам совершаешь предательство, есть шедевр злобы: это доставляет личную заботу другому и вынуждает его некоторое время вести себя открыто и избегать подозрений, так что у действительного предателя развязываются руки.

[...]

Обижать и быть обиженным. Гораздо приятнее обижать и потом просить прощения, чем быть обиженным и даровать прощение. Тот, кто делает первое, дает знак своего могущества, а позднее—доброты своего характера. Обиженный, если он не хочет прослыть негуманным, должен простить; благодаря этой вынужденности наслаждение унижением обидчика невелико.

[...]

На алтарь примирения. При известных обстоятельствах от человека можно добиться чего-либо лишь тем, что его оскорбляешь и становишься во враждебное отношение к нему: это сознание, что у него есть враг, настолько мучит его, что он охотно пользуется для примирения первым признаком более мягкого настроения и жертвует на алтарь примирения то самое, что для него раньше было настолько важным, что он ни за какую цену не хотел от него отказаться.

[...]

Приманка. «Всякий человек имеет свою цену» - это неверно. Но, несомненно, для каждого найдется приманка, на которую он должен пойти. Так, чтобы расположить некоторых в пользу какого-либо дела, нужно придать этому делу блеск человеколюбия, благородства, любвеобилия, самопожертвования—а какому же делу нельзя его придать? — Это леденцы и лакомства для их души, у других есть иные приманки.

[...]

Средства озверения. В борьбе с глупостью самые справедливые и кроткие люди в конце концов делаются грубыми. Быть может, именно этим они становятся на правильный путь защиты: ибо для глупого лба но праву необходим, в виде аргумента, сжатый кулак. Но так как у них, как сказано, кроткий и справедливый характер, то это средство вынужденной самообороны причиняет им самим больше страдания, чем их противникам.

[...]

Любопытство. Если бы не существовало любопытства, люди мало делали бы для блага ближнего. Любопытство же под именем долга или страдания втирается в дом несчастного и нуждающегося. — Быть может, даже в прославленной материнской любви есть добрая доля любопытства.

[...]

Дружба и брак. Лучший друг, вероятно, получит лучшую жену, ибо

хороший брак покоится на таланте к дружбе.

[...]

Прочный брак. Брак, в котором каждый через другого хочет достигнуть определенной личной цели, хорошо сохраняется, например, когда жена хочет стать знаменитой через мужа, муж стать любимым через посредство жены.

[...]

Любить и обладать. Женщины по большей части любят значительно-го человека так, что хотят его иметь целиком для себя. Они охотно заперли бы его на замок, если бы этому не противостояло их тщеславие: последнее требует, чтобы он и другим казался выдающимся человеком.

[...]

Женщины в состоянии ненависти. В состоянии ненависти женщины опаснее мужчин: во-первых, потому, что их раз возбужденное враждебное настроение не сдерживается никакими соображениями справедливости и что их ненависть беспрепятственно нарастает до последних ее результатов, и, во-вторых, потому, что они привыкли отыскивать уязвимые места (которые имеются у каждого человека и каждой партии) и колоть в них, в чем им оказывает превосходные услуги их острый как меч, рассудок (тогда как мужчины при виде раны становятся более сдержанными и часто более великодушными и склонными к примирению).

[...]

Слишком близко. Если мы живем в слишком большой близости с другим человеком, то с нами случается то же, как когда мы постоянно трогаем пальцами хорошую гравюру: настает день, когда под руками у нас оказывается только клочок плохой, грязной бумаги. И душа человека стирается от постоянного прикосновения; по крайней мере она кажется нам стершейся — мы уже не узнаем ее первоначального рисунка и красоты.— Всегда теряешь от слишком интимного общения с женщинами и друзьями; и иногда при этом теряешь жемчужину своей жизни.

[...]

Друг. Сорадость, а не сострадание создает друга.

[...]

Зависть и ревность. Зависть и ревность суть срамные части человеческой души. Сравнение, пожалуй, может быть продолжено.

[...]

Любовь и честь. Любовь воделеет, страх избегает. Этим объясняется, что нельзя быть совместно любимым и почитаемым, по крайней мере, одновременно, для одного и того же человека. Ибо почитающий признает власть, т. е. боится ее: его состояние есть почитание, как честь, покоящаяся на страхе (Ehr-furcht). Любовь же не признает никакой власти, ничего разъединяющего, отделяющего, возвышающего и подчиняющего. И так как

любовь не почитает, то честолюбивые люди втайне или открыто восстают против того, чтобы их любили.

[...]

Возраст жизни и истина. Молодые люди любят все интересное и необычайное, все равно, истинно ли оно или ложно. Более зрелые умы любят в истине то, что в ней есть интересного и необычайного. Наконец, вполне созревшие головы любят истину даже там, где она является простой и наивной и внушает скуку обыкновенному человеку; ибо они заметили, что высшую свою мудрость истина обыкновенно высказывает с наивной миной.

Карл Ясперс
(1883 – 1969 гг.)

Печатается по: Карл Ясперс. Философская автобиография. –М.,1995.

[...]

«Экзистенциальная философия» - это мышление, использующее все конкретное знание о реалиях, но выходящее за его пределы; это мышление, благодаря которому человек хотел бы стать самим собой. Это мышление, которое постигает не предметы науки, а проясняет бытие того, кто мыслит таким образом и одновременно оказывает реальное воздействие на это бытие. Как философская мироориентация, это мышление выводит из привычного равновесия, поскольку решительно перешагивает все границы и рамки, установленные тем познанием мира, которое предполагает фиксированное понимание бытия; как прояснение экзистенции, оно апеллирует к своей свободе; как метафизика, оно создает пространство своего безусловного воплощение в деянии, взывая к трансценденции.

[...]

Самое главное и самое основное: не существует никакого закона природы и никакого закона истории, которые определяли бы ход вещей в целом. Будущее определяется ответственностью выбора и поступков людей - в конечном счете ответственностью каждого человека из миллиардов живущих.

Дело - в каждом отдельном человеке. Своим образом жизни, своими ежедневными малыми делами, своими крупными решениями он делает себя проявлением того, что возможно. Не сознавая того, он своей реальной жизнью здесь и сейчас оказывает влияние на будущее. И при этом у него нет оснований считать себя малозначительным - точно также, как и нельзя считать малозначительным каждый голос, хотя в голосовании участвуют миллионы.

[...]

Истина философии - в противоположность научной правильности, которая в методологическом отношении значима в зависимости от общепринятой точки зрения, — есть истина безусловная, постигая которую, возможная экзистенция достигает исторической действительности. Научная истина выразима в однозначных по смыслу предложениях - для рассудка. Философская истина может быть сообщена лишь на окольных путях движения мысли, косвенно, и не может быть схвачена в надлежащей мере ни в одном предложении.

[...]

Человек обретает самого себя лишь в коммуникации с Другими, что никогда не достигается только через посредство одного знания. Мы становимся собой лишь в той мере, в какой становится самим собой "другой", и обретаем свободу только в той мере, в какой обретает свободу "другой". [...] В конечном счете все идеи можно проверить и испытать, применяя один критерий: способствуют они коммуникации или препятствуют ей. Это мерило приложимо даже к самой истине: истина- то, что нас связывает. Можно сказать иначе: ценность истины следует измерять истинностью той связи, которую она делает возможной.

[...]

Главное в человеческом бытии — чтобы отдельный человек был причастен ко всей жизни в целом, в то же время делая нечто незаурядное в своей специальной сфере деятельности. Если бы все были только узкими специалистами, человечество легко стало бы добычей того, кто подчинит массу своей воле посредством насилия.

[...]

Мне представляется, что люди, начинавшие в какой-то специальной отрасли знания и затем отважившиеся задуматься об этом основополагающем знании, разрабатывать его, просто призваны озаботиться всем тем, что существенно в человеческой жизни. Не следует, основываясь на предрассудках, заранее формировать сомнение, принесут ли они что-то ценное для общества или будут таким образом разбрасываться и расплыться. Тут нужно посмотреть, открывается ли в такой сопричастности мышлению других нечто, стоящее этих трудов. Пусть это произойдет. Не станем отвергать наш тип работы как нечто невозможное. Не надо указывать, глядя извне, какую-то программу - чего здесь следует достичь. По крайней мере, прислушаемся к великим философам прошлого, облегчим себе понимание их и углубим его посредством нашего современного философствования.

Хосе Ортега-и-Гассет
(1883 – 1955 гг.)

Печатается по: Х. Ортега-и-Гассет. Человек и люди. –М.,1991.

[...]

Давайте на миг допустим (для лучшего понимания), что именно мышление - отличительная черта человека. Вспомним: человек – «разумное животное». Другими словами, быть человеком, как учит гениальный Декарт, - значит быть мыслящей вещью. Тогда неизбежен вывод: человек, раз и навсегда наделенный мышлением, бесспорно, владеет им как неотъемлемым, врожденным качеством, то есть он уверен, что он - человек, как рыба уверена, что она - рыба. Но это - глубочайшее заблуждение. Человек никогда не уверен, что способен мыслить правильно (настоящая мысль всегда адекватна). Повторяю, он всегда сомневается в своей правоте, в адекватности своего мышления. Вот почему можно со всей категоричностью утверждать, что в отличие от всех прочих существ человек никогда не убежден и не может быть убежден, что он человек (так же как тигр не сомневается, что он тигр, а рыба уверена, что она - рыба).

Итак, мышление не было даровано человеку. Истина (которую я, не имея возможности вполне обосновать, только лишь констатирую) в том, что мышление создавалось постепенно, мало-помалу, формировалось благодаря воспитанию, культуре, упорным упражнениям, дисциплине, одним словом, ценой невероятных усилий, проделанных на протяжении тысячелетий. Больше того, ни в коем случае нельзя считать эту созидательную работу законченной. К нынешнему историческому этапу еще не удалось создать даже малую часть того, что достойно называться словом «разум», - увы! - даже в примитивной и грубой форме. Способность мыслить, как приобретенное, а не врожденное качество, постоянно находилась под угрозой исчезновения. В историческом прошлом разум уже не раз нес значительные потери. Ныне мы вновь под реальной угрозой его утраты. Человек в отличие от остальных существ никогда не является собственно человеком, то есть самим собой. Быть человеком - значит быть жизненной задачей, грозным, рискованным приключением на грани самого человеческого бытия. Обычно я говорю, что человек - это драма. А драма, как правило, предполагает неопределенность относительно будущего, когда каждый новый грядущий миг преисполнен угроз и тревог. И если тигр не может не быть тигром, не может «растигриться», то человек всегда живет под угрозой утратить свою человечность. Такова печальная истина - не абстрактная и общая, а вполне конкретная и неминуемая для каждого из нас. Ибо каждый того и гляди перестанет быть самим собой, то есть тем уникальным, единственным человеком, каковым он является на самом деле. Большинство ежечасно предает того "самого себя", которым оно надеется стать. По правде сказать, личность - это герой, персонаж, который так и не реализует себя полностью. Другими словами, человек - это грозная утопия, скрытая легенда, хранимая в тайниках души.

[...]

Удел человека - сомнение. В этом смысле хорош романтический девиз одного бургундца XV века: «Rien ne m'est sur que la chose incertaine» («Я уверен только в сомнительном»).

[...]

Абсолютно надежных человеческих достижений нет и никогда не было. Даже то, что кажется устоявшимся и несомненным, может исчезнуть спустя несколько поколений. Так называемая «цивилизация», материальные и духовные блага, знания, ценности, короче, то, на что мы рассчитываем, и что составляет систему «надежных» средств, созданных человеком как своего рода плот для спасения в жизненном кораблекрушении, - все это абсолютно проблематично и исчезает в мгновение ока при малейшей небрежности. Так называемые «безусловные достижения» выскальзывают у нас из рук, обращаясь в бестелесные, летучие признаки. История человечества это череда кризисов, отступлений, упадков. Хуже того: опасность регресса, куда более радикального, чем известные до сих пор, существует и поныне. Я имею в виду возможность тотального вырождения человечества как такового, возврат к животному состоянию, к окончательному и полному отчуждению. Судьба культуры и жребий человека всецело зависят от способности последнего живо сознавать всю глубину своей чудовищной драмы. И пусть несмолкаемым лейтмотивом звучит в душе каждого мысль, что наша последняя надежда - это полная безнадежность.

[...]

Нашу жизнь мы не даем себе сами. Мы встречаем ее, и именно тогда, когда встречаем самих себя. Неожиданно, не зная, как и почему, человек обнаруживает себя, сталкивается с тем, что он обречен находиться в неизбежном, внезапно явившемся пространстве (здесь и теперь), во власти конкретных обстоятельств. Кстати, эти мысли, заложившие основы моей философии, вполне недвусмысленно высказаны уже в моей первой книге, опубликованной в 1914 году. Пока что - для простоты - назовем это неизменное и неожиданное пространство, то есть конкретные обстоятельства, которые мы обнаруживаем в жизни, миром. Итак, данный мир, где я обречен быть, позволяет мне избрать внутри него то или иное место. Но ведь никому не дано избрать себе жизненный мир. Ибо он - единственный в своем роде мир, существующий здесь и теперь. Мы не вправе избрать себе век, месяц или число, больше того - какой-то мир, - где бы хотели существовать. Жизнь, то есть жизненное, или человеческое, бытие, не выносит какой-либо подготовки, предварительного опыта. Жизнь - это выстрел в упор. Я уже говорил: где и когда мы родились, где мы очутились с рождения, там нам и предстоит бороться, спастись от грозного бедствия. Вот и сейчас каждый из вас погружен в достаточно смутную стихию - мою лекцию по философии. Другими словами, имеет дело с чем-то интересным

или неинтересным, понятным или непонятным и что самым решительным образом уносит час нашей жизни, причем невосполнимый, ибо часы жизни всегда сочтены. Таковы ваши обстоятельства, ваши «здесь и теперь». Как поступить? Во всяком случае, что-то обязательно нужно предпринять: либо слушать меня, либо отвлечься и предаться своим мыслям, подумать о своих делах, о своей любимой... Что же делать? Быть может, лучше встать и уйти или, наоборот, остаться, покорно смирившись с перспективой угробить целый час жизни, который мог бы обернуться иначе?

Итак, мы всегда вынуждены что-то делать. Наша жизнь не предстает перед нами в готовом виде; каждому суждено ее осуществить, сотворить; Жизнь, как она дана, совершенно пуста, и человек обречен постепенно ее заполнять, занимать. Вот суть наших жизненных дел. Ни камню, ни растению, ни животному ничего подобного не приходится предпринимать. Камню, например, в его бытии дано не только существование; ему предопределено все его поведение, вся его судьба: весить, тяготеть к центру Земли. Сходным образом и животному предзадан целый поведенческий репертуар, который совершенно независимо от него управляется инстинктами. И хотя человеку предписана непреложная необходимая всегда что-то делать (под угрозой гибели, вырождения), но чем именно он обречен заниматься - заранее (раз и навсегда) не предписано. Вся чудовищность мира, обстоятельств в том и состоит, что они всегда - разумеется, внутри своего горизонта - предоставляют самые разные возможности. Перед этим разнообразием человеку не остается ничего иного, как выбирать, то есть реализовать свою свободу. Обстоятельства, другими словами, "здесь и теперь", - в которые мы непреложно вовлечены, не обрекают всякий раз на; какое-то единственное деяние, напротив, они дают разные возможности, коварно предоставляя нас личной инициативе. А проще ответственности. Так, собираясь на улицу, каждому приходится рано или поздно - решать, куда направиться. И коль скоро решать приходится такие пустяки, то что говорить о более важных вещах, когда предстоит выбирать, например, профессию, карьеру? Ведь: карьера - это жизненный путь, направление. Среди дневниковых заметок Декарта, обнаруженных после смерти, интересна одна запись, сделанная им в юности. Речь идет о стихе Авзония, воспользовавшегося в свою очередь древним изречением Пифагора: «*Quod vitae sectabor iter?*» («Какую дорогу в жизни я изберу?»). Но жизнь есть не что иное, как человеческое бытие. И здесь открывается необычайное, драматическое и парадоксальное условие человеческого существования. Оказывается, человек - единственная реальность, суть которой не просто бытие, а непреложный и окончательный его выбор. К примеру, каждый из вас будет вскоре решать, куда ему пойти после лекции. И в этом пустячном случае мы обнаруживаем, что выбор простого на первый взгляд действия всецело зависит от окончательного вывода, к которому мы пришли уже здесь и сейчас, в ауди-

тории, и который коренится в сокровенных глубинах души, в типе личности, в способе бытия, предопределяющем наше жизненное стремление.

[...]

Из глубины изначального одиночества, каковым, бесспорно, и является наша жизнь, мы то и дело стремимся выбраться наружу, достичь столь же подлинного общения. Мы жаждем другого человека, чья жизнь целиком и полностью слилась и соединилась бы с нашей. Отсюда бесконечные отчаянные попытки найти других. Дружба - одна из них. А самая смелая, решительная - любовь. Подлинная любовь - не что иное, как стремление двух людей обменяться своими одиночествами.

Обрамляя наше одиночество, обступая его, вокруг находятся предметы и существа, которые всегда налицо; они - наше окружение, обстоятельства, составляющие «другое», «иное», то есть чуждую стихию враждебного или, по меньшей мере, постороннего характера. Поэтому обстоятельства и воспринимаются нами как нечто отрицательное, чуждое, как то, что нас гнетет. Эти обстоятельства и есть мир.

[...]

Как только мы видим женщину, мы осознаем, что перед нами человек, чей душевный склад характеризуется - по контрасту с внутренним миром каждого и всех мужчин - крайней неопределенностью. Я вовсе не вкладываю в это слово какого бы то ни было отрицательного оттенка. Нельзя считать неопределенность изъяном женщины: это все равно что поставить в вину мужчине отсутствие крыльев. Мало того, допустимо, скажем, пожелать мужчине летать, как орел или ангел, но совершенно бессмысленно советовать женщине стать определеннее. Исполнилось такое желание, и это положило бы конец восхищению, которое питает мужчина к женщине благодаря ее неопределенности. Наоборот, мужчина, в сущности, - сама ясность. Все в нем - необыкновенно четко. Я говорю только о «субъективной ясности», а не о действительной, реальной ясности представлений. Вероятно, все, о чем думает мужчина, - чистый вздор, но даже этот вздор он представляет себе исключительно ясно. Внутренний мир мужчины - мир четких граней, мужчина - существо ясных линий. Женщина, напротив, постоянно живет в сумерках, не зная своих желаний, не ведая, сделает ли она что-нибудь или нет, и будет ли потом раскаиваться в содеянном. В женщине нет ни дня, ни ночи - она сумеречна. И поэтому она, по сути, загадочна. Дело не в том, что женщина не изъявляет чувств или не говорит о них; она просто не может этого знать. Для нее самой это тайна. Вот откуда сглаженность форм ее «души», которая воспринимается нами как типично женская. В противоположность контрастному миру мужчины сокровенный мир женщины - плавные переделы тонов. Неопределенность расплывчата, как облако.

[...]

Итак, «Другой» («Другой» в чистом виде), то есть человек незнакомый в силу того, что он таков, а также потому, что я не знаю, как он себя поведет, заставляет меня при сближении предполагать самое худшее, предвосхищать его возможную враждебную реакцию. Иначе говоря, «Другой» формально, конституитивно опасен. Замечательное слово, совершенно точно называющее реальность, которую я имею в виду! Опасное - не обязательно злое, враждебное; оно может значить и противоположное - благое, счастливое. Когда речь идет об опасном, обе вероятности в равной мере возможны. Чтобы разрешить сомнение, следует эту опасность испытать, проверить на собственном опыте. Испытание, проба - вот исходное значение латинского слова *periculum*, из которого в результате диссимилиации возникло испанское *religio*. Заметьте, кстати, что корень *per* в *periculum* тот же самый, который дал жизнь таким словам, как «экспериментировать», «эксперимент», «эксперт». За неимением времени я не могу сейчас доказать, что изначальный смысл слова «экспериментировать» означал «подвергнуть себя опасности».

«Другой», по сути, опасен. Это свойство ярче всего обнаруживается, когда речь заходит о совершенно неизвестном нам индивиду; оно ослабевает, когда «Другой» становится для нас «Ты», но, строго говоря, подобное качество никогда не исчезает. Любой «Другой» опасен, но каждый по-своему и в определенной ему степени. Не будем забывать, что невинный ребенок - одно из самых опасных созданий: он поджигает дом спичкой, играя, палит из ружья, наливает азотную кислоту в тарелку и, самое худшее, постоянно подвергает себя опасности упасть с балкона, разбить голову об угол стола, проглотить колесо игрушечного поезда и тем доставить нам ужасную неприятность. Если подобное существо мы считаем невинным, то что же можно сказать о нас, грешных?

Сознание изначальной опасности «Другого» сохранялось на протяжении всей истории человечества, за исключением кратких этапов, когда оно - здесь или там, в том или ином обществе - затемнялось, притуплялось или даже затухало. Быть может, указанное явление не наблюдалось в мировой истории с такой очевидностью, как в первые две трети XVIII века, а затем с 1830 по 1914 год. Подобное забвение, потеря очевидной и несомненной истины, гласящей, что любой ближний в конечном счете - угроза, явились главной причиной тех страданий и катастроф, которые обрушились на нас в последние тридцать пять лет. Европейцы утратили чувство опасности, а без этого человек не может и даже не имеет права жить ни минуты. В результате многие жители континента с неожиданным и, главное, совершенно необоснованным удивлением обнаружили, что в их собственных странах разверзлись бездны жестокости и преступности, о существовании которых они предпочли надолго позабыть.

Альберт Швейцер
(1875 – 1965 гг.)

Печатается по: А.Швейцер. Культура и этика // Швейцер А. Упадок и возрождение культуры: Избранное. – М., 1993.

Сложны и трудны пути, на которые должно вновь встать заблудшее этическое мышление. Но его дорога будет легка и проста, если оно не повернет на кажущиеся удобными и короткими пути, а сразу возьмет верное направление. Для этого ему надо соблюсти три условия: первое – никоим образом не сворачивать на дорогу этической интерпретации мира; второе – стать космическим и мистическим, то есть стараться понять этическое самоотречение как проявление внутренней, духовной связи с миром; третье—не предаваться абстрактному мышлению, а оставаться элементарным, понимающим самоотречение ради мира как самоотречение человеческой жизни ради всего живого бытия, к которому оно стоит в определенном отношении,

Этика возникает благодаря тому, что я глубоко осознаю мироутверждение, которое наряду с моим жизнеутверждением естественно заложено в моей воле к жизни, и пытаюсь реализовать его в жизни.

Стать нравственной личностью означает стать истинно мыслящим.

Мышление есть происходящая во мне полемика между желанием и познанием. В своей наивной форме эта полемика проявляется тогда, когда воля требует от познания, чтобы оно представило ей мир в такой форме, которая бы соответствовала импульсам, скрытым в воле, и когда познание пытается удовлетворить это требование. На место этого диалога, заранее обреченного на безрезультатность, должен прийти другой, истинный, в котором воля требовала бы от познания только того, что оно действительно само может познать.

[...]

Всякое истинное познание переходит в переживание. Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной волей к жизни, проявляющейся во всем. Оно заставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью.

[...]

Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания. Этот факт гласит: «Я есть жизнь, кото-

рая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить».

[...]

Этика заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип нравственного. Добро—то, что служит сохранению и развитию жизни; зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей.

[...]

Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, он не спрашивает также, может ли она и в какой степени ощутить его доброту. Для него священна жизнь, как таковая. Он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка и не раздавит ни одного насекомого. Когда он летом работает ночью при лампе, то предпочитает закрыть окно и сидеть в духоте, чтобы не увидеть ни одной бабочки, упавшей с обожженными крыльями на его стол.

[...]

Когда-то считалось глупостью думать, что цветные люди являются действительно людьми и что с ними следует обращаться, как со всеми людьми. Теперь эта глупость стала истиной. Сегодня кажется не совсем нормальным признавать в качестве требования разумной этики внимательное отношение ко всему живому вплоть до низших форм проявления жизни. Но когда-нибудь будут удивляться, что людям потребовалось так много времени, чтобы признать несовместимым с этикой бессмысленное причинение вреда жизни

Этика есть безграничная ответственность за все, что живет.

[...]

Сострадание слишком узко, чтобы стать понятием нравственности. К этике относится переживание всех состояний и всех побуждений воли к жизни, ее желаний, ее стремления целиком проявить себя в жизни, ее стремления к самосовершенствованию.

Еще больше означает любовь, потому что она одновременно содержит в себе и сострадание, и радость, и взаимное стремление. Но она раскрывает этическое содержание в некотором равенстве, пусть даже естественном и глубоком. Создаваемую этикой солидарность она ставит в отношении аналогии к тому, что иногда временно допускает природа в физическом отношении между двумя полами или между родителями и их потомством.

Мышление должно стремиться сформулировать сущность этического, как такового. В этом случае оно должно определить этику как самоот-

речение ради жизни, мотивированное чувством благоговения перед жизнью.

[...]

Этика благоговения перед жизнью, возникшая из внутреннего побуждения, не зависит от того, в какой степени она оформляется в удовлетворительное этическое мировоззрение. Она не обязана давать ответ на вопрос, что означает воздействие нравственных людей на сохранение, развитие и возвышение жизни в общем процессе мировых событий. Ее нельзя сбить с толку тем аргументом, что поддерживаемое ею сохранение и совершенствование жизни ничтожно по своей эффективности по сравнению с колоссальной и постоянной работой сил природы, направленных на уничтожение жизни. Но важно, что этика стремится к такому воздействию, и потому можно оставить в стороне все проблемы эффективности ее действий. Для мира имеет значение тот факт, что в мире в образе ставшего нравственным человека проявляется воля к жизни, преисполненная чувством благоговения перед жизнью и готовностью самоотречения ради жизни.

Универсальная воля к жизни постигает себя в моей воле к жизни иначе, чем в других явлениях мира. В них эта воля обнаруживается в качестве некоторой индивидуализации, которая - насколько я могу заметить со стороны - является только «проживанием самой себя», но не стремится к единению с другими волями к жизни. Мир представляет собою жестокую драму раздвоения воли к жизни. Одна жизнь утверждает себя за счет другой, одна разрушает другую. Но одна воля к жизни действует против другой только по внутреннему стремлению, но не по убеждению. Во мне же воля к жизни приобрела знание о другой воле к жизни. В ней воплотилось стремление слиться воедино с самой собой и стать универсальной.

[...]

Для меня навсегда остается загадкой моя жизнь с чувством благоговения перед жизнью в этом мире, в котором созидаящая воля одновременно действую как разрушающая воля, а разрушающая— как созидаящая.

[...]

Если где-нибудь и каким-либо образом моя жизнь действует на благо другой, то моя бесконечная воля к жизни переживает единение с бесконечным, в котором всякая жизнь едина. Я испытываю радость, которая сохраняет меня от прозябания в пустыне жизни.

[...]

Свою истинность этика благоговения перед жизнью обнаруживает в том, что она постигает в единстве и взаимосвязанности различные проявления этического. Ни одна этика еще не сумела связать воедино стремление к самосовершенствованию, в котором человек использует свои силы не для воздействия вовне, а для работы над самим собой, и активную этику.

[...]

Этика есть благоговение перед волей к жизни во мне и вне меня. Из чувства благоговения перед волей к жизни во мне возникает глубокое жизнеутверждение смирения.

[...]

Смирение — это холл, через который мы вступаем в этику. Только тот, кто в глубоком самоотречении ради собственной воли к жизни испытывает чувство внутренней свободы, способен отдавать свои силы всегда и до конца ради другой жизни.

[...]

Почему я прощаю что-то человеку? Обычная этика говорит: потому что я чувствую сострадание к нему. Она представляет людей в этом прощении слишком хорошими и разрешает им давать прощение, которое не свободно от унижения другого. Таким путем она превращает прощение в сладкий триумф самоотречения.

Эта не очень благородная идея устраняется этикой благоговения перед жизнью. Для нее всякая снисходительность и всякое прощение есть дело, к которому вынуждает правдивость по отношению к самому себе. Я должен безгранично все прощать, так как, если не буду этого делать—буду неправдив по отношению к себе и буду поступать так, как будто я не в такой же степени виноват, как и другой по отношению ко мне.

[...]

Поскольку моя жизнь и так сильно запятнана ложью, я должен прощать ложь, совершенную по отношению ко мне. Так как я сам не люблю, ненавижу, клеветчу, проявляю коварство и высокомерие, то должен прощать и проявленные по отношению ко мне нелюбовь, ненависть, клевету, коварство, высокомерие.

Я должен прощать тихо и незаметно, Я вообще не прощаю, я вообще не довожу дело до этого. Но это есть не экзальтация, а необходимое расширение и усовершенствование обычной этики.

«Борьбу против зла, заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда над другими, а с помощью собственного суда над собой. Борьба с самим собой и собственная правдивость— вот средства, которыми мы воздействуем на других. Мы их незаметно вовлекаем в борьбу за глубокое духовное самоутверждение, проистекающее из благоговения перед собственной жизнью.

[...]

Не из чувства доброты по отношению к другому я кроток, миролюбив, терпелив и приветлив — я таков потому, что в этом поведении обеспечиваю себе глубочайшее самоутверждение. Благоговение перед жизнью, которое я испытываю по отношению к моей собственной жизни, и благоговение перед жизнью, в котором я готов отдавать свои силы ради другой

жизни, тесно переплетаются между собой.

[...]

Этика должна полемизировать с тремя противниками: бездумностью, эгоистическим самоутверждением и обществом.

[...]

...благоговение перед жизнью, которое всегда приходит на помощь мышлению, всесторонне и глубоко пронизывает всякое впечатление, размышление и решение человека.

[...]

В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнями. Необходимость уничтожать жизнь или наносить вред ей живет также и во мне. Когда я иду по непроторенной тропе, то мои ноги уничтожают крохотные живые существа, обитающие на этой тропе, или причиняют им боль. Чтобы сохранить свою жизнь, я должен оградить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред. Так, я могу преследовать мышшь, живущую в моей комнате, могу убить насекомое, гнездящееся в доме, могу уничтожить бактерии, которые подвергают мою жизнь опасности. Я добываю себе пищу путем уничтожения растений и животных. Мое счастье строится на вреде другим людям.

Как же оправдывает этика эту жестокую необходимость, которой я подвержен в результате раздвоения воли к жизни?

Обычная этика ищет компромиссов. Она стремится установить, в какой мере я должен пожертвовать моей жизнью и моим счастьем и сколько я должен оставить себе за счет жизни и счастья других жизней. Таким путем она создает прикладную, относительную этику. То, что в действительности отнюдь не является этическим, а только смесью неэтической необходимости и этики, она выдает за этическое. Тем самым она приводит к чудовищному заблуждению, способствует все большему затемнению понятия этического.

Этика благоговения перед жизнью не признает относительной этики. Она признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни. Всякое уничтожение жизни или нанесение ей вреда независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло. Она не признает никакой практической взаимной компенсации этики и необходимости. Абсолютная этика благоговения перед жизнью всегда и каждый раз по-новому полемизирует в человеке с действительностью. Она не отбрасывает конфликт ради него, а вынуждает его каждый раз самому решать, в какой степени он может остаться этичным, в какой степени он может подчиниться необходимости уничтожения или нанесения вреда жизни и в какой мере, следовательно, он может взять за все это вину на себя. Человек становится более нравственным не благодаря идее взаимной компенсации этики и необходимости, а благодаря тому, что он все громче слышит голос

этики, что им овладевает все сильнее желание сохранять и развивать жизнь, что он становится все более твердым в своем сопротивлении необходимости уничтожения и нанесения вреда жизни.

[...]

Мы никогда не должны становиться глухими. Мы будем жить в согласии с истиной, если глубже прочувствуем конфликты. Чистая совесть есть изобретение дьявола.

[...]

Там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно сознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного. Крестьянин, скосивший на лугу тысячу цветков для корма своей корове, не должен ради забавы сминать цветок, растущий на обочине дороги, так как в этом случае он совершит преступление против жизни, не оправданное никакой необходимостью.

Те люди, которые проводят эксперименты над животными, связанные с разработкой новых операций или с применением новых медикаментов, те, которые прививают животным болезни, чтобы использовать затем полученные результаты для лечения людей, никогда не должны вообще успокаивать себя тем, что их жестокие действия преследуют благородные цели. В каждом отдельном случае они должны взвесить, существует ли в действительности необходимость приносить это животное в жертву человечеству. Они должны быть постоянно обеспокоены тем, чтобы ослабить боль, насколько это возможно. Как часто еще кощунствуют в научно-исследовательских институтах, не применяя наркоза, чтобы избавить себя от лишних хлопот и сэкономить время! Как много делаем мы еще зла, когда подвергаем животных ужасным мукам, чтобы продемонстрировать студентам и без того хорошо известные явления! Именно благодаря тому, что животное, используемое в качестве подопытного, в своей боли стало ценным для страдающего человека, между ним и человеком установилось новое, единственное в своем роде отношение солидарности. Отсюда вытекает для каждого из нас необходимость делать по отношению к любой твари любое возможное добро.

[...]

Там, где животное принуждается служить человеку, каждый из нас должен заботиться об уменьшении страданий, которые оно испытывает ради человека. Никто из нас не имеет права пройти мимо страданий, за которые мы, собственно, не несем ответственности, и не предотвратить их. Никто не должен успокаивать себя при этом тем, что он, якобы, вынужден будет вмешаться здесь в дела, которые его не касаются. Никто не должен закрывать глаза и не считаться с теми страданиями, которых он не видел. Никто не должен, сам себе облегчать тяжесть ответственности.

[...]

Этика благоговения перед жизнью заставляет нас почувствовать безгранично великую ответственность и в наших взаимоотношениях с людьми. Она не дает готового рецепта для объема дозволенного самосохранения; она приказывает нам в каждом отдельном случае полемизировать с абсолютной этикой самоотречения. В согласии с ответственностью, которую я чувствую, я должен решить, что я должен пожертвовать от моей жизни, моей собственности, моего права, моего счастья, моего времени, моего покоя и что я должен оставить себе.

[...]

Этика благоговения перед жизнью делает большую ставку на повышение чувства ответственности человека. Собственность она расценивает как имущество общества, находящееся в суверенном управлении индивида. Один человек служит обществу тем, что ведет какое-нибудь дело, которое дает определенному числу служащих средства для жизни. Другой служит обществу тем, что использует свое состояние для помощи людям. В промежутке между этими крайними случаями каждый принимает решение в меру чувства ответственности, определенного ему обстоятельствами его жизни. Никто не должен судить другого. Дело сводится к тому, что каждый сам оценивает все, чем он владеет, с точки зрения того, как он намерен распоряжаться этим состоянием.

[...]

Благоговение перед жизнью не покровительствует и моему счастью. В те минуты, когда я хотел бы непосредственно радоваться чему-нибудь, оно уносит меня в мыслях к той нищете, которую я когда-то видел или о которой слышал. Оно не разрешает мне просто отогнать эти воспоминания. Как волна не существует для себя, а является лишь частью дыхания океана, так и я не должен жить моею жизнью только для себя, а вбирать в себя все, что меня окружает. Истинная этика внушает мне тревожные мысли. Она шепчет мне: ты счастлив, поэтому ты обязан пожертвовать многим. Все, что тебе дано в большей степени, чем другим,—здоровье, способности, талант, успех, чудесное детство, тихий домашний уют,—все это ты не должен считать само собой разумеющимся. Ты обязан отплатить за это. Ты обязан отдать силы своей жизни ради другой жизни.

[...]

Голос истинной этики опасен для счастливых, если они начинают прислушиваться к нему. Она не заглушает иррациональное, которое тлеет в их душе, а пробует поначалу, не сможет ли выбить человека из колеи и бросить его в авантюры самоотречения, в которых мир так нуждается...

Этика благоговения перед жизнью - неумолимый кредитор, отбирающий у человека его время и его досуг. Но ее твердость добрая и понимающая. Многие современные люди, которых труд на производстве превращает в машины, лишая их возможности относиться к окружающим с тем

деятельным соучастием, которое свойственно человеку как человеку, подвергаются опасности превратить свою жизнь в эгоистическое прозябание. Некоторые из них чувствуют эту опасность. Они страдают оттого, что их повседневный труд не имеет ничего общего с духовными идеалами и не позволяет им использовать для блага людей свои человеческие качества. Некоторые на том и успокаиваются. Их устраивает мысль о том, что им не нужно иметь никаких обязанностей вне рамок своей работы.

[...]

Кто в силах перечислить все возможности использования этого ценного капитала, называемого человеком! В нем нуждаются во всех уголках мира. Поэтому поищи, не найдешь ли ты применения своему человеческому капиталу. Не пугайся, если вынужден будешь ждать или экспериментировать. Будь готов и к разочарованиям. Но не отказывайся от этой дополнительной работы, которая позволяет тебе чувствовать себя человеком среди людей.

[...]

Всёх людей независимо от их положения этика благоговения перед жизнью побуждает проявлять интерес ко всем людям и их судьбам и отдавать свою человеческую теплоту тем, кто в ней нуждается. Она не разрешает ученому жить только своей наукой, даже если он в ней и приносит большую пользу. Художнику она не разрешает жить только своим искусством, даже если оно творит добро людям. Занятому человеку она не разрешает считать, что он на своей работе уже сделал все, что должен был сделать. Она требует от всех, чтобы они частичку своей жизни отдали другим людям.

[...]

Тысячью способов может выполнить человек свое предназначение, творя добро. Жертвы, которые он приносит, должны оставаться его тайной. Но все вместе мы должны знать, что наша жизнь приобретет ценность лишь тогда, когда мы ощутим истинность следующих слов: «Кто теряет свою жизнь, тот ее находит».

Этические конфликты между обществом и индивидом возникают потому, что человек возлагает на себя не только личную, но и «надличную» ответственность. Там, где речь идет только обо мне, я должен проявлять терпение, всегда прощать, быть внимательным к другим и добросердечным. Но каждый из нас может оказаться в таком положении, когда он отвечает не только за себя, но за дело и вынужден поступать вразрез с личной моралью.

Ремесленник, стоящий во главе пусть даже самой небольшой мастерской, и музыкант, отвечающий за программу концерта, не могут быть теми людьми, какими бы они хотели быть. Первый вынужден увольнять нерадивого рабочего или пьяницу, несмотря на все сочувствие к их семьям. Вто-

рой не может допустить выступления певицы, потерявшей голос, хотя он знает, насколько это для нее мучительно.

[...]

Чем шире сфера деятельности человека, тем чаще ему приходится приносить свои чувства в жертву общественному долгу.

[...]

...я не должен полагать, что в конфликте между личной и надличной ответственностью я могу компенсировать в относительно этическом этическое и целесообразное или вообще подавить этическое целесообразным, - я могу лишь сделать выбор между этими альтернативами. Если я под давлением надличной ответственности отдам предпочтение целесообразному, то окажусь виновным в нарушении морали благоговения перед жизнью.

Искушение соединить вместе целесообразное, диктуемое надличной ответственностью, с относительно этическим особенно велико, поскольку его подкрепляет то обстоятельство, что человек, повинующийся надличной ответственности, поступает неэгоистично, Он жертвует чьей-то жизнью или чьим-то благополучием не ради своей жизни или своего благополучия, но только ради того, что признается целесообразным в плане жизни и благополучия некоторого большинства. Однако этическое - это нечто большее, чем неэгоистическое! Этическое есть не что иное, как благоговение моей воли к жизни перед другой волей к жизни. Там, где я каким-либо образом жертвую жизнью или наношу ей вред, мои поступки выходят за рамки этики, и я становлюсь виновным, будь то эгоистически виновным ради сохранения своей жизни или своего благополучия, будь то неэгоистически - ради сохранения жизни и успеха некоторого большинства людей.

[...]

Сфера действия этики простирается так же далеко, как и сфера действия гуманности, а это означает, что этика учитывает интересы жизни и счастья отдельного человека. Там, где кончается гуманность, начинается псевдоэтика.

[...]

Вся предшествующая этика вводила нас в заблуждение, скрывая от нас нашу виновность в тех случаях, когда мы действовали в целях самоутверждения или по мотивам надличной ответственности. Это лишало нас возможности серьезно задуматься над своими поступками. Истинное знание состоит в постижении той тайны, что все окружающее нас есть воля к жизни, в признании того, насколько мы каждый раз оказываемся виновными перед жизнью.

[...]

...каждый из нас в зависимости от жизненных обстоятельств должен был совершать поступки, связанные с надличной ответственностью. Эти поступки диктуются нам не коллективистскими взглядами, а побуждения-

ми человека, стремящегося действовать в согласии с этическими нормами. В каждом отдельном случае мы боремся за то, чтобы в подобных поступках сохранить максимум гуманности. В сомнительных случаях мы решаемся поступить скорее в интересах гуманности, чем в интересах преследуемой цели.

[...]

Духовную силу мы обретаем лишь тогда, когда люди замечают, что мы поступаем не автоматически, всякий раз согласно одним и тем же принципам, а в каждом отдельном случае боремся прежде всего за гуманность.

[...]

...человек, поступающий по мотивам надличной ответственности, должен чувствовать свою ответственность не только за достигаемые цели, но и за создаваемые его действиями взгляды.

[...]

Итак, мы служим обществу, не принося себя в жертву ему. Мы не разрешаем ему опекать нас в вопросах этики, подобно тому, как скрипач не будет брать уроки музыки у контрабасиста. Ни на одно мгновение не должно оставлять нас недоверие к идеалам, создаваемым обществом, и убеждениям, господствующим в нем. Мы знаем, что общество преисполнено глупости и намерено обманывать нас относительно вопросов гуманности. Общество - ненадежная и к тому же слепая лошадь. Горе кучеру, если он заснет!

[...]

Общество служит интересам этики, когда оно санкционирует законом ее элементарные правила и передает из поколения в поколение этические идеи. В этом его большая заслуга, и мы благодарны ему. Но это же общество все время задерживает развитие этики, беря на себя роль этического воспитателя, что совершенно не входит в его функции. Этическим воспитателем является только этически мыслящий и борющийся за этику человек. Понятия добра и зла, бытующие в обществе, суть бумажные деньги, ценность которых определяется не напечатанными на них цифрами, а их отношением к золотому курсу этики благоговения перед жизнью. По существующему курсу ценность этих понятий равна приблизительно ценности бумажных денег полуобанкротившегося государства.

Гибель культуры происходит вследствие того, что создание этики перепоручается государству. Обновление культуры будет возможно только тогда, когда этика вновь станет делом мыслящего человека, а люди будут стремиться утвердить себя в обществе как нравственные личности.

[...]

Так как мы обладаем абсолютным масштабом этического, то не сможем впредь признавать в качестве этики принципы целесообразности и

вульгарную мораль благоприятных обстоятельств. Мы, безусловно, не сможем ни при каких условиях признать в качестве этики бессмысленные идеалы власти, нации, политических пристрастий, предлагаемые нам жалкими политиками и раздуваемые одурманивающей пропагандой. Все возникающие в обществе принципы, убеждения и идеалы мы должны крайне педантично измерять мерой абсолютной этики благоговения перед жизнью. Одобрять мы должны только то, что согласуется с гуманностью. Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека.

[...]

Человек является существом, на развитие которого мы оказываем влияние. Благоговение перед жизнью, следовательно, заставляет нас желать всеми силами души всех видов прогресса, на которые способны человек и человечество. Оно заставляет нас как нравственных людей постоянно стремиться к развитию культуры.

Даже поверхностное миро- и жизнеутверждение содействует пониманию и желанию культуры. Однако оно не дает при этом человеку необходимой уверенности. Благоговение перед жизнью и обусловленное им стремление всесторонне поднимать человека и человечество до уровня высшей ценности ориентируют человека на совершенные, чистые идеалы культуры, сознательно полемизирующие с действительностью.

Совершенная культура, если ее определять внешне, чисто эмпирически, заключается в том, что в мире реализуются все возможные виды прогресса познания и практики, а также приобщения человека к обществу, что затем оказывает влияние на внутреннее духовное совершенствование человека как на собственную и последнюю цель всякой культуры.

Жан Поль Сартр
(1905-1980 гг.)

Печатается по: Ж.-П. Сартр. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. - М.. 1989.

[...]

Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет свою волю уже после того, как начинает существовать, и после этого прорыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма... Человек - это прежде всего проект, который переживается субъективно... Человек ответственен за то, что он есть...

[...]

... Но когда мы говорим, что человек ответственен, то это не озна-

чает, что он ответственен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей...

[...]

Слово «субъективизм» имеет два смысла... Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны - что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма... Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбрать зло. То, что мы выбираем, - всегда благо. Но ничего не может быть благом для нас, не являясь благом для всех...

[...]

... человек, который на что-то решается и сознает, что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и всё человечество, не может избежать чувства глубокой и полной ответственности...

[...]

... всегда следует спрашивать: а что бы произошло, если бы все так поступали? От этой беспокоящей мысли можно уйти, лишь проявив некоторую нечестность. Тот, кто лжёт, оправдываясь тем, что все так поступают, - не в ладах с совестью, так как факт лжи означает, что лжи придается значение универсальной ценности...

[...]

... Если я услышу голос, то только мне решать, является ли он гласом ангела. Если я сочту данный поступок благим, то именно я решаю, что этот поступок благой, а не злой.

[...]

... Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все соотносят свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу.

[...]

... Говоря о "заброшенности", мы хотим сказать только то, что Бога нет и что отсюда необходимо сделать выводы... Экзистенциалисты обеспокоены отсутствием Бога, так как вместе с Богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире... И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать;

- и это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут только люди...

[...]

... всё дозволено, если Бога не существует, а потому человек брошен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне...

С другой стороны, если Бога нет, мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой - в светлом царстве ценностей - у нас не имеется ни оправданий, ни извинений...

[...]

... человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает...

Альбер Камю
(1913 – 1960 гг.)

Печатается по: Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. –М., 1989.

[...]

Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно.

[...]

Уклонение от смерти – третья тема моего эссе – это надежда. Надежда на жизнь иную, которую требуется «заслужить», либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наделяющей ее смыслом и предающей ее.

[...]

Чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо в своей скорбной наготе, в тусклом свете своей атмосферы. Заслуживает внимания сама эта неуловимость.

[...]

Быть может, нам удастся раскрыть неуловимое чувство абсурдности в различных, но все же родственных мирах умопостижения, искусства жизни и искусства, как такового. Мы начинаем с атмосферы абсурда. Конечной же целью является постижение вселенной абсурда и той установки сознания, которая высвечивает в мире этот неумолимый лик.

[...]

О смерти все уже сказано, и приличия требуют сохранять здесь патетический тон. Но что удивительно: все живут так, словно «ничего не знают». Дело в том, что у нас нет опыта смерти. Испытанным, в полном смысле слова, является лишь то, что пережито, осознано. У нас есть опыт смерти других, но это всего лишь суррогат, он поверхностен и не слишком нас убеждает. Меланхолические условности неубедительны. Ужасает математика происходящего. Время страшит нас своей доказательностью, неумолимостью своих расчетов. На все прекрасные рассуждения о душе мы получали от него убедительные доказательства противоположного. В неподвижном теле, которое не отзывается даже на пощечину, души нет. Элементарность и определенность происходящего составляют содержание абсурдного чувства. В мертвенном свете рока становится очевидной бесполезность любых усилий. Перед лицом кровавой математики, задающей условия нашего существования, никакая мораль, никакие старания не оправданы *argiori*.

[...]

В стремлении понять реальность разум удовлетворен лишь в том случае, когда ему удастся свести ее к мышлению. Если бы человек мог признать, что и вселенная способна любить его и страдать, он бы смирился.

[...]

По-своему интеллект также говорит мне об абсурдности мира. Его оппонент, каковым является слепой разум, может сколько угодно претендовать на полную ясность – я жду доказательств и был бы рад получить их. Но, несмотря на вековые претензии, несмотря на такое множество людей, красноречивых и готовых убедить меня в чем угодно, я знаю, что все доказательства ложны. Для меня нет счастья, если я о нем не знаю. Этот универсальный разум, практический или моральный, этот детерминизм, эти всеобъясняющие категории – тут есть над чем посмеяться честному человеку. Все это не имеет ничего общего с умом, отрицает его глубочайшую суть, состоящую в том, что он поработан миром. Судьба человека отныне обретает смысл в этой непостижимой и ограниченной вселенной. Над ним возвышается, его окружает иррациональное – и так до конца его дней. Но когда к нему возвращается ясность видения, чувство абсурда высвечивается и уточняется.

Я говорил, что мир абсурден, но это сказано чересчур поспешно. Сам по себе мир просто неразумен, и это все, что о нем можно сказать. Абсурдно столкновение между иррациональностью и иступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души. Абсурд равно зависит и от человека, и от мира. Пока он – единственная связь между ними. Абсурд скрепляет их так прочно, как умеет приковывать одно жи-

вое существо к другому только ненависть. Это все, что я могу различить в той безмерной вселенной, где мне выпал жребий жить.

[...]

С точки зрения интеллекта я могу сказать, что абсурд не в человеке и не в мире, но в их совместном присутствии. Пока это единственная связь между ними. Если держаться очевидного, то я знаю, чего хочет человек, знаю, что ему предлагает мир, а теперь еще могу сказать, что их объединяет. Нет нужды вести дальнейшие раскопки. Тому, кто ищет, достаточно одной-единственной достоверности. Дело за тем, чтобы вывести из нее все следствия.

[...]

Помимо человеческого ума нет абсурда. Следовательно, вместе со смертью исчезает и абсурд, как и все остальное. Но абсурда нет и вне мира. На основании данного элементарного критерия я могу считать понятие абсурда существенно важным и полагать его в качестве первой истины. Так возникает первое правило вышеупомянутого метода: если я считаю нечто истинным, я должен его сохранить. Если я намерен решить какую-то проблему, то мое решение не должно уничтожать одну из ее сторон. Абсурд для меня – единственная данность. Проблема в том, как выйти из него, а также в том, выводится ли с необходимостью из абсурда самоубийство. Первым и, по сути дела, единственным условием моего исследования является сохранение того, что меня уничтожает, последовательное соблюдение всего того, что я считаю сущностью абсурда. Я определил бы ее как противостояние и непрерывную борьбу.

[...]

Мы рассматриваем логику сознания, исходящего из философии, полагающей мир бессмысленным, но в конце концов обнаруживающего в мире и смысл, и основание. Пафоса больше в том случае, когда мы имеем дело с религиозным подходом: это видно хотя бы по значимости для последнего темы иррационального. Но самым парадоксальным и знаменательным является подход, который придает разумные основания миру, вначале считавшемуся лишенным руководящего принципа.

[...]

Итак, я вывожу из абсурда три следствия, каковыми являются мой бунт, моя свобода и моя страсть. Одной лишь игрой сознания я превращаю в правило жизни то, что было приглашением к смерти, и отвергаю самоубийство. Конечно, я понимаю, каким будет глухой отзвук этого решения на протяжении всех последующих дней моей жизни. Но мне остается сказать лишь одно: это неизбежно.

Эрик Фромм
(1900 – 1980 гг.)

Печатается по: Фромм Э. Человек для себя // Бегство от свободы. – Минск, 1988.

[...]

Поступки, мысли и чувства, способствующие надлежащему функционированию и раскрытию всей нашей личности, рождают чувство внутреннего одобрения, «подлинности», свойственное гуманистической «чистой совести». И наоборот, поступки, мысли и чувства, губительные для нашей личности, рождают чувство беспокойства и дискомфорта, свойственное «виноватой совести». Итак, совесть – это наша реакция на самих себя. Это голос нашего подлинного Я, требующего от нас жить плодотворно, развиваться – полно и гармонически – т. е. стать тем, чем мы потенциально являемся. Это страж нашей честности; это «способность ручаться за себя и с гордостью, стало быть, сметь также говорить "Да" самому себе». Если любовь можно определить как утверждение потенциальных возможностей, заботу и уважение уникальности любимого человека, то гуманистическую совесть вполне можно назвать голосом нашей любовной заботы о самих себе.

Гуманистическая совесть представляет не только выражение нашего подлинного Я; она вмещает также суть нашего морального опыта жизни. В ней заключено знание о цели нашей жизни и о принципах, посредством которых мы добиваемся ее; о тех принципах, которые мы открыли сами, и о тех, которым научились у других людей и признали истинными.

Гуманистическая совесть – это выражение личного интереса и целостности человека, тогда как авторитарная совесть имеет дело с человеческим послушанием, самопожертвованием, долгом или «социальной приспособленностью» человека. Цель гуманистической совести – плодотворность, а значит, и счастье, поскольку счастье необходимо сопутствует плодотворной жизни.

[...]

Но не вступает ли наш анализ совести в противоречие с тем фактом, что у многих людей этот голос слишком слаб, чтоб быть услышанным и указать им путь? ...Если бы совесть всегда говорила громко и вполне внятно, только немногие обманулись бы насчет своих моральных задач. Один ответ дает сама природа совести: поскольку ее назначение в том, чтобы быть стражем подлинного личного интереса человека, она действительна в той мере, в какой человек не утратил себя полностью и не стал жертвой своего безразличия и деструктивности по отношению к себе. Совесть находится во взаимодействии с плодотворностью человека. Чем плодотворнее он живет, тем сильнее его совесть, и тем больше она, в свою очередь, содействует плодотворности. Чем менее плодотворно живет человек, тем слабее становится его совесть; парадоксальность – и трагизм – ситуа-

ции человека в том, что его совесть слабее всего тогда, когда он более всего нуждается в ней.

Другим ответом на вопрос об относительной неэффективности совести является наше нежелание слушать и – что еще важнее – наше незнание, как слушать. Людьми часто владеет иллюзия, что их совесть будет говорить громким голосом и ее откровение будет ясным и отчетливым; ожидая такого голоса, они не слышат ничего. Но когда голос совести тих, он трудно различим; и нужно научиться слушать и понимать то, что он говорит, чтобы действовать в согласии с ним.

Однако научиться понимать, что говорит собственная совесть, чрезвычайно трудно главным образом по двум причинам. Чтобы услышать голос собственной совести, мы должны уметь слушать себя... Слушать себя так трудно потому, что это искусство требует способности, редко встречающейся у современного человека: способности оставаться наедине с собой. Более того, у нас развилась боязнь одиночества; мы предпочитаем самую пустую и даже неприятную компанию, самые бессмысленные занятия пребыванию наедине с собой; похоже, мы страшимся перспективы встретиться с собой лицом к лицу.

[...]

И упускаем шанс услышать себя, и продолжаем игнорировать свою совесть.

Прислушаться к тихому и едва различимому голосу своей совести трудно еще и потому, что он говорит с нами не прямо, а косвенно, и мы часто не сознаем, что то, что беспокоит нас, это наша совесть. Мы можем считать это простой тревогой (или даже болезнью), вызванной причинами, не имеющими никакой явной связи с нашей совестью. ...Иногда такие чувства рационализируются как чувства вины за какое-нибудь неисполненное дело, тогда как в действительности упущения, из-за которых человек чувствует себя виноватым, не составляют подлинных моральных проблем.

Одной из форм такой тревоги бывает страх смерти, не обычный переживаемый каждым человеком при виде смерти страх, что и нам предстоит когда-нибудь умереть, а ужас умирания, который может владеть людьми постоянно. Этот иррациональный страх смерти является результатом неудачно прожитой жизни; это проявление нашей виноватой совести, когда жизнь растрачена впустую и упущен шанс плодотворного использования своих способностей. Очень горько осознавать, что когда-нибудь умрешь, но мысль о том, что умрешь, так толком и не пожив, – эта мысль непереносима. К иррациональному страху смерти близок еще более распространенный страх старости, преследующий людей в нашей культуре. Здесь также следует различать разумное, нормальное восприятие старости, и совершенно иной по качеству и интенсивности кошмарный ужас «оказаться слишком старым». Часто, особенно в психоаналитической ситуации, мож-

но видеть людей, одержимых страхом старости, когда они еще молоды; они убеждены, что убывание физической силы ведет к ослаблению всей их личности, всех эмоциональных и интеллектуальных сил. Эта идея не более чем предрассудок, сохраняющийся вопреки явной его несостоятельности. ...Множество примеров свидетельствует, что человек, ведущий плодотворную жизнь, ни в коей мере не становится ветхим стариком; напротив, умственные и эмоциональные качества, развитые им в процессе жизни, сохраняются, хотя физическая сила и слабеет. А вот у неплодотворного человека в самом деле слабеет вся личность, когда иссякает физическая сила, бывшая единственным источником его активности. Увядание личности в пожилом возрасте – это симптом: оно служит доказательством неумения прожить жизнь плодотворно. В страхе старости проявляется, зачастую бессознательное, чувство неплодотворности собственной жизни; это реакция нашей совести на причинение вреда нашему Я.

[...]

...Только свобода является необходимым условием как счастья, так и добродетели; свобода не в смысле возможности делать произвольный выбор и не в смысле свободы от необходимости, а свобода реализовать то, что потенциально заключено в человеке, выявить истинную природу человека согласно законам его существования.

[...]

Наша моральная проблема – это безразличие человека к самому себе. Она заключается в том, что мы утратили чувство значительности и уникальности индивида, превратили себя в орудие внешних целей, относимся к себе как к товарам, а наши силы отчуждены от нас. Мы стали вещами, и наши ближние стали вещами. В результате мы чувствуем себя бессильными и презираем себя за это бессилие. Поскольку мы не верим в свои силы, у нас нет веры в человека, нет веры в самих себя, и в то, что наши силы могут создать. У нас нет совести в гуманистическом ее понимании, посему мы не осмеливаемся доверять нашим оценкам. Мы – стадо, верящее, что дорога, по которой мы идем, должна вести к цели, раз мы видим, что и другие идут той же дорогой. Мы в темноте и ободряем себя тем, что слышим чей-то свист в ответ на наш собственный.

Людвиг Витгенштейн
(1889 – 1951 гг.)

Печатается по: Витгенштейн Л. Лекции об этике // Философские работы. В 2 ч. Ч. 1. – М., 1994.

[...]

...Моя тема, как вы знаете, – «Этика», и я позаимствую объяснение данного термина из книги профессора Мура «Принципы этики». Он говорит: «Этика – это общее исследование того, что есть добро». Я же собираюсь использовать термин «этика» в несколько более широком смысле, а именно в смысле, включающем то... что этика является исследованием того, что ценно, или же того, что важно. Либо же я мог сказать, что этика – это исследование смысла жизни, всего того, что делает жизнь стоящей, или же исследование правильного образа жизни. Надеюсь, что когда вы рассмотрите все эти фразы, у вас появится приблизительное представление о том, чем занимается этика, при этом первое, что привлекает внимание во всех данных выражениях, заключается в том, что каждое из них в действительности употребляется в двух сильно различающихся смыслах. Один из смыслов я назову *тривиальным или относительным*, а другой – *этическим или абсолютным* смыслом.

Если я, к примеру, говорю, что это хороший стул, – это означает, что стул служит определенной, заранее известной цели, и слово «хороший» здесь имеет только одно значение, поскольку данная цель уже была установлена. Фактически слово «хороший» в относительном смысле просто означает соответствие определенному установленному стандарту. Так, когда мы говорим, что этот человек хороший пианист, мы подразумеваем, что он может играть вещи разной степени сложности, проявляя при этом определенное умение. Сходным образом, если я скажу, что мне важно не простудиться, я буду подразумевать, что простуда вызывает в моей жизни определенные, доступные описанию последствия; и если я скажу, что это правильная дорога, то буду иметь в виду, что данная дорога правильна по отношению к определенной цели. Используемые подобным образом, эти выражения не создают каких-либо сложных или глубоких проблем. Но в этике они употребляются иначе.

Итак, я собираюсь настаивать на том, что хотя все суждения об относительной ценности можно представить просто утверждениями о фактах, никакое утверждение о фактах никогда не может быть суждением об абсолютной ценности. Позвольте мне пояснить это следующим образом. Вообразите себе, что кто-то из вас стал всеведущей личностью и потому познал все движения всех тел в живом или неживом мире, и что он также познал все состояния сознания всех когда-либо живших человеческих существ, а потом представьте, что этот человек написал обо всем, что он узнал, в большой книге, содержащей полное описание мира. А теперь я хочу сказать, что в этой книге не будет ничего такого, что бы мы назвали этическим суждением, или же того, что логически подразумевает подобное суждение. Конечно, она будет содержать все относительные суждения о ценностях и все истинные научные предложения, да и вообще все возможные истинные предложения. Но все описанные факты будут как бы находиться

на одном и том же уровне – то же самое произойдет и с предложениями. Нет таких предложений, которые были бы в абсолютном смысле возвышенными, важными или тривиальными. Возможно, некоторые из вас согласятся с этим и вспомнят слова Гамлета: «Ничто само по себе не является ни хорошим, ни плохим, но лишь мысль делает его таковым». Однако эти слова могут привести к недоразумению. Гамлет, по-видимому, подразумевает то, что хорошее и плохое, хотя и не являются свойствами внешнего мира, суть атрибуты наших состояний сознания. Я же хочу сказать, что любое состояние сознания, поскольку мы под этим подразумеваем факт, который может быть описан, в этическом смысле ни хорошо, ни плохо. Если, к примеру, мы в нашей книге о мире найдем описание убийства, содержащее все физические и психологические подробности, то само описание этих фактов не будет содержать ничего, что мы могли бы назвать этическим предложением. Данное убийство окажется на том же самом уровне, что и любое другое событие – падение камня, например. Безусловно, знакомство с этим описанием способно вызвать у нас с вами сострадание, гнев или любую другую эмоцию. Или же мы можем узнать из книги о том сострадании или гневе, что были вызваны данным убийством в других людях, услышавших о нем. Но все это будут лишь факты, факты и факты, а не этика. Должен сказать, что когда я размышляю, чем же могла бы быть этика, если бы имелась такая наука, то указанный результат представляется вполне очевидным. Для меня очевидно, что ничто из того, о чем мы могли бы подумать или сказать, не будет этикой; что мы не сможем написать научную книгу, предмет которой окажется внутренне возвышенным и потому будет превосходить все другие предметы. Свое чувство я могу описать только с помощью метафоры, а именно, если бы человек был способен написать настоящую книгу по этике, то эта книга, подобно взрыву, уничтожила бы все другие книги в мире. Наши слова, используемые по научному, – это просто сосуды, способные сохранять и передавать значение и смысл, естественное значение и смысл. Этика же, если таковая возможна, сверхъестественна, в то время как слова могут выражать лишь факты. ...Как я сказал, пока мы рассматриваем факты и предложения, имеется только относительная ценность и относительное добро, правильность и т. д.

И позвольте до того, как я пойду дальше, проиллюстрировать сказанное одним достаточно очевидным примером. Правильная дорога – это дорога, ведущая к заранее определенной цели, и нам совершенно ясна бессмысленность разговоров о правильной дороге отдельно от такой цели. А сейчас давайте посмотрим, что же мы, вероятно, могли бы подразумевать под выражением «абсолютно правильная дорога». Полагаю, что это будет дорога, увидев которую каждый с логической необходимостью либо пойдет по ней, либо будет стыдиться, что по ней не пошел. Сходным образом

абсолютное добро, если это некоторое описуемое положение дел, будет тем, что каждый независимо от его вкусов и пристрастий с необходимостью пытается делать (в противном случае он почувствует вину за то, что этого не делает). Но я, однако, должен сказать, что подобное положение дел есть химера. Никакое положение дел не обладает само по себе тем, что я хотел бы назвать принудительной силой абсолютного судии. Тогда что же все мы (включая и меня самого), до сих пор склонные использовать выражения типа «абсолютное добро», «абсолютная ценность» и т. д., имеем в виду и что пытаемся выразить?

[...]

Вероятно, в качестве типичного примера можно было бы избрать ощущение, получаемое от прогулки в прекрасный летний день. В подобной же ситуации я нахожусь, когда стараюсь зафиксировать в сознании то, что понимают под абсолютной, или этической, ценностью. В моем случае всегда идея одного определенного опыта представляется мне так, словно это мой опыт, и поэтому, разговаривая с вами, я буду прибегать к данному опыту в качестве первого и главного примера.

[...]

Полагаю, что лучшим способом описать опыт было бы сказать, что когда он имеет место, я удивляюсь существованию мира. Я тогда склоняюсь к использованию фраз: «Как необычно, что нечто должно существовать» или: «Как необычно, что мир должен существовать». Сейчас же я упомяну и другой известный мне опыт, с которым вы должны быть знакомы, – его можно было бы назвать опытом переживания абсолютной безопасности. Я имею в виду то состояние сознания, находясь в котором обычно склонны говорить: «Я в безопасности и ничто происходящее не может мне повредить». Итак, позвольте рассмотреть указанные виды опыта, ибо, полагаю, им присущи как раз те характеристики, которые мы пытаемся понять. И первое, что мне хочется сказать, так это то, что само словесное выражение подобного опыта есть бессмыслица. Если я говорю: «Я удивляюсь существованию мира», то просто неправильно пользуюсь языком. Позвольте это объяснить. Вполне правильный и ясный смысл будет иметь утверждение о том, что я удивляюсь существованию чего-то, имеющего место. Мы все понимаем, что означает сказать, что я удивляюсь размеру собаки, которая больше любой другой, виденной мной до сих пор, или же вообще удивляюсь любой вещи, которая в общепринятом смысле слова необычна. В каждом подобном случае я удивляюсь чему-то, имеющему место, и что я в то же время могу представить себе не имеющим место.

Я удивляюсь размеру этой собаки, ибо способен представить собаку другого, а именно, обычного размера, который не вызывает удивления. Слова: «Я удивляюсь тому-то и тому-то, имеющему место» – будут осмыс-

ленными лишь тогда, когда я смогу вообразить, что это может и не иметь места. В подобном смысле некто способен удивляться, скажем, существованию дома, созерцаемого после долгого перерыва, в продолжение которого он воображал, что дом уже снесен. Но бессмысленно говорить, будто я удивляюсь существованию мира, ибо не могу вообразить его несуществующим. Конечно, я мог бы удивляться тому, что мир вокруг меня именно таков, каков есть. Если, к примеру, я приобрел подобный опыт, наблюдая голубое небо, то мог бы удивляться голубизне неба в настоящий момент в противоположность тому моменту, когда небо было затянуто тучами.

Но отнюдь не это я имею в виду. Я-то удивляюсь небу, каково бы оно ни было. Появляется желание сказать, что-то, чему я удивляюсь, есть всего лишь тавтология: небо голубое или не голубое. И тогда оказывается просто бессмысленным говорить, что кто-то удивляется тавтологии.

Подобное относится и к другому упомянутому мной опыту – опыту абсолютной безопасности. В нашей повседневной жизни мы все знаем, что означает находиться в безопасности. Я в безопасности в своей комнате, когда меня не может переехать омнибус. Я в безопасности, если ранее переболел коклюшем, – ведь теперь я больше уже не заболю этим недугом. Быть в безопасности, в сущности, означает, что в отношении меня физически невозможны определенные вещи, и потому абсурдно говорить, что я в безопасности, что бы ни произошло. Так что это образец неправильного использования слова «безопасный», равно как и в предшествующих случаях были неправильно употреблены слова «существование» и «удивление».

И сейчас я постараюсь убедить вас, что характерное неправильное употребление нашего языка присуще всем этическим и религиозным выражениям. Прежде всего эти выражения представляются лишь сравнениями. Так, представляется, что когда мы употребляем слово «правильный» в этическом смысле, то хотя подразумеваемое нами и не есть правильное в обычном смысле, все же это нечто на него похожее. А когда мы говорим: «Это хороший парень», хотя слово «хороший» здесь и не обозначает того же самого, что в предложении «это хороший футболист», однако кажется, будто имеется сходство. И когда мы говорим: «Жизнь этого человека была ценной», мы имеем в виду не тот же самый смысл, который был бы присущ нашим разговорам о ценных ювелирных изделиях, но все же нам представляется, будто имеет место определенная аналогия. В этом смысле кажется, что все религиозные термины употребляются как сравнения или аллегории. Ибо, когда мы говорим о всевидящем боге, становимся на колени и молимся ему, то все наши слова и действия представляются частью великой и тщательно разработанной аллегории, которая показывает бога как человеческое существо огромной силы, чью благосклонность мы надеемся завоевать. Но эта аллегория также описывает опыт, на который я только что указал. Итак, первый опыт подобного рода – это как раз то, на

что люди указывают, говоря, что бог сотворил наш мир. А опыт абсолютной безопасности описывался ими как ощущение безопасности в руках божьих. Третий вид опыта подобного рода – это чувство вины, которое опять же обозначалось фразой, что бог осуждает наше поведение. Таким образом, представляется, что в этическом и религиозном языках мы постоянно используем сравнения. Но любое сравнение должно быть сравнением чего-то. И если я могу описать факт с помощью некоторого сравнения, то я также могу быть способен отбросить данное сравнение и описать факт без него. Но в нашем случае, как только мы попытаемся отбросить сравнение и прямо утверждать стоящие за ним факты, то обнаружим, что таких фактов нет. И то, что вначале показалось сравнением, теперь окажется просто бессмыслицей. Итак, три вида опыта, о которых я упомянул (а мог бы добавить и другие), покажутся тем, кто их пережил (мне, например), обладающими в некотором смысле внутренней, абсолютной ценностью. Хотя я и назвал это опытом, речь, конечно же, идет о фактах: они происходили тогда-то и там-то, продолжались определенное время и, следовательно, они описуемы. Поэтому, отталкиваясь от сказанного несколько минут назад, я должен признать бессмысленными попытки утверждать, что факты имеют абсолютную ценность. Я еще более заострю это, сказав: «Парадоксально, когда некоторый опыт, некоторый факт должны, казалось бы, обладать сверхъестественной ценностью».

К разрешению данного парадокса ведет определенный путь. Позвольте мне вначале еще раз рассмотреть наш первый опыт, опыт удивления существованию мира, – но описать его несколько иным образом. Мы все знаем то, что в повседневной жизни назвали бы чудом. Очевидно, что это событие, подобного которому мы еще никогда не видели. И представьте себе, что подобное событие произошло. Взять, скажем, случай, если бы у одного из вас неожиданно выросла львиная голова и он стал бы рычать. Конечно, это будет самой необычной вещью, какую я только могу вообразить. И как только мы отделаемся от удивления, я бы сразу же посоветовал привести врача и исследовать данное происшествие научным образом. Если это не повредит человеку, я бы подверг его вивисекции. Но куда же в таком случае денется чудо? Ибо ясно, что когда мы взглянем на чудо подобным образом, все чудесное исчезнет. Если только мы не называем словом «чудо» то, что некоторый факт еще не был объяснен наукой, а это, в свою очередь, означало бы, что мы до сих пор не сумели сгруппировать данный факт с другими фактами в научной системе. Это свидетельствует об абсурдности фразы «наука доказала, что нет чудес». Истина в том, что научный взгляд на факт совсем не есть способ рассмотрения факта в качестве чуда. Ибо, какой бы вы ни вообразили факт, сам по себе он не является чудесным в абсолютном смысле этого слова. Итак, мы сейчас видим, что ранее использовали слово «чудо» в относительном и абсолютном

смысле. И теперь я опишу опыт удивления существованию мира, сказав, что это опыт видения мира как чуда. Я склонен считать, что верным обозначением в языке чуда существования мира будет само существование языка (хотя это и не является предложением в языке). Но тогда что же означает быть осведомленным об этом чуде в одно какое-то время и быть неосведомленным в другое? Ибо все, что я сказал, перенося описание чудесного [опыта] из выражения «с помощью языка» в выражение «благодаря существованию языка», – это опять же сводится к тому, что мы неспособны выразить все, что хотим. Все, что мы говорим об абсолютно чудесном, остается бессмысленным. Так вот ответ на этот вопрос покажется многим из вас совершенно ясным. Вы скажете: «Ну, если определенные виды опыта постоянно склоняют нас к приписыванию им того качества, которое мы называем абсолютной, или этической, ценностью, то это просто свидетельствует о том, что под данными словами мы отнюдь не подразумеваем бессмыслицу; что в конце концов, говоря об обладании опытом абсолютной ценности, мы подразумеваем, что это есть лишь факт, подобный другим фактам, и что мы до сих пор не преуспели в обнаружении правильного логического анализа того, что подразумеваем в наших этических и религиозных выражениях». И когда на этом настаивают, я сразу же, как будто при вспышке света, начинаю ясно видеть, что никакое описание не окажется способным выразить то, что я подразумеваю под абсолютной ценностью; и что я отвергну любое описание, поскольку оно обладает значением. То есть сейчас я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного [лингвистического] выражения, а потому что бессмысленность была самой их сущностью, и все, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т. е. за пределы обладающего значением языка. Мое основное стремление, да стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике или религии, – вырваться за пределы языка. Этот прорыв сквозь решетку нашей клетки абсолютно безнадежен. Этика, поскольку она проистекает из стремления сказать нечто об изначальном смысле жизни, об абсолютно добром и абсолютно ценном, не может быть наукой. То, что она говорит, ни в коем случае ничего не добавляет к нашему знанию. Но она все же является свидетельством определенного стремления человеческого сознания, которое я лично не могу перестать глубоко уважать и которое никогда в жизни не стану осмеивать.

Кароль Войтыла (Папа Иоанн Павел II)
(1920 – 2005 гг.)

Печатается по: К. Войтыла. Основания этики
//Вопросы философии.- 1991. - №1.

Этика и нравственность

[...]

Сама нравственность - это жизнь, точнее - сфера жизни, связанная с делами человека. Человек что-то делает - и создает нравственность. Творит он ее и тогда, когда влияет на действия других людей; тут практика предваряет теорию. Заметим, что о Христе сказано: "начал действовать и учить" - сперва идет дело, потом учительство. Наука этики состоит из суждений, которые, конечно, должны руководить поступками, но относятся к этим поступкам, как некая теория к практике. Ведь действия человека всегда особенны, конкретны, а принципы, обозначенные и обоснованные в этике, — абстрактны, обобщены. Тут встает вопрос: как связаны общие принципы с конкретными делами, если, конечно, принципы должны ими управлять или если мы должны судить о поступках, исходя из этих принципов.

[...]

Вопрос о смысле человеческой жизни связан с проблемой человеческого бытия и бытия вообще, а потому подлинная философия бытия — опора этики. Научной мы вправе назвать лишь ту этику, которая связана с такой философией. Но философия бытия — не наука в том смысле, в каком зовутся науками те или иные дисциплины, и научность этики иная, чем научность эмпирико-индуктивных областей знания, особенно тех, которые пользуются математическими методами. Так и должно быть — ведь без честных размышлений о нашем бытии и его целях не разобраться в добре и зле, то есть — не построить этики.

... Понятие научной этики часто стремятся связать с гипотезой антропологической эволюции. Человек по этой гипотезе - продукт развития первичных форм живого; и потому можно считать, что факты, подлежащие этическому рассмотрению, все наши нравственные переживания возникли из первичных реакций, присущих животным. Это допущение предполагает существенное обстоятельство: мы признаем умопостигаемые категории добра и зла, без чего не может быть и речи о нравственном переживании в собственном смысле слова. Однако эволюционизм подчеркивает, что этические принципы изменчивы, что взгляды на добро и зло меняются. Такая изменчивость самих основ поведения должна бы вести к полной относительности в этике - что сегодня добро, завтра станет злом, и наоборот. Однако человек воспринимает добро и зло не как относительные, но как абсолютные, непрременные ценности просто потому, что он - человек.

[...]

Когда писатели и публицисты говорят о "научной этике", они явно или скрытно хотят противопоставить ее этике религиозной, которая тем самым становится этикой ненаучной.

[...]

Религиозную, в данном случае христианскую, этику порождают размышления над бытием, основанные на Откровении, которые всей системой взглядов на человека, на цель его бытия, на смысл его существования формируют особое поведение. Рассматривая науку о человеке, надо иметь в виду, что умопостигаемые истины, которые исследует философия и (с иной точки зрения) конкретные науки, дополнены в Откровении истинами сверхприродными, которые разум принимает только в свете веры (например, истиной об освящающей душу благодати, истиной о соединении с Богом в вечной жизни и т.д.). Если же говорить о самих основах поведения, очень многие из них совпадают с разумными принципами, которые человек должен был бы положить в основу своих действий даже и без Откровения.

[...]

...большинство нравственных принципов, с которыми мы встречаемся в Евангелии, становятся вполне понятными, если мы поймем, какой взгляд на человека и на цель его существования Евангелие провозглашает.

О происхождении нравственных норм

[...]

Как известно, нормы и есть особый предмет этики, они и отличают ее от других наук. Этика— наука нормативная. Важно для нее и то, как эти нормы возникли. Материалисты на все лады противопоставляют "сверхъестественное" происхождение нравственных норм в религиозной этике чисто естественному их образованию в этике светской; причем это "светское" происхождение должно быть еще и общественным - нормы родились из потребностей общественной жизни и развивались по мере ее развития.

[...]

В источниках Откровения, особенно – в Священном Писании, немало утверждений естественного характера – заповедей, советов, указаний, оценок и т.п. Более того, все Писание, особенно Евангелие, как бы пронизано особым отношением к нравственному добру и злу: это видно в изображении лиц и описании событий. Известно, что Христос - Сам достойный образец нравственного совершенства. Поскольку Писание так подчеркивает нравственную сторону дела, мы обязаны подумать о том, свидетельствует ли это о сверхъестественном происхождении нравственных норм. Писание предлагает определенные принципы поведения, и это, конечно, свидетельствует о том, что принципы эти согласны с мыслью и с волей Бога, ведь в Писании, источнике Откровения, содержится самая суть его мысли и воли. А вот все ли нравственные истины могут стать правилами поведения только потому, что Бог открыл их нам, - это уже другой вопрос.

Проясняет его само Писание. В послании апостола Павла к Римлянам

мы читаем: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон; они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2, 14-15). Апостол удостоверяет, что есть другой, кроме Откровения, источник нравственных принципов – разумная человеческая природа («по природе делают»), которая обязывает каждого нормального человека совершать те поступки, которые составляют в Откровении Закон Божий.

[...]

Христианская этика считает, что нравственные нормы, как и все законы тварной природы, исходят от Творца, однако очень многие из этих норм - естественны, человек прямо осознает их.

[...]

Источником познания нравственных начал всегда были, так или иначе, природа и разум. Разум способен познать истину. На эту его природную способность опирается и нормотворческая деятельность, поскольку ее основанием служит познаваемость истины о Благе. Разум может понять, хороши или дурны человеческие поступки и наше отношение к ним. Истина о добре опирается на понимание природы человека и его целей, ибо благо — то, что соответствует этой природе, и цели самого бытия. Поэтому нравственные принципы, заключенные в Писании, особенно в Евангелии, становятся правилами поведения постольку, поскольку их принимает разум. Именно он решает, соответствуют ли они нашей природе, нашим стремлениям, надеждам, возможностям. Если разум убеждается, что возможности природы недостаточны, начинается действие благодати (на нее и рассчитывает просвещенный верой разум). Но ни одна из явленных моральных норм не может противоречить разуму и человеческой природе...

Реализм в этике

[...]

Естественный реализм этики, тесно связанный с реализмом рационального познания, в христианской этике переходит в своеобразный, сверхъестественный реализм. Действительность в ней воспринимается разумом, просвещенным верой и потому способным принять тот образ действительности, который ему дает Откровение. В свете Откровения разум воспринимает действительность иначе, а это иное - надприродное - восприятие реальности — влечет иной, тоже надприродный подход к ценностям и их оценкам. С помощью Откровения человек узнает о существовании сверхприродных благ, а вся известная только разуму иерархия благ приобретает как бы иные пропорции.

[...]

...мысль о роли теории и практики в этике. Хотя сама нравственная

жизнь насквозь практична, в ней, несомненно, участвует и теория. Известная поговорка "теория — лучшая практика" указывает на то, что исходной точкой морально доброго действия должен быть правильный взгляд на действительность, который дает возможность определить сами цели действия. Если практике не предшествует постановка целей, которые служат истинному благу и учитывают иерархию ценностей, практика эта слепа. Человек действовал бы тогда спонтанно, лишь бы действовать, — практика связана со стремлением, созиданием, осуществлением, но сама по себе еще не определяет блага, к которому направлена. Принимая это во внимание, можно сделать такие выводы:

- а) теория не заменяет практики;
- б) практика, оторванная от теории, может превратиться в механическую активность, нередко сводящую на нет все свои усилия;
- в) практика до некоторой степени подтверждает теорию, а до определенного уровня — позволяет нам ее улучшить.

Природа и совершенство

[...]

...через стремление к деятельности осуществляется процесс совершенствования каждого бытия.

Такой процесс происходит и в человеке. Разнородные блага — цель его стремлений и действий постольку, поскольку содействуют, так или иначе, его совершенствованию. Одно совершенствует его организм, прибавляя ему новые силы, другое совершенствует ум, расширяя знания. Среди всех этих благ только нравственное благо улучшает саму его суть - через него человек становится просто лучше как человек, оно пробуждает спящие в нем возможности. Нравственное совершенство - главный и центральный акт человеческой природы; все иные пути совершенствования ведут к нему и только через него становятся совершенствами в собственном смысле этого слова.

[...]

Разум - главная энергия человеческой природы и главный ее властитель. В своей нормативной деятельности он исследует, что такое человек, т.е. - какова его природа, чтобы правильно определить, чем он должен стать. Разум постоянно участвует в становлении, в совершенствовании человека. Собственно, потому он и способен определить основы этого совершенствования - нормативные нравственные принципы, на которых основаны поступки.

[...]

Разум, просвещенный верой, наделен сверхприродным пониманием, т.е. таким, которое он не смог бы получить собственными силами. Бог уделяет ему для этого свой свет, как бы делится с ним знанием о реальности, о

том порядке, который должен господствовать в тварном мире. Это позволяет разуму лучше определять основы поведения, лучше встраивать человека в миропорядок.

[...]

То, что есть человек и чем он должен стать "посредством своей нравственной жизни, а значит — посредством действий через внешние и внутренние поступки, приобретает для христианина полное значение в свете веры.

Значение долга

[...]

Долженствование черпает энергию из динамики человеческого бытия, из сконцентрированного в нем стремления к добру, из воли. Нравственный долг тесно связан с волей, соотносится с ней, от нее исходит. Воля к исполнению долга выражает основную потребность человечества, его нравственное "быть или не быть". Поэтому долг и связан с определенным усилием. Линия напряжения проходит между тем, что я есмь, и тем чем я должен быть, а владеет ею воля.

Закон природы

[...]

...человек чаще усматривает в своей природе то, что оправдывает его и прощает, а не то, что требует и обязывает. Выглядит это так, словно природа для него — источник самых злых склонностей, так что непременно встает вопрос, откуда же берется добро? Может быть, на такой негативной позиции отражается присущая некоторым мыслителям Просвещения уверенность в том, что закон природы чисто механичен, относится только к материальному миру. Возможно, однако, что важнее другая причина — человек уклоняется от обязанностей. Если мы скажем, что природа обязывает, что природа содействует какому-то долгу... тогда человек должен почувствовать себя не только материалом, возникшим достаточно случайно, но и существом, творящим самого себя и сознающим свои возможности. Это не так уж удобно; убегая от законов собственной природы, мы обычно бежим от личности.

[...]

Но разве законы, изданные человеком, обязывают других людей поступать сообразно совести потому только, что они изданы человеком? Откуда человек имеет такую силу над совестью других людей?

[...]

...закон человека-законодателя приобретает моральный смысл лишь потому, что он ложится на почву закона человеческой природы. Без этого закон повис бы в воздухе, а исполняли бы его лишь по принуждению. Это был бы конец общественной нравственности, да и нравственности вообще. ...Если есть закон, есть законодатель. Закон писанный указывает на законо-

дателя-человека; закон неписанный, но заключенный в самой природе человека и мира, - на законодателя, стоящего над человеком.

[...]

Закон природы человек познает умом, он прост, он сам себя объясняет, и на нем основана нравственность. Распознает его каждый нормальный человек, хотя бы и самый простой. Закон этот дает возможность вписаться во Вселенскую гармонию, а если человек нарушит границы, велит ему искать пути, чтобы вернуться назад. Но прежде всего он позволяет человеку - даже самому простому, даже не знающему ни одной буквы Евангелия - участвовать в замыслах Бога, Творца и Законодателя, существовать в единстве творения.

Гуманизм и цель человека

Религиозной этике очень часто противятся, исходя из позиций гуманизма. Если этика должна по сути своей быть человеческой и только человеческой, Бог не может быть целью человеческой жизни, ею может быть только человек. Если Бог - цель для человека, человек не может быть целью для самого себя. Религиозная этика отрывает человека от чисто человеческого, от всех человеческих задач, и личных и общественных, используя самые ценные его силы для утоления идеалистических иллюзий (так ставит вопрос диалектический и исторический материализм).

Бог — цель всех творений, и знающих об этом и не знающих. Всякое тварное бытие являет в какой-то мере то бесконечное совершенство бытия, которое есть Бог. Однако, чтобы достичь цели, чтобы осуществить свою цельность, бытию этому не нужно как бы выходить из себя, тем более - пренебрегать собой или о себе забывать. Совсем напротив, это совершенно не соответствовало бы их цели. Чтобы как можно полнее осуществить эту цель, как можно лучше выявить Бога, своего Творца, Первопричину того, какие они есть, каждое тварное бытие должно быть просто собой, достигая тем самым полноты совершенства, на которое оно способно по своей природе. Бог, цель всех творений, не отрывает эти творения от самих себя и от имманентно присущего им совершенства, но как бы укореняет их в своем совершенстве. Это относится и к человеку. Бог, цель человека, не отвлекает его от собственного совершенства, от полноты человечности, но еще сильнее укореняет его в этой полноте. Всякое истинное достоинство - все, что хоть как-то улучшает его, - имеет целью Бога и косвенно являет Его совершенство, Его полноту, независимо от того, знаем мы это или нет.

[...]

...человек становится собой именно тогда, когда в нем выявляются наивысшие возможности, а не тогда, когда они спят и пропадают. Любовь же выявляет самые высокие его возможности.

Правда и милость

[...]

...Бог, самая высшая инстанция, судящая о добре и зле, может простить нравственное зло, помиловать грешника. Нередко кажется, что это непременно деморализует, ибо человек рассчитывает на милость Высшего, таинственного существа, чьи мысли и суды неисповедимы, и нравственная жизнь превращается в какую-то игру - мы рискуем, нам может и повезти, и не повезти. Человек уже не опирается на свое суждение и свои силы, он лавирует, норовит проскользнуть между неведомыми силами, которые распоряжаются его судьбой.

[...]

...в нравственности истинно верующего человека, и в истинной религиозной этике проблема Божьих судов - совсем иная. Религиозный человек верит, что Бог знает его намного лучше, чем сам он знает себя. Порой это пугает, но никогда не парализует - ведь человек уверен при этом, что он способен судить о добре и зле и потому на уровне поступка должен полагаться на собственную совесть. Божий суд согласуется с ее судом. Если совесть ошиблась, непогрешимый Божий суд учитывает это, судя о поступке (конечно, когда ошибка - невольная, непреднамеренная). Бог непрерывно проникает в самую сущность человека намного глубже собственной его совести и потому знает все скрытые ходы и связи. Он знает, сильно ли человек стремится к добру и отделяет мнимо благие побуждения от истинно благих.

[...]

Святой отличается от злодея не только поступками, но и суждениями о самом себе.

[...]

...ни Божья милость, ни человеческая не допускает зла. Наоборот, она всегда связана с движением от зла к добру. Там, где милуют, зло явно отстывает; если же не отступит - значит, нет милости. Зло не может породить добра, добро рождается только от другого добра, и милость Божья - именно то добро, которое рождает добро вместо зла. Милость не одобряет зла и не глядит на него сквозь пальцы, она помогает отказаться от греха - в самых разных случаях, иногда поистине крайних, самыми разными способами. Милость Божья неразрывно связана с правдой...

Проблема бескорыстия

[...]

Проблема вины и кары — верный показатель справедливости, которая лишь частью осуществляется на виду у всех, а намного чаще - в глубинах виновной души, - вечный этический мотив.

[...]

...каждый человек и все человечество стремится к конечной справедливости; однако никто не скажет, что в этом есть корысть. Такая "корысть" не вредит бескорыстию. Справедливость по сути своей бескорыстна, она выше всех "интересов". Человек, руководствующийся справедливостью, - тот, кто чувствует, как она важна и велика, - одним этим свидетельствует о своем принципиальном бескорыстии, ибо встает над всеми интересами и выгодами ради того, что достойно само по себе.

[...]

...в каждом человеке таится склонность толковать в духе утилитаризма Евангельское учение о вечной награде за добрую жизнь и каре за жизнь дурную. Этим мы недооцениваем справедливость с точки зрения эгоизма, человек хотел бы выгадать награду и избежать наказания ценой как можно меньших затрат. Однако такое понимание истин о награде и каре - кто бы его ни допускал верующий или неверующий - совершенно не согласуется с Евангелием. Евангелие показывает, что путь к награде идет через любовь, а не через расчеты: а любовь исключает корысть, она бескорыстна по самой своей сути, еще бескорыстней, чем справедливость.

Как толковать учение о счастье

[...]

Стремление к счастью не лежит на поверхности желаний, тем более - на поверхности дел. Однако нетрудно открыть его в них и объективировать - совершенно ясно, что именно оно постоянно действует в глубине воли.

[...]

...По существу своему этика - не наука о счастье, ибо она - наука нормативная, а счастье стоит за нормой или над ней. Оно - цель природы, а не предмет выбора, тогда как норма связана лишь предметами выбора. Предмет выбора - это всегда дорога, по которой человек должен идти, счастье же - не дорога, а цель каждого пути. Поэтому нетрудно согласиться, что этика косвенно указывает человеку путь к счастью. Так понимал ее роль Аристотель, так понимает Евангелие.

[...]

То счастье, о котором говорится в Евангелии, приходит через совершенство. Его не покупают, однако, ценой совершенства, но дорастают до него, совершенствуясь, становясь все лучше, все более соответствуя человеку.

[...]

Человек созревает до счастья, ибо созревают в этом смысле только личности, становясь личностями во всей полноте. Поэтому персоналистическая этика (а такова этика Евангелия) провозглашает лишь то счастье, до которого можно дозреть только нравственным усилием, присущим лично-

сти.

Отношение к удовольствию

[...]

...человек дозревает до счастья, совершенствуясь нравственно...

[...]

...Моральное благо приносит глубокое удовлетворение, зло причиняет угрызения совести, страдание и боль. Не достаточно ли в таком случае счастье ориентиром удовольствия - принимая, конечно, во внимание то, что подсказывает нам совесть, - и вести себя согласно этому?

[...]

Концепция счастья, понимаемого как сумма удовольствий, выглядит соблазнительно, ибо она учитывает ту радость и те страдания, которые дает человеку совесть; но она не способна успешно управлять нашими действиями. Не подлежит сомнению, что счастье как-то управляет делами человека, хотя и не имеет нормативных функций.

Удовольствие, радость, удовлетворение - только субъективные блага, которые сами по себе могут привести лишь к тому, что человек достигнет не счастья, а скорее, иллюзии счастья — вне объективного блага, своего или общего.

Этика дает возможность уменьшать противоречие между таким (т.е. субъективно понятым) счастьем и долгом, за которым скрывается истинно моральное благо. Христианская этика не осуждает радости, удовлетворения и удовольствия, но подчеркивает, что надо подняться над ними к объективному благу.

Человек постепенно становится все более восприимчивым к тем сложным благам - духовным и сверхприродным, которые Евангелие выдвигает на первый план в программе совершенствования. Не подлежит сомнению, что приятное - благо, а огорчение - дурно, и потому объективное развитие добра в человеке не может постоянно оставаться без последствий, Порождая все время новые чувства, новые формы удовлетворения или удовольствия, психическая жизнь человека приспособляется к его духовной жизни.

Ценности

Проблема объективного блага - тот скрытый центр, вокруг которого формируется вся этика.

[...]

...человек непосредственно переживает различные ценности и реализует своими поступками некое благо - и благо собственного бытия, объективное совершенство личности, и благо мира, к которому он принадлежит

и в котором действует, и благо Бога.

[...]

...даже без отвлеченных рассуждений о духе и материи, в любом нормально чувствующем человеке формируется убеждение о приоритете духовных ценностей. Именно они - высшие, они впрямь достаются дороже, но гораздо вернее приводят к объективному благу. Поэтому духовные ценности свидетельствуют прежде всего о человеке, о его совершенстве...

Духовные ценности выше материальных не потому, что мы их так воспринимаем. Они выше, ибо связаны с объективно более высоким бытием, с бытием, которое совершенней материи.

[...]

...познание само по себе - совершенствование разума, нравственность - совершенствование воли. Только для существ, наделенных разумом, существует проблема истины, и только для существ, наделенных разумной волей, существует нравственное благо. Вне духовной сферы эти ценности не имеют права на существование. Трудно не признать, что это - наивысшие ценности, какими живет человек, а потому трудно не признать и главенство духа.

[...]

Духовные ценности в человеке не могут исходить из материи, она обуславливает их возникновение извне; источник их - именно в духе, он их производит, в нем непосредственная причина их возникновения и существования. Всякий, кто не хочет пренебречь первенством нравственности в человеке, должен признать первенство духа; и любой признает, что и человеку, и обществу опасно отказываться от главенства нравственности.

Что такое аскеза?

[...]

...духовные ценности, объективно более высокие, иногда оказываются слабее материальных ценностей, объективно более низких. Человек сильнее, непосредственнее воспринимает то, что материально, что поддается его ощущениям и приносит ему удовольствие.

[...]

Духовные ценности не действуют с такой непосредственной силой, не захватывают человека с такой легкостью и не притягивают с такой мощью. Вот почему в столкновении с материальными, непосредственно ощущаемыми ценностями они часто терпят поражение. Это - поражение самого человека, ибо именно духовные, нравственные ценности свидетельствуют о его совершенстве. Понятно, что он должен защищаться, чтобы не потерпеть такого поражения, он должен делать все возможное, чтобы обеспечить победу ценностям, которые слабее ощущаются, не так властно притягиваются и захватывают. Он должен добиться того, чтобы слабо восприни-

маемые ценности усилились в нем, ибо они объективно выше и важнее, должен непрестанно противостоять низшим ценностям...

[...]

...Чтобы осуществить это в жизни, сделать так, чтобы все переживаемые человеком ценности заняли в его душе надлежащее место, необходимо особое усилие. Это усилие и называется аскезой.

[...]

...Она знает просто, что человек добросовестно и безусловно работает над собой, над своим нравственным совершенствованием и созревaniem.

Идея и смирение

[...]

Идеология отличается от идейности, она означает взгляд или комплекс взглядов, которые несомненно обращены к воле и чувствам, но прежде всего имеют познавательное содержание и относятся к области мышления.

[...]

...идеология живет в поступках идейных людей, связь ее с этикой не подлежит сомнению.

О связи идеологии с нравственностью в немалой мере свидетельствует установка, которую подчеркивает Евангелие. Это - установка на смирение.

[...]

...установка на смирение удерживает человека в разумном подчинении идеям или идеологии. Чтобы это подчинение было разумным, сама идея должна быть значительно выше человека. Тот, кто сильно чувствует величие такой идеи, — человек смиренный. Чувствует же величие идеи, ее исключительность такой человек, который добросовестно старается ее осуществить, Именно тогда он убеждается, что идея объективно выше его, и все, что направлено на ее осуществление, приносит лишь частичные результаты, оставляя гораздо больше для дальнейшей работы.

[...]

Смиренный человек умеет и на практике, и в теории согласиться с тем, что идея - выше его. Он даже как бы благодарен ей за то, что она удерживает его в состоянии бодрствования, стремления и поиска. Ни в мыслях, ни на словах он не принижает идею за то, что она велика, а он — меньше ее, он - старается и может постепенно и настойчиво возрастать, ориентируясь на нее...

Идейность связана не только с наличием идей в сознании; она всегда выражается в особом напряжении, в концентрации воли. Концентрация эта направлена на осуществление идеи, точнее - на осуществление идеалов, на

этой идее основанных. Идеалы содержатся не только в учении, скажем, для христианина они содержатся только в Евангелии, но и в жизни, в людях, которые осуществили либо осуществляют идею, а потому для всех ее последователей стали образцами жизни и поведения.

Краеугольный камень современной этики

[...]

Среди упреков, обращенных к религиозной этике, в особенности христианской, часто можно слышать, что она занимается прежде всего или даже исключительно личной жизнью человека, не посягая на его общественную жизнь и деятельность. Именно в связи с этим многие противопоставляют ей этику социалистическую, понимая под этим такую этику, которая занимается прежде всего общественной стороной человеческой жизни...

[...]

Аристотель называл этику политикой именно из-за ее общественного характера. Это определение очень мало связано с политикой в сегодняшнем смысле слова. Политика как этика коллективной жизни - первична и более фундаментальна, чем техника такой жизни. Она исходит из того, что люди, живущие в обществе и его образующие, связаны уже одним этим, общим благом, к которому каждый обязан разумно приспособить благо личное.

[...]

Человек создан Богом для господства над теми существами видимого мира, которые стоят ниже его, и для совместной жизни с существами подобными, равными ему. Это свойство человеческого бытия, его социальная сущность (*ens sociale*), глубоко укоренено в самой природе человека. Проблема объединения с другими людьми не предоставлена произвольному решению или выбору каждого человека, ибо общественная склонность есть в любом человеке, независимо от его воли. Человек не может хотеть или не хотеть этого точно так же, как не может хотеть или не хотеть самосохранения или осуществления сексуальной склонности, направленной на продолжение рода. Он чувствует, что совместная жизнь с другими людьми необходима, и необходимость эту носит в себе и с собой повсюду, даже тогда, когда его с людьми разлучают. Вся жизнь человека в рамках различных обществ проистекает из этой естественной необходимости. Воля не выбирает ее. Человек в какой-то степени может выбирать тех, с кем он вступит в более тесные связи, но склонность к объединению заложена в нем самой природой, он не может выбрать ее или отбросить.

[...]

Если исходить из единичного человека, природа которого никак не

велит ему принадлежать обществу, если общество и социальная жизнь — только результат договора, как утверждали, например, Юм, Гоббс или Руссо, тогда индивид тоже имеет право во всем диктовать обществу свою волю. Он может на каждом шагу нарушать общественный договор и изменять его по своему усмотрению, руководствуясь собственной выгодой. Любая точка зрения, исходящая из таких посылок, какую бы программу она ни провозглашала, — это индивидуализм. Тогда индивид первичнее и важнее общества, а общество, которое своим бытием обязано его воле (воле многих индивидов), существует исключительно для него (для них).

[...]

Человек свободен, но свобода эта не означает независимости от общества. Свою свободу он употребит хорошо тогда, когда на естественном основании своей склонности к общественной жизни разовьет в себе реальные общественные добродетели. Добродетели эти способствуют и общему благу. Человеческая личность не может развиваться и совершенствоваться вне общества.

Справедливость и любовь

[...]

... нравственное учение Ветхого Завета основано скорее на справедливости, а нравственное учение Христа - на любви. Любовь совершенней справедливости - и мы скорее ощущаем это, чем понимаем, поскольку в сферу любви входят сердечность, доброта, самопожертвование, а со справедливостью чаще связывают холодный рассудок, решительность и строгость.

[...]

И справедливость, и любовь направлены к добру и к человеку, однако - по-разному. В справедливости речь всегда идет о благе, которое надо так или иначе разделить между людьми,

[...]

...справедливость нужна - и для того, чтобы члены данного сообщества надлежащим образом разделили между собой обязанности по отношению к обществу.

[...]

Любовь тоже имеет общественный характер, но она касается данного блага и данного человека. Для справедливости благо - прежде всего объект, который делится между людьми. В любви это исчезает. Объект любви - подлинное благо, без делений и ограничений. В ней речь идет о наибольшем благе для человека.

[...]

Любовь - та единственная сила, которая дает максимально приблизиться к человеку, вникнуть в его мир, а иногда душою отождествиться с

ним. Здесь отличие любви от справедливости особенно явственно, ибо справедливость выдерживает дистанцию с другим человеком, только разделяя какие-то блага. В любви мы не ведем расчетов, но желаем как можно больше добра тому, кого любим. По крайней мере, нам кажется, а часто и случается, что мы желаем ему больше добра, чем самим себе. Любовь высвобождает в человеке все самое благородное - любя, мы максимально далеки от корысти или потребительства. Однако справедливость и здесь играет свою роль.

[...]

И любовь-привязанность, и любовь-дружбу, и любовь-жертву надо старательно соединять со справедливостью. Видимо, о таком соединении (хотя и неявно) говорят слова заповеди "...как самого себя". Мера, указанная здесь, и впрямь очень высока.

[...]

Любовь человека мы чувствуем гораздо сильнее, чем любовь общества. Именно человек любит свою родину, класс, группу, организацию. Однако любовь эта всегда идет через конкретных людей. Семью любят через родителей, родственников, самого себя. Вот еще одно свидетельство того, что в любви важнее всего человек.

В общественной жизни любовь выполняет неслыханно важную роль - она охраняет от ожесточения, тоталитаризма или даже от чистого законничества.

Проблема борьбы

[...]

Общество - не субстанциальное единство, но лишь вероятностное; составляющие его единицы сохраняют свою реальную отдельность. Это прежде всего личности, и все попытки отобрать у них индивидуальность, отождествить их и уравнивать в совместной жизни надо называть тоталитаризмом; это противоречит элементарным требованиям общественной нравственности. Однако у людей часто весьма различные, противоречивые интересы. Разнообразны и противоречивы и интересы обществ, и общественных группировок, таких как сословия или классы. Попросту говоря, они борются, ибо противоречия эти выявляются лишь тогда, когда противники делают по отношению друг к другу какие-то враждебные шаги.

[...]

Материальные блага особенно располагают к борьбе, если никак не могут одновременно принадлежать нескольким лицам или нескольким сообществам. Духовные блага тем и отличаются от материальных, что могут одновременно принадлежать и одним и другим без какого-либо ущерба, напротив, — с выгодой.

[...]

... что важнее - борьба классов или борьба за *справедливость*? Христианская этика никогда не была и не будет классовой, но должна быть универсальной и не может быть иной; потому она прекрасно понимает борьбу за справедливость.

[...]

Борьба за справедливость неизбежна там, где есть несправедливость, будь то в отношениях между человеком и человеком или между общественными классами. Если борьба необходима, если нельзя иначе примирить противоположные интересы, тогда обиженная сторона ведет не только справедливую борьбу, но и борьбу за справедливость. Так ведут справедливую борьбу и борьбу за справедливость общества, народы, государства и угнетенные люди. Однако борьбу эту ведет лишь одна из воюющих сторон, вторая же всегда фактически остается несправедливой. В любой борьбе добро и нравственное зло смешиваются между собой на каждом шагу. Мы уже упоминали здесь о физическом зле, которое несет с собой борьба, о том, как она разрушает жизнь, здоровье, культуру.

Однако имеются достаточные поводы, чтобы пытаться предотвратить любую борьбу. Именно это четко сформулировала христианская этика во всех нормах справедливости, прежде всего - в основной своей норме любви. Особенно трудную заповедь - а ею обычно считают заповедь любви к своим врагам - можно понять шире, как требование всеми силами предотвращать борьбу. Ведь и человек, и сообщества или группы в борьбе забываются, и неизвестно, когда борьба за справедливость превратится в борьбу ради борьбы. В свете христианских принципов, с одной стороны, надо бодрствовать, чтобы, всеми силами предотвращая борьбу, никогда не поступиться справедливостью, а с другой стороны, воинствуя, не превысить требований справедливости и не впасть в борьбу ради борьбы

[...]

Пока на первый план выдвигаются только материальные ценности, провозглашается лишь то, что разделяет и ведет к борьбе, интересы расходятся, они враждебны. Подлинное единство человеческих интересов связано с духовными ценностями. Две системы ценностей, материализм и христианство, две этики, этика борьбы и этика любви - это два пути и два решения судьбы человечества в любом масштабе.

Независимая этика в свете идеи справедливости

[...]

...основные общественные добродетели определяют не только отношение человека к человеку, но и отношение Бога к человеку и человека к Богу...

[...]

Не только Бог справедлив к человеку, но и человек может быть спра-

ведливым или несправедливым к Богу.

[...]

...в программе независимой этики речь идет прежде всего о такой системе нравственных норм, которая не зависит от религии, если же она от религии не зависит, само собой разумеется, что она не содержит никаких принципов, определяющих отношение человека к Богу... концепция независимой этики родилась из потребностей жизни - она должна была незамедлительно заполнить пробел, создать программу нравственности, необходимую всем тем людям, которые утратили веру в Бога, не верят, что Бог есть. Тем самым они не могут принять религиозную этику, но не могут оставаться и без всякой этической программы.

[...]

Содержащиеся в ней принципы или нравственные идеалы – это или нравственные идеалы христианской этики за вычетом всего того, что в ней относится к Богу, то есть чисто религиозно.

Виктор Эмиль Франкл

(1905 – 1997 гг.)

Печатается по: Ф.Франкл. Человек в поисках смысла. –М.,1990.

[...]

Лишь в той степени, в какой я сам отступаю на задний план, предаю забвению мое собственное существование, я приобретаю возможность увидеть нечто большее, чем я сам. Такое самоотречение является ценой, которую я должен заплатить за познание мира, ценой, которой я должен приобрести познание бытия, большего, чем просто проявление моего собственного бытия. Одним словом, я должен игнорировать самого себя.

Существующие возможности всегда носят преходящий характер. Будучи, однако, единожды осуществлены, они осуществлены уже раз и навсегда, и хотя они уже в прошлом, они тем самым сохранены, спасены от тлена, от исчезновения, они нашли прибежище в прошлом. Они не безвозвратно потеряны в нем, а, напротив, надежно укрыты. Ведь то, что однажды произошло, не может быть отменено, не может быть изъято из прошлого.

[...]

Это и накладывает, глубоко и окончательно, печать ответственности на человеческое бытие.

[...]

Любовь можно определить как возможность сказать кому-то «ты» и еще сказать ему «да». Иными словами: это способность понять человека в его сути, в его конкретности, в его уникальности и неповторимости, однако

понять в нем не только его суть и конкретность, но и его ценность, его необходимость. Это и значит сказать ему «да». И вновь оказывается, что не правы те, кто утверждает, что любовь ослепляет. Наоборот, любовь дает зрение, она как раз делает человека зрячим. Ведь ценность другого человека, которую она позволяет увидеть и подчеркнуть, еще не является действительностью, а лишь простой возможностью: тем, чего еще нет, но что находится в становлении, что может стать и что должно стать.

[...] Задача совести - открыть человеку «то, что надо». Однако это «то, что надо» всегда только одно. Таким образом, речь идет о чем-то абсолютно индивидуальном, об индивидуальном долженствовании, которое не охватывается ни одним общим «моральным законом» (типа кантовского императива), но предписывается «индивидуальным законом». Оно не познаваемо рационально, а лишь постижимо интуитивно. И интуитивное достижение этого результата обеспечивается совестью.

Только совесть может как бы согласовывать «вечный», всеобщий моральный закон с конкретной ситуацией конкретного человека. Жизнь по совести - это всегда абсолютно индивидуально-личная жизнь в соответствии с абсолютно конкретной ситуацией, со всем тем, что может определять наше уникальное и неповторимое бытие.

[...]

Полная саморефлексия, однако, не только невозможна, но и не требуется, ведь в задачу духа не входит наблюдать и отражать самого себя. Сущность человека включает в себя его направленность вовне, на что-то или на кого-то, на дело или на человека, на идею или на личность! И лишь поскольку мы интенциональны, постольку экзистенциальны; лишь в той мере, в какой человек духовно сопresentsует чему-то или кому-то, духовной или иной сущности, лишь в меру такого сопresentsуствия человек сопresentsует себе. Человек не для того здесь, чтобы наблюдать и отражать самого себя; он здесь для того, чтобы представлять себя, поступаться собой, чтобы, познавая и любя, отдавать себя.

[...]

И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке. Духовная личность - это то в человеке, что всегда может возразить!

[...]

Мое личностное бытие и означает свободу - свободу стать личностью. Это свобода от своей фактичности, свобода своей экзистенциальности. Это свобода стать иным.

[...]

Тот, кто провозглашает наслаждение как принцип, делает из него предмет форсированного намерения или даже объект форсированной ре-

флексии, гиперрефлексии, как мы ее называем, тот не дает ему быть тем, чем оно должно быть: результатом. Но именно это превращение наслаждения как результата в наслаждение как объект намерения ведет к утрате самого наслаждения; принцип наслаждения разбивается о себя же самого. Чем больше человек нацелен на наслаждение, тем больше оно от него ускользает, и наоборот: чем больше человек стремится избежать неудовольствия, избежать страданий, тем больше он ввергает себя в дополнительные страдания.

[...]

Если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я Должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир.

[...]

Перед лицом смерти - как абсолютного и неизбежного конца, ожидающего нас в будущем, и как предела наших возможностей - мы должны максимально использовать отведенное нам время жизни, мы не имеем права упускать ни единой из возможностей, сумма которых в результате делает нашу жизнь действительно полной смысла.

Конечность, временный характер, таким образом, не просто являются характерными чертами бытия, но и помогают сделать его осмысленным. В основе смысла человеческого существования лежит принцип необратимости.

[...]

Жизнь превосходит себя не в «длину» - в смысле самовоспроизводства, а в «высоту» - путем реализации ценностей - или в «ширину» - воздействуя на общество.

[...]

Смысл сообщества держится на индивидуальности каждого его члена, а смысл личности проистекает из смысла сообщества, «смысл» толпы разрушается индивидуальными особенностями составляющих ее людей, а смысл отдельной личности топится толпой (в то время как сообщество помогает этому смыслу проявиться).

[...]

Скрываясь и растворяясь в толпе, человек утрачивает важнейшее из присущих ему качеств - ответственность.

[...]

Бегство «в толпу» - это способ скинуть в себя бремя собственной ответственности. Как только кто-нибудь начинает вести себя так, как будто он всего лишь частица «высшего» целого и только это целое играет определяющую роль, он начинает получать истинное наслаждение от того, что удалось «сбросить» с себя хотя бы часть ответственности. Это тенденция к

избеганию бремени ответственности оказывается мотивом для любых форм коллективизма. Истинное сообщество, в сущности, - это сообщество ответственных личностей; толпа - это просто множество обезличенных существ.

[...]

Действительность спасается от исчезновения, становясь прошлым. Момент превращается в вечность, если возможности, скрытые в нем, превращаются в те реальности, которые надежно хранятся в прошлом, «навсегда». В этом и заключается смысл любой актуализации.

III. Этические искания в России

Урал—батыр

Печатается по: Урал-батыр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bash.on.ufanet.ru/files/Ural.kniga.variant2.doc>.
– (Дата обращения: 10.03.2012).

[...]

Как Янбирде наставлял сыновей

Много-много лет жили в этих местах Янбике и Янбирде, жили, не зная, что такое смерть. Сколько помнили себя, был у них обычай - из крови убитых животных делали они особое питье, которое придавало им сил и бодрости.

И вдруг, один за другим, у них появились дети, два сына - Шульген и Урал.

Они росли очень быстро. Когда Шульгену исполнилось двенадцать лет, он решил оседлать льва и отправиться на охоту. Урал, которому в ту пору было десять лет, захотел поохотиться с соколом.

Но Янбирде не дал им своего благословения. Он сказал так:

— Дети мои! Я вас люблю, как люблю свои глаза, которыми смотрю на белый свет! Но разрешить охотиться не могу — у вас еще не выпали молочные зубы, вы еще не окрепли телом и душой, не пришло пока ваше время.

Не торопите своего детства и слушайте меня. А я вам говорю — чтобы привыкнуть к верховой езде, садитесь на оленя. Чтобы научиться охотиться с соколом, пускайте его на стайку скворцов. Есть захочется — ешьте, пить захочется — пейте, но только воду из родника. Пить то, что мы с матерью пьем, вам запрещено.

Кивнули мальчики, усмирили юный пыл, принялись за новые игры.

Как Шульген нарушил запрет отца

Однажды Янбирде и Янбике ушли на охоту и долго не возвращались. Мальчишки играли на полянке, а когда проголодались, Шульген вдруг сказал младшему брату:

— Давай попробуем то, что пьют наши родители. Я подсмотрел, где они прячут питье.

— Нельзя, — отвечал ему Урал. — Отец не разрешает, ты же знаешь. Тогда Шульген стал уговаривать брата:

— Да ты не бойся, он ничего не узнает, мы же только попробуем кровь на вкус. Питье—то сладкое, наверно. Если бы это было не так, отец и мать не ходили бы на охоту, не губили зверей, позабыв о сне и отдыхе.

— Пока не стану егетом, пока не узнаю людских обычаев, пока не постранствую по земле и не уверюсь в том, что Смерти на свете нет - пробовать это питье не буду, — твердо стоял на своем Урал.

— Да ты просто трус,— разозлился тогда Шульген и стал громко смеяться над братом.

— Нет, я не трус,— не поддался Урал. — Львы и тигры очень храбрые звери, но и они плачут, когда к ним приходит Смерть. Вдруг, если попробовать кровь на вкус, она здесь появится?

— А ты не бойся,— сказал непослушный Шульген. Побежал он к тайному месту и отпил немного из раковины морской, в которой хранилось питье. Так Шульген нарушил запрет отца.

[...]

Урал и Шульген встречают старца и бросают жребий

Время в пути течет незаметно. Ночь проходила - наступал день. День проходил – наступала ночь. Так шли месяц за месяцем, год за годом.

Возмужали братья в дороге, открытыми глазами стали глядеть на мир. Пересекали они широкие реки, через горы переваливали, темные леса проезжали. Всякое попадалось им в пути, многое пришлось изведать.

И вот однажды вдалеке увидели братья огромное дерево. Устремилось оно своей вершиной в небо, так что если посмотреть туда – шапка упадет непременно. Подъехали братья ближе, и оказалось, что под тем деревом стоит седобородый старец с длинным посохом в руке. Спешились братья, поприветствовали старца, отвесили ему земной поклон.

Ласково встретил их старец, спросил, куда путь—дорогу держат. Не стали братья таиться, рассказали все, как есть, что задумали они отыскать Живой Родник, Смерть— злодейку приструнить.

Окинул их взглядом старик, задумался. Наконец, погладив седую

бороду, молвил так:

- Укажу я вам, храбрые мои молодцы, две дороги. Та, что идет налево, – ведет в страну падишаха Самрау, царя птиц. И днем, и ночью в той стране веселье, не знают подданные его, что такое печаль и уныние. Там волки и овцы пасутся на одном лугу, там лисы и куры гуляют вместе по темным лесам безо всякой опаски. Да, велика и обильна та страна, там крови не пьют, там мясо в пищу не употребляют, там платят добром за добро, и никогда не отыщет Смерть дорогу в ту страну.

Но горе тому, кто пойдет направо! Приведет его дорога в страну падишаха Катила, страну горя, страну жестокосердия и зла. Там земля усыпана человеческими костями, там живые завидуют мертвым и проклинают час, когда появились на свет. Вся земля там залита кровью.

Услышали такие слова братья и поняли, что пришла им пора расстаться. Решили они бросить жребий, чтобы выбрать свой путь.

И выпало так, что Шульген должен был отправиться направо, в страну падишаха Катила. Не согласился с этим Шульген, гневно нахмурил брови. Отрывисто бросил:

- Я старший, я выбираю дорогу.

И пошел налево, даже не попрощавшись.

Бросился было Урал вослед брату, но быстро опомнился. Понял он, что пути их расходятся, только не знал – насколько.

Делать было нечего, и Урал, поблагодарив старца, пожелав ему здоровья и благополучия, пошел направо, в страну падишаха Катила, страну безмерного горя и страдания.

[...]

Шульген встречает прекрасного юношу

С тех пор, как расстались два брата, мы совсем забыли о Шульгене. А между тем он шел и шел по той дороге, что вела направо. Тишина и покой окружали его, не встретился ему в пути ни зверь хищный, ни гад ядовитый. Все дышало миром и спокойствием — олени сами подходили к нему, когда он спал у дороги, птицы, не таясь, щебетали над его головой, и даже когда Шульген протягивал к ним руку, они отлетали не сразу. Так текли дни среди зноя и ленивого однообразия пути. Только странное дело – пустынно было на той дороге, и кроме зверей лесных и птиц поднебесных, никого не встретил Шульген, ни одного человека.

И вот однажды услышал он за поворотом странный шум, словно кто—то плескался в воде, громко радуясь жизни. Поспешил тогда Шульген, прибавил шагу и перед ним открылась такая картина – в небольшом ручье шумно плескался красивый юноша со странно знакомым лицом. Он нисколько не испугался Шульгена, когда заметил его, а только вышел из

воды, накинул на себя широкое одеяние и приветствовал Шульгена, словно родного брата.

- Кто ты?— спросил пораженный Шульген. — Почему мне так знакомо твое лицо, ведь я впервые в ваших краях?

- Я — из счастливой страны, — отвечал ему юноша.— И лицо мое кажется тебе знакомым потому что, наверное, ты видел кого—нибудь из нашей страны. У нас все люди на одно лицо, словно все мы рождены одной матерью.

- Пстой, пстой, — вскричал тогда изумленный Шульген. — Со всем недавно, я припоминаю, со мной говорил один старик... Не дед ли твой сидит в месяце пути отсюда, на развилке дорог? Вы с ним так похожи, и голос у вас одинаковый.

- Знай, юноша,— отвечал незнакомец Шульгену. — Тот старик — мой брат. Мы выросли вместе с ним.

- Но как тогда понять — удивлению Шульгена не было конца. — Ведь ты такой юный, на твоём лице ни морщинки, и волосы твои черны, как уголь, а он старый, как сама смерть, и сгорбленный, словно ветла у реки.

- В нашей стране, — отвечал юноша,— никто не старится, мы всегда молоды до самой смерти. Есть у нас обычай — мы никому не причиняем зла, не проливаем ничьей крови. Все у нас общее — и все, что у нас есть, мы делим поровну между людьми. У нас не обижают сирот, сильный не причиняет обид слабому. Потому и живем мы долго и счастливо.

А мой брат отступился от наших обычаев. Любого, кого он осилить мог, убивал и съедал. Потому и прогнали его люди из нашей благословенной страны, потому он стал старым и дряхлым, и теперь в одиночестве льет слезы по своей загубленной молодости. Век нести ему на лице своем печать Смерти.

Обрадовался Шульген, понял он, что на правильном пути, стал спрашивать юношу о его стране. Спросил и том, как его зовут.

— У нас нет имен, — отвечал ему юноша, — а дорогу в наше царство я тебе покажу. Жаль, что не могу проводить тебя — я собираю цветы, какие не водятся в наших краях, дела мои пока еще не завершены. Но в скором времени и я отправлюсь в свою страну, потому что воздух ваших мест губителен для нас.

С сожалением расстался Шульген с тем юношей, и все же было радостно ему от того, что очень скоро увидит он страну, в которой нет смерти, страну, в которой все счастливы и вечно молоды.

[...]

Как встретились Урал-батыр и Шульген

Как же был изумлен Урал—батыр, когда в покои дворца вместе с Хумай пришел его старший брат! Обрадовался он, стал рассказывать о том, что пережил, что видел в пути.

Не удивился Урал, узнав, что Хумай заточила его в подземелье, помнил он, как невоздержан его брат на слова и поступки. А Хумай, не желая огорчать Урала, не стала рассказывать ему, что пришел в ее страну Шульген не один, а с Заркумом – злейшим врагом птиц. Удалилась она, сделав знак Уралу, что они еще встретятся, поговорят обо всем, и оставила братьев одних.

С нескрываемой злобой и раздражением слушал Урала Шульген. Думал он о том, как все получается у младшего брата и ничего не выходит у самого, Шульгена, а ведь это он старший!

«Если Урал прославится и вернется к отцу, кто тогда станет меня слушать? Никто не будет со мной считаться, — решил в тоске и отчаянии Шульген. Потому и не стал он рассказывать Уралу о своих приключениях, утаил свои тайны от брата, лицо которого светилось искренней радостью.

Решил Шульген, предавшись своей злобе, погубить Урала, славу его присвоить, красавицу Хумай отобрать, оседлать Акбузата, вооружившись булатным мечом. «Тогда, — думал он, — все склонятся предо мной, признают, что нет на земле равного мне батыра».

А Урал по доброте своей, не ожидая от брата ничего худого, не обратил внимания на то, что встретил его Шульген без всякой радости. «Сидел бедняга в подземелье, не по себе ему. Но ничего, сходим на охоту, развеемся», — решил Урал—батыр.

Однако неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, а угрюмость не сходила с лица Шульгена. Целыми днями сидел он в каком—нибудь укромном углу дворца, погруженный в свои черные мысли.

И вот однажды Урал—батыр, вернувшись вместе с Хумай с веселой прогулки, долго искал своего брата. Обошел он все закоулки дворца –нет нигде Шульгена, пропал! Наконец отправился Урал в поле и там нашел Шульгена сидящим над ручьем в глубокой тоске.

Попытался заговорить с ним Урал-батыр– не отвечает Шульген, замкнулся в себе. Ничто не может отвлечь его от мрачных мыслей.

Видя, что все уговоры бесполезны, поднялся с места Урал—батыр и сказал такие слова, обведя рукой весь свет:

— Послушай, брат, ведь мы с тобой батыры. А есть ли на свете сила, что одолеет батыра? Радость и горе, счастье и беда следуют за батыром, словно тень, не оставляя ни на миг. То с радостью встретится он под солнцем, то с бедой. Но разве мужчина, что зовется батыром, отступит, разве поддастся беде или разомлеет от счастья? Нет, ничему не уступит дорогу батыр. Против огня он станет водой, против врага он встанет горой. Не ради себя, ради людей найдет он выход из всех трудностей.

Батыр не жалуется на судьбу, ведь она в его руках, не станет он скучать на добро – ведь все добро мира принадлежит ему. В битве он неутомим, в небо поднимется без всякой лестницы, надо будет — разомкнет землю и спустится в мрачные ее подземелья, победит всех врагов и снова будет жить.

Добрый совет, поданный другом, помогает батыру, а питье, поданное врагом, становится для него ядом.

Так говорил Шульгену брат его Урал, воодушевляя его на подвиги, достойные батыра.

Ни слова не ответил ему Шульген, не мог он преодолеть силы своих черных мыслей, толкавших его на злое дело.

Оставил тогда Урал своего брата, решив, что время лучший лекарь, оно залечит душевные раны.

А Хумай, которая много думала о двух братьях в эти дни, уже поняла, что впечатление, которое у нее осталось от первой встречи с ними, не обмануло ее. Теперь она знала, что Урал—батыр - добрый человек с чистой светлой душой, и оттого привязалась к нему всем сердцем.

А вот Шульген... Шульген вызывал у нее большие опасения. Боялась она его, но почему – объяснить не могла. На всякий случай решила она разделить братьев, сделать так, чтобы виделись как можно реже, чтобы спали они в разных местах.

Урал—батыр мог проспать пять суток подряд и потому приставила к нему Хумай пять девушек, чтобы они сон его оберегали, стерегли его покой.

А Шульгена разместила она в других покоях, чтобы не смог он совершить задуманное им злодеяние.

Злился Шульген, не находил себе места, наконец пришел к брату, чтобы выложить все, что накопилось у него на душе.

— Кто его знает, чем все обернется, — сказал он Уралу. — Самрау может передумать помогать тебе. А ведь ты батыр, который прославился повсюду. Давай силой захватим Акбузата, захватим страну Самрау, сами будем править. Один из нас возьмет себе посох, другой сядет на Акбузата – кто тогда сможет нам противостоять? Тогда и я прославолюсь, дочь падишаха Самрау в жены себе возьму, на Акбузата сяду верхом.

Не сразу ответил Урал—батыр, понял он наконец, что творится в душе его брата. Но, подумав, решил не ссориться, не хотел он, чтобы Шульген стал ему врагом. Потому Урал сказал такие слова:

— Они никому не причинили зла, не проливали человеческой крови, нет в их душе враждебности по отношению к людям. Потому они наши союзники. А вот в той стране, в которой див правит, люди томятся в рабстве. Вот какую страну мы должны с тобой завоевать, освободить людей.

А насчет девушки и Акбузата скажу так— если она полюбит тебя,

она будет твоя. Если подарит тебе коня – Акбузат будет твой. Не пристало нам, батырам, враждовать из—за девушки, Смерти путь открывать нам не с руки. Мы же не убийцы, не злодеи! Одолеем Азраку, вернемся домой со славой, добудем воды из Живого Родника, сделаем всех людей бессмертными, брат!

Решил тогда Шульген, что все ему позволено, принял он слова Урала за слабость. «Теперь, - думал он, - захвачу Акбузата, и Хумай станет его».

Выбрав время, когда Урала не было во дворце, он явился в покои Хумай.

Яростный, сильный, опасный в гневе, навис он над девушкой, словно гора, открыл ей свое сердце, признался в том, что скрывал так долго.

- Сердце мое свободно для дружбы, Хумай, — сказал он, — но я не прощаю тех, кто встает у меня на пути. Вспомни, когда я только прибыл в твой дворец, ты заточила меня в темницу. Может быть, ты просто хотела отомстить мне за горе, которое я тебе причинил. Ну вот, ты отомстила.

Но теперь, когда ты меня выпустила из темницы, мы с тобой в расчете. Как только я увидел твое лицо – я позабыл все свои обиды, я вновь полюбил тебя. Пойдешь ли ты за меня? Отдашь ли мне свое сердце? Если пойдешь за меня, если полюбишь меня – будешь моей женой, а если нет – мечь моя будет ужасна, свершу я то, от чего содрогнется весь мир.

Ответь мне сейчас же, у меня нет времени ждать.

Подняла свое ясное лицо Хумай и так сказала Шульгену:

- Егет, вижу я все твои тайные помыслы, все я поняла. Но я дочь падишаха, старшая его дочь! Не все в этой жизни зависит от меня! Сделаем так, как велит обычай – устроим большой праздник, и там ты покажешь миру свое богатство, на том майдане прославишься ты.

Есть у меня конь Акбузат, подаренный мне матерью. Прискачет он на мой зов, станет рыть землю копытом. Если ты батыр — он узнает тебя. Если сможешь его оседлать, если сможешь в том седле усидеть, если сможешь булатный меч из ножен вынуть, тогда Акбузата тебе подарю, отца попрошу свадьбу нам устроить, стану возлюбленной твоей.

Решил Шульген, что Хумай согласилась на его предложение. Ярость отпустила его, и он ушел дожидаться назначенного дня.

В тот же день Хумай приказала объявить всем, что состоится праздник в ее честь, на котором любой сможет показать свою силу. Победитель должен был стать мужем царевны Хумай.

[...]

Как пришел конец падишаху дивов Азраке

Днем и ночью сражался Урал—батыр с нечистью, заполонившей землю. Акбузат выносил его из битвы, когда он уставал, Акбузат вихрем

мчался в бой, когда Урал—батыр вновь набирался сил.

Дивы погибали в яростной борьбе. Тысячами и тысячами крушил их Урал—батыр, крушил, не давая опомниться, скрыться во глубине моря, нахлынувшего на землю. И так много погибло дивов, что посреди водного простора возникла огромная гора. Увидев сушу, приплыли сюда уцелевшие люди, те, кто сумел спастись на утлых своих лодчонках.

Взобрались люди на ту гору и увидели, как вдалеке полыхает битва, равных которой не было еще на земле. То встретились на поле брани Урал—батыр и падишах дивов Азрака.

Див, огромный, словно гора, молча стоял, озирая поле брани, на котором погибли тысячи и тысячи его подданных. Но не о них жалел он, а жалел о том, что нет в ту минуту в его руке волшебного посоха, которым он мог сокрушить великую мощь Урал—батыра.

Но и меч его был не из последних, таил он в себе великую силу, от которой еще никому не удавалось уйти живым. Вздымая меч, взмахнул чудовищной лапой падишах дивов, и гром прогремел над землей. Огнем сверкнул тот меч и тяжело обрушился на Урал—батыра. Закипела вода, задрожала земля от того удара.

Но Акбузат, быстрый, словно молния, вынес Урал—батыра из—под удара, взметнулся он в небо и понес батыра прямо к падишаху дивов. Не стал медлить Урал—батыр, ударил булатным мечом и разрубил падишаха надвое. Страшно вскрикнул падишах, пошатнулся и упал бездыханным в море. От его падения содрогнулась земля, и тысячи змей завизжали от горя и муки. Но было поздно – расступилось море, разделилось на две части. И выросла в том месте огромная гора Яман— тау – Страшная гора.

А Урал—батыр, не зная устали, все скакал и скакал вперед. Там, где проходил он с верным Акбузатом, море отступало, поднималась из воды высокая гора, на которую взбирались все новые и новые, уцелевшие от потопа люди.

Урал—батыр встречает своих сыновей

Не год и не два прошло с тех пор, как Урал—батыр вступил в битву с дивами. Не знал он ни сна, ни покоя в этой войне. Перебил он дивов столько, что сбился со счета. Когда он оглядывался назад – видел горы, сложенные из побежденных им дивов и змей.

Повзрослел Урал—батыр, перед нами уже не тот юноша, что вышел со своим братом Смерть извести, но всепобеждающий батыр. В глазах его – могучий ум, в руках его – не знающий устали меч, с ним верный его друг Акбузат.

Но стала одолевать Урал—батыра усталость, все чаще думал он, что война эта нужна только ему и никому более, что люди забыли о нем в от-

чаянной попытке хоть как—то обжиться на голых, безжизненных скалах, одиноко торчащих в море.

И вот однажды, когда он преследовал дивов, наперерез отступающим врагам выскочил небольшой отряд из восьми человек.

С могучим криком напали они на дивов и искрошили их на мелкие кусочки. Удивился Урал—батыр, задумался – что это за помощники объявились у него? За многие годы не встречал он человека, рискнувшего поднять меч против врагов людей.

А в это время отряд приблизился к нему. Один из четырех юных батыров, что скакали впереди, смело снял с головы шлем и приветствовал Урал—батыра.

- Я твой сын, рожденный дочерью Катила, Яик!- сказал он.

И второй батыр снял свой шлем:

- Я твой сын Нугуш, имя матери моей— Гулистан!

И третий батыр снял свой шлем, спрыгнул с коня:

- Я Идель, твой сын, рожденный Хумай!

Поднял голову четвертый:

– Мать моя – Айхылу, имя моего отца – Шульген. Он брат тебе и враг тебе. Имя мое — Хакмар.

Посмотрел на них Урал взглядом, что проникал в самую суть вещей. Не было места сомнениям — это его дети.

Спешился с коня Урал—батыр, бросился он в объятия сыновей. За годы войны с дивами и змеями не ожесточилось его сердце, хранил он в памяти светлые дни своей юности, и вот к нему на подмогу пришли его дети —живое напоминание о его любви.

— А вы кто будете? — обратился он к четверем батырам, что, спешившись, стояли в некотором отдалении от Урала и его сыновей. За них ответил Яик, он спросил:

- Ты не узнаешь их, отец?

- Нет, — протянул Урал—батыр. — Столько всего случилось за эти годы, что уже не припомню, видел я их когда—то или нет.

- Тогда прошу тебя, отец, — пылко воскликнул Яик,— устроим привал, устроим праздник в честь нашей встречи. Ведь мы привезли тебе гостинцы с родины, подарки от наших матерей.

Видя столь искренний порыв, не стал отказываться Урал—батыр, и они устроили большой привал, отыскав укромное место среди скал и выставив дозорных.

Что рассказали Урал—батыру его сыновья

Утолив первый голод, сняв усталость, принялись они за беседу. Исчезла неловкость первых минут встречи, сыновья Урал—батыра стали чув-

ствовать себя свободнее, да и Урал—батыр немного привык к мысли, что перед ним его сыновья, которых он ни разу не видел. «Уже стали большими парнями,— думал он, — как лихо расправились с врагами в бою».

Поднял голову Яик, самый старший из сыновей:

— Отец, дозвожь рассказать о своих странствиях, о том, как я искал тебя.

Кивнул головой Урал—батыр, комок подступил к его горлу.

Видя одобрение отца, радостью засияли глаза Яика, и он начал свой рассказ:

- Когда мне исполнилось восемь лет, сел я на коня и отправился в путь. Много стран объездил, всюду искал твои следы. И вот однажды увидел странную картину — расплескалось в некоем месте целое озеро крови, такой яркой, словно пролили ее только что. Земля ее не брала, не принимала, вороны ее не пили, хищные звери, что подходили к тому озеру, отворачивались и бежали прочь.

Когда вернулся я домой, спросил у матери своей, что бы это значило, откуда озеро крови в тех краях.

Не ответила мне мать, лишь горько заплакала. Растерялся и я, не знал, что сказать, что спросить, что за тайная причина побудила матушку расплакаться. И потом, сколько ни странствовал по свету, никто не мог ответить мне на этот вопрос — ни стар, ни млад. Лишь один старик седобородый, что в землю смотрел от старости и спины разогнуть не мог, сказал мне:

- Сынок, твой отец для нас все равно что бог, и честь его мы бережем как свою. Ты его сын, ты и наш сын. Но и мать твоя нам не чужая. А без согласия ее не откроем мы тайны, поклялись мы в том нашей честью. Возвращайся к матери, сынок, и если откроет она тебе эту тайну — об остальном ты и сам догадаешься.

Но мать не хотела со мной говорить, как ни просил я, как ни умолял.

Она всегда, укладывая меня, напевала колыбельную, от которой я сладко засыпал. И вот однажды решил я не спать, порезал руку и на рану насыпал соли. Болела рана, и, как ни баюкала меня мать, я не уснул, а только притворился, что сплю. Я думал, может быть, она о чем—нибудь проговорится.

Долго ли сидела мать надо мной или нет, не знаю, только видя, что я уснул, она стала горько плакать, роняя слезы на мою руку. Задумалась, склонив голову, стала сама с собой разговаривать.

— Уехал возлюбленный мой Урал, оставил меня одну. Вернется ли когда— не знаю. Вот и сын вырос, сел на коня, а отец его и не ведает о том. А ведь сын —то один к одному отец— сердце у него богатырское, храбрости и отваги ему не занимать. От своего никогда не отступится. Как же мне рассказать о том, что кровь эту пролил его отец? Расскажу — поки-

нет меня, оставит одну. Потеряла мужа, потерю сына. Горько мне, горько.

И вот поднялся я на заре, отправился к той луже крови и сказал:

— Вот ты какая, оказывается, кровь - пролил тебя мой отец! Не потому ли земля не хочет тебя принять, что сделала это рука батыра?

Забурлила кровь, нахлынула на белый камень и раздались такие слова:

— Твой дед, Катил— падишах пленил нас, четырех батыров. По его приказу вступили мы в бой с твоим отцом, и вот теперь мучаемся многие годы. Поезжай к своему отцу, расскажи ему о нашей горе. Пусть найдет, как нас воскресить, чтобы мы смогли встать на его сторону, в бою искупить свои прегрешения!

Вернулся я домой, рассказал матери, что отправляюсь к отцу, что тайна крови мне теперь известна. Не стала перечить мать, не стала отговаривать, только попросила обождать несколько дней. А сама обратилась к вещему ворону, отправила его в путь, а куда — мне неизвестно.

Каждый день выходила она встречать его, и вот на третий день вернулся ворон, принес в клюве немного воды. Тогда мать велела мне плеснуть той воды в лужу крови. Вспенилась лужа, собралась в комок и вышли из того кома четыре батыра, живых и невредимых.

С ними мать и отправила меня в путь— дорогу, просила передать тебе привет, если встречу в конце долгого пути. И вот я здесь, прими меня в свои помощники, — сказал Яик, весь сияя от того, что все—таки отыскал отца.

Улыбнулся Урал—батыр, и теплое, доселе неведомое ему чувство гордости нахлынуло на него. Вспомнил он, как смотрел на него отец, когда он отличался в чем—нибудь и понял, каково счастье отцовства.

- Позволь и мне рассказать о своих скитаниях, — взволнованно поднял лицо второй сын, Нугуш. Видя, что отец улыбается ему, он продолжил свою речь:

- Мать моя, Гулистан, в думах о тебе, отец, увяла и уже не могла стоять на ногах. Многие годы она лежала и тихо стонала во сне.

А когда мне было шесть лет, напали на нашу страну Заркум и Шульген. В ужасе бежали от них люди. А змеи затопили нашу землю водой, убивая всех, кого они могли найти. Тогда я сделал лодки, посадил на них всех, кто спасся, а сам смело вступил в битву со змеями. Змеи и дивы решили, что невесть откуда появилось огромное войско. Они же не думали, что это я убиваю их одного за другим.

И вот однажды я встретил Заркума. Он не обратил на меня внимания, ведь я показался ему маленьким ребенком. Но я смело вступил с ним в бой и победил его, искрошил на мелкие кусочки. Вот так, одного за другим, истребил я множество змей, а прочие, испугавшись, сами убежали из моей страны.

С победой вернулся я домой. Мать, с трудом поднявшись, вышла мне навстречу. Положила она руку мне на плечо и сказала такие слова - огнем горят они в моем сердце:

- Нугуш, имя твоего отца – Урал. Рожден батыром твой отец! А теперь вижу я, что сила его передалась тебе. Оседлай тулпара, мой сын, найди своего отца, стань ему помощником в битве, стань ему опорой в трудах его.

Указала она дорогу, и вот я здесь.

Умолк Нугуш, а вслед за ним начал свой рассказ Идель, самый младший из сыновей.

- Сколько помню себя, каждый день мать моя Хумай птицей взлетала в небо, словно высматривала кого—то. С высоты доносились ее причитания:

- Где же ты, мой Урал, что с тобой? Как одолеешь ты дивов и змей, как осушишь море, затопившее землю?

И вот однажды посмотрела она на меня и сказала:

– Ах, если бы пораньше ты родился, если бы ты был постарше! Стал бы ты тогда опорой для своего отца! Как он устал от битв! Как ему одиноко!

В ту же ночь от страшного удара разлетелись двери нашего дворца, и к нам в покои ворвался свирепый див. Из стороны в сторону мотал он страшными головами, хрипел, бормотал:

— Ты ли это, Хумай? Ты ли возлюбленная того, кто страну мою уничтожил, кто камень в скалы метнул, огнем опалив? Ты ли это, Хумай, давшая губителю нашему коня Акбузата, что воздвигает горы на своем пути? Ты ли это, Хумай, кто меч булатный дала тому, кто стал нашим проклятым? Отвечай - да или нет? Я швырну твою голову под ноги Уралу, лишу половины силы его.

Бросился было на мать этот див, но на полпути споткнулся, увидев меня.

Тогда зарычал он:

- Не это ли ребенок того, кто разрушил мою страну?

Мать, бледная, словно полотно, стояла, не в силах пошевелиться. А я, ни слова ни говоря, бросился на дива. Огнем хлестал он меня из одной головы, ядом брызгал из другой, но я одолел его - горло ему сдавил руками, колотил его кулаками.

Упал див, изнемог, рухнул на землю и издох. Кровь того дива затопила весь дворец, до того он был огромный.

Мать моя тогда сказала, просияв от радости:

— Батыром ты рожден, сынок, от батыра—отца. Сердцем ты юн, но духом крепок. Отец твой сражается один, поезжай к нему, стань ему опорой. Пусть враги не достанут его в бою, стань ему соратником, оберегай

его.

Сказал свое слово и Хакмар:

— Мать моя – Айхылу, отец мой— Шульген. Тебе он приходится братом. Много он крови пролил, встал на сторону змей, на сторону зла. Мать моя, став его женой, обрекла себя на позор. Однажды она призвала меня к себе, дала мне рыжего тулпара, и приказала идти к тебе вместе с Иделем, быть тебе помощником во всем.

Долго молчал Урал—батыр. Глаза его загорались гневом, когда слышал он о тяжелых испытаниях, что выпали на долю его детей, лучились радостью от того, что дети его стали настоящими батырами, не посрамили его чести. Наконец обратился он к детям своим с такими словами:

– Рад я нашей встрече, дети мои. И вам рад, батыры, что пришли ко мне с дружбой, не помня зла. Но впереди ждут нас жестокие испытания, ждут нас битвы со страшным врагом. Так пусть же радость встречи окрылит всех нас, пусть даст нам силы бороться и победить! Поразим врага, освободим землю от нечисти, победим Смерть! Принесем спасение роду человеческому!

— Пусть так и будет! — воскликнули хором сыновья Урал—батыра и их спутники.

— Да будет так! — эхом разнеслось по окрестностям. Вздогнули дивы и змеи в своих пещерах и норах. Поняли они, что близится их смертный час, что не будет им теперь спасения.

[...]

Последняя битва Урал-батыра

А люди стали понемногу привыкать к мирной жизни, забывая о мрачных временах войны. Там и сям застучали топоры, завизжали пилы, там и сям стали возникать аулы. Построив дома, стали люди ходить друг к другу в гости, устраивать веселые игрища. Стали знакомиться юноши и девушки, стали влюбляться, стали люди родниться друг с другом. И зашумели, заиграли по всей земле свадьбы, повсюду стали слышны радостные песни. Наконец—то люди вздохнули свободно.

И тут неожиданно стали приходить известия, одно страшнее другого.

Пошла, говорят, девушка за водой и не вернулась. Только нашли у воды кувшин разбитый.

Отправился, говорят, юноша в лес и пропал — ни весточки, ни следа.

Копились эти известия, и вот всем стало ясно – это дивы и змеи начали новую войну против людей. А во главе их снова стоял Шульген.

В страхе пришли люди к Урал—батыру, молили они одолеть эту напасть. Тогда Урал—батыр собрал всех людей, что жили на земле, взял их

под свою защиту.

Дивы, узнав о том, перестали появляться на земле, хоронились они в подземных пещерах, куда людям вход был запрещен. Стали они копить силы, чтобы снова напасть на людей.

Но Урал—батыр не стал дожидаться, когда дивов станет так много, что они не побоятся выйти на поверхность земли, покинут свои тесные убежища. Он собрал своих батыров, поставив во главе войск Иделя, Яика, Нугуша и Хакмара, сына Шульгена.

Горько было у него на душе, хотел он отомстить Шульгену, уничтожить его вместе со всеми дивами— приспешниками.

Отправился Урал—батыр к озеру, что осталось от волшебного моря дивов. В нем затаился Шульген со своим войском.

- Выпью это озеро до дна, освобожу род людской от нечисти! – решил Урал—батыр. Стал он пить воду озерную — закипела вода, забурлила. В страхе завизжали, заголосили дивы. Пьет Урал—батыр воду, и дивы вместе с той водой попадают в его нутро, грызут печень и сердце.

Почувствовал Урал – батыр, что плохо ему стало, выплюнул озеро, а сам, не устояв на ногах, повалился навзничь.

Выскочивших дивов тут же прикончили сыновья, но своему отцу они уже ничем не могли помочь – ослабел Урал—батыр, сила ушла из его тела.

Собрался народ возле смертного ложа батыра, ждали люди, что скажет им напоследок их батыр, каким будет его последнее слово.

Приподнялся батыр со своего смертного ложа и услышали люди его завет:

— Вода, что таится в озерах и впадинах разных, всегда будет приносить вам беду. Там всегда будут таиться дивы и всякая нечисть. Воду ту не пейте, иначе дивы проникнут к вам в нутро и уничтожат вас.

Я, гордый своим богатырством, не ценил помощников, хотел сам освободить вас от дивов, и вот умираю.

Народ мой, хочу сказать тебе такие слова — не бери себе в попутчики зло! Пусть сердце у тебя - сердце батыра, пусть рука у тебя - рука батыра, но пока не постранствуешь, не повидаешь мир, пока не станет сердце твое отважным – не делай ничего, не посоветовавшись с мудрыми людьми.

К вам мое слово, дети мои! На землях, что я освободил от дивов, устройте счастье людей. Читите старшего по годам, не пренебрегайте его советами. Читите молодого за молодость его, ни лишайте его своего совета и участия.

Оставляю вам своего коня и свой меч – только отважному покорятся они, только в руках батыра страны будет он сверкать, как молния.

Матерям вашим передайте, пусть не держат на меня зла, пусть простятся со мной миром.

А всем вам скажу так — пусть добро будет вашей опорой, вашим спутником в пути. Не сторонитесь добра, не проторяйте дорогу злу!

Сказал так Урал—батыр и умер. И в глубокой скорби весь народ низко—низко склонил свои головы.

В тот же миг с неба упала звезда, и Хумай узнала, что мужа ее нет более в живых. Вновь надела она свой птичий наряд, прилетела из—за гор, из—за лесов, из птичьей своей страны.

Прощание вышло грустным. Поцеловала она мертвого Урал—батыра в губы, сказала:

- Ах, Урал, мой Урал, не застала я тебя в живых, не услышала последних слов твоих, не смогла облегчить твою печаль. В юности встретила я тебя, лишь для тебя сбросила птичий наряд.

Когда пошел ты на войну против злодеев—дивов, когда оседлал Акбузата, а в руки свои взял булатный меч, я провожала тебя в бой, и была я тогда самой счастливой на свете. А теперь что же делать мне?

Пусть люди зовут меня Хумай, но своего наряда птичьего я уже не сброшу, не стану тешить мужские взоры. Нигде и никогда не найду я такого, как ты, матью батыру не стану.

Буду я птицей вовеки. Снесу яйцо, будет то дитя птицей белой, как чистые твои помыслы, мой Урал!

Похоронила Хумай Урал—батыра. Его могилу вода не зальет, огонь не сожжет. На высокой горе та могила, на горе, что поднял Урал из моря.

Улетела Хумай, скрылась из глаз. А гора осталась. И скоро стала она именоваться Урал—гора. А потом и всю страну стали называть его именем — Урал.

Домострой

Печатается по: Домострой: Сборник. – М., 1991.

1. ПОУЧЕНИЕ ОТЦА СЫНУ.

Благословляю я, грешный (имярек), и поучаю, и наставляю, и вразумляю единственного сына своего (имярек) и его жену (имярек), и детей их, и домочадцев - следовать христианским законам, жить с чистой совестью и по правде, в вере соблюдая волю божью и заповеди его, а себя утверждая в страхе божьем и в праведном житии, жену наставляя и домочадцев своих не понуждением, не битьём, не тяжкою работой, а словно детей, что всегда в покое, одеты и сыты, и в теплом доме, и всегда в порядке. Вручаю вам, по-христиански живущим, на память это писание, на вразумление вам и детям вашим. Если ж писания моего не примете, наставлению не последуете, не станете жить по нему и поступать не будете так, как здесь сказано, дадите ответ за себя сами в день Страшного суда, а я пре-

ступлениям и грехам не причастен вашим, не моя то вина: благословлял я вас на благочинную жизнь, и размышлял, и молил, и поучал, и писал вам. Если же примете простое мое поучение и ничтожное наставление со всей чистотою душевной и прочтете, прося, насколько возможно, у Бога помощи и разума, и коли Бог вразумит, претворите их все в дело,- будет на вас милость божья и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до окончания века. И дом ваш, и чада ваши, имение ваше и богатство, какие вам Бог послал нашим благословением и за ваши труды - да будут благословенны и преисполнены всяческих благ во веки веков. Аминь.

[...]

5. КАК ЦАРЯ ИЛИ КНЯЗЯ ЧТИТЬ И ВО ВСЕМ ИМ ПОВИНОВАТЬСЯ, И ВСЯКОЙ ВЛАСТИ ПОКОРЯТЬСЯ, И ПРАВДОЙ СЛУЖИТЬ ИМ ВО ВСЕМ, В БОЛЬШОМ И В МАЛОМ, А ТАКЖЕ БОЛЬНЫМ И НЕМОЩНЫМ – ЛЮБОМУ ЧЕЛОВЕКУ, КТО БЫ ОН НИ БЫЛ; И САМОМУ ВСЕ ЭТО ОБДУМАТЬ.

Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почтением правду ему отвечай, как самому Богу, во всем ему повинуйся. Если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться: этот - временен, а небесный вечен, он – судья нелицемерный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь, воздавая им должную почесть, ибо посланы Богом карать злодеев и награждать добродетельных. Князя своего прими и власти свои, не помысли на них зла. Ибо говорит апостол Павел: «Вся власть от Бога», - так что кто противится власти, тот божью повелению противится. А царю и князю и любому вельможе не думай служить обманом, погубит Господь изрекающих ложь, а сплетники и клеветники прокляты и людьми. Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних почитай как братьев, немощных и скорбных любовно утешь, а младших как чад возлюби - ни одному созданию божью не будь лиходеем. Славы земной ни в чем не желай, проси у Бога вечного блаженства, всякую скорбь и тягость благодарно претерпи: если обидят - не мсти, если хулят - молись, не воздавай злом за зло, за клевету - клеветой; согрешающих не осуждай, припомни свои грехи, позаботься прежде всего о них; злых людей отвергни советы, ревнуй живущим по правде, деяния их занеси в свое сердце, и сам поступай так же.

6. КАК ПОЧИТАТЬ ОТЦОВ СВОИХ ДУХОВНЫХ И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ ВО ВСЕМ.

Следует знать и то, как почитать детям духовных своих отцов. Приискать отца духовного доброго, боголюбивого и благоразумного, рассудительного и твердого в вере, который подаст пример, а не потаковщика пьяницу, не сребролюбца, не гневливого. Такого следует почитать и слушать-

ся его во всем, и каяться перед ним со слезами, грехи свои поведая без стыда и без страха, а наставления его исполнять и епитимьи соблюдать по грехам своим. Призывать же его к себе в дом часто, да и к нему приходить на исповедь по всей совести, поученьям его с признательностью внимать, и подчиняться ему во всем, и почитать его, и бить челом ему низко: он учитель наш и наставник. И пребыть перед ним со страхом и признательностью, к нему ходить и давать ему подношения от своих плодов трудов по возможности. Советуйтесь с ним почаще о житии полезном, чтоб удержаться от всяких грехов. Как мужу наставлять и любить жену свою и детей и слуг, как жене слушаться мужа; обо всем советуйтесь с ним всякий день. Исповедоваться же в грехах своих следует перед отцом духовным и открывать грехи свои все, и покоряться ему во всем: ибо заботятся они о наших душах и ответ дадут за нас в день Страшного суда; и не следует ни бранить их, ни осуждать, ни укорять, а если же станут за кого просить, выслушать это, да наказать виновного, по вине смотря, но прежде все обсудив.

[...]

9. КАК ВСЯКОГО ПОСЕЩАТЬ В СТРАДАНИИ В МОНАСТЫРЯХ. В БОЛЬНИЦАХ И В ТЕМНИЦАХ.

В монастыре и в больнице, в затворничестве и в темнице заключенных посещай и милостыню, по силе своей возможности, подавай, что попросят; взглядишь в беду и страдания, во все их нужды, и помогай, как сможешь, и всех, кто страдает в бедности и в нужде, как нищего не презирай, пригласи в свой дом, напои, накорми, согрей, с любовью и с чистою совестью приветь; их молитвами получишь от Бога милости и грехов отпущение. Поминай и родителей своих покойных подношением в церковь божию на панихиду и на службы, и дома поминки по ним устраивай, а нищим раздай милостыню: тогда и тебя не забудет Бог.

[...]

15. КАК С ДОМОЧАДЦАМИ УГОЩАТЬ БЛАГОДАРНО ПРИХОДЯЩИХ В ТВОЙ ДОМ.

Перед началом трапезы прежде всего священники славят Отца и Сына и святого Духа, потом деву Богородицу и вынимают освященный хлеб, а по окончании трапезы освященный хлеб выставляют, и, помолясь, как должно вкушают и освященную чашу пречистой Богородицы пьют. Потом же пусть скажут о здравии и заупокой. И если едят в благоговейном молчании или за духовной беседой, тогда им невидимо ангелы предстоят и записывают дела добрые, а еда и питье тогда в сладость. Если же станут еду и питье хулить, точно в отбросы сразу превращается то, что едят. А если при этом грубые и бесстыдные речи звучат, непристойное срамословие, смех, забавы разные или игра на гусях и всякая музыка, пляски и хлопанье в ладоши, и прыжки, всякие игры и песни бесовские, тогда, словно дым отгоняет пчел, отойдут и ангелы божьи от этой трапезы и непристой-

ной беседы. А бесы возрадуются и налетят, свой час улучив, тогда и творится всё, что им хочется: бесчинствуют за игрой в кости и в шахматы, всякими бесовскими играми тешатся, дар божий - еду и питье, и плоды земные - на посмешище бросят, прольют, друг друга колотят, обливают, надругаясь всячески над божьим даром, а бесы записывают эти дела их, несут к сатане, и вместе радуются они погибели христиан. Но все такие деяния предстанут в день Страшного суда: о, горе - творящим такое! Когда иудеи сели в пустыне есть и пить и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их - двадцать тысяч и три тысячи. О, устрашиться тем, люди, и творите волю божью так, как в законе писано; от такового злого бесчинства сохрани, Господь, всякого христианина, Есть и пить вам во славу божию, не объедаться, не упиваться, пустых речей не вести. Когда перед кем-то ставишь ты еду и питье и всякие яства, или же перед тобою поставят их, хулить не следует, говоря: «это гнилое» или «кислое» или «пресное», или «соленое», или «горькое», или «протухло», или «сырое», или «переварено», или еще какое-нибудь порицание высказывать, но подобает дар божий - любую еду и питье - похвалить и с благодарностью есть, тогда и Бог придает пище благоухание и превратит ее в сладость. А уж если какая еда и питье никуда не годятся, накажи домочадцев, того, кто готовил, чтоб наперед подобного не было.

Из Евангелия. Когда позовут тебя на пир, не садись на почетном месте, вдруг из числа приглашенных будет кто-то тебя почтеннее, и подойдет к тебе хозяин и скажет: «Уступи ему место!» - и тогда придется тебе со стыдом перейти на последнее место. Но, если тебя пригласят, сядь войдя на последнее место, и когда придет пригласивший тебя и скажет тебе: «Друже, садись выше!» - тогда почтут тебя остальные гости. Так и всякий, кто возносится - смирится, а смиренный вознесется. А к этому добавь еще: когда пригласят тебя на пир, не упивайся до страшного опьянения и не сиди допоздна, потому что во многом питии и в долгом сидении рождается брань и свара и драка, а то и кровопролитие. И ты, если здесь находишься, хоть не бранишься и не задираешься, в той брани и драке не будешь последний, но первый: ведь долго сидишь, дожидаясь этой брани. И хозяин с этим - к тебе упрек: спать к себе не идешь, а его домочадцам нет и покоя и времени для других гостей. Если упьешься допьяна, а спать к себе не идешь - не едешь, тут и уснешь, где пил, останешься без присмотра, ведь гостей-то много, не ты один. И в этом твоём перепое и небрежении изгряднишь на себе одежду, а колпак или шапку потеряешь. Если же были деньги в кошле или в кошельке, их вытащат, а ножи заберут - и вот уж хозяину, у которого пил, и в том по тебе кручина, а тебе тем более: и сам истратился, и от людей позор, скажут: там, где пил, тут и уснул, кому за ним присмотреть, коли все пьяны? Видишь сам, какой и позор и укор и ущерб тебе от чрезмерного пьянства.

Если уйдешь или уедешь, а выпил все же порядочно, то по пути уснешь, не доберешься до дому, и тогда пуще прежнего пострадаешь: снимут с тебя и одежду всю, все отберут, что при себе имеешь, не оставят даже сорочки. Итак, если не протрезвишься и до конца упьешься, я скажу так: тело лишишь души. Спьяну многие от вина умирают и замерзают в пути. Не говорю: не следует пить, такого не надо; но говорю: не упивайтесь допьяна пьяными. Я дара божьего не порицаю, но порицаю тех, кто пьет без удержу. Как пишет апостол Павел к Тимофею: «Пей мало вина - лишь желудка ради и частых недугов», а нам писал: «Пейте мало вина веселия ради, а не для пьянства: пьяницы царства божия не наследуют». Многие люди лишаются пьянством и земного богатства. Если кто безмерно придерживается питья, восхвалят его безрассудные, но потом они же его и осудят за то, что глупо растратил добро свое. Как сказал апостол: «Не упивайтесь вином, нет в нем спасения, но упивайтесь восхвалением Бога», а я скажу так: упивайтесь молитвой, и постом, и милостыней, и посещением церкви с чистою совестью. Их одобряет Бог, такие примут от него награду в царстве Его. Вином же упиваться-то гибель души и телу, а богатству своему разор. Вместе с земным именем пьяницы лишаются и небесного, ибо пьют не Бога ради, но пьянства для. И единственно только бесы радуются, к которым пьянице путь предстоит, если не успеет покаяться. Так видишь ли, о человек, какой позор и какой упрек за это от Бога, и от святых его? Апостол причисляет пьяницу, как всякого грешника, к негодным Богу, по судьбе равным бесам, если искренним покаянием не очистит он душу свою. Так пусть же будут все христиане, с Богом живущие в православной вере, вместе с Господом нашим Иисусом Христом и со святыми его, славящие святую Троицу - Отца и Сына и святого Духа, аминь.

Но вернемся к предыдущему, о чем у нас речь. А хозяин дома (или слуги его) должен подавать всем есть и пить или за стол, или послать в другой дом, разделив по достоинству и по чину, и по обычаю. От большого стола посылают блюда, от остальных не бывает; за любовь да верную службу - пусть как положено всех оделят, и о том прощения просят. А от стола или от трапезы еду и питье тайно выносить или высылать, без разрешения и без благословения - святотатство и самовольство, таких людей всегда осуждают. Когда поставят перед тобой различные яства и пития, но если кто-то знатнее тебя из приглашенных будет, не начинай есть раньше его; если же почетный гость ты, то поднесенную пищу начинай есть первым. У иных боголюбцев обильно бывает еды и питья, и все, что останется нетронутым, убирают, потом еще пригодится - послать или дать. Если же кто, бесчувствен и неискусен, не учен и невежда, без рассуждений все блюда подряд починает, же насытись и не желая есть, не заботясь о сохранении блюд, такого обругают и высмеют, он обещен перед Богом и людьми. Если случится приветить приезжих людей, торговых ли, или ино-

земцев, иных гостей, званых ли. Богом ли данных: богатых или бедных, священников или монахов,- то хозяину и хозяйке следует быть приветливыми и должную честь воздавать по чину и по достоинству каждого человека. С любовью и благодарностью, ласковым словом каждого из них почтить, со всяким поговорить и добрым словом приветить, да есть и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а иным и послать чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать. Если какие из них ждут в сенях или сидят на дворе - и тех накормить-напоить и, за столом сидя, не забыть высылать им еду и питье. Если есть у хозяина сын или верный слуга, пусть бы и он присматривал всюду и всех бы почтил и добрым словом приветил, и никого б не ругал, не обесчестил, не опозорил, не высмеял, не осудил, чтобы ни хозяину, ни хозяйке, ни детям их, ни слугам не нанес осуждения. А если гости или гости между собой разругаются - их унимать остороженько, а кто уже не в себе - бережно препроводить его ко двору его и от всякой драки по пути уберечь; признательно и благодарно, накормив-напоив, с честью и отправить - это и Богу в дар, и добрым людям - в честь. Отнесись и к нищим милостиво и душевно - с того тебе будет от Бога награда, от людей же - добрая слава. Когда угощаешь или поминаешь родителей в монастыре, поступай точно так же: кормить и поить и милостыню раздавать по силе возможности, за здравие и за упокой. Если же кто сначала накормит, напоит и одарит, но потом обесчестит и изругает, осудит и высмеет, или заочно ославит, или местом обойдет, или, не накормив да облаяв, еще и ударит, а потом и выгонит со двора, или слуги его обесчестят кого-то, - тогда такой стол или пир на утеху бесам, а Богу во гнев, и среди людей и позор и ярость, и вражда, а обиженным - срам и оскорбление. Безрассудным таким хозяину и хозяйке и слугам их - грех от Бога, от людей неприязнь и укор, а от бедных людей еще и проклятье, и порицание. Если кого не накормишь, спокойно объясни, не облаяв и не побив, и не обесчестив, вежливо отпусти, отказав. А пойдет со двора кто, жалуясь на хозяйское невнимание, так учтивый слуга вежливо гостюшке проговорит: «Не прогневайся, батюшка, много гостей у хозяев наших, не успели тебя употчевать», - тогда они первыми бьют тебе челом, чтобы ты на них не сердился. А по завершении пира должен слуга рассказать хозяину о госте, который ушел, а если гость нужный, так сразу и сказать господину, а уж тот, как захочет. У государыни же у жены и добрые и всякие гости, каковы у нее ни случаются, с ними ей так же поступать, как в этой главе написано. И детям ее и слугам также.

[...]

19. КАК ВОСПИТАТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ В ПОУЧЕНИЯХ РАЗНЫХ И В СТРАХЕ БОЖЬЕМ.

Да пошлет Бог кому детей, сыновей и дочерей, то заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить их и воспитать в доброй науке: учить

страху Божию и вежливости, и всякому порядку. А со временем, по детям смотря и по возрасту, учить их рукоделию, отец - сыновей, а мать - дочерей, кто чего достоин, какие кому Бог способности даст. Любить и хранить их, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а не то, разобравшись, и поколотить. Наказывай детей в юности - упокоят тебя в старости твоей. И хранить, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах и ответ им держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные наставлений отца и матери, в чем согрешат или зло сотворят, то и отцу и матери с детьми их от Бога грех, а от людей укор и насмешка, дому убыток, а себе самим скорбь, от судей же позор и пеня. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем в добром наставлении, и научены всякому знанию и порядку, и ремеслу, и рукоделию,- такие дети вместе с родителями своими Богом будут помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми похвалены, а вырастут - добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или, по Божьей милости и подбирая по возрасту, своих дочерей за сыновей их выдадут замуж. Если же из таких какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то имеют дерзновение у Бога просить милости и прощения грехов также и для своих родителей.

20. КАК ВОСПИТАТЬ ДОЧЕРЕЙ И С ПРИДАНЫМ ЗАМУЖ ВЫДАТЬ.

Если дочь у кого родится, благоразумный отец, который торговлей кормится - в городе ли торгует или за морем,- или в деревне пашет, такой от всякой прибыли откладывает на дочь (и в деревне также): или животинку растят ей с приплодом, или из доли ее, что там Бог пошлет, купит полотна и холстов, и куски ткани, и убрусы, и рубашка - и все эти годы ей в особый сундук кладут или в короб и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную и медную и деревянную, добавляя всегда понемножку, каждый год, как сказано, а не все вдруг, себе в убыток. И всего, даст Бог, будет полно. Так дочь растет, страху Божью и знаниям учится, а приданое ей все прибывает. Только лишь замуж сговорят - отец и мать могут уже не печалиться: дал Бог, всего у них вволю, в веселии и в радости пир у них будет. Если же отец и мать незапасливы, для дочери своей, по сказанному здесь, ничего не приготовили, и доли ей никакой не выделили, лишь станут замуж ее отдавать - тотчас же кинутся и покупать все, так что скорая свадьба у всех на виду. И отец и мать впадут в печаль от свадьбы такой, ведь купить все сразу - дорого. Если же по Божьей воле дочь преставится, то поминают ее приданым, по душе ее сорокоуст, и милостыню раздают. А если есть и другие дочери, таким же образом заботиться и о них.

21. КАК ДЕТЕЙ УЧИТЬ И СТРАХОМ СПАСАТЬ.

Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалея, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость, тем сохранишь ее от телесных бед: не посрамишь лица своего, если в послушании дочери ходят, и не твоя вина, если по глупости нарушит она свое девство, и станет известно знакомым твоим в насмешку, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если выдать дочь свою беспорочной - словно великое дело совершишь, в любом обществе будешь гордиться, никогда не страдая из-за нее. Любя же сына своего, учащай ему раны - и потом не нахвалишься им. Наказывай сына своего с юности и порадуешься за него в зрелости его, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитавай детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. Понапрасну не смейся, играя с ним: в малом послабишь - в большом пострадаешь скорбя, и в будущем словно занозы вгонишь в душу свою. Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой

Если воспитаешь детей своих в страхе божьем в поучении и наставлении, и до возмужания их сохранишь в целомудрии и в чистоте телесной, законным браком их сочетаешь, благословив, и обеспечишь всем, и станут наследниками имения твоего, и дома, и всего твоего прибитка, который имеешь, то упокоят они тебя в твоей старости, а после смерти вечную память отслужат по родителям своим, да и сами благословенны пребудут во веки, и великую награду получают от Бога в сей жизни и в будущей, если живут они по заповедям господним.

Василия Кесарийского поучение юношам. Следует оберегать душевную чистоту и телесное бесстрашие, имея походку кроткую, голос тихий, слово благочинно, пищу и питье не острые; при старших - молчание, перед мудрейшими - послушание, знатным - повиновение, к равным себе и к младшим - искреннюю любовь; нечестивых, плотских, любострастных людей избегать, поменьше говорить да побольше смекать, не дерзить словами, не засиживаться в беседах, не бесчинствовать смехом, стыдливостью украшаться, с распутными бабами не водиться, опустив очи долу, душу возносить горе, избегать прекословия, не стремиться к высокому сану, и ничего не желать, кроме чести от всех. Если же кто из вас сможет другим помочь, тот и от Господа сподобится награды и вечных благ наслаждения.

22. КАК ДЕТЯМ ПОЧИТАТЬ И БЕРЕЧЬ ОТЦА И МАТЬ И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ.

Чада, вслушайтесь в заповеди господни: любите отца своего и мать свою и слушайтесь их, и повинуйтесь им божески во всем, и старость их чтите, и немощь их и страдание всякое от всей души на себя возложите, и благо вам будет, и долголетними пребудете на земле. За то простятся грехи ваши, и Бог вас помилует, и прославят вас Люди, и дом ваш пребудет во веки, и наследуют сыновья сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает или оскорбляет своих родителей или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми и родителем. Кто бьет отца или мать - тот отлучится от церкви и от святынь, пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо сказано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, не послушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца своих дней, если прогневят отца или досадят матери. Себе он кажется праведным перед Богом, но язычника хуже он, сообщник нечестивых, о которых пророк Исайя сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы господней». Он назвал нечестивыми тех, кто обесчестит своих родителей. И еще сказал: «Кто насмехается над отцом и укоряет старость матери, - пусть склюют его вороны и сожрут орлы!».

Воздающие же честь отцу-матери, повинующиеся им во всем по-божески, во всем станут утешением для родителей, и в день печали спасет их Господь Бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое. Утешающий мать свою творит волю божью и угождающий отцу в благости проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас благословят они: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напастей избавит.

Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети. Не забывайте трудов отца-матери, ибо о вас заботились и за вас печалились, упокойте старость их и о них позаботьтесь, как и они о вас некогда. Не говори: "Много сделал добра им и одеждой и пищей и всем, что нужно",- этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь и ты их родить и позаботиться так, как они о тебе. Потому-то с трепетом и раболепно служи им, тогда и сами от Бога награду примете и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди Его.

[...]

28. О НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ.

А кто живет не по-божески, не по-христиански, страха божия не имеет и отческого предания не хранит, и о церкви божьей не радеет, и святого Писания не требует, и отца духовного не слушает, совету добрых людей и наставлениям не вникает по-божески, чинит неправды всякие и насилие, и чрезмерную наносит обиду и, в долг взяв, его не вернет, истомит волокистой, а незнатного человека во всем избидит; и если кто по-соседски не отзывчив, или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя, на людей, в силу

власти своей накладывает тяжкие дани и всякие незаконные налоги, или чужую ниву распашет, или лес посек и землю перепахал, луг скосил, и рыбную ловлю присвоил, и борти, и перевеси, и места охоты, и другие угоды неправдами и насилием заберет или ограбит и выкрадет, нападет по дороге и на стоянке ограбит, и побьет, и опозорит, опустошит луга и пашню вытопчет, и всячески избидит; или кого оболжет в чем и что-то подкинет, оклеветает и с поличным придет, или насильно в рабство продаст, безвинно хитростью и понуждением похолопив; или несправедливо судит и неверно расследует дело, или лжесвидетельствует, кающихся не прощая; или лошадь и иную скотинку и любое добро: сады и села, варницы и мельницы, амбары и лавки, дворы и другие угоды силой отнимет, а не то так и по дешевке вопреки согласию купит или сутяжничеством отберет, или корчемным доходом и иным хитроумьем или процентами в деньгах и натуре, и от прочих несправедливых поборов разбогатеет; или многие непотребные дела совершит: блуд и распутство, и сквернословие, и срамные речи, клятвопреступление, гнев и ярость и злопамятство, с женщиной живет не в законе или на стороне блудит, в содомский впадает грех или держит корчму, ест и пьет безудержно, до обжорства и опьянения, праздников и поста не соблюдает, всегда пребывает в разгуле; или колдовством занимается и волхвует и зелье варит; или на охоту ходит с собаками и птицами и с медведями; и творит все, угодное дьяволу, скоморохов с их ремеслом, пляски и игры, песни бесовские любит, и костями, и шахматами увлекается,- так вот, если сам господин и дети его и слуги его, и его домочадцы все такое творят, а господин им в том не препятствует и не спасает их души, уклонившимся не помогая,- прямиком все вместе в ад попадут, да и здесь уже прокляты всеми. Во всех тех запретных делах не помилует Бог, люди же проклянут, а обиженные вопиют к Богу: и своей душе погибель, и дому разорение. Проклято все такое добро, нет на нем благословения: одеваться, есть или пить все, что добыто и получено не по-божески, но бесовски - да низвергаются в ад все живые души поступающих так. От подобного изобилия, от плодов таковых негодна Богу и милостыня - ни при жизни, ни после смерти. Если хотите вы избежать вечной муки, верните несправедливо нажитое ограбленным. впредь обещая не поступать так с ними, ибо сказано: «Скор Господь на милость свою: истинно кающихся принимает и даже в великих грехах прощает».

29. О ПРАВЕДНОМ ЖИТИИ.

А если кто по-божески живет по заповедям господним, по отеческому преданию и по христианскому закону, то есть если владыка судит справедливо и нелицемерно и одинаково всех, богатого и бедного, ближнего и дальнего, известного и неизвестного, - такие, конечно, будут вознаграждены за свои справедливые решения. И слугам своим пусть велит поступать точно так же. Если же в селах или в городах кто хорош по-соседски, тот у

христиан, у властей и в приказе, справедливых решений в нужное время добьется не силой, не грабежом, не пыткой. Если же не уродилось что и расплатиться нечем, так он не торопит. А не то так и у соседа или иного христианина не хватило зерна - на семена ли, на пищу, да лошади или коровы нет, или налога в казну уплатить нечем,- так нужно помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзанять, но другому по просьбе дать. И помогать им от всей души, от всяких обидчиков оберегая по правде их. Самому господину, и слугам его ни дома, ни на селе, ни на службе, ни в жалованье - ни в каких делах и отнюдь не обделять никого ни в чем: ни пашней, ни землей, ни домашним каким припасом, ни скотиной несправедливого стяжания избегая.

Благословенным трудом и средствами праведными жить подобает всякому человеку. И видя добрые ваши дела и милосердие и любовь сердечную ко всем и таковую праведность, обратит на вас Бог свои милости и преумножит урожай плодам и всякое изобилие. Вот такая - от праведных трудов и благих плодов - милостыня приятна Богу, и молитву их Бог услышит, и грехи отпустит, и вечной жизнью наградит.

Люди торговые и мастеровые, и земледельцы тоже пусть праведным только и благословенным торгуют, и производят, и пахут - без покражи, разбоя и грабежа, без поклепов и лжи, клеветы и обманов; пусть торгуют и промышляют нажитым праведными трудами, не ростовщичеством, но благодаря приплоду, труду и всякому урожаю, исполняют дела свои добрые по христианскому закону и по заповедям господним: угодит в сем мире - вечную жизнь заслужит.

Николай Гаврилович Чернышевский
(1828-1889 гг.)

Печатается по: Н.Г.Чернышевский Русский человек на rendez-vous.
//Чернышевский Н.Г. Избранные педагогические сочинения. – М., 1983.

[...]

...каждый человек - такой же человек, как и все другие;...

[...]

Если все люди существенно одинаковы, то откуда же возникает разница в их поступках?

[...]

...всё зависит от общественных привычек и от обстоятельств, то есть в окончательном результате все зависит исключительно от обстоятельств, потому что и общественные привычки произошли в свою очередь также из обстоятельств. Вы вините человека - посмотрите прежде, он ли в том ви-

новат, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а только беда его.

[...]

Разбойник зарезал человека, чтобы ограбить его и находит в том пользу себе - это вина. Неосторожный охотник нечаянно ранил человека, и сам первый мучится несчастием, которое сделал,—это уж не вина, а просто беда.

Признак верен, но если принять его с некоторой проницательностью, с внимательным разбором фактов, то окажется, что вины почти никогда не бывает на свете, а бывает только беда. Сейчас мы упомянули о разбойнике. Сладко ли ему жить? Если бы не особенные, очень тяжелые длящегоо обстоятельства, взялся ли бы он за свое ремесло.

[...]

...бедный молодой человек (герой повести “Ася” примеч. сост.) совершенно не понимает того дела, участие в котором, принимает...

[...]

Он не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были все отношения и дела, к которым он привык. Это первое. Второе; он робеет, он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск, опять-таки потому, что жизнь приучила его только к бледной мелочности во всем.

[...]

Он похож на моряка, который всю свою жизнь делал рейсы из Кронштадта в Петербург и очень ловко умел проводить свой маленький пароход по указанию вех между бесчисленными мелями в полупресной воде; что, если вдруг этот опытный пловец по стакану воды увидит себя в океане?

[...]

Без приобретения привычки: к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств пробуждаемых участием в них.

[...]

Припомните, чем становится разговор в каком бы то ни было обществе, как скоро речь перестает идти об общественных делах? Как бы ни были умны и благородны собеседники, если они не говорят о делах общественного интереса, они начинают сплетничать или пустословить; зло-

язычная пошлость или беспутная пошлость, в том и другом, случае бессмысленная пошлость - вот характер, неизбежно принимаемый беседой, удаляющейся от общественных интересов. По характеру беседы можно судить о беседующих.

[...]

Счастливы мы были бы, благородны мы были бы, если бы только неприготовленность взгляда, неопытность мысли мешала нам угадывать и ценить высокое и великое, когда оно попадетя нам в жизни. Но нет, и наша воля участвует в этом грубом непонимании. Не одни понятия сузились во мне от пошлой ограниченности, в суете которой я живу; этот характер перешел и в мою волю: какова широта взгляда, такова широта и решений; кроме того, невозможно, не привыкнуть, наконец, поступать так, как поступают все.

[...]

Прикасающийся к смоле зачернится - в наказание себе, если прикасался добровольно, на беду себе, если не добровольно. Нельзя не пропитаться пьяным запахом тому, кто живет в кабаке, хотя бы сам он не выпил ни одной рюмки; нельзя не проникнуться мелочностью воли тому, кто живет в обществе, не имеющем никаких стремлений, кроме мелких житейских расчетов. Невольно вкрадывается в сердце робость от мысли, что вот, может быть, придется мне принять высокое решение, смело сделать отважный шаг не по пробитой тропинке ежедневного моциона. Потому-то стараешься уверять себя, что нет, не пришла еще надобность ни в чем таком необыкновенном. до последней роковой минуты нарочно убеждаешь себя, что все кажущееся выходящим из привычной мелочности не более как обольщение.

[...]

Счастливые обстоятельства бывают для каждого из нас, но не каждый умеет ими пользоваться, и в этом искусстве почти единственно состоит различие между людьми, жизнь которых устраивается хорошо или дурно. И для вас, хотя, быть может, и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, так счастливо, что единственно от вашей воли зависит ваша судьба в решительный миг. Поймете ли вы требование времени, сумеете ли воспользоваться тем положением, в которое вы поставлены теперь, - вот в чем для вас вопрос о счастье или несчастье навеки

Николай Александрович Добролюбов
(1836-1861 гг.)

Печатается по: Н.А.Добролюбов. Черты характера русского простонародья
// Добролюбов Н.А. Избранные педагогические сочинения. – М., 1986.

[...]

Самое печальное и гибельное искажение мысли простолюдина состоит в том, что он теряет ясное сознание своих человеческих прав, своей личной самобытности и не принадлежности никому другому. На этом пути он действительно доходит до величайших нелепостей, насильственно убивая в себе. Самые законные требования и стремления своей природы.

[...]

... если ребенок задумывается над тем, по какому праву другие посягают на его личность, и кончает тем, что не находит тут никакого права, то уже в этом рассуждении вы находите гарантию того, что в ребенке нет склонности посягать самому на чужую личность. Таким образом, люди, восстающие против насилия и произвола, тем самым дают уже нам некоторое ручательство в том, что они сами не будут прибегать к насилию и не дадут простора своему произволу; желание неприкосновенности для своей личности заставит их уважать и личность других.

[...]

Замечено, что люди гордые и деспотичные с низшими почти всегда являются подлыми ласкателями и беспрекословными овечками перед высшими. Замечено также, что самые неумолимые, самые несносные управляющие в помещичьих имениях бывают из лакеев и что вообще лакеи себя держат перед мужиками гораздо высокомернее, чем их господа.

[...]

... употребление насилия над другими заглушает или, по крайней мере, очень ослабляет в человеке способность истинно и глубоко возмущаться против насилия над ним самим.

[...]

“Я не имею права на стеснение чужой личности, так как никто не имеет права стеснять меня самого; значит, я не могу рассчитывать жить на чужой счет: это значило бы отнимать у других плоды их трудов, т. е. насилловать, поработать их личность. Стало быть, я необходимо должен заботиться сам об обеспечении своей жизни, должен работать: живя своим трудом, я не буду иметь надобности отнимать чужое и вместе с тем, имея материальное обеспечение, буду иметь средства постоянно сохранять свою собственную независимость”. Таковы простейшие соображения, из которых вытекает обязанность трудиться, ясная, как день, для всякого простого человека.

[...]

Стоит только обернуть рассуждение, приводящее к мысли об обязанности работать, и мы получим вывод о правах труда. «Если я должен работать для своего обеспечения, потому что не могу и не должен воспользоваться плодами трудов моего соседа, то очевидно, что и сосед должен иметь в виду то же самое соображение. Он должен работать для себя, и я

никак не хочу и не считаю справедливым отдавать ему то, что я заработал».

[...]

«Что мне работать на других? Лучше я ничего не буду делать»—так рассуждают люди, лишённые полных прав на свой труд, и или вовсе отказываются от труда, где можно, или стараются употреблять как можно меньше усилий и усердия для чужой работы, как делают помещичьи крестьяне до всей России.

[...]

Полной гармонии чувств, так называемых в психологии - симпатических и эгоистических, то есть полного и неразрывного влияния самопожертвования с самосохранением, мы ещё не достигли в человеческих обществах. Поэтому везде встречаются два разряда натур - одни с преобладанием эгоизма, стремящегося наложить свое влияние на других, а другие с избытком преданности, побуждающим отречься от своих интересов в пользу других. При несчастном развитии природы первого рода делаются враждебными всему, что не их, забывают все права и становятся способными ко всевозможным насилиям; а природы последнего разряда теряют всякое уважение к своему человеческому достоинству и допускают других помыкать собою.

[...]

...при всех искажениях крестьянского развития, мы видим в народных массах наших много того, что мы называли «деликатностью»...

[...]

Смирение, покорность, терпение, самопожертвование и прочие свойства, воспеваемые в нашем народе профессором Шевыревым, Тertiем Филипповым и другими славянофилами того же закала, составляют жалкое и безобразное искажение этого прекрасного свойства деликатности.

[...]

...нельзя верить и существованию овец, которые бы за честь считали попасть на зубы к льву, или людей, от природы имеющих склонность к тому, чтоб их таскали за нос и плевали им в физиономию. Если мы видим, что множество людей позволяют подвергать себя подобным экспериментам, то поверьте, что это делается не иначе, как по необходимости. С этой стороны, значит, бояться нечего: искаженная, убитая и обращенная во вред простолюдину “деликатность” его примет свое естественное направление при первой возможности.

[...]

Но и в теперешнем, искаженном, состоянии крестьянского быта и мысли мы видим следы живого, хорошего направления этой деликатности. Сюда причисляем мы прежде всего сознание... что надо жить своим трудом и не дармоедствовать.

[...]

Говорят, наши мужики лукавы и при случае надувают вас самым мошенническим образом, чтобы зашибить себе лишнюю копейку. Да, бывает и это, хотя не так часто, как рассказывают, и при том более в городах и придорожных или торговых селах, имеющих много случаев позаимствоваться моралью от высших классов общества. Но надо заметить, во-первых, что нужда чего не заставит делать: а во-вторых, что обман и надувательство крестьяне позволяют себе по большей части относительно других классов общества, с которыми они не только не чувствуют никакого родства и солидарности, но даже, напротив, - находят себя вправе быть недоверчивыми и враждебными. С своим же братом, в своем обществе, они по общим отзывам, бывают очень честны.

[...]

Наше образованное общество, как известно, не имеет себе подобного в безразличности, с которою оно смотрит на общественную мораль. Люди заведомо негодные, уличенные, осужденные принимаются у нас в хорошем обществе, как будто бы за ними ничего дурного сроду не бывало.

[...]

...общественное сознание нейдет дальше сплетен. На каком вам угодно балу или великосветском вечере, за званый обедом, в каком хотите собрании, где довольно много публики, разговоритесь с первым попавшимся на глаза болтуном о других господах, которые будут подвертываться вам на глаза: боже мой, сколько грязных историй, отвратительных анекдотов, безобразных сцен передадут вам чуть не о половине присутствующих.

[...]

...общественный суд о нравственном достоинстве людей если и существует у нас, то лишь в виде сплетен и разговоров, ничего не значащих для практики; вся же строгость общественного мнения обращена на принятые формы и приличия. Несоблюдение их карается беспощадно; с людьми "неприличными" не знакомятся; людей, не умеющих держать себя, не пускают в порядочное общество— разве если они уж очень богаты. Таким образом, забота о всякого рода щепетильностях наполняет всю нашу жизнь, определяет все наши действия, от повязки галстука и часа обеда, от подбора мягких слов в разговоре и ловкого поклона—до выбора себе рода занятий, предмета дружбы и любви, развития в себе тех и других вкусов и склонностей. Не сущность дела, а лишь принятая и условленная форма обращает на себя общее внимание. А чем обуславливается принятая форма, по чему судят о ее достоинстве? По тому, насколько в ней выражается барство в дурном его смысле, то есть с произволом и тунеядством. неприлично быть актером—не потому, что это простое занятие, а потому, что актер, видите ли, наемник, за деньги выделяющий всякие штуки перед публи-

кой, то есть человек, все-таки хоть каким-нибудь трудом достающий себе хлеб. Это уж не годится: порядочный человек должен не нуждаться в труде для поддержки своего существования: он должен быть белоручкою и бездельником, а труд—это плебейское дело... Не так лестно служить в армии, как в гвардии. Почему? Не потому, чтобы в гвардии представлялось более возможности принести пользу службе, а всего более потому, что там форма лучше и что гвардейская экипировка и содержание, будучи гораздо дороже, с первого же взгляда обличают человека, который может тратить много денег. Неприлично шутить с прислугою—не из опасения, чтобы своего шуткою случайно не оскорбить человека, который по своему положению не может ответить на нее обратно, а, напротив, из боязни, чтобы на наши шутки слуга и сам не вздумал ответить шуткою и, таким образом, не стал бы с нами запанибрата... Нельзя жениться на простой девушке — не потому, чтобы она не могла удовлетворить стремлениям образованного человека и понять его интересы, а просто потому, что она наших приемов не знает и манерами и разговором будет нас компрометировать.

[...]

Не тот характер имеет страх общественного суда в простом быту. Есть, правда, и там свои привычки, которые всем следует соблюдать: но и несоблюдение их не восстанавливает всего общества против виновного. Молодой парень может, например, брить... себе бороду, нуждающийся бедняк может в воскресенье вместо храма божия отправиться работать на свою полосу - это не вызовет преследований со стороны односельцев. Зато действительные нравственные грехи судятся очень строго...

[...]

Не нужно доказывать, что все, окружающее быт и воспитание нашего простонародья, вело его, в большей или меньшей степени, к развитию пороков слабости, неизбежно соединенных с рабским или крепостным, вообще угнетенным состоянием,—лести, обмана, подличанья, продажности, лени, воровства и пр.,—вообще всех тех пороков, в которых надо действовать тайком, исподтишка, а не употреблять открытую силу, нейти прямо, глядя в лицо опасности... И при всем том посмотрите, как много сохранилось в народе именно этого энергетического, отважного, элемента.

[...]

...народ не замер, не опустился, источник жизни не иссяк в нем; но силы, живущие в нем, не находя себе правильного и свободного выхода, принуждены пробивать себе неестественный путь и поневоле обнаруживаться шумно, сокрушительно, часто к собственной гибели.

[...]

...дурное или хорошее направление их зависит от обстоятельств народной жизни, а не от того, чтобы масса народа нашего принадлежала к какой-нибудь особенной породе, способной только либо к апатии, либо

зверству.

[...]

... неестественные, крепостные отношения, существовавшие до сих пор между народом и высшими классами, будучи материально и нравственно вредны для крестьян, были еще более губительны, для самих владельцев...

Владимир Сергеевич Соловьев

(1853 – 1900 гг.)

Печатается по: В.С. Соловьев. Программа чтения о Богочеловечестве
// Соловьев В.С. Соч.: В 2 тт. – М., 1989. – Т.2.

[...]

Социализм при первом своем появлении провозгласил восстановление прав материи; материя действительно имеет свои права, и стремление к осуществлению этих прав очень естественно, но это и есть только одно из натуральных стремлений человека и, конечно, не самое лучшее: значения безусловной правды очевидно здесь быть не может. Провозглашать восстановление прав материи как нравственный принцип — нес равно что провозглашать восстановление прав эгоизма.

[...]

Справедливость, в нравственном смысле, есть некоторое самоограничение своих притязаний в пользу чужих прав; справедливость, таким образом, является некоторым пожертвованием, самоотрицанием, и чем больше самопожертвования, чем больше самоотрицания, тем в нравственном смысле лучше. И таком случае, становясь на нравственную точку зрения, невозможно придавать никакого нравственного значения со стороны рабочего класса требованию равномерного распределения материального благосостояния, так как здесь справедливость — если есть тут справедливость — является для зтого класса тождественною с его выгодами, — требование, следовательно, своекорыстное и потому не может иметь нравственного значения.

Социализм иногда изъясляет притязание осуществлять христианскую мораль. По этому поводу кто-то произнес известную остроту, что между христианством и социализмом в этом отношении только та маленькая разница, что христианство требует отдавать свое, а социализм требует брать чужое.

[...]

... если социализм не может иметь нравственного значения в качестве своекорыстного стремления неимущего класса, то это, конечно, не мешает ему представлять нравственный характер как требование общественной правды безотносительно к тем, кто это требование заявляет, И действительно, социализм, во всяком случае, прав, восставая против

существующей общественной неправды, - но где корень этой неправды? Очевидно. в том, что общественный строй основывается на эгоизме отдельных лиц, откуда происходит их соревнование, их борьба, вражда и все общественное зло.

Если же корень общественной неправды состоит в эгоизме, то правда общественная должна основываться на противоположном, т.е. на принципе самоотрицания или любви.

Для того, чтобы осуществить правду, каждое отдельное лицо, составляющее общество, должно положить предел своему исключительному самоутверждению, стать на точку зрения самоотрицания, отказаться от своей исключительной воли, пожертвовать ею. Но в пользу кого? Для кого, с нравственной точки зрения, следует жертвовать своей волей? В пользу ли других отдельных лиц, из которых каждое само стоит на эгоизме, на самоутверждении, — в пользу ли всех вместе? Но, во-первых, жертвовать своей волей, своим самоутверждением в пользу всех — невозможно, ибо все, как совокупность отдельных лиц, не составляют и не могут составлять действительной цели человеческой деятельности, они не даны как действительный реальный предмет, каковым всегда являются только некоторые, а не все; во-вторых, такое самопожертвование было бы и несправедливо, потому что, отрицая эгоизм в себе, несправедливо было бы утверждать его в других, поддерживать чужой эгоизм.

[...]

Нравственную границу эгоизма в данном лице может быть не эгоизм других, не самоутверждающаяся их воля, а только то, что само по себе не может быть исключительным и эгоистичным, что само по себе, по своей природе есть правда. Только тогда воля всех может быть для меня нравственным законом, когда эти все сами осуществляют правду, сами причастны безусловному нравственному началу. Следовательно, любовь и самопожертвование по отношению к людям возможны только тогда, когда в них осуществляется безусловное, выше людей стоящее начало, по отношению к которому все одинаково представляют неправду и все одинаково должны отречься от этой неправды.

[...]

По природе люди не равны между собою, так как обладают неодинаковыми силами, вследствие же неравенства сил они необходимо оказываются в насильственном подчинении друг у друга, следовательно, по природе они и несвободны; наконец, по природе люди чужды и враждебны друг другу, природное человечество никак не представляет собою братства. Если, таким образом, осуществление правды невозможно на почве данных природных условий - в царстве природы, то оно возможно лишь в царстве благодати, т.е. на основании нравственного начала как безусловного или

божественного.

[...]

...в социализме нельзя отрицать законного стремления реализовать нравственное начало, провести его в крайний пределы жизни, в сферу материальных экономических отношений. Но как для того, чтобы правда могла быть, осуществлена человеком в низшей сфере жизни, она должна прежде существовать сама по себе независимо от человека, точно так же и истина прежде, чем стать фактом для человека, должна иметь собственную независимую реальность. В самом деле, как отдельная данная воля не представляет сама по себе никакого добра, никакой правды, а становится праведной только через нормальное отношение или согласие со всеобщей волей — и всеобщей не в смысле механического соединения воли многих или всех, а и смысле воли по природе своей всеобщей, т.е. воли Того кто есть все., воли Божией.

[...]

...признавая, что все совершающееся совершается с необходимостью, мы должны различать разные роды необходимости. Необходимо пущенный камень падает на землю; необходимо шар ударяет другой шар и приводит его в движение; так же необходимо солнце своими лучами вызывает жизнь в растении: процесс необходимый, но самые способы этого необходимого воздействия уже различны. Необходимо известное представление в уме животного вызывает то или другое движение; необходимо высокая идея, проникнувшая в душу человека, вызывает его на высокие подвиги: во всех этих случаях есть необходимость, но необходимость разного рода.

Понятие необходимости в широком смысле несколько не исключает свободы. Свобода есть только один из видов необходимости. Когда противопоставляют свободу необходимости, то это противопоставление обыкновенно равняется противопоставлению внутренней и внешней необходимости.

[...]

...вера в себя, вера в человеческую личность есть вместе с тем вера в Бога, ибо божество принадлежит человеку и Богу с той разницею, что Богу принадлежит оно в вечной действительности, а человеком только достигается, только получается, в данном же состоянии есть только возможность, только стремление. Человеческое я безусловно в возможности и ничтожно в действительности. В этом противоречии зло и страдание, в этом — несвобода, внутреннее рабство человека. Освобождение от этого рабства может состоять только в достижении того безусловного содержания, той полноты бытия, которая утверждается бесконечным стремлением человеческого я. “Познайте истину, и истина сделает вас свободными”.

[...]

При чисто теоретическом отношении к природе как только созерцаемой и познаваемой ум не находит ничего, что бы вызывало осуждение или требовало оправдания; рассматривая природу в ее общих формах и законах он может видеть в ее явлениях только ясное отражение вечных идей.

[...]

... в практической жизни, для нашей деятельной воли (в субъективном отношении), это отдельное эгоистическое бытие особи есть первое и существенное.

[...]

В свете идеального созерцания мы не чувствуем и не утверждаем себя в своей отдельности: здесь погасает мучительный огонь личной воли. и мы сознаем свое существенное единство со всем другим.

Во всем остальном течении нашей жизни идеальное единство наше со всем другим является для нас как призрачное, несущественное, за настоящую же действительность мы признаем здесь только свое отдельное, особенное я: мы замкнуты в себе, непроницаемы для другого, а потому и другое. В свою очередь. непроницаемо для нас.

[...]

Это-то ненормальное отношение ко всему, это исключительное самоутверждение или эгоизм, всесильный в практической жизни, хотя бы и отвергаемый в теории, это противопоставление себя всем другим и практическое отрицание этих других - и является коренным злом нашей природы, и так как оно свойственно всему живущему, так как всякое существо в природе, всякий зверь, всякое насекомое и всякая былинка в своем собственном бытии отделяет себя ото всего другого, стремится быть всем для себя, поглощая или отталкивая другое (откуда и происходит внешнее, вещественное бытие), то, следовательно, зло есть общее свойство всей природы.

[...]

И у животных, и у человека половая любовь есть высший расцвет индивидуальной жизни. Но так как у животных родовая жизнь решительно перевешивает индивидуальную, то и высшее напряжение этой последней идет лишь на пользу родовому процессу. Не то чтобы половое влечение было лишь средством для простого воспроизведения или размножения организмов, но оно служит для произведении организмов более совершенных с помощью полового соперничества и подбора. Такое же значение старались приписать половой любви и в мире человеческом. В человечестве индивидуальность имеет самостоятельное значение и не может быть в своем сильнейшем выражении лишь орудием внешних ей целей исторического процесса.

[...]

...любовь есть самостоятельное благо, что она имеет соотнесенную безотносительную ценность для нашей личной жизни, то этому чувству соответствует и в объективной действительности тот факт, что сильная индивидуальная любовь никогда не бывает служебным орудием родовых целей, которые достигаются помимо нее. В общей, как и в священной, истории половая любовь (в собственном смысле) никакой роли не играет и прямого действия на исторический процесс не оказывает: ее положительное значение должно корениться в индивидуальной жизни.

[...]

Убеждение в безотносительном достоинстве человека основано не на самомнении, а также и не на том эмпирическом факте, что мы не знаем другого, более совершенного существа в порядке природы. Безотносительное достоинство человека состоит в несомненно присущей ему абсолютной форме (образе) разумного сознания. Сознывая, как и животное, пережитые и переживаемые им состояния, усматривая между ними ту или другую связь и на основании этой связи предваряя умом состояния будущие, человек, сверх того, имеет способность оценивать свои состояния, и действия, и всякие факты вообще не только по отношению их к другим единичным фактам, но и ко всеобщим идеальным нормам.

[...]

...человек может бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы. Поэтому-то он и есть высшее существо природного мира и действительный конец мироздательного процесса.

[...]

Социально-нравственный закон и его основная объективация — семья вводит животную природу человека в границы, необходимые для родового прогресса, они упорядочивают смертную жизнь, но не открывают пути бессмертия.

[...]

Но в человеке кроме животной природы и социально-нравственного закона есть еще третье, высшее начало - духовное мистическое или божественное.

[...]

Прежде физиологического соединения в животной природе, которое ведет к смерти, и прежде законного союза в порядке социально-нравственном, который от смерти не спасает, должно быть соединение в Боге, которое ведет к бессмертию, потому что не ограничивает только смертную жизнь природы человеческим законом, а перерождает ее вечною и нетленною силою благодати.

[...]

Истинная жизнь индивидуальности в ее полном и безусловном значении осуществляется и увековечивается только в соответствующем развитии всемирной жизни, в котором мы можем и должны деятельно участвовать, но которое не нами создается.

[...]

Всеединая идея может окончательно реализоваться или воплотиться только в полноте совершенных индивидуальностей, значит, последняя цель всего дела есть высшее развитие каждой индивидуальности в полнейшем единстве всех, а это необходимо включает в себя и нашу жизненную цель, которую нам, следовательно, нет ни побуждения, ни возможности отделять или обособлять от цели всеобщей. Мы нужны миру столько же, сколько и он нам; вселенная от века заинтересована в сохранении, развитии и увековечении всего того, что действительно для нас нужно и желательно, всего положительного и достойного в нашей индивидуальности.

Евгений Николаевич Трубецкой
(1863 – 1920 гг.)

Печатается по: Е.Н. Трубецкой. Смысл жизни. –М., 1994.

[...]

Над гераклитовым током изменчивых представлений есть всеединое и безусловное сознание. В этом заключается необходимое предположение и необходимая точка опоры всего познавательного процесса. - Только через подъем к этому безусловному всеединому сознанию, в котором содержится смысл-истина всего что есть, я спасаюсь от моей лжи, от моих заблуждений, от хаотической бессмыслицы моих представлений.

Мы чувствуем тот же подъем и ощущаем ту же точку опоры над бессмыслицей, когда последняя является перед нами не в теоретической форме заблуждения, а в практической форме житейской суеты. Тут это - точка опоры - не мысленная только. Я отталкиваюсь от суеты не одною мыслью, но и волею, чувством, всем моим существом. Наглядное тому доказательство - самый факт моего страдания, моей скуки, моего отвращения и, наконец, моего ужаса. Существо, всецело погруженное в этот порочный круг, не могло бы ни страдать, ни сокрушаться о нем.

Суета мучительна для нас именно по сравнению со смыслом, которого мы жаждем, - иначе бы мы ее не распознавали. Бесцельность и вечные повторения жизни вызывают в нас тоску именно потому, что вся наша жизнь есть стремление к цели, к смыслу. Эта наша жажда смысла есть всегда стремление вперед и вверх; и именно поэтому нас оскорбляет это вечное кружение, которое указывает, что в мире нет движения вперед, нет восхождения из ступени в ступень, а есть бесплодное топтание на месте.

Душа жаждет подъема, стремится к горному полету, вот почему ей так отвратительно это всеобщее движение - в одной плоскости.

Мы не могли бы болеть об этой суете, мы не могли бы проникаться живым состраданием ко всякой страждущей твари, если бы у нас не было точки опоры над суетой, вне круга страждущей жизни. Мы не могли бы возвыситься над разделением и раздором существ, борющихся за жизнь, если бы нам не было присуще чувство глубокой солидарности всего живого, если бы у нас не было глубокой интуиции единств всех существ в их общем стремлении к какой-то цели всякой жизни.

Сознательно или бессознательно я всем моим существом требую эту цель, живу надеждой на какой-то конец всякого жизненного стремления, - конец в смысле жизненной полноты. И созерцаемая мною суета мучительна для меня по сравнению с этим концом, которого я тщетно ищу. Мучителен тут обман, мучительно разочарование. Но разочарование было бы невозможно, если бы в тайнах моей души в подсознательной ее глубине не жило какое-то мне самому неведомое очарование, чаяние цели, конца и смысла. И только сопоставляя действительность с этим смыслом, я могу испытывать страдание и тоску. - Как человеческое ухо не слышит фальши, если оно не чувствует гармонии, так и мысль наша не могла бы сознавать бессмыслицу, если бы она не была озарена каким-то смыслом.

Всмотримся внимательнее в образ порочного круга, и мы ясно почувствуем ту гармонию, которая дает нам силу распознавать фальшь. - Круг во всех религиях есть символ бесконечности; но именно в качестве такового он служит и для изображения смысла и для изображения бессмыслицы. Есть круг бесконечной полноты: это и есть то самое, о чем мы вздыхаем, к чему стремится всякая жизнь; но есть и бесконечный круг всеобщей суеты, - жизнь, никогда не достигающая полноты, вечно уничтожающая, вечно начинающая сызнова. Это и есть тот порочный круг, который нас возмущает и лежит в основе всех наглядных изображений бессмыслицы в религиях и философии. Этот круг бесконечной смерти возмущает нас именно как пародия на круг бесконечной жизни — цель всякого жизненного стремления. Этот образ вечной пустоты существования возмущает нас по контрасту и интуицией полноты жизни, к которой мы стремимся. - И в этой полноте жизни, торжествующей над всякими задержками, препятствиями, — над самой смертью, - и заключается тот «смысл» жизни, отсутствие коего нас возмущает.

Короче говоря, тот мировой смысл, который носится перед нами как цель нашего стремления, есть всеединство; это - тот мировой строй и лад, в котором всякое жизненное стремление достигает своего окончательного удовлетворения, всякая жизнь достигает полноты. Полнота жизни, окончательно восторжествовавшей над смертью, и единство всего живого в этой полноте в интуиции мирового смысла - одно и то же. Оно и понятно: пол-

нота жизни осуществима лишь при условии окончательного прекращения борьбы за жизнь, разделяющей живую тварь.

Та же связь между интуицией смысла и восприятием бессмыслицы объясняет нам еще одну замечательную черту этого восприятия. Почему наше страдание о человеке - самое глубокое из всех? Именно потому, что вера в смысл всего живого связывается для нас по преимуществу с мыслью о перворожденном всей твари, - о высшей ступени мировой эволюции.

Что такое эта пародия на смысл, которая нас возмущает в человеческой жизни? Присмотритесь к ней внимательнее, и вы увидите, что она - ничто, если нет того смысла, который пародируется, высмеивается, вышучивается жизнью. - Все живые существа переживают бессмыслицу, все о ней страдают, томятся ею. Но одно единственное существо из всей твари - человек, поднимается над нею мыслью, со-знает и осуждает ее как не должное. Он один, стало быть, среди окружающей его суетной жизни является вестником чего-то иного, должного. Подъем человеческого сознания над суетою окрыляет надежду. Вот почему, когда этот подъем оказывается бессильным - не жизненным, а только мысленным, скорбь о суете мира возрастает до бесконечности. Где полнота жизни, где - ее единство, гармония и лад, вот вопрос, который сам собою возникает при виде неудачи и паденья человека, вот в чем заключается основная тема бесовского над ним издевательства. Стало быть, и это издевательство предполагает определенную интуицию мирового смысла; если нет этого смысла ни в жизни, ни над жизнью, то обращаются в ничто эти гогочущие черты в человеческом образе. Тогда нет ничего безобразного, дикого, постыдного. И самая насмешка над человеческим достоинством становится беспредметной, потому что этого достоинства нет вовсе.

Все это страдание о развенчанном царе-человека было бы совершенно невозможно, если бы для нашего чувства он не был именно царем по призванию, носителем и выразителем мирового смысла по преимуществу. От человека, завершающего доступную нашему наблюдению лестницу существ, мы ждем дальнейшего откровения этого смысла, дальнейшего подъема в другой план бытия. Мы чувствуем эту его принадлежность к другому плану: иначе, как могло бы его сознание возвышаться над здешним планом существования! Но в человеке все борется, все двойится. И та духовная мука, которую мы испытываем, есть именно выражение этого рокового раздвоения, - этого спора смысла и бессмыслицы в человеке и о человеке. С одной стороны - духовное рабство, провал всемирной культуры, бездна падения человека и человечества, а с другой стороны - властный призыв к иной, лучшей жизни, стыд за себя и за других и тот беспощадный суд совести, который свидетельствует, что есть в человеке что-то, что возвышается над его падением, - есть неистребимое влечение к смыслу вопреки превосходящей силе бессмыслицы.

Со-весть о должном, восстающая против суеты и возмущающаяся унижением человеческого достоинства, вот новое, яркое проявление того присущего нам со-знания жизненного смысла, которое не уносится потоком бессмысленной жизни. Это - сознание о какой-то безусловной правде, которая должна осуществляться в жизни вопреки царствующей в ней не-правде. Посмотрим, что мы имеем в этом свидетельстве совести.

Оставим пока в стороне вопрос о его содержании и сосредоточим внимание на тех формальных признаках совестного суда, которые были указаны Кантом. По содержанию нравственно сознание человечества меняется; стало быть, нравственные вопросы в различные эпохи могут и решаться неодинаково. Но, каковы бы ни были эти решения по содержанию, совесть всегда есть свидетельство о чем-то безусловно должном. Понимание нравственной правды может меняться, но при этом остается неизменным один элемент нравственного сознания, это - наша уверенность, что есть что-то безусловно должное над нашими меняющимися мыслями о должном, есть какая-то норма, выражающая безотносительную и неизменную правду о должном. И этой норме должны следовать все, всегда, во всех предусматриваемых ею случаях. Это и есть основное предположение всякого нравственного сознания, - то, о чем свидетельствует совесть. Можно заподозрить это свидетельство, можно его отвергнуть, можно признать его за иллюзию, но нельзя усомниться в одном: совесть как так[ов]ая есть утверждение безусловной и всеобщей правды над нами, притом правды жизненной, ибо вся наша жизнь должна ей следовать.

Что же такое эта нравственная правда, о которой свидетельствует совесть? Очевидно, что это - не какое-либо независимое от нас «бытие», ибо бытие может во всем противоречить правде: правда остается правдой, хотя бы она всячески нарушалась в действительности. С другой стороны, это - и не наше человеческое убеждение, так как наши убеждения также могут расходиться с правдой: правда остается правдой, хотя бы она никем не создавалась. Значит, эта правда - не мысль какого-либо психологического субъекта, а безусловная мысль о должном, которой приписывается таинственность и значимость, независимо от чьего-либо психологического сознания. Тут мы имеем не субъективное, а безусловное сознание. - Безусловная мысль о правде предполагается всяким нашим нравственным суждением как что-то такое, что есть, хотя бы она нами, людьми, не создавалась. - Таким образом, рассмотрение формальных признаков совести приводит нас к тому же результату, к которому приводит и анализ всякого сознания. Над нашей мыслью есть безусловная мысль, которая выражает собою искомый первою смысл: и как есть безусловная истина о сущем, так же есть и безусловная правда о должном, безусловная правда о цели, к которой должна направляться наша жизнь, - всякая жизнью. Эта цель-правда и есть тот смысл жизни, т.е. безусловная о ней мысль, которая должна в

ней осуществляться.

Голос совести представляет собой не более и не менее как отклик сознания на запрос, истекающий из самой глубины жизненного стремления.

Вся жизнь наше есть стремление к цели. От начала и до конца он представляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. Есть цели, желательные не сами по себе, а ради чего-нибудь другого: например, нужно работать, чтобы есть и пить, но есть и такая цель, которая желательна сама по себе. У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой безусловно стоит жить. Эта цель или, что то же, жизненный смысл есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью, как таковой; и вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в искании этого смысла. Полное разочарование выразилось бы даже не в самоубийстве, а в смерти, в полной остановке жизни: ибо самоубийство есть все-таки акт волевой энергии, направленный к цели и, стало быть, предполагающий цель. Акт этот свидетельствует не о прекращении стремления к смыслу, а, наоборот, о силе этого стремления и об отчаянии, проистекающем из неудачи в его достижении. Надеждой на смысл сознательно или бессознательно приводится в движение все человеческое - и воля, и чувство, и мысль. А потому всякий неуспех на этом пути является лишь новым толчком к самопознанию и вместе с тем - к сознанию того смысла, которого мы ищем и которым мы, сами того не ведая, живем. Волей-неволей, вся жизнь строится в расчете на какую-то безусловную цель; а свидетельство совести говорит нам о том, что эта цель, ради которой стоит жить, есть некоторая объективная правда, безусловная и всеобщая, которая бесконечно возвышается над всяким субъективным желанием и мнением.

В чем же заключается эта цель, ради которой стоит жить, и эта объективная правда жизни, которая должна в ней осуществляться? - В чем заключается искомое нами содержание смысла жизни? В этом вопросе выражается основной мотив религиозного искания всех веков. - Различные религиозные и философские учения дают на него различные ответы; но есть и общее, что сближает между собою искателей правды всех веков. Это — самый предмет их исканий. Чтобы разобраться в особенностях отдельных решений, необходимо прежде всего внимательно всмотреться в это общее, что сближает всех.

Уже давно замечено, что искание истины было бы невозможно без некоторого предварительного о ней знания, ибо отыскать что-либо можно только по тем или другим признакам искомого, которые должны быть заранее известны искателю. Это верно и относительно искомого нами смысла жизни. В предыдущем изложении мы уже выяснили те заранее известные его признаки, которые предполагаются всяким его исканием. Это -

признаки полноты и всеединства.

Полнота жизни, как единая цель для всего живущего, - таков предмет искания всякого жизненного стремления; единая истина для всех, - таково предположение всякого сознания вообще и, наконец, единая правда для всех, - таково предположение нравственного сознания. Тоска по всеединству, вот что лежит в основе всего нашего страдания о суете и бессмысленности жизни; и поскольку мы возвышаемся сознанием над этой суетой, этот мысленный подъем уже представляет собою некоторый предварительный выход из того порочного круга, в котором мы томимся.

Семен Людвигович Франк
(1877 – 1950 гг.)

Печатается по: С.Л. Франк. Этика нигилизма. В Сб.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. –М., 1990.

[...]

Нравственность, нравственные оценки и нравственные мотивы занимают в душе русского интеллигента совершенно исключительное место. Если можно было бы одним словом охарактеризовать умонастроение нашей интеллигенции, его нужно было бы назвать морализмом. Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. У нас нужны особые, настойчивые указания, исключительно громкие призывы, которые для большинства звучат всегда несколько неестественно и аффектировано, чтобы вообще дать почувствовать, что в жизни существуют или, по крайней мере, мыслимы еще иные ценности и мерила, кроме нравственных, - что, наряду с добром, душе доступны еще идеалы истины, красоты, Божества, которые также могут волновать сердца и вести их на подвиги. Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента, ощущаются им смутно и неинтенсивно и, во всяком случае, всегда приносятся в жертву моральным ценностям. Теоретическая, научная истина, строгое и чистое знание ради знания, бескорыстное стремление к адекватному интеллектуальному отображению мира и овладению им никогда не могли укорениться в интеллигентском сознании. Вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет. Начиная с восторженного поклонения естествознанию в 60-х годах и кончая самоновейшими научными увлечениями вроде эмпириокритицизма, наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции. Именно эту психологиче-

скую черту русской интеллигенции Михайловский пытался обосновать и узаконить в своем пресловутом учении о "субъективном методе". Эта характерная особенность русского интеллигентского мышления - неразвитость в нем того, что Ницше называл интеллектуальной совестью, - настолько общеизвестна и очевидна, что разногласия может вызывать, собственно, не ее констатирование, а лишь ее оценка. Еще слабее, пожалуй, еще более робко, заглушенно и неуверенно звучит в душе русского интеллигента голос совести эстетической. В этом отношении Писарев, с его мальчишеским развенчанием величайшего национального художника, и вся писаревщина, это буйное восстание против эстетики, были не просто единичным эпизодом нашего духовного развития, а скорее лишь выпуклым стеклом, которое собрало в одну яркую точку лучи варварского иконоборства, неизменно горящие в интеллигентском сознании. Эстетика есть ненужная и опасная роскошь, искусство допустимо лишь как внешняя форма для нравственной проповеди, т.е. допустимо именно не чистое искусство, а его тенденциозное искажение, - таково верование, которым в течение долгих десятилетий было переисполнено наше прогрессивное общественное мнение и которое еще теперь, когда уже стало зазорным открытое его исповедание, омрачает своей тенью всю нашу духовную жизнь. Что касается ценностей религиозных, то в последнее время принято утверждать, что русская интеллигенция глубоко религиозна и лишь по недоразумению сама того не замечает; однако этот взгляд целиком покоится на неправильном словоупотреблении. Спорить о словах — бесполезно и скучно. Если под религиозностью разуместь фанатизм, страстную преданность излюбленной идее, граничащую с *idée fixe* и доводящую человека, с одной стороны, до самопожертвования и величайших подвигов и, с другой стороны - до уродливого искажения всей жизненной перспективы и нетерпимого истребления всего несогласного с данной идеей, — то, конечно, русская интеллигенция религиозна в высочайшей степени. Но ведь понятие религии имеет более определенное значение, которого не может вытеснить это - часто, впрочем, неизбежное и полезное - вольное метафорическое словоупотребление. При всем разнообразии религиозных воззрений, религия всегда означает веру в реальность абсолютно-ценного, признание начала, в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа. Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей, и всякое мировоззрение, для которого идеал имеет лишь относительный человеческий смысл, будет нерелигиозным и антирелигиозным, какова бы ни была психологическая сила сопровождающих его и развиваемых им аффектов. И если интеллигентское жизнепонимание чуждо и враждебно теоретическим и эстетическим мотивам, то еще сильнее оно отталкивает от себя и изгоняет мотивы религиозного порядка.

[...]

Нигилистический морализм или утилитаризм русской интеллигенции есть не только этическое учение или моральное настроение, он состоит не в одном лишь установлении нравственной обязанности служения народному благу; психологически он сливается также с мечтой или верой, что цель нравственных усилий - счастье народа - может быть осуществлена, и притом в абсолютной форме. Эта вера психологически действительно аналогична религиозной вере и в сознании атеистической интеллигенции заменяет подлинную религию. Здесь именно и обнаруживается, что интеллигенция, отвергая всякую религию и метафизику, фактически всецело находится во власти некоторой социальной метафизики, которая притом еще более противоречит ее философскому нигилизму, чем исповедуемое ею моральное мировоззрение. Если мир есть хаос и определяется только слепыми материальными силами, то как возможно надеяться, что историческое развитие неизбежно приведет к Царству разума и устройению земного рая? Как мыслимо это «государство в государстве», эта покоряющая сила разума среди стихии слепоты и бессмыслия, этот безмятежный рай человеческого благополучия среди всемогущего хаотического столкновения космических сил, которым нет дела до человека, его стремлений, его бедствий и радостей? Но жажда общечеловеческого счастья, потребность в метафизическом обосновании морального идеала так велика, что эта трудность просто не замечается и атеистический материализм спокойно сочетается с крепчайшей верой в мировую гармонию будущего; в так называемом «научном социализме», исповедуемом огромным большинством русской интеллигенции, этот метафизический оптимизм мнит себя даже «научно доказанным». Фактически корни этой «теории прогресса» восходят к Руссо и к рационалистическому оптимизму XVIII века. Современный социальный оптимизм, подобно Руссо, убежден, что все бедствия и несовершенства человеческой жизни проистекают из ошибок или злобы отдельных людей или классов. Природные условия для человеческого счастья, в сущности, всегда налицо; нужно устранить только несправедливость насильников или непонятную глупость насилуемого большинства, чтобы основать царство земного рая. Таким образом, социальный оптимизм опирается на механико-рационалистическую теорию счастья. Проблема человеческого счастья есть, с этой точки зрения, проблема внешнего устройства общества; а так как счастье обеспечивается материальными благами, то есть проблема распределения. Стоит отнять эти блага у несправедливо владеющего ими меньшинства и навсегда лишить его возможности овладеть ими, чтобы обеспечить человеческое благополучие. Таков несложный, но могущественный ход мысли, который соединяет нигилистический морализм с религией социализма. Кто раз был соблазнен этой оптимистической верой, того уже не может удовлетворить непосредственное альтруистическое

служению, изо дня в день, ближайшим нуждам народа; он упоен идеалом радикального и универсального осуществления народного счастья, - идеалом, по сравнению с которым простая личная помощь человека человеку, простое облегчение горестей и волнений текущего дня не только бледнеет и теряет моральную привлекательность, но кажется даже вредной растратой сил и времени на мелкие и бесполезные заботы, изменой, ради немногих ближайших людей, всему человечеству и его вечному спасению. И действительно, воинствующее социалистическое народничество не только вытеснило, но и морально очернило народничество альтруистическое, признав его плоской и дешевой «благотворительностью». Имея простой и верный ключ к универсальному спасению человечества, социалистическое народничество не может смотреть иначе, чем с пренебрежением и осуждением, на будничную и не знающую завершения деятельность, руководимую непосредственным альтруистическим чувством. Это отношение столь распространено и интенсивно в русской интеллигенции, что и сами "культурные работники" по большей части уже стыдятся открыто признать простой, реальный смысл своей деятельности и оправдываются ссылкой на ее пользу для общего дела всемирного устройства человечества.

Теоретически в основе социалистической веры лежит тот же утилитаристический альтруизм - стремление к благу ближнего; но отвлеченный идеал абсолютного счастья в отдаленном будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку, живое чувство любви к ближним, к современникам и их текущим нуждам. Социалист-не альтруист; правда, он также стремится к человеческому счастью, но он любит уже не живых людей, а лишь свою идею - именно идею человеческого счастья. Жертвуя ради этой идеи самим собой, он не колеблется приносить ей в жертву и других людей. В своих современниках он видит лишь, с одной стороны, жертвы мирового зла, искоренить которое он мечтает, и с другой стороны- виновников этого зла. Первых он жалеет, но помочь им непосредственно не может, так как его деятельность должна принести пользу лишь их отдаленным потомкам; поэтому в его отношении к ним нет никакого действенного аффекта; последних он ненавидит и в борьбе с ними видит ближайшую задачу своей деятельности и основное средство к осуществлению своего идеала. Это чувство ненависти к врагам народа и образует конкретную и действенную психологическую основу его жизни. Так из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером.

Тут необходимо сделать оговорку. Говоря о революционности как типичной черте умонастроения русской интеллигенции, мы разумеем не участие ее в политической революции и вообще не думаем о ее партийно-политической физиономии, а имеем в виду исключительно ее морально-

общественное мировоззрение. Можно участвовать в революции, не будучи революционером по мировоззрению, и, наоборот, можно быть принципиально революционером по соображениям тактики и целесообразности, отвергать необходимость или своевременность революционных действий. Революция и фактическая деятельность, преследующая революционные в отношении существующего строя цели, суть явления политического порядка и в качестве таковых лежат всецело за пределами нашей темы. Здесь же мы говорим о революционности лишь в смысле принципиального революционизма, понимая под последним убеждение, что основным и внутренне необходимым средством к осуществлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм. Это убеждение входит как существенная сторона в мировоззрение социалистического народничества и имеет в нем силу религиозного догмата. Нельзя понять моральной жизни русской интеллигенции, не учтя этого догмата и не поняв его связи с другими сторонами интеллигентской *profession de foi*.

В основе революционизма лежит тот же мотив, который образует и движущую силу социалистической веры: социальный оптимизм и опирающаяся на него механико-рационалистическая теория счастья. Согласно этой теории, как мы только что заметили, внутренние условия для человеческого счастья всегда налицо, и причины, препятствующие устройению земного рая, лежат не внутри, а вне человека - в его социальной обстановке, в несовершенствах общественного механизма. И так как причины эти внешние, то они могут быть устранены внешним, механическим приемом. Таким образом, работа над устройением человеческого счастья с этой точки зрения есть по самому своему существу не творческое или созидательное в собственном смысле дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т.е. к разрушению.

Сергей Николаевич Булгаков
(1871 – 1944 гг.)

Печатается по: С.Н. Булгаков. Свет невечерний. –М.,1994.

[...]

Полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении, в духовно-телесном браке. Каждый в отдельности есть получеловек, однако является самостоятельной личностью, ипостасью, имеет свою духовную судьбу. В недрах же духа всякий человек остается все-таки двуполым, потому что иначе невозможна была бы его жизнь. И духовный пол вообще бывает сложным, ибо каждая личность представляет собой индивидуальное и своеобразное смешение стихии мужской и женской, этим обусловле-

на творческая напряженность, эротика духа. Эта имманентная брачность человеческого духа таит в себе разгадку творчества, которое есть не волевой акт, но духовное рождение, как об этом свидетельствует и гений языка, охотно применяющего к нему образы из половой жизни. Мужское начало, солнечное, гениальное, логическое, является зачинательным, ему принадлежит тема, мотив, импульс, с ним связано узрение софийных сущностей, созерцание идей. Но им лишь начинается, а не завершается творческий акт; самое же творение износится темным женственным лоном, «землею души».

Свет из тьмы, из темной глыбы Вознестися не могли бы Лики роз твоих, Если б в сумеречное лоно Не впивался погруженный Темный корень их.

Этим объясняется ограниченность и бесплодие методизма в творчестве, поскольку он стремится заменить вдохновение ремесленничеством (Сальери против Моцарта) и точным методом. Творческие, плодотворные идеи рождаются, интуитивно вспыхивают в душе ("яблоко Ньютона!"), метод же есть средство развернуть, использовать обретенное; но он не подменяет человека гомункулом.

Духовной двуполостью человека, тайной брачностью отмечено человеческое творчество и в самом своем существе. Оно есть скрещение двух начал, гениальности и талантливости, пересечение вертикали и горизонтали. Гениальность есть творческая инициатива, обретение новых тем, задач, возможностей, это - духовный взлет в «умное место», где зрятя вечные идеи, молния, пронизающая кору бытия. Гениальность зрит Софию, она сама есть софийный луч, ее откровение, почему и ее достижения осознаются как некое обретение или дар свыше. В конце концов гениальность есть личность в умопостигаемом ее существе, обнажение ее софийной сущности... Гениальность есть мужское, значительное начало в творчестве, это - дух; талантливость - женское, воспринимающее и рождающее начало, душа. Психея. Потому-то гений есть сама независимость и самобытность; талантливость же как способность к духовному вынашиванию всегда имеет пред собой уже данную тему или мотив, который и выполняет с большей или меньшей степенью совершенства. Поэтому нельзя иметь волю к гениальности, напротив, можно и должно иметь волю к талантливости: нужно делать себя, ковать свою жизнь. И не только каждое частное произведение творчества, но и вся жизнь" человеческая должна стать обретением гениальной темы и талантливым ее исполнением. Наивысшее достижение и на этом пути нам являют святые, которые всю свою жизнь превращают в благоуханный плод духовного творчества.

Мужское и женское самосознание имеет каждое свои отличительные черты. Мужчина деятелен, логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотдаче, мудра нелогической неличной мудростью

простоты и чистоты. Мужеобразная женщина производит столь же уродливое впечатление, как и женообразный мужчина. Такое смешение полов отличается от того дополнения, которое нормально в себе находит каждый пол. Женщина имеет мужское начало, но по-своему, также как и мужчина - женское. Тот, кто чтит пол («вечно женское», а тем самым одновременно и «вечно мужское»), не может мириться с половым нигилизмом, который скрывается иногда под личиной равенства полов, в действительности не равных, но глубоко различных. Мнимое равенство неизбежно сопрягается с поруганием женственности и с низведением пола к простому различению самца и самки, - нигилизм приводит к цинизму.

Высшее свое выражение духовная двуполость человека получает в религиозном самосознании, в обращенности души к Богу, которая обычно определяется у религиозных и мистических писателей как "духовный брак". Обретая себя в Церкви и сливаясь с нею, человек, без различия своего индивидуального пола, находит себя в женственной стихии своей души и ощущает себя "телом Христовым". В качестве Церкви все человечество, без различия полов, женственно в духе.

Николай Александрович Бердяев
(1874 – 1948 гг.)

Печатается по: Н.А.Бердяев. Смысл творчества
(Опыт оправдания человека). –Париж, 1985.

[...]

Всякий человек должен пройти через искупление и приобщиться к его тайне. Момент искупления греха в жизни человека неизбежно связан с послушанием и смирением, с отречением от самоутверждения, с жертвой духовной гордыни. Кто не знает этой внутренней работы послушания и отречения, тот не может идти ввысь. Всякий путь ввысь жертвен и предполагает внутреннюю духовную работу совлечения с себя ветхого Адама. Через смирение совершается освобождение от собственного зла и мерзости: совершивший дурное и низкое не погиб, он очищается таинством покаяния и рождается к новой жизни. Но на одном смирении и послушании нельзя построить цельной этики жизни. Великие моменты смирения и послушания легко превращаются в рабство, лицемерие и духовную смерть, если их признать единственными водителями жизни. Христианская мораль смирения и послушания недостаточна, в ней не все ценности жизни раскрываются. Духовная работа смирения и послушания - лишь моменты пути, цель же - в творчестве новой жизни. Но христианство как религия искупления не раскрыло морального творчества. Христианскую святоотеческую мораль как единственную оценку всей полноты жизни ныне труднее принять, чем хри-

стианские догматы и таинства. И поразительны эти попытки современного сознания превратить религию Христа, религию мировой мистерии искупления, в христианскую мораль. Часто говорят: единственное, что осталось от христианства и что приемлемо и для нашего сознания, это христианская мораль. Так говорят лишь потому, что считают христианскую мораль бесконечно приспособляемой. Творчество жизни оправдывают христианской моралью лишь путем безграничного насилия над Евангелием. В моральном сознании нового человечества есть творческие ценности, которые не были раскрыты в христианской морали. Эти творческие ценности говорят о восхождении человека, и от них труднее отказаться, чем от опустившегося рационализма, мешающего принять догматы и таинства, - от этих ценностей не должно отказываться. В христианстве побеждала мораль семитическая, и против нее восстает мораль арийская. Бунт Ницше против христианской морали несоизмеримо глубже и значительнее, чем рационалистические возражения Гарнака против христианских догматов. В моральной стороне христианства есть вечное и абсолютное. Это вечное и абсолютное связано с аскетической мистикой преодоления «мира» этого, отречения от призрачных благ этого мира, с внутренним прохождением через Голгофу. Наиболее ценно и незыблемо в христианской морали именно то, к чему наименее склонны современные морализаторы христианства, — мистическая аскетика. Но в исторической христианской морали есть много бытовых наслоений, временных и условных приспособлений. Бытовая православная мораль, доводящая пафос послушания до покорности и подданства злу и уродству, не есть вечное в христианстве, а лишь временное, как и все бытовое. Не вечны и не абсолютны и свято-отеческие моральные идеалы. Святоотеческий моральный идеал идеал старчества. Он отрицает молодость, т.е. творческий почин и порыв, боится молодости. Старческий святоотеческий идеал как бы испуган молодостью языческой, от которой должно было произойти мировое отталкивание, он всякую молодость считает языческой. В первые, самые напряженные моменты искупления старчество должно было быть противопоставлено молодости. Но старчество не вечно. Через искупление мир придет к новой, творческой морали молодости, не к молодости языческой, а к молодости в Духе Христовом. Христос - Абсолютный Человек - вечно молод. В самой Евангелии нет старчества. Старчество — порождение человеческое, а не божеское. Оно явилось потому, что молодости человеческой труднее было принять мудрую тайну искупления, чем старчеству. Это - слабость человеческая. Велика мудрость старчества, уходящая за пределы разума мира сего. Но построенная на старчестве мораль жизни всегда говорит о бессилии. Старческая мораль - мораль заботы и страха. Только юношеская мораль - мораль творчества и дерзновения. Евангельская мораль - беспечная, а не пекущаяся мораль, и самым совершенным выразителем евангельской морали остается св. Фран-

циск, по духу юноша, а не старец. Пекущаяся мораль, мораль заботы - буржуазная мораль этого мира. В Евангелии сказано: посмотрите на птиц небесных и на лилий полевых; и еще сказано: довлеет каждому дню злоба его. В этом есть юношеская беспечность и беззаботность. Нельзя, конечно, смешивать старчество со старостью. В старчестве есть достижение мудрости, в старости - упадок. Но мораль старчества в жизни легко переходит в мораль старости, мораль вечного страха, вечной заботы, вечного попечения о злобе другого дня, вечного отрицания божественной беспечности птиц небесных и полевых лилий, отрицание правды евангельско-францисканской, юношеской. Вечно юн Христос, и вечно юн андрогин - дева-юноша. Грядущая творческая мораль - мораль преображенной вечной юности, бесстрашной и беззаботной. Справедливо говорит Карлейль, что только победа над страхом делает человека человеком. Творческую мораль нельзя основать на отрывании и противопоставлении человеческого и божественного - в ней всегда открывается серафическая природа человека.

В чем вечная ценность христианской морали, в чем ценность для грядущей этики жизни, этики творческой? Моральные оценки распадаются на целый ряд антитез. Есть мораль слабости и мораль силы, мораль сострадания, блага людей, альтруизма и мораль ценностей, творческого повышения; мораль рабьей обиды и мораль свободной вины; мораль аристократического благородства духа и мораль духа рабски-плебейского. Ницше признал христианскую мораль рабьей, плебейской, моралью слабости и возненавидел ее. Он противопоставил ей мораль господскую, аристократически-благородную, мораль силы. Ницше сказал о христианстве много замечательного, волнующего, ценного для морального возрождения человека, ибо, поистине, он был одним из величайших моралистов всех времен в благороднейшем смысле этого слова. Но все сказанное Ницше о христианстве нужно перевернуть, взять наоборот. Мотивы ницшевской критики христианской морали глубоки и ценны, но сама критика совсем не верна. Ницше говорит как религиозный слепец, лишенный дара видения последних тайн. Религия Христа совсем не то, за что Ницше ее принимал. Христианская мораль не рабски-плебейская, а аристократически-благородная, мораль ынов Божьих, их первородства, их высокого происхождения и высокого предназначения. Христианство - религия сильных духом, а не слабых. В христианской святости был подбор сильных духом, было накопление духовной мощи. Христианская этика - этика духовной победы, а не поражения. Побеждающие "мир", жертвующие благами этого мира - самые сильные, самые подлинные победители. И по сравнению с силой и победой духа Христова всякая сила и победа в этом мире ничтожна и призрачна. Сильные мира сего - слабые, побежденные в Духе. Подлинная христианская мораль возлагает на человека, усыновленного Богом, свободную ответственность за свою судьбу и судьбу мира и исключает для сынов Божь-

их возможность чувствовать рабы-плебейскую, неблагородную обиду на судьбу, жизнь и людей. Переживание свободной вины - переживание силы; переживание рабей обиды - переживание слабости. Кто сопричислен к царству сынов Божьих, тот свободен. И кто жаждет искупить вину свою и грех свой, тот жаждет силы и из силы, а не слабости и из слабости, тот участвует в избавлении мира. Бессилие человека искупить собственными природными силами грех, обращение к помощи Искупителя есть бессилие падшей человеческой природы, бессилие разъединения с Богом. Но, поистине, все достоинство человека в его сопричастности Богу и божественной жизни, в его подъеме. И помощь человеку Искупителя-Богочеловека есть не внешняя для человека помощь, чуждая его природе, а внутренняя ему помощь, раскрывающая его собственную богоподобную, причастную к божественной жизни природу, внутренний подъем человека. Христос не вне нас, а в нас, Он - Абсолютный Человек в нас. Он - наша причастность Св. Троице. И религия Христа есть религия высшей силы человека, она противоположна всякой слабости и подавленности человека. Христианство есть путь раскрытия в каждом человеке Абсолютного Человека. Но в мировую эпоху искупления Абсолютный Человек раскрывается в аспекте жертвенном, и мораль христианская - жертвенная мораль. Другой аспект Абсолютного Человека раскрывается в творчестве. Поэтому путь христианской морали - через жертву к творчеству, через отречение от мира сего и его соблазнительных благ к творчеству мира иного и иной жизни. В жертвенности - подлинный пафос христианской морали. Жертвенность предполагает силу духа и исключает слабость духа. Только сила жертвенна. Жертвенность всегда благородна, всегда аристократична. Плебейство духа - не жертвенно. Христианская жертва "миром" и его благами всегда есть жертва безопасностью, безопасным полонием в мире, всегда отречение от устроенности в мире. Это согласие пойти вслед за Христом через богооставленность. Жертвенность христианской морали прямо противоположна всякой буржуазности. Поэтому подлинная христианская мораль должна признать добродетель небезопасного положения, добродетель, которую в высшей степени признавал Ницше, и должна отвергнуть добродетели буржуазные. Но жертва в христианстве никогда не есть жертва во имя благополучия людей, во имя добродетелей буржуазных, а - жертва во имя Бога и во имя ценностей творческих, ценностей восхождения. Это путь ввысь через расщепление. Христианская жертва всегда горная и поднимающая, а не дольная и распределяющая. Христианская мораль есть мораль ценностей, творческого повышения жизни, а не мораль благополучия людей, не альтруистически распределительная мораль. Христианство не допускает понижения качества во имя количества, оно все в качестве, т.е. в ценности аристократической.

Мировой кризис культуры, о котором много было говорено, есть

также кризис морали, революция морального сознания. Аморализм - такой же феномен мирового кризиса морали, как декадентство - феномен мирового кризиса искусства. Мораль как каноническая, общеобязательная культурная ценность надломлена, так же перезрела и надломлена, как и все канонические, общеобязательные ценности культуры, как и наука, как и классически прекрасное искусство, как и семья и все т.п. Есть глубокая бездна между моралью и бытием, и бездна эта ныне разверзлась. Это частный, но очень яркий случай разрыва между культурой и бытием. Путем морали недостижима высшая ступень бытия, иная жизнь. Аморализм есть лишь болезненный, нередко поверхностный симптом глубокого кризиса морали как закона, морали ветхозаветно-канонической. Подобно этому аномалии пола являются болезненным симптомом кризиса рода, надлома в старом поле. В мировом кризисе морали прорывается жажда морального творчества, морали как творчества, а не послушания. Кризис морализма, бунт против закона морального послушания есть также предвещение новой мировой эпохи, эпохи творческой. В жизни моральной, как и в жизни познавательной, художественной, половой, новый человек жаждет творить новую жизнь, а не только нести послушание последствиям греха, не только приспособляться к условиям этого мира. В канонической морали всех эпох не рождалось еще нового общения людей. Мораль, подобно всякому закону, скорее изобличала зло, чем творила высшую правду жизни. Ныне мораль перерастает уже закон послушания, изобличающий зло и приспособляющийся к его условиям. Мораль хочет быть творчеством высшей правды жизни и высшего бытия. Мораль как дифференцированная сфера культурой жизни перестает вдохновлять, мертвеет и вырождается. Она сознается как препятствие на пути к творчеству бытия. Мораль срединная, мораль безопасности, мораль, задерживающая наступление конца, закрывающая пределы бытия, должна раньше или позже сама прийти к концу и быть преодолена творческим напряжением человеческого духа. В этом кризисе срединно-задерживающей, безопасной морали огромно значение Ницше. Творческий дух его возжелал стать по ту сторону безопасной середины канонической морали. Каноническая мораль всегда была выразительницей духа средне-общего, а не духа индивидуальных высот. Ницше был великим изобличителем срединно-общего духа гуманизма. Мораль гуманизма не есть мораль конца и вершины, это - мораль середины и плоскости. Мораль гуманизма - все еще мораль послушания, а не творчества, мораль рода, а не богочеловечества. Гуманистическая мораль - распределительная, а не производительная, Ницше - жертвенный предтеча новой моральной эпохи. Но сам он весь переходный, он не кузнец новых ценностей. Новая творческая эпоха будет сверхморальной, как и сверхкультурной, а не доморальной и не докультурной. Доморальность, аморальность есть нигилизм, как и всякая докультурность, как и всякий отрицательный анархический бунт, не со-

зидающий космос, а расковывающий хаос. Мировой кризис морали должен идти к концу, а не возвращаться к началу. В кризисе морали велико также значение Ибсена. В ибсеновском творчестве та же атмосфера горного воздуха, героического восхождения, что и у Заратустры. То же восстание качественно восходящей индивидуальности против духа срединно-общего. Ницше и Ибсен - величайшие моралисты нового времени, но все еще религиозно слепые. Знаменательна также пламенная ненависть безумного католика Леона Блуа против буржуазного мира и буржуазных моральных ценностей.

[...]

В Л. Блуа трепещет и гневается все, что было подлинно благородного в католичестве, буржуазному миру не послушного. Но в пламенной ненависти Л. Блуа есть неверие в победу благородства над буржуазностью. В Блуа есть творческое бессилие, как и у всех великих французских католиков XIX века. Неисповедимая судьба сделала Ницше творчески дерзновенным и религиозно слепым, а Л. Блуа религиозно зрячим и творчески бессильным.

В чем же сущность морального кризиса? Сущность эта прежде всего в революционном переходе от сознания, для которого мораль есть послушание срединно-общему закону, к сознанию, для которого мораль есть творческая задача индивидуальности. Это - освобождение от остатков гетерономной морали. Общеобязательная мораль закона была лишь изобличением зла и греха и уравнием всех в зле и грехе. Закон должен быть исполнен, т.е. должно не делать зла, освободиться от греха. В этом преодолении нет ничего индивидуального и творческого. Но высшая задача человека - творчество новой жизни. Творчество новой жизни проходит через тайну индивидуальности. Творческая мораль не есть исполнение закона, она есть откровение человека. И это откровение человека в моральном творчестве - всегда индивидуально-качественное, а не срединно-общее, где-то воссоединяется с моралью евангельской, с моралью св. Франциска, с индивидуальной поэзией новозаветной жизни, не знающей закона. То, что сказано здесь, не есть анонизм. Закон должен быть внутренне изжит, а не бунтарски отвергнут. Греховная сторона человеческой природы остается обращенной к закону, но творческая ее сторона из закона выходит.

Традиционную христианскую мораль слишком исключительно строили на страхе и заботе о спасении души. Мораль творческая должна быть построена на мужественности и на заботе о творческом восхождении. Панический страх гибели унижает человека и в конце концов становится безнравственным и нерелигиозным по своим мотивам. Страх этот неблагороден и некрасив. Вечное трусливое дрожание за свою душу уничтожает образ Божий в человеке. От ужаса готов человек отказаться от всех творческих ценностей, лишь бы не погибнуть. Это - особая, очень непривлека-

тельная форма религиозного эгоизма. Эгоизм и трусость внутренне связаны. Так же связаны между собой жертвенность и мужественность. Бесстрашие и храбрость-религиозные добродетели. Бесстрашие духа, дерзновение перед Господом - высшие, жертвенные добродетели религиозного пути. Эгоистический страх собственной гибели, доводящий человека до отказа от чести, должен уступить место страху собственной низости, уродства и неблагородства. Великая клевета на христианство - будто ему чуждо чувство чести. Подлинное чувство чести только и возможно на почве христианской, ибо христианство - откровение о личности. Честь не есть духовная гордость и самоутверждение. Честь — блюдение в человеке образа и подобия Божьего, который не должен быть унижен. Честь блюдет ценность божественную и потому является одной из вечных основ морали. Самоотречение истребляет безбожную природу в человеке. Честь утверждает божественную природу человека. Отречение от безбожного самоутверждения и блюдение чести сходятся в одной добродетели - в раскрытии божественного Человека. Ей рыцарстве было подлинное моральное творчество. Идея рыцарства предвещала откровение о человеке. Но рыцарство никогда не было осуществлено.

[...]

Перед нами открылись два моральных пути: послушание и творчество, устроение "мира" и восхождение из "мира". Мировой религиозный кризис есть также моральный кризис, переход к морали творчества. Мораль послушания выполнила свою миссию и . выполняет ее донныне, поскольку в человеке есть греховный хаос, но она должна быть преодолена, поскольку в человеке должно со-, вершиться творческое откровение космоса. Мы увидели, что этика творчества не есть этика гуманизма. Этика гуманизма в последних своих пределах может привести к антихристовой этике. Этика творчества должна быть отделена от путей человекобожества, ибо в ней возвышение и обожествление человека совершается через Абсолютного Человека - Христа, через Богочеловека. Этика творчества вызывает вражду к себе, ибо это этика празднично-поэтическая, а не буднично-прозаическая, этика духа аристократического, а не духа плебейского. Категории аристократизма и плебейства не социологические категории и не связаны с буржуазным иерархизмом этого мира. Этика творчества должна освободить человека от того давящего чувствования себя волом, от того самосознания, которое одинаково присуще и ветхой книге Бытия, и новым книгам по экономическому материализму. Это освобождение от подавленности достигается через вольную жертву. В человеке не только отрицательно должен быть изобличен законом и искуплен грех, но и положительно должна раскрыться его творческая природа, его серафически-безгрешная, богоподобная природа. Отрицание греха гуманизмом не могло быть откровением серафически-безгрешной природы человека, природы,

предназначенной к творчеству. В этом отрицании был новый грех, закрывавший образ Божий в человеке, ибо было отступничество от божественного в человеке. Только творческая религиозная эпоха приведет к положительному самосознанию человека, освободит от тяжести исключительно отрицательного самосознания. В этике творчества будет вдохновение новой, не бывшей еще жизни. Это - жизнь в Духе, а не в мире, жизнь, Духовно свободная от реакций на мир и мирское. Из этики творчества вытекает и новая оценка общественности. Новая творческая жизнь не может двигаться ни вправо, ни влево по линии "мира", а лишь ввысь и вглубь по линии Духа.

[...]

В то время, когда в Германии напрягались все силы, чтобы поддержать падающий престиж закономерности, и бросали на карту последнюю и самую драгоценную ставку — мораль (больше уже нечем было рассчитываться), Ницше высказал неожиданное суждение, что расплата производится фальшивой монетой, что мораль сама требует оправдания и, стало быть, не может отвечать за науку. Этой мысли Ницше с желательной полнотой и отчетливостью нигде не формулировал. Я не уверен даже, что он ясно сознавал ее. По-видимому, он скорее инстинктом чуял, что с наукой до тех пор невозможно бороться, пока не будет свалена ее вечная и могучая союзница - мораль. Инстинкт, как мы видели, не обманул его. Теперь наиболее осторожные люди убеждаются, что основные предпосылки, аксиомы научного знания держатся только моралью. Такое признание было с их стороны преждевременным? Они не могли думать, что их тысячелетняя мораль потеряет когда-либо свое обаяние? Весьма возможно, но слово сказано и вряд ли когда-нибудь забудется. Толстой, Достоевский и другие пытались восстановить против науки мораль - но их усилия в этом направлении оказались бесплодными. Нравственность и наука - родные сестры, родившиеся от одного общего отца, именуемого законом, или нормою. Временами они могут враждовать меж собой и даже ненавидеть одна другую, как это часто бывает между родными, но рано или поздно кровь скажется, и они примирятся непременно. Немцы это знают хорошо. У них везде - в школе, в армии, в морали, в полиции, в философии один высший принцип: порядок прежде всего. И спору нет принцип полезный: стоит только вспомнить, какие блестящие победы на всевозможных поприщах одержали наши дисциплинированные соседи за самое короткое время. Еще недавно они стояли в хвосте европейской культуры, теперь они заявляют, и совершенно основательно, притязания на гегемонию. И если бы наука и мораль ставили себе только утилитарные задачи, нужно было бы признать, что они своего достигли. Но они, как известно, добиваются большего. Они хотят себе суверенных, верховных прав над человеческой душой, и тут снова является старый вопрос, которого несмотря на все теории познания, челове-

чество никогда не забывало и никогда не забудет. Снова спрашивают: в чем истина? Наука безмолвствует. Мораль, по привычке, оглушительно выкрикивает старые, потерявшие смысл слова. Но им уже мало кто верит.

[...]

Так называемые последние вопросы в такой же мере волновали человечество в самом начале сотворения мира, как и в наше время. Уже Адам и Ева хотели «знать» и, рискуя навлечь на себя гнев всемогущего Творца, сорвали плод с дерева познания добра и зла. Каин, жертва которого была негодна Богу, поднял руку на родного брата - ему казалось, что он совершил убийство во имя справедливости, для восстановления поправленных прав своих. Со времени Каина ни один человек не мог понять, отчего Творец мира благосклоннее принимает жертву его брата, чем его собственную, и в наши дни Сальери повторяет расправу Каина и отравляет своего брата и благодетеля, Моцарта: «Все говорят - нет правды на земле; но правды нет и выше: для меня так это ясно, как простая гамма». Нет ни одного человека на земле, который бы в этих простых и глубоких словах не узнал собственных мучительнейших сомнений. Отсюда вытекает трагическое творчество, загадочным образом до сих пор почитаемое всеми высшим родом творчества. Все разгадывается и объясняется. Если сравнить наши знания со знаниями древних, мы окажемся великими мудрецами. Но к загадке о вечной справедливости мы так же мало подошли, как и первый человек, как и убийца Каин. Прогресс, цивилизация, все завоевания человеческого ума в эту область не принесли ничего нового. Как наши праотцы, так и мы с испугом и недоумением останавливаемся при виде уродства, болезни, безумия, нищеты, старости, смерти. Все, что могли сделать до сих пор мудрецы, это обратить земные ужасы в проблему: может быть, говорят нам все страшное есть только страшное на вид, и в конце тяжелого пути нас ждет нечто новое. Может быть! Но современный образованный человек, имеющий доступ к мудрости 40 веков исторической жизни человечества, знает об этом не больше, чем древний певец, за свой страх решавший мировые проблемы. Мы, дети угасающей цивилизации, мы, старики от рождения, в этом смысле так же молоды, как и первый человек.

Говорят, что нельзя обозначить границу между "я" и обществом. Наивность! Робинзоны встречаются не только на необитаемых островах, но и в самых многолюдных городах. Правда, они не одеваются в звериные шкуры и не имеют при себе чернокожих пятниц, оттого-то никто их и не узнает. Но ведь Пятница и звериная шкура - последняя вещь, и не они делают человека Робинзоном. Одиночество, оставленность, бесконечное, безбрежное море, на котором десятки лет не видно было паруса, - разве мало наших современников живут в таких условиях? И разве они не Робинзоны, для которых люди обратились в далекое воспоминание, с трудом отличаемое от сновидения?

Быть непоправимо несчастным - постыдно. Непоправимо несчастный человек лишается покровительства земных законов. Всякая связь между ним и обществом порывается навсегда. И так как рано или поздно каждый человек осужден быть непоправимо несчастным, то, стало быть, последнее слово философии - одиночество.

[...]

Люди не любят признаваться в своих заблуждениях. Это смешно, но это - так. Люди, ничтожные, жалкие существа, на каждом шагу, как это доказывает история и обыкновенная житейская практика, заблуждающиеся, хотят считать себя непогрешимыми и всезнающими. И зачем? Отчего не признаться прямо и открыто в своем незнании? Правда, это не так легко достижимо. Подлый разум, вопреки нашему желанию, подсовывает нам мнимые истины, от которых мы не умеем отделаться даже тогда, когда замечаем их призрачность. Сократ хотел думать, что ничего не знает - и не мог: он глубоко верил в свое знание, он думал, что ничего, кроме того, чему он учит, не может быть "истиной", он принял изречение оракула и искренне считал себя мудрейшим из людей. И мы все соблазнили его мудростью, которая до сих пор держит нас в плену. Декарт понимал, что нужно во всем усомниться, но не знал, с чего начинать. И так будет до тех пор, пока философы будут считать своей обязанностью учить и спасать ближних. Кто хочет помочь людям - тот не может не лгать. Нужно усомниться не затем, чтобы потом снова вернуться к твердым убеждениям: это было бы бесцельно; опыт показал, что такой процесс приводит только от одного заблуждения к другому, - в области последних вопросов, разумеется. Нужно, чтобы сомнение стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни. Ибо твердое знание есть условие несовершенного восприятия. Слабый, неокрепший дух не способен к слишком быстрым, непрерывным переменам; ему всегда нужно осматриваться, приходиться в себя — и для этого подольше испытывать одно и то же. Ему нужны даваемые привычкой прочность и устои. Но созревший дух презирает эти костыли. Ему надоело пресмыкаться на земле, он отрывается от «родной» почвы и уходит ввысь, вдаль, в бесконечное пространство. И ведь всякий знает, что не навсегда же мы осуждены жить в этом мире. Но страх мешает нам прямо сказать это себе, и до поры до времени мы молчим. Ц приходят несчастья, болезни, старость, и страх, который мы хотели отогнать от себя, делается постоянным спутником нашей жизни. Мы уже не можем от него отделаться и поневоле с любопытством начинаем присматриваться к ненавистному спутнику. И тогда мы замечаем, что он не только пытается нас, но вместе с нами и за нас делает странное и непривычное дело: перегрызает все нити, которыми мы были привязаны к прежнему существованию. Нам кажется иногда, что еще несколько мгновений и нас ничто не в силах будет больше удержать, что осуществится вечная мечта пре-

смыкающегося человека: он освободится от тяжести и уйдет далеко от проклятой земной юдоли... Предчувствие ли это или галлюцинации измученной души?

На моралистов нападают за то, что они рекомендуют людям «нравственное утешение». Но, собственно говоря, эти обвинения не совсем справедливы. Моралисты, вероятно, с большей радостью заменили бы свои отвлеченные дары более реальными, если бы только могли. Толстой в молодости хотел осчастливить человеческий род и только под старость, убедившись, что осчастливить не в его силах, стал проповедовать отречение, резиньяцию и т.п. И как он сердится, когда люди не соглашаются принять его учение! А ведь может быть, что, если бы Толстой вместо того, чтобы выдавать свое учение за решение последних вопросов и за оптимизм, говорил бы о невозможности удовлетворительных ответов и выступал пессимистом, его бы охотнее слушали и меньше возражали. Теперь он раздражает преимущественно тем, что, не умея облегчить ближних, он требует, чтобы ближние считали себя или по крайней мере притворялись получившими облегчение, даже осчастливленными им. На это мало кто соглашается: с какой стати добровольно отказываться от своих прав? Ведь право браниться и проклинать судьбу, хоть и не Бог знает какое большое, но все-таки право...

[...]

Трудно, безмерно трудно падшему человеку постичь извечную противоположность между откровением и истинами знания. Еще труднее вместить в себя мысль о непринуждающей истине. И все же в последней глубине души своей человек ненавидит принуждающую истину, словно чувствуя, что тут кроется обман, "аваждение, что она от пустого и бессильного Ничто, страх перед вторым парализовал нашу волю. И когда до них доходят голоса людей, которые, как Достоевский, Лютер, Паскаль и Киргегард, напоминают им о грехопадении первого человека, - даже самые беспечные настораживаются. Нет истины там, где царствует принуждение. Не может быть, чтобы принудительная и ко всему безразличная истина определяла собой судьбы мироздания. У нас нет силы рассеять чары Ничто, мы не можем освободиться от овладевшего нами сверхъестественного очарования и оцепенения. Сверхъестественное требует для своего преодоления сверхъестественного вмешательства. Сколько возмущались люди тем, что Бог допустил "змея" соблазнить первого человека, и к каким ухищрениям не прибегали они, чтобы снять с Бога и переложить на человека "вину" первого падения! И точно, кто решится возложить ответственность за ужасы, пришедшие в мир с грехом, на Бога? Не значит ли это подписать приговор Богу? Для нашего разумения не может быть двух ответов. Человек согрешил, и если грех его раздавил то так это и быть должно. Но Лютеру и всякому, кто не боится читать и слушать Писание, открывается иное: для Бога нет

невозможного - est enim Deus omnipotens ex nihilo creans omnia ("ибо Он есть Бог всемогущий, все творящий из ничего"). Для Бога нет ни закона противоречия, ни закона достаточного основания. Для него нет и вечных, несотворенных истин. Человек вкусил от дерева познания и погубил тем себя и все свое потомство: плоды с дерева жизни для него стали недоступны, его существование стало призрачным, превратилось в тень, как любовь Киргегарда к Регине Ольсен. Так было - об этом свидетельствует Св. Писание. Так есть: об этом тоже свидетельствует и Св. Писание, и наш повседневный опыт, и умозрительная философия. И все-таки - не человек, а Бог сорвал и вкусил плод от запретного дерева. Бог, для которого все возможно, сделал так, чтоб однажды бывшее стало небывшим и чтобы небывшее стало бывшим, хотя все законы и разума нашего, и морали вопиют против этого. Бог не остановился и перед тем, чтобы в ответ на вопли не только своего Сына, но и обыкновенных людей, "отречься" от Неизменности. Вопли живых, хотя сотворенных и конечных людей, слышней Богу, чем требования каменных, хотя и несотворенных и вечных истин. Он и свою субботу создал для человека и не позволял книжникам жертвовать человеком для субботы. И для Бога нет ничего невозможного. Он принял на себя грехи всего человечества. Он стал величайшим, ужаснейшим из грешников: не Петр, а Он отрекся, не Давид, а Он прелюбодействовал, не Павел, а Он преследовал Христа, не Адам, а Он сам сорвал яблоко. Но для Бога нет ничего непосильного. Грех Его не раздавил. Он раздавил грех. Бог единственный источник всего: перед его волею склоняются и падают ниц все вечные истины и все законы морали. Потому, что Бог хочет, - добро есть добро. Потому, что Он хочет, - истина есть истина. По воле Бога человек поддался соблазну и утерял свободу. По его же воле, - пред которой распалась в прах пытавшаяся противиться каменная, как и все законы. Неизменность - свобода человеку вернется, свобода человеку вернулась: в этом содержание библейского откровения. Но путь к откровению ограждают окаменевшие в своем безразличии истины нашего разума и законы нашей морали. Нам страшна бездушная или равнодушная власть Ничто, но у нас нет сил причаститься возвещенной в Писании свободе. Мы боимся ее все еще больше, чем Ничто. Ничем, даже добром и истиной, не связанный Бог, Бог, который сам, по своей воле, творит и истину, и добро! Мы воспринимаем [это], как произвол, нам кажется, что ограниченная определенность Ничто все же лучше, чем безграничность божественных возможностей. Киргегард, сам Киргегард, который на своем опыте в достаточной степени извещал ничтожащее действие несотворенных истин, исправлял Св. Писание и торжествовал, когда Неизменность становилась между Богом и его распинаемым Сыном и влюбленное в себя "чистое" милосердие испытывало блаженство в сознании своей беспомощности и бессилия. Правда, мы знаем, что все признания Киргегарда были вырваны у него на пытке. Но все

же, так или иначе. Ничто, во власти которого и Киргегард, и мы все осуждены влачить наше земное существование, сделало страх нераздельным спутником нашего мышления. Мы все боимся, мы боимся даже Бога и не решаемся ввериться ему, не убедившись вперед, что Он ничем не грозит нам. И никакие «разумные» доводы не могут разогнать страх: разумные доводы, наоборот, питают его.

Отсюда и берет начало Абсурд. От Абсурда, выкованного ужасами бытия, Киргегард узнал о грехе и научился видеть грех там, где на него указывает Писание. Противоположное понятие греху есть не добродетель, а свобода. Свобода от всех страхов, свобода от принуждения. Противоположное понятие греху - и это ему открыл Абсурд - есть вера. И это то, что труднее всего воспринять нам в экзистенциальной философии Киргегарда, что он сам труднее всего воспринимал. Оттого он и говорил, что вера есть безумная борьба человека за возможное. Экзистенциальная философия есть борьба веры с разумом о возможном, вернее о невозможном. Киргегард не скажет вслед за умозрительной философией: *credo, ut intelligam* («верую, чтобы разуметь»). Он отбрасывает как ненужное, как мертвящее наше *intelligere*. Он вспоминает пророка:

Justus ex fide vivit (праведник жив верой). Он вспоминает апостола: все, что не от веры, есть грех. Только вера, не считающаяся ни с чем, ничего не «знающая» и знать не желающая, - только вера может быть источником сотворенных Богом истин. Вера не спрашивает, не вопрошает, не оглядывается. Вера только взывает к тому, по воле которого все, что есть, есть. И если умозрительная философия исходит из данного и самоочевидностей и принимает их как необходимое и неизбежное, то философия экзистенциальная через веру преодолевает все необходимости. «Верую Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, сам не зная, куда идет». Чтобы прийти в обетованную землю, не нужно знание, для знающего человека обетованная земля не существует. Обетованная земля там, куда пришел верующий: *certum quia impossibile* («несомненно - потому что невозможно»).

Вера не есть «доверие» к облеченным разумом невидимым истинам, она не есть и доверие к возвещенным наставниками или св. книгами правилам жизни. Такая вера есть только менее совершенное познание и свидетельствует о том же падении человека, что и *tertium genus cognitionis* (третий род познания) Спинозы или несотворенные истины Лейбница. Если Бог значит, что нет ничего невозможного, то вера обозначает, что наступил конец необходимости и всем порожденным необходимостью каменным «ты должен». Нет истин, занимается заря свободы: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый. И нет греха: Бог принял его на себя и истребил его и все зло, которое с грехом вошло в мир. Умозрительная философия «объясняет» зло, но объясненное зло не только сохраняется, не

только остается зло, оно оправдывается в своей необходимости, приемлетя и превращается в вечное начало. Экзистенциальная философия выходит за пределы «объяснений», экзистенциальная философия в «объяснениях» видит своего злейшего врага. Зло нельзя объяснить, зло нельзя «принимать» и договариваться с ним, как нельзя принимать грех и договариваться с грехом: зло можно и должно только истреблять.

Владимир Ильич Ленин
(1870-1924 гг.)

Печатается по: В.И. Ленин. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Избр. соч. В 10 тт. – М., 1987. – Т 9.

[...]

...очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это - способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из веления бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазии, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они вывели ее из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

[...]

...для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

[...]

Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся

вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано всем обществом

[...]

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение. Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества. Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Иван Александрович Ильин
(1882 – 1954 гг.)

Печатается по: И.А.Ильин. Путь к очевидности. –М., 1993.

[...]

...несопротивляющийся злу *поглощается* им и становится *одержимым*. Ибо “зло” — не пустое слово, не отвлеченное понятие, не логическая возможность и не “результат субъективной оценки”. Зло есть, прежде всего, *душевная склонность* человека, присущая каждому из нас; как бы некоторое живущее в нас *страстное* тяготение к разнузданию зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей, власти и к полноте захвата.

[...]

Чувство стыда, чувство долга, живые порывы совести и правосознания, потребность в красоте и в духовном сорадовании живущему, любовь к Богу и родине - все эти истоки живой духовности, в единой и совместной работе, создают в человеке те духовные *необходимости* и *невозможности*, которым сознание придает форму убеждений, а бессознательное - форму благородного характера.

[...]

...чем бесхарактернее и беспринципнее человек, тем ближе он к этому состоянию и тем естественнее для него совсем не сопротивляться злу. И наоборот, чем менее человек сопротивляется злу, тем более он приближается к этому состоянию, попирая сам свои “убеждения” и расшатывая сам свой “характер”. Несопротивляющийся сам разламывает стены своего духовного Кремля

[...]

Такое разложение духовности в душе может наступить у слабого человека в зрелом возрасте; но оно может вести свое начало от детства, и притом или так, что первоначальное зерно духовности, потенциально имеющееся у каждого человека, совсем не было вызвано к живой самодеятельности, или же оно оказалось, в результате внутренней слабости и внешних соблазнов, творчески нежизнеспособным и бесплодным.

[...]

Человек, духовно дефективный с детства, может выработать в себе даже особый душевный уклад, который при поверхностном наблюдении может быть принят за “характер”, и особые воззрения, которые по ошибке принимаются за “убеждения”. На самом же деле он, беспринципный и бесхарактерный, остается всегда рабом своих дурных страстей, пленником выработавшихся душевных *механизмов*, одержавших его и всемогущих в его жизни, лишенных духовного измерения и слагающих кривую его отвратительного поведения. Он *не сопротивляется* им, но изворотливо наслаждается их игрой, заставляя наивных людей принимать его *злую одержимость* за “волю”, его *инстинктивную хитрость* за “ум”, порывы его злых страстей за “чувства”.

[...]

Естественно, что духовно здоровые люди вызывают у такого человека лишь раздражение и злобу и разжигают в нем большое властолюбие, в проявлениях которого вспышки мании величия неизбежно чередуются со вспышками мании преследования. После духовных бед, разразившихся над миром в первую четверть двадцатого века, нетрудно представить себе, что может создать кадр таких одержимых злобою, агрессивно изуверствующих людей.

[...]

Добро и зло в действительности *не* равноценны и *не* равноправны: и точно так же *не* равноценны и *не* равноправны их живые носители, осуществители и слуги. Называть того, кто пресекает злодейство, “насилем” можно только от слепоты или от лицемерия: осуждать “наравне” казнь злодея и убиение праведного мученика можно только от лицемерия или от слепоты.

[...]

Именно *природою самого добра* определяется и *вопрос о* допустимости физического понуждения и пресечения, и *ответ* на него: ибо живое добро (живущее в своих носителях, осуществителях и слугах) есть подлинный источник, направление и цель понуждения и пресечения, направленного против злодеев.

[...]

По самой природе своей добро и зло имеют душевно-духовную при-

роду, и “местонахождением” их является человеческая душа. Поэтому *борьба со злом* есть процесс душевно-духовный; побеждает зло тот, кто превращает его в добро, т. е. *из глубины преображает духовную слепоту в духовную зрячесть, а силу каменеющей ненависти в благодатность приемлющей любви*. В этом основная сущность борьбы со злом и победы над ним: и потому всякая мера, направленная против зла, должна, в *конечном счете, служить именно этой цели*, получая от нее смысл и значение.

[...]

... употребление физической силы в борьбе со злом является *возможным и небесмысленным*, но отнюдь *не исключительным и не самодовлеющим*, а *вторичным и подчиненным* средством в общей системе духовного воздействия и воспитания, и притом средством, применимым в границах духовной допустимости и необходимости. В силу самой природы своей оно должно применяться не тогда, когда его *можно* применить, а тогда, когда его применить *необходимо*: и всюду, где в нем *нет необходимости*, его применять не следует.

[...]

Физическое понуждение и пресечение есть *крайняя* мера борьбы: и сфера ее применения начинаемь только там, где внутренние меры оказываются несостоятельными и недостаточными.

[...]

У человека, духовно неразвитого и беспомощного, “любовь” начинается там, где ему что-то “нравится” или где ему от чего-то “приятно”; она протекает в плоскости бездуховного “да” и стремится к максимально-внутреннему и внешнему наслаждению. Эта бездуховная любовь чаще всего отвлечена от воли и разума и обращена к воображению и чувственному ощущению.

Напротив, духовная любовь имеет власть отвернуться от “нравящегося” и “приятного”; она имеет силу утвердить себя на уровне стойкого “нет”; она способна принять форму тяжелого и безрадостного служения.

Единственная, неизменная функция духовной любви - это “благожелательство”; а это значит, что она всегда и всем искренно желает не удовольствия, не наслаждения, не удачи, не счастья и даже не отсутствия страданий, - а *духовного совершенства*, даже тогда, когда его можно приобрести только ценой страданий и несчастья. Уже следующая функция духовной любви - опытное и интуитивное восприятие чужой личности, доводимое, в его полноте, до художественного отождествления, - осуществляется далеко не всегда: на *нижних* ступенях духовного самовоспитания она осуществляется преимущественно по отношению к идеальным, совершенным человеческим образам (святые и герои); на *средних* ступенях - может быть только по отношению к Богу (уединение); на *высших* ступенях - только в Боге и через Бога, а из людей только по отношению к тем, кто

сам просит о помощи (старчество).

[...]

Любовь его есть любовь к совершенству любимого или к любимому в его совершенстве; и эта любовь к совершенству любимого всегда остается сильнее, чем страх перед его возможным страданием.

Обычная любовь любит земной состав индивидуального человека и не знает ничего, что можно бы было противопоставить ему, как высшее: отсюда ее чувственная и слащавая мораль, ставящая выше всего беспредметное “умиление” и беспринципную доброту.

Напротив, духовная любовь знает это высшее и, перед его лицом, умеет владеть и своим умилением, и своей добротой. Она знает, что между двумя основными заповедями Христа (о любви к Богу и любви к ближнему) возможны видимые столкновения, в которых служение делу Божьему может требовать безжалостной суровости к человеку, а жалость к человеку бывает равносильна предательству по отношению к Божьему делу.

[...]

Человек, угасивший в себе образ Божий, нуждается не в безвольно-сочувствующем “да”, а в сурово осуждающем “нет”; и это останавливающее и отрезвляющее его “нет” может и должно иметь своим подлинным источником любовь к Богу в небесах и к Божественному в падшей и духовно угасшей душе.

[...]

...духовное оформление любви, столь необходимое человеку и столь трудно приобретаемое им, придает любви целый ряд драгоценных видоизменений и отнюдь не угашает и не искажает при этом ее основной *любви* природы: в своем духовном “нет” человек *любит* свой *настоящий подлинный предмет* нисколько не менее, чем в своем *духовном “да”*, и гораздо более, чем в своем *бездуховном “да”*: мало того, любовь, способная принять духовно-отрицающий лик, является всегда более глубокой, более интенсивной, более вернопреданной, чем “любовь”, малодушно отвертывающаяся от зла, чтобы его не видеть, или готовая сострадательно “принять” его.

Для того, чтобы понять этот отрицательный лик любви, необходимо иметь ввиду, что духовно-опредмеченная и оформленная любовь, оставаясь *всегда* благожелательством, то есть желая *каждому* человеку духовного просветления и преображения, в то же время *не может любить зла в человеке*. Поэтому всюду, где она воспринимает в человеке *подлинное зло* (не слабость, не заблуждение, не падение, не грешность, а самоутверждающуюся противодуховную злобу), - она оказывается вынужденной изменить свое индивидуальное отношение к данному человеку в соответствии с наличным в его душе злом. По-прежнему желая ему всегда обращения и очищения и, может быть, радостно трепеща от одной мысли о возможно-

сти такого преображения злой души, - духовно- любящий человек по необходимости переживает целый ряд видоизменений во всех остальных функциях своей любви: в сочувствии, одобрении, содействии, в творческом приятии, в желании “входить в его положение”(отождествляться), в готовности общаться и, наконец, даже в способности отнестись к нему с элементарной жалостью. Каждый из нас должен знать это по собственному опыту: есть злые поступки, которым мы не можем дать ни сочувствия, ни одобрения; есть злые цели, которым мы не можем творчески содействовать, так что от одной идеи о том, что “я был ей косвенно полезен”, душой овладевает смертная тоска; есть злые жизненные положения, входить в которые воображению отвратительно, а воле - невыносимо; есть злые люди, от простого разговора с которыми душа начинает стонать как раненая; есть злодеи, по отношению к которым последняя вспышка угасшей жалости только и может выразиться в ускорении их смертной казни...

[...]

...если каждый из людей, неся в себе известное начало зла, отвечает и за себя, и за других, то верное отношение его к этому “собственному” злу выражается не в том, что он “может” с ним бороться, “если хочет”, а в том, что он при всяких условиях *обязан* с ним бороться и *не имеет права* угащать эту борьбу. Ибо угащая ее, он вредит не “только себе”, но всем: колодцы человеческих душ имеют как бы подземное (бессознательное) сообщение, и тот, кто засоряет и отравляет свой колодец, тот засоряет и отравляет все чужие. Человек, не соблюдающий духовную гигиену, есть очаг всеобщего, общественного заражения. Вот почему каждый из людей, помимо *религиозного* и *духовного* призвания к борьбе со своим злом, имеет еще *общественную* обязанность - воспитывать себя, духовно очищать свою душу, сдерживать свою злую волю, понуждать себя, принуждать себя, и если надо, то понуждать себя к необходимому самопонуждению.

[...]

Человек, реализующий свое внутреннее зло во внешней поступке, не только сам “грешит” или “падает”, но он делает всеобщую духовную связанность людей прямым *орудием* зла и его насаждения. Позволяя своему личному злу прорваться и стать внешним поступком, он предается ему во власть, дает ему цельное бытие и сам становится общественным вулканом зла. Он как бы срывает общественную связанность с ее высшего уровня, попирает основную обязанность самообуздания и насильственно, навязчиво вторгается со своим, ушедшим через край, злом - в другие души и во всю общественную атмосферу.

[...]

Он нарушает духовное равновесие у одних, искушает других, заражает третьих, гипнотически покоряет четвертых. В злом поступке всегда укрывается элемент наступления, посягательства, попрания, властности, и

поэтому зло, прорвавшееся в поступке, агрессивно и властно вовлекает в него души всех людей, делая их вольными или невольными соучастниками злодея.

[...]

Нельзя давать злу властно насаждать себя и распространять себя внешними поступками, вторгающимися в виде дерзкого призыва и соблазна в слабые и, может быть, уже полуотравленные души. Никто не имеет права ни злодействовать, ни делать себе святыню из свободы злодея. Мало того, всякий *обязан* сопротивляться и злопыхателю, и злодею, - сопротивляться *инициативно и действенно*, - сопротивляться и внутренним усилием, и внешним поступком, - сопротивляться не в злобу и в месть, а в любовь и служение. И обязанность эта у людей - *взаимна*.

[...]

Злое начало *едино* и *агрессивно* и, в агрессивности своей, *лукаво* и *многообразно*. Тот, кто ему не сопротивляется, тот уступает ему и идет в его свите; кто не пресекает его нападения, тот становится его орудием или гибнет от его лукавства.

[...]

Для того, чтобы вести верное сопротивление злу, необходимо се время иметь в виду все четыре основных свойства его: *единство*, *агрессивность*, *лукавство* и *многообразие* - и считаться с ними со всеми. Только духовно слепой может, признавая агрессивность лукавство и многообразие зла, не замечать его *единства* и общности, замыкаться окончательно в свою личную “безгрешность” и искать “спасения” для себя одного; это будет добродетель слепого, совершенство беглеца, спасение себялюбца; и все - будет мнимое. Только лишенный жизненного опыта может не видеть *агрессивности* зла, его естественной тяги к расширению, его одержимости, его властного напора и воображать, что силу зла можно и должно истощать беспрепятственностью, терпеливой покорностью и жертвенным обречением ему всех святынь, всех человеческих душ и всей культуры. Только наивный человек может не видеть *лукавства* зла и полагать, что злу присуще простодушие, прямота и рыцарственная корректность, что с ним можно договариваться, ожидая от него верности, лояльности и чувства долга.

[...]

Зло, вообще говоря, совсем не сводится к “дурной цели”, для него настолько же характерны и “дурные средства”. Его формула гласит: всеми, и добрыми, и злыми средствами - к злой цели, причем в термине “злой” содержится не идея “отступления от добра”, а идея “безразличия” или “отвращения” к добру.

[...]

Всеобщая взаимная связанность людей, делающая зло единым и об-

щим началом, ставит каждого человека в положение вольного или невольного соучастника зла и держит его в этом положении до тех пор, пока он не совершит волевой отрыв от злодея и не обратится к нему во всей силе активно-отрицающей любви. Человек, видящий эту связность людей и обладающий живой совестью, всегда испытывает себя как бы *присутствующим* при том зле, о котором он знает, что оно совершается или совершится.

[...]

Человек, реализующий свое внутреннее зло во внешнем поступке, не только сам «грешит» ли «падает», но он делает всеобщую связность людей прямым орудием зла и его насаждения. Позволяя своему личному злу прорваться и стать внешним поступком, он предается ему во власть, дает ему цельное бытие и сам становится общественным вулканом зла. Он как бы срывает общественную связность с ее высшего уровня, попирает основную обязанность самообуздания и насильственно, навязчиво вторгается со своим, ушедшим через край, злом в другие души и во всю общественную атмосферу.

[...]

Он нарушает духовное равновесие у одних, искушает других, заражает третьих, гипнотически покоряет четвертых. В злом поступке всегда укрывается элемент наступления, посягательства, попрания, властности: и поэтому зло, прорвавшееся в поступке, агрессивно и властно вовлекает в него души всех людей, делая их вольными или невольными соучастниками злодея.

[...]

Нельзя давать злу властно насаждать себя и распространять себя внешними поступками, вторгающимися в виде дерзкого призыва и соблазна в слабые и, может быть, уже полуотравленные души. Никто не имеет права ни злодействовать, ни делать себе святыню из свободы злодея. Мало того, всякий обязан сопротивляться и злопыхателю, и злодею; - сопротивляться *инициативно* и *действенно*; - сопротивляться и внутренним усилием, и внешним поступком; - сопротивляться и внутренним усилием, и внешним поступком; - сопротивляться не в злобу и в месть, а в любовь и служение. И обязанность эта у людей – взаимна.

[...]

Злое начало едино и агрессивно и в агрессивности своей лукаво и многообразно. Тот кто не сопротивляется и уступает ему и идет в его свите, становится его орудием или гибнет от его лукавства.

[...]

Для того, чтобы вести верное сопротивление злу, необходимо все время иметь в виду все четыре основных свойства его: единство, агрессивность, лукавство и многообразие - и считаться с ними со всеми. Только духовно слепой может, признавая агрессивность, лукавство и

многообразие зла, не замечать его единства и общности, замыкаться окончательно в свою личную “безгрешность” и искать “спасения” для себя одного; это будет добродетель слепого, совершенство беглеца, спасение себялюбца; и все - будет мнимое. Только лишенный жизненного опыта может не видеть агрессивности зла, его естественной тяги к расширению, его одержимости, его властного напора и воображать, что силу зла можно и должно истощать беспрепятственностью, терпеливой покорностью и жертвенным обречением ему всех святых, всех человеческих душ и всей культуры. Только наивный человек может не видеть лукавства зла и полагать, что злу присуще простодушие, прямота и рыцарственная корректность, что с ним можно договариваться, ожидая от него верности, лояльности и чувства долга.

[...]

Зло, вообще говоря, совсем не сводится к “дурной цели”; для него настолько же характерны и “дурные средства”. Его формула гласит: всеми - и злыми, и добрыми, и добрыми, средствами - к злой цели; причем, в термине “злой” содержится не идея “отступления от добра”, а идея “безразличия” или “отвращения” к добру.

[...]

Всеобщая взаимная связанность людей, делающая зло единым и общим началом, ставит каждого человека в положение вольного или невольного соучастника зла и держит его в этом положении до тех пор, пока он не совершит волевой отрыв от злодея и не обратится к нему во всей силе активно-отрицающей любви. Человек, видящий эту связанность людей и обладающий живой совестью, всегда испытывает себя как бы присутствующим при том зле, о котором он знает, что оно совершается или совершится. Но присутствуя при злодеянии, он не может не порвать в себе того “едино-воления” и “едино-чувствия” со злодеем, в котором его обычно удерживает любовь к другим людям. Этот отрыв и есть первое проявление родившегося праведного гнева и негодования. При этом он не боится порвать это “единение” со злодеем, ибо он видит и понимает, что злодей уже порвал в своей душе единение любви со своею жертвою, что он, осуществляя свое злодеяние, рвет нити этого единения и в душе своей жертвы, и в душе защитника, и во всех душах. Поэтому поддерживать единение положительной любви со злодеем – противоестественно, отвратительно и губительно, напротив, оторваться от сочувствия ему и всякого соучастия с ним, не выходя из пределов духовного благожелательства, - естественно, необходимо, единственно верно. Но в соучастии остается повинен всякий, кто не положил всю свою личную силу на активное пресечение злодеяния. Всякий отвернувшийся, убоявшийся, поберегший себя, не вмешавшийся, “ничего не сделавший”, не воспротивившийся до конца – несет на себе вину духовного соучастия.

[...]

Таким образом, каждое внешнее злодеяние является как бы испытанием или пробным камнем для всех, воспринимающих его: самым осуществлением своим оно испытывает духовную зрелость предстоящих, их преданности добру, их силу в добре, чуткость их совести, их любовь к ближнему, их способность мириться с победою зла и потворствовать ему.

[...]

...все нравственно совершенное — практически обязательно для человека всюду, где ему объективно доступен праведный исход; там же, где этот исход недоступен ему объективно, там для него становится обязательным неправедный исход, но притом такой, который ведет к наименьшей неправедности. Это означает, что нравственно несовершенное не всегда практически запрещено и что оно не запрещено именно там, где объективно невозможен праведный исход. Это означает также, что нравственно несовершенное деяние может и не быть грехом, ибо грех есть всегда отпадение в сторону субъективно-предпочтенного зла, тогда как неправедность может состояться не в виде “отпадения” и не в силу того, что зло оказалось более сильным или более привлекательным.

Таким образом, сопротивление злу силою и мечом не является грехом всюду, где оно объективно необходимо или, что то же, где оно оказывается единственным или наименее неправедным исходом....

[...]

Самое сопротивление злу как таковому всегда остается делом благим, праведным и должным. Чем труднее это сопротивление, чем с большими опасностями и страданиями оно сопряжено, тем больше подвиг и заслуга сопротивляющегося ...

[...]

Однако не меньшей ошибкой явилось бы абсолютное оправдание и освящение силы и меча; ибо на самом деле это есть негреховное совершение неправедности (!)

Моральный кодекс строителя коммунизма.
(Принят XXII съездом КПСС в 1961 году)

Печатается по: Программа Коммунистической партии
Советского Союза. — М., 1976.

[...]

Утверждение коммунистической морали. В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и, соответственно, уменьшается значение административного регулирования отношений между людьми. Партия будет поощрять все формы сознательной самодисци-

плины граждан, ведущие к закреплению и развитию основных правил коммунистического общежития.

Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль - самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества. Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. Особо важное значение в нравственном развитии общества имеет революционная мораль рабочего класса. Коммунистическая мораль в ходе строительства социализма и коммунизма обогащается новыми принципами, новым содержанием

Партия считает, что моральный кодекс строителя коммунизма включает такие нравственные принципы:

- преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, странам социализма;
- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;
- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
- высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый •за всех все за одного;
- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку - друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;
- непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;
- братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Юрий Михайлович Лотман

(1922 – 1993 гг.)

Печатается по: Смерть как проблема сюжета. В сб.: Ю.М.Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. –М.,1994.

[...]

Поведение человека осмысленно. Это означает, что деятельность человека подразумевает какую-то цель. Но понятие цели неизбежно включает себя представление о некоем конце события. Человеческое стремление приписывать действиям и событиям мысли цель подразумевает расчлененность непрерывной реальности на некоторые условные сегменты. Это же неизбежно сопрягается со стремлением человека понять то, что является предметом его наблюдения. Связь смысла и понимания подчеркнул Пушкин в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы»:

Я понять тебя хочу. Смысла я в тебе ищу...

То, что не имеет конца - не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства. В этом отношении приписывание реальности значений, в частности, в процессе художественного осмысления, неизбежно включает в себя сегментацию.

Жизнь - без начала и конца... Но ты, художник, твердо веруй В начала и концы.

Из сказанного вытекают два существенных последствия. Первое - в сфере действительности - связано с особой смысловой ролью смерти в жизни человека, второе - в области искусства -определяет собой доминантную роль начал и концов, особенно последних. Демонстративный случай отказа от конца- например, в «Евгении Онегине» - только подтверждает эту закономерность. Обычный процесс осмысления действительности связан с перенесением на нее дискретных членений, в частности, литературных сюжетов, неразрывно связанных с понятием конца и начала. Пушкин совершает смелый эксперимент, внося в поэзию недискретность жизни. Так возникает роман, демонстративно лишенный конца. С этим можно сопоставить и отказ Твардовского от литературных категорий начала и конца и противопоставление им вне их лежащей живой действительности:

Словом: «Книга про бойца»,

Ну, так в чем же дело?

Ни начала, ни конца —

Не годится в «Дело».

Чисто литературной проблеме концовки в реальной жизни соответствует факт смерти – «кончины».

Начало-конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное. Трагическое противоречие между бесконечностью жизни как таковой и конечностью человеческой

жизни есть лишь частное проявление более глубокого противоречия между лежащими вне категорий жизни и смерти генетическим кодом и индивидуальным бытием организма. С того момента, как индивидуальное бытие превращается в бытие сознательное (бытие сознания), это противоречие из характеристики анонимного процесса превращается в трагическое свойство жизни.

Подобно тому, как понятие искусства связано с действительностью, представление о «тексте - границе текста» неразделимо сочленено с «жизнью-смертью».

Первая ступень рассматриваемого нами аспекта реализуется в сфере биологии как проблема «размножение-смерть». Непрерывность процесса размножения коллективной жизни антитетически связана с принципиальной прерванностью индивидуального бытия. Однако до того, как это противоречие не сделалось объектом самосознания, оно «как бы не существует». Неосознанное противоречие не делается фактором поведения.

В сфере культуры первым этапом борьбы с «концами» является циклическая модель, господствующая в мифологическом и фольклорном сознании.

После того (вернее - по мере того), как мифологическое мышление сменилось историческим, понятие конца приобрело доминирующий характер. Необходимость примирить недискретность бытия с дискретностью сознания и бессмертие природы со смертностью человека, породила идею цикличности, а переход к линейному сознанию стимулировал образ смерти-возрождения. Отсюда вытекало мифологическое представление о возрождении состарившегося отца в молодом сыне и идея смерти-рождения. Здесь, однако, протекал и существенный раздел. В циклической системе смерть-возрождение переживало одно и то же вечное божество. Линейный повтор создавал образ другого (как правило, сына), в образе которого умерший как бы возрождался в своем подобии. Поскольку, одновременно, женское начало мыслилось как недискретное, т.е. бессмертное и вечно юное, новый молодой герой утверждал себя лоловым актом с вечной женственностью, иногда осмысляемым брачные отношения с матерью. Отсюда же ритуальное сочинение венецианского дожа с морем или наблюдавший-ся Д.К. Зелениным еще в конце прошлого века обряд, в ходе которого крестьяне катали попа по полю и принуждали его имитировать половое соитие с землей.

Это ритуальное общение смертного (но и обновленного, молодого) отца-сына с бессмертной матерью, трансформированное в псевдонаучной мифологии *fin du siècle*, породило значительную часть фрейдистских представлений, а поскольку общее направление эпохи шло под знаком превращения идей и фантастических теорий во вторичную квазиреальность, которая как бы подтверждала те идемы, порождением которых сама являлась,

возникала иллюзия некоей научной проверки.

Линейное построение культуры делает проблему смерти одной из доминантных в системе культуры. Религиозное сознание - путь преодоления смерти «смертью смерть поправ». Однако культура слишком погружена в человеческое пространство, чтобы ограничиться этим и просто снять проблему смерти как мнимую. Понятие смерти (конца) не может быть решено простым отрицанием уже потому, что здесь пересекаются космические и человеческие структуры. Это имел в виду Баратынский, когда писал о смерти:

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое хранение всемогущий
Его устройство поручил.

Для такого сознания смерть делается «всех загадок разрешенье» и «разрушенье всех цепей». Но понять место смерти в культуре значит осмыслить ее в прямом значении этих слов, т.е. приписать ей смысл. А это означает включение в некоторый смысловой ряд, определяющий, в частности, наборы ее синонимов и антонимов.

Основа примирения со смертью - если исключить религиозные мотивировки, - ее естественность и независимость от воли человека. Неизбежность смерти, ее связь с представлениями о старости и болезнях позволяют включить ее в неоценочную сферу. Тем более значимыми оказываются случаи соединения ее с представлениями о молодости, здоровье, красоте - т.е. образы насильственной смерти. Присоединение признака добровольности придает этой теме максимальную смысловую нагрузку. Сложность создаваемых при этом значений заключается в том, что для того, чтобы сделать эту ситуацию способной обладать смыслом, она должна восприниматься как противоречащая естественному (т.е. нейтральному) порядку вещей. Стремление сохранить жизнь - естественное чувство всего живого. И именно убедительность такой позиции заставляет Шекспира - правда, устами Фальстафа - сказать следующее:

«Еще срок не пришел, и у меня нет охоты отдавать жизнь раньше времени. К чему мне торопиться, если бог не требует ее у меня? Пусть так, но честь меня окрыляет. А что если честь меня обескрылит, когда я пойду в бой? Что тогда? Может честь приставить мне ногу? Нет. Или руку? Нет. Или унять боль от раны? Нет. Значит, честь - плохой хирург? Безусловно. Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Хорош барыш! Кто обладает честью? Тот, кто умер в среду. А он чувствует ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неосятима? Для мертвого - неосятима. Но быть может, она будет жить среди живых? Нет. Почему? Злословие не допустит этого. Вот почему честь мне не нужна. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом. Вот и весь сказ».

Фальстаф - трус. Но объективность шекспировского гения позволила заставить нас слушать не бормотание труса, а безупречное изложение концепции, предвосхищающей концепцию сенсуалистической этики. Обгоняя столетия, Фальстаф излагает эти идеи полнее и объективнее, чем это делает шиллеровский Франц Моор. В монологах Фальстафа перед нами не трусость, а смелость - смелость теоретика, не боящегося сделать из исходных посылок крайние выводы. Комический персонаж вырастает здесь до идеолога, а конфликт приобретает характер столкновения идей. Каждая из них, внутри себя, обладает не только психологической, но и логической оправданностью.

Позиция, противоположная фальстафовской, реализуется в культуре как аналогия героизма, находящего свое крайнее проявление в героическом безумии. Арабская надпись на ордене Шамиля из эрмитажной коллекции гласит: «Кто предвидит последствия, не сотворит великого». В этих словах - законченная философия истории. Она заставляет вспомнить многочисленные апологии героического безумия, вплоть до «Безумцев» Беранже, вызвавших в переводе В. Курочкина столь громкий отклик в русской народнической среде.

Особой формой победы над смертью и преодоления ее является самоубийство (например, обдуманное самоубийство супругов Лафаргов).

Обширная работа Мишеля Вовеля «Смерть и Запад. От 1000 г. до наших дней» убедительно показывает, что стабильность и ограниченность исходного языка является стимулом его лавинообразных трансформаций, превращающих исходное содержание в формальность. Именно это позволяет, превратив идею смерти в формализованный набор средств выражения, отделить ее от первичного ряда значений и превратить в один из универсальных языков культуры.

Аналогичный процесс протекает в культурной символической секса. Коренная ошибка фрейдизма в игнорировании того факта, что стать языком можно только ценой утраты непосредственной реальности и перевода ее в чисто формальную – «пустую» и поэтому готовую для любого содержания - сферу. Сохраняя непосредственную эмоциональную (и всегда индивидуальную) реальность, свою физиологическую основу, секс не может стать универсальным языком. Для этого он должен формализоваться, полностью отделившись от сексуальности как содержания. Эпохи, в которые секс делается объектом обостренного внимания культуры, - время его физиологического упадка, а не расцвета... Из области семиотики культуры он вторично возвращается в физиологическую практику, но уже как третичная метафора культуры. Попытки вернуть в физиологическую практику все то, что культура производит, в первую очередь со словом, делают не культуру метафорой секса, как утверждает Фрейд, а секс метафорой культуры. Для этого сексу требуется лишь одно - перестать быть сексом.

Литературное произведение, вводя в сюжетный план тему смерти, фактически должно при этом подвергнуть ее отрицанию. Блок, в приведенном уже тексте, с большой глубиной отметил принципиальное отличие понятий начала и конца в жизни и в искусстве, относительность изображения смерти на сцене и абсолютность ее в жизни. Погибший на дуэли оперный Ленский тут же подымается под звуки аплодисментов, но это не мешает нам одновременно пережить трагизм смерти и ощутить ее как реальность чуть ли не более глубоко, чем в самой реальности.

Реальность непосредственного переживания заменяется в теоретических размышлениях реальностью анализа. В пространстве искусства обе эти реальности пересекаются. Однако проблема "смерть и сюжет" имеет и другую сторону. В «Евгении Онегине» Пушкин заключает строфы, посвященные смерти Ленского, лирическим отступлением. В нем размышления о тех событиях, которые потенциально "могли бы" произойти, но не произошли в результате гибели героя на дуэли, меняют для читателя кардинальным образом переживания самой сути сюжета. Реальность выступает перед читателем как разрушение пучка потенциальных возможностей... То, что произошло, беднее, чем то, что могло произойти.

[...]

Этот момент - момент взрыва непредсказуемости: он дает набор равновероятных возможностей, из которых реализуется только одна. Далее происходит весьма любопытный процесс: совершившееся событие отбрасывает ретроспективную тень и характер произошедшего решительно трансформируется. Следует подчеркнуть, что взгляд из прошлого в будущее, с одной стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняют наблюдаемый объект. Глядя из прошлого в будущее, мы видим настоящее как набор целого ряда равновероятных возможностей. Глядя в прошлое, мы видим уже два типа событий: реальные и возможные. Реальное для нас обретает статус факта, и мы склонны видеть в нем нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они становятся эфемерными. На этом построена вся основа, например, Гегелевской философии. Пастернак допустил ошибку в цитате, приписав Гегелю высказывание А. Шлегеля, но сама эта неточность в высшей мере показательна. Остроумное высказывание, которое привлекло внимание Пастернака, действительно, очень глубоко отражает основы гегелевской концепции и гегелевского отношения к истории. Ретроспективный взгляд позволяет историку рассматривать прошедшее как бы с двух точек зрения: находясь в будущем по отношению к описываемому событию, он видит перед собой всю цепь реально совершившихся действий, переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее, он уже знает результаты процесса. Однако эти результаты как бы еще не совершились и преподносятся чи-

тателю как предсказания. В ходе этого процесса случайность из истории полностью исчезает. Положение историка можно сравнить с театральным зрителем, который второй раз смотрит пьесу: с одной стороны, он знает, чем она кончится, и непредсказуемого в ее сюжете для него нет. Пьеса для него находится как бы в прошедшем времени, из которого он извлекает знание сюжета. Но одновременно как зритель, глядящий на сцену, он находится в настоящем времени и заново переживает чувство неизвестности, свое якобы «незнание» того, чем пьеса кончится. Эти взаимно связанные и взаимоисключающие переживания парадоксально сливаются в некое одновременное чувство.

Таким образом, произошедшее событие предстает в многослойном освещении: с одной стороны, с памятью о только что пережитом взрыве, с другой - оно приобретает черты неизбежного предназначения. С последним психологически связано стремление еще раз вернуться к произошедшему и подвергнуть его «исправлению» в собственной памяти или пересказе.

Мераб Константинович Мамардашвили
(1930 – 1990 гг.)

Печатается по: М.К.Мамардашвили. Кантианские вариации –М., 1997.

[...]

У Канта есть одна очень странная фраза. Она настолько гладка и афористична, что именно из-за слишком большой ее красоты мысль не задерживается на ней, и мы, констатировав ее красоту, идем дальше. Вот эта фраза: "Душа (не речь), преисполненная чувств, - это высшее из возможных совершенств". Под преисполненность чувств Кант, конечно, не имеет в виду чувствительную душу. Речь идет о состоянии человека, который максимально долго находится в возбуждении и напряжении всех своих душевных струн - восприятия, интенсивности и концентрации мышления и т.д. Кант был именно такой человек, который понимал, что явление души, полной чувств, есть в мире само по себе чудо и невероятное событие. Поэтому нередко мы тупо стоим перед вещами, которыми должны бы мыслить, а мы лишь смотрим на них; перед людьми, встреча с которыми должна бы нас взволновать, а в нашей душе пустыня, ничего не возникает. Например, свидание, о котором ты мечтал несколько лет, наконец состоялось и... ничего нет. Скучно. И хочется, наоборот, чтобы свидание, о котором столько мечтал, скорее кончилось. Действительно, тогда понимаешь, что душа, полная чувств, есть, по словам Канта, величайшее совершенство. И мы понимаем, что Кант имеет в виду не просто красивую фразу, а именно событие в мире, называемое душой, что у этого события есть какие-то

условия, не являющиеся или не совпадающие с содержанием переживания души.

Философия у Канта как раз, очевидно, и состояла в думании о тех условиях содержания, которые не совпадают с самим содержанием, они незаметны или уходят на задний план, когда это содержание случилось. А мы, люди, случившееся содержание воспринимаем как само собой разумеющееся и выражаем его в предметных терминах, т.е. мыслим о нем в терминах самого же содержания; философы не понимают, что есть еще что-то другое.

Значит, задача перед нами такая: восстановить эти условия из бурно наполненной чувствами души, которая улеглась в кристаллах текста, развернулась в горизонтальную плоскость длинной лентой изложения, застыла в ней и, конечно, не видна. Но Кант-то свою живую душу видел, поэтому он бесконечно повторялся и никак не мог справиться с этой мыслью, а потом уже и сил не хватало.

Кант был вежливым человеком. А одной из высших форм вежливости есть правило не говорить в обществе слишком много о себе. Он это правило выполнял настолько тщательно, что никогда не читал своей философии. Человек, который был университетским просветителем и воспитателем юношества, ни разу не прочел свою философию. В том числе из вежливости.

Мы должны помнить, что, имея дело с Кантом, мы имеем дело с людьми и временами классическими, т.е. с людьми простых и твердых убеждений, наивных и немногочисленных мыслей и наблюдений, но отличающихся пониманием. Я говорю о классической эпохе, как эпохе простых мыслей и твердых верований в отличие, скажем, от социологических теорий XIX и XX веков, когда есть все: есть буря слов, но нет того простого понимания, которое было, например, у Монтескье, было у Монтеня и которое было у Канта. У Канта не случайно такая французская форма выражения мысли. Особенно там, где он пишет простое маленькое эссе в ответ на какой-нибудь вопрос или разъяснение какой-нибудь детали, или отклик на обращение академии. В собственных книгах, в «Критике чистого разума» и др., мысль строится и движется очень сложно и нередко ломает красоту и гармонию фразы. Но там, где Кант выражает себя непосредственно, когда не ставит перед собой задачи сразу, в сей же миг, поймать неуловимую жар-птицу, - там он очень элегантен в выражениях, очень французский.

Я не случайно говорю «французский», потому что после Канта начинается эпоха, для меня отвратительная, эпоха собственно немецкой философии. Кант, конечно, не немецкий философ, не в том смысле, что он не мыслил внутри немецкого языка, он мыслил внутри своего языка, был привязан к своему месту. Но во времена Канта еще не было понятия "нация" и тем более не было национал-философов, т.е. идеологов, которые под бара-

банный бой своих фраз хотели вести вперед народы, свои, конечно, народы. И среди многих предрассудков, которые мешают нам понять, что говорится со страниц кантовских сочинений, следует числить предрассудок, в силу которого Канта рассматривают как ступеньку к чему-нибудь. Обычная форма такова: говорят, что Кант - родоначальник немецкой классической философии, немецкого классического идеализма. Я хотел бы предупредить: о Канте нельзя сказать, что это тот Авраам, который родил Исаака. Он не занимает место бабочки на какой-то ступеньке эволюции, где предыдущее порождает последующее.

С Кантом приятно иметь дело не только потому, что его нельзя поместить в такую клеточку, а еще и потому, что это философ, который мыслил о том, о чем мыслил (мыслим же мы всегда конечным образом и о каких-то конкретных, а не обо всех предметах) с отсветом незнаемого на знаемом. То знаемое, которое Кант излагает и которое ему удалось ухватить, всегда окружено ореолом, несет на себе отсвет незнаемого, какого-то открытого пространства, и только на фоне и в просвете этого пространства оно и есть то знаемое, что и есть кантовская мысль. Поэтому нам сразу как-то легко. У нас есть какая-то надежда на то, что если мы в связи с Кантом о чем-то подумаем и это подуманное не будто похоже на то, что написано Кантом, мы все-таки можем надеяться, что подуманное нами есть все-таки кантовская мысль, а не другая, просто потому, что на кантовской мысли всегда лежит отсвет незнаемого. Он как бы знает, предполагает незнаемое и внутри незнаемого формулирует то, что он может сформулировать, т.е. формулирует всегда с учетом ореола вот этого незнаемого, оставляя тем самым место и нашим мыслям. Но наши мысли могут легко проверяться в связи с Кантом. Мысли — тоже реальные эмпирические явления, так же, как и реальные явления или их совокупность, они подчиняются закону понятности, т.е. интеллигибельности; так и совокупность мыслей тоже подчиняется закону интеллигибельности, - т.е. если я, не меняя *ad hoc* одного какого-нибудь принципа объяснения, могу понять, не вступая с собой в противоречие, и поставить, на свое разумное место совершенно различные мысли Канта и они у меня не распадутся в кучу мусора, а останутся космо-сом, гармонией, то тогда понимание правильно. То есть если сами мысли являются эмпирическими фактами и если есть совокупность такого рода мыслей, то мы можем проверить свое понимание, измеряя его тем, насколько эти мысли приводятся в понятную связь, ставятся на свое место так, что не возникает противоречия, так, что мысли не распадаются и не превращаются в кучу мусора и могут держаться вместе, не требуя для каждого случая разнородных *ad hoc* гипотез или их смены.

Обычно Канта называют критицистом. Кантовская философия - это критицизм, но критицизм не в том пошлом смысле, как мы склонны часто это понимать, и как это установилось в учебниках. Кантовский критицизм

есть критицизм в широком и очень странном смысле этого слова, трудно уловимом, но интуитивно легко понятном, если поставить это в понятную связь, следуя своему собственному, только что выведенному правилу.

Представьте себе, можно ли Хлебникова назвать критицистом? Ну, человек сразу вздрагивает и не делает этого, конечно. А Кант делает ту же самую работу. Она лежит в области возможности философии вообще, а также ее средств и философского языка как такового. Вот его предмет. Так же, как предметом Хлебникова были средства поэзии вообще, а не написание отдельных хороших стихотворений и поэм. У Хлебникова нет поэм и нет стихотворений, хотя это поэт. У Канта все книжки некрасивые, кроме отдельных, я бы сказал, маленьких эссе. Это уродливые, неловкие, незавершенные и незаконченные книги. И в каждой из больших книг Канта повторяются куски из какой-нибудь другой его большой книги. Ну, скажем, нельзя читать «Критику чистого разума», не читая параллельно «Критику способности суждения» или «Критику практического разума». И вот эта бесконечная работа, лежащая в области размышления о возможности, возможных средствах философии и вообще о том, как построен философский язык и что мы можем вообще философствуя - вот это и есть критицизм Канта.

Мы должны воспринимать все большие книги Канта, т.е. все «Критики» как одну работу или один мир. Опыты все новые, но никаких статуи, в смысле законченных произведений, нет, так же как нет ни поэм, ни стихотворений у Хлебникова. Эпиграфом ко всему этому можно было бы взять... Хотя нет, еще об одной вещи в связи с последним. Нам гораздо больше откроется в Канте, если мы посмотрим на его текст с одной неожиданной мыслью, которую твердо можно доказать. А именно, что Кант принадлежит к числу тех философов, у которых нет системы. Нет системы у Канта, нет какого-то выделенного им конкретного явления. Ну, скажем, у Гегеля было такое явление, обозначенное им понятием «мировой дух», или у Шеллинга – «художественный гений» или «гений». Такое явление, в свете которого объединяется, выводится все другое, подвергается в свете этого явления вторичной интерпретации и объединяется в то, что называется системой, т.е. в нечто, что выводимо из некоторого принципа, положенного в систему. Вспомните Канта и назовите такое явление, которым бы он пользовался как универсальным ключом для объяснения и одновременно для построения системы. Нет такого явления. Поэтому нет и системы.

И вот эпиграфом к тому, что лежит перед нами без системы, мы можем поставить сочетание трех слов, промелькнувшие у Канта в работе «Грезы духовидца, освященные грезами метафизика»: « — вяжущая сила самопознания».

[...]

Плодотворяющее семя кантонской мысли в том, чтобы найти и высво-

бодить в мире место для меня с моим действием и мышлением. Поэтому Кант и формулирует с самого начала свою задачу, как задачу «высвобождения». И это не в поздней работе, хотя сама формула - в поздней, здесь она сокращенно обозначена немецким словом *aufheben*, в русском переводе: «снять знание, чтобы освободить место для веры». Ясно, конечно, перевод никуда не годится. Здесь употреблен один смысл немецкого слова *aufheben*, а *aufheben* ~ это еще и приподнять, чтобы рассмотреть, т.е. выделить, поднести к глазам и посмотреть. Нужно выделить знание в этом смысле слова и посмотреть на него, чтобы поместиться в мире, который описывается знанием, чтобы в этом мире было место и для меня с моим действием и моим мышлением. Вот задача Канта. Никакой другой формулировки, даже вообще философской задачи быть не может. Если не начинается с этого, то вообще нет никакой философии. Она все время новая, она каждый раз должна создаваться заново, в том числе и мы должны начать искать свое место в мире. Оно отведено нам, можете не беспокоиться, есть для каждого, только узнать нам трудно, потому что окна нашей души загрязнены и засорены. Их прочистить надо. Философия и есть один из человеческих, жалких способов очищения.

Значит, повторяю, надо высвободить место в описываемом мире (а описываемый мир нужно знать), высвободить в нем место для меня с моим действием, и с моим мышлением, и с моей полной чувств душой, которая сама должна быть событием в мире, а она может быть событием в мире, а может и не быть.

Не может быть склонности к добру, т.е. к чему-то, что само собой будет действовать так, как будто оно уже у нас есть и действует, и мы уже можем специально о нем и не помнить. Ибо добро, по глубокому ощущению Канта, должно специально делаться с именем силы на это или внутреннего состояния. А внутреннее состояние есть то, что Кант в своих естественнонаучных занятиях вытаскивает и превращает в проблему формы.

Давайте известную нам оппозицию, парную категорию формосодержание выразим так: разбив слово «содержать» или «содержание» дефисом, чтобы почувствовать, что такое в действительности форма. Форма - это то, что со-держит. Так же как хорошо скованный обруч со-держит. Форма есть некоторое со-пряжение или напряжение такое, что оно может держать. То, что держится, - то и будет со-держанием.

Так вот, добро, оказывается, есть такое содержание, которое должно со-держат. Ибо мы ясно понимаем тогда, что такое зло в метафизическом смысле слова, в философском смысле того, что мы можем понять нашим духовным ощущением. Зло - это просто предоставление себя стихийному ходу дела, потоку. Распущенность. И для Канта важно преодоление этой склонности, потому что предоставление чего-то стихийному ходу есть склонность или изначальное злое, присущее человеческой природе. Если

мы начинаем говорить в этой связи о форме и о духовном ощущении, которое форму схватывает, и о том, что форма должна держать, то мы явно не имеем в виду просто психологические качества человека, которые, как картофелины в мешке, лежали бы в его душе и были бы таким образом ей свойственны. Но поскольку у нас тот язык, который есть, мы только так можем говорить. То же самое выражает Кант, и лишь из конкретного текста рассуждением мы можем восстановить иное, что есть нечто изначально злое в человеке. А что такое изначально злое в человеке? Конечно, не злоба в психологическом смысле слова, не агрессия. Как мы могли бы понять из науки этиологии о человеке, перенеся на него то понимание, которое достигается путем наблюдения за животными. Это наблюдение многое позволяет понять, но все-таки не то, чем занят Кант.

Таким образом, есть эта наша склонность ко злу, ну, хотя бы потому, что человек слаб и не выдерживает духовного ощущения, или чувствования идей, или философствования, что одно и то же. (Обратите внимание на оттенок: я говорю философствование о чем-то, что является элементом жизни, а не теории. Вот когда мы что-то со-держим, это предполагает духовное ощущение и тем самым предполагает, что мы проделали, знаем мы об этом или не знаем, акт философствования.)

Так вот, преодолеть склонность, которая, например, просто вызывается усталостью, нашей человеческой и природной невозможностью неопределенно долго пребывать в состоянии большого напряжения, - мы естественным образом сделать это не можем. А то, как мы это делаем, и описывается понятием формы, т.е. - здесь понятие формы определяется как нечто отличное от естественного.

Итак, для преодоления нашей склонности ко злу недостаточно ни собственных сил человека как природного существа в смысле его психологических побуждений, порывов, намерений, ни усовершенствования социального строя. Кантовская мысль движется по острию ножа между двумя вещами, которые она одинаково отвергает; с одной стороны, это то, что мы в себе сознаем, и то, чего мы не можем не любить, сами себе угождая, а именно, наши возвышенные состояния души, прекрасные намерения, добрые порывы и их психологический знак (т.е. "добрый" - я же чувствую, что он добрый! - и этого достаточно, чтобы считать себя добрым). Но все пустое, считает Кант, если нет формы.

[...]

Формальное всегда появляется там, где то ли история нас научит, вбивая молотком несчастья в нашу голову понимание этого и сожаление о бессмысленно растраченных и ушедших годах, то ли наше собственное усилие понимания. Все они вызывают ясность того, что неужели для того, чтобы быть человечным, должны быть человечно или хорошо устроены обстоятельства существования, в том числе социальные обстоятельства.

Для того чтобы в мире было добро, недостаточно никакого внешнего устройства. Внешнее устройство всегда существует неформальным образом. Это предмет так или иначе структурированный или организованный. Нет, скажет Кант. Здесь главное не предметы, как бы они не были организованы, а форма, проходящая через предметы в чистом своем виде.

Я дам еще одну линию ассоциаций. Она состоит в следующем. Форма как возможность структуры, форма как нечто, что лежит в области полноты, есть для Канта такое образование, от свойств которого все остальное в мире зависит, в том числе и социальные проблемы, социальное, нравственное благо человека как конкретного, т.е. как не святого существа. Что я хочу сказать?

Вот, например, де-факто имеют место в мире несправедливость, угнетение, неравенство людей, извлечение одним кем-то выгоды из несчастного положения других, мы в своем счастье живем за счет несчастных, буквально за счет несчастья других. По Канту, все это так. Все это есть. Но главное - не этим нужно заниматься, потому что это будет. Главное для Канта, чтобы в форме не было оснований для угнетения и несчастья других людей. Исправить конкретные эмпирические несчастья: неравенство, уродство социальной и другой жизни, мы, по Канту, в принципе не можем в том смысле, что мы не этим должны заниматься как философы. Это может уменьшиться. Можно даже представить, что это когда-нибудь исчезнет, но это не предмет человеческой заботы, человек заботится о своей душе или философствует. Проблема в том, чтобы в самой форме не было оснований для зла и несправедливости. Поэтому скажем. Кант-правовик. В каком смысле? А вот в этом простом смысле.

Мы конечные существа, и даже если бы у нас было идеальное, божественное право, мы все равно не могли бы это право осуществить. Почему? В том числе и потому, что пока у нас будут побуждения и намерение, будет действовать форма, а не наши побуждения. Так вот об этой форме и нужно заботиться. Ну, скажем что есть форма судопроизводства. Но если мы полагаемся на то, что мы будем воспитывать судей порядочных и честных, не берущих взятки бриллиантами и живностью, то мы никогда суда праведного и справедливого иметь не будем, потому что, пока мы будем к этому стремиться, будет действовать форма, формальный элемент. И беда, если он не развит - формальный элемент, а именно суд, в котором нет разделения власти, суд, который не отделен от государства в виде независимого института судей, суд, который не имеет, в свою очередь, независимой прокуратуры, где прокурор, жертва и адвокат слиты все в одном лице (а это лицо - всегда наше побуждение, порыв и, как выражались русские мыслители еще в прошлом веке и твердили это и в начале нынешнего века, - инстинкт правды). Так вот, по Канту, если есть инстинкт правды, то инстинкт правды будет у вас в головах, но действовать будет форма. И лишь она

своей содержательностью может нейтрализовать неизбежные человеческие пути и их коррегировать. Поэтому нужны не честные судьи, а прежде всего независимые судьи. И только это скорректирует неизбежную случайность того, честен человек или бесчестен, глуп или умен.

Это ощущение формы не только продукт философствования (хотя оно может быть вначале продуктом философствования), но еще очень часто продукт определенного рода культур, и поскольку я разговариваю в рамках культуры бесформенной, чувством формы не обладающей, поэтому я все время тычусь в эту дверь, пытаюсь все это дело выразить и объяснить, в том числе и для себя, потому что мне тоже нужно со-держаться.

Недавно я читал книжку о Давиде Гилберте, написанную одной дамой. Там есть эпизод, который очень хорошо показывает чувство формы буквально на уровне глубоко укорененного культурного чувства, когда человек, влекомый этим культурным чувством, сам не осознает его в тех терминах, которые сейчас я употребляю, в терминах формы. Но это и не важно. Как есть чувство идей, по Канту, так же у Канта и в некоторых культурах есть чувство формы. Там рассказывается такой эпизод, происшедший с Давидом Гилбертом в 1933 году, в то время, когда Гитлер уже фактически пришел к власти, хотя вся полнота власти ему не принадлежала: Гинденбург был еще президентом, а Гитлер был канцлером, но первые проскрипционные антисемитские законы нацистов были уже провозглашены, и согласно им уже из всех центров культурной или экономической жизни силой стали элиминироваться евреи. В том числе эту проблему ощутил на себе и Гилберт, потому что к этому моменту он был руководителем возникшего наконец в Геттингене математического института, в который превратился бывший математический факультет Геттингена. Этот математический институт, руководимый Гилбертом, к тому моменту собрал (так расположился парад планет) весь цвет математики, и этот цвет математики частично был представлен математиками еврейской крови, еврейского происхождения. Согласно законам, Гилберт должен был их увольнять. Кого он должен был уволить? Он должен был уволить Куранта, впоследствии очень известного американского математика, эмигрировавшего в Америку, должен был распрощаться с Бернайсом (тоже звезда на математическом небосклоне). Должен был расстаться и с Эми Нетер - известным математиком и физиком, автором фундаментальных теорем - и с другими (я перечислять не буду). И дело даже не в том, что Гилберт переживал, естественно, он переживал, был в отчаянии, но главное - форма его переживаний, а именно детская и наивная, ничего не понимающая форма. Он говорит Куранту (обратите внимание на оборот фразы такую фразу по наивности, по простоте душевной может сказать лишь человек, принадлежащий к культуре, в которой это уже формально стало настолько автоматическим, что без этого даже мир не мыслится, любой другой мир удивителен): "Слушайте, почему

вы не подадите в суд на правительство? Ведь правительство незаконничает". Автор дальше комментирует: Курант видел, что Гилберт просто не понимает, что происходит. Но это не есть эмпирическое непонимание. Это то непонимание, хорошо известное нам, российским гражданам, когда мы пытаемся объяснить, как мы живем другой этого не понимает. Вот в этом смысле было непонимание. Потому что, продолжает далее автор, в Гилберте глубоко была укоренена, глубоко сидела его вера - во что бы вы подумали? - в прусскую правовую систему. А ведь Пруссия для нас есть образ авторитаризма, беззакония. Далее рассказывается еще более забавный эпизод. Вы помните, закон есть один из классических случаев формы. Чтобы проиллюстрировать Гилбертово непонимание происходящего и пояснить его глубоко укоренившийся инстинкт доверия к прусскому правосудию, автор рассказывает следующий исторический анекдот, который описывает событие, произошедшее во времена Фридриха Мелкого, где-то перед семилетней войной. Я специально дату подчеркиваю - с тех пор прошло более 200 лет. 200 лет назад в Пруссии происходит что-то по чувству формы такое, что для нас недостижимо сегодня. Фридриху Великому мешала и докучала своим шумом какая-то находящаяся рядом мельница, принадлежавшая крестьянину. Он пригрозил этому крестьянину конфисковать мельницу, на что крестьянин ответил ему: «Но в Пруссии еще есть судьи!». Я подчеркиваю не самую эмпирию анекдота, а то, что крестьянин естественным и инстинктивным образом так думает. Но в Пруссии «еще есть судьи», есть к кому обратиться, подать в суд на правительство, т.е. на короля. Король, согласно этому анекдоту, смутился, был приведен в состояние замешательства этими словами крестьянина. И продуктом этого недоумения было то, что он велел на своей летней резиденции выгравировать или «вырельефить» эти слова крестьянина: «В Пруссии еще есть судьи». И по свидетельству очевидцев, эта надпись на фронтоне здания в 1933 г. была еще в полной сохранности. Очевидно, такое чувство формы является очень деликатным и тонким продуктом, неким гумусом. Люди прекрасно понимают, что нужно, чтобы на земле что-то выросло: надо создавать культурный слой почвы, класть миллиметр за миллиметром, сантиметр за сантиметром - и так довольно долго. Очевидно, что в Пруссии, чтобы в тысяча семьсот какому-то году это могло быть естественным образом сказано, до этого двести лет должно было пройти. А если мы сейчас этого естественным образом сказать не можем, нам и в голову просто эта возможность не придет, то сколько же нам нужно лет, если мы сегодня начнем?

Рассказав вам это, я фактически задал вам внутреннюю форму кантовской души. И понять и ухватить это достаточно, для того, чтобы потом многие вещи в кантовском тексте, в его очень сложной философии становились бы на свои места и приходили бы в какие-то для нас постижимые связи.

Вся проблема, по Канту, не в том, чтобы хорошо устроить жизнь, а чтобы была форма, во-первых, и во-вторых, чтобы она не содержала в себе оснований для зла, уродства и извращения. И все это не мы сами и не в нас, как случайных, эмпирических индивидах, а в форме.